

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Ло Гуань-чжун

ТРОЕЦАРСТВИЕ

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Большие книги

Ло Гуаньчжун
Троецарствие

«Азбука-Аттикус»

1494

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

Гуаньчжун Л.

Троецарствие / Л. Гуаньчжун — «Азбука-Аттикус»,
1494 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23706-3

Великая историческая эпопея «Троецарствие» возглавляет список «Четырех классических романов» – наиболее знаменитых китайских произведений XIV–XVIII веков. В Китае это, пожалуй, самая популярная и любимая книга, но и на Западе «Троецарствие» до сих пор считается наиболее популярным китайским романом. В нем изображены события, относящиеся к III веку нашей эры, когда Китай распался на три самостоятельных царства, непрерывно воевавших между собой. Впрочем, «историческим» роман можно назвать с натяжкой: скорее, это невероятное переплетение множества сюжетов (читатель найдет здесь описания военных сражений, интриг, борьбы за власть, любовных перипетий и многого другого), где историческая достоверность сочетается с мифами и легендами Древнего Китая. В настоящем издании текст печатается по двухтомнику, выпущенному Государственным издательством художественной литературы в 1954 году, и сопровождается комментариями и классическими иллюстрациями китайских художников.

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-389-23706-3

© Гуаньчжун Л., 1494
© Азбука-Аттикус, 1494

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	16
Глава третья,	27
Глава четвертая,	36
Глава пятая,	44
Глава шестая,	53
Глава седьмая,	60
Глава восьмая,	67
Глава девятая,	75
Глава десятая,	86
Глава одиннадцатая,	92
Глава двенадцатая,	101
Глава тринадцатая,	107
Глава четырнадцатая,	117
Глава пятнадцатая,	127
Глава шестнадцатая,	137
Глава семнадцатая,	149
Глава восемнадцатая,	156
Глава девятнадцатая,	162
Глава двадцатая,	172
Глава двадцать первая,	179
Глава двадцать вторая,	186
Глава двадцать третья,	195
Глава двадцать четвертая,	206
Глава двадцать пятая,	211
Глава двадцать шестая,	220
Глава двадцать седьмая,	226
Глава двадцать восьмая,	234
Глава двадцать девятая,	243
Глава тридцатая,	251
Глава тридцать первая,	259
Конец ознакомительного фрагмента.	264

Ло Гуань-чжун Троецарствие

羅貫中
三國演義

Перевод с китайского и комментарии Владимира Панасюка

Текст печатается по изданию: Ло Гуань-чжун. Троецарствие: В 2 т.
М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

*Волны Великой реки бегут и бегут на восток,
Славных героев дела уносит их вечный поток;
С ними и зло, и добро – ничто не вернется назад.
Только, как прежде, во тьме, тысячи тысяч веков,
Сверстники солнца и звезд, безмолвные горы
стоят.*

*На островке – дровосек и седовласый рыбак.
Что им осенний туман, весеннего вечера мрак!
Снова за жбаном вина встретились мирно они,
Пьют молодое вино, и в разговоре простом
Весело им вспоминать волной унесенные дни.*

Глава первая, в которой повествуется о том, как три героя дали клятву в персиковом саду, и о том, как они совершили первый подвиг

Великие силы Поднебесной, долго будучи разобщенными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадаются – так говорят в народе.

В конце династии Чжоу семь княжеств вели друг с другом междоусобные войны, пока княжество Цинь не объединило их в одно царство. А когда пало царство Цинь, завязалась борьба между княжествами Хань и Чу, завершившаяся их объединением под властью династии Хань¹.

Основатель Ханьской династии Гао-цзу, поднявшись на борьбу за справедливость, отрубил голову Белой змее и объединил всю Поднебесную.

Впоследствии, когда династия Хань находилась на краю гибели, ее снова возродил Гуан-у. Империя была единой до Сянь-ди², а затем распалась на три царства. Пожалуй, виновниками этого распада были императоры Хуань-ди и Лин-ди³.

Хуань-ди заточал в тюрьмы лучших людей и слишком доверял евнухам. После смерти Хуань-ди на трон при поддержке полководца Доу У и тай-фу⁴ Чэнь Фаня тотчас вступил Лин-ди.

В то время дворцовый евнух Цао Цзе и его единомышленники при дворе полностью захватили власть. Доу У и Чэнь Фань пытались было с ними расправиться, но не сумели сохранить в тайне свои замыслы и погибли сами. А евнухи стали бесчинствовать еще больше.

И вот начались дурные предзнаменования.

Так, в день полнолуния четвертого месяца второго года периода Цзянь-нин⁵, когда император Лин-ди прибыл во дворец Вэнь-дэ и взошел на трон, во дворце поднялся сильнейший ветер, огромная черная змея спустилась с потолка и обвилась вокруг трона.

Император от испуга упал. Приближенные бросились к нему на помощь, а сановники разбежались и попрятались. Змея мгновенно исчезла.

Вдруг загрохотал гром, хлынул проливной дождь с сильным градом, и это продолжалось до полуночи. Было разрушено много домов.

Во втором лунном месяце четвертого года периода Цзянь-нин⁶ в Лояне произошло землетрясение; огромные морские волны хлынули на берег и поглотили все прибрежные селения.

Восемь лет спустя, в первом году периода Гуан-хэ⁷, куры запели петухами. В день новолуния шестого месяца черная туча величиною более десяти чжанов⁸ влетела во дворец Вэнь-дэ. Осенью в Яшмовом зале засияла радуга. Обрушились скалы в Уюане. Дурным предзнаменованиям не было конца.

---

¹ Династия Хань – 206 г. до н. э. – 220 г. н. э.

² Сянь-ди (189–220 н. э.) – последний император династии Хань, со смертью которого начинается период Троецарствия.

³ Хуань-ди (147–168 н. э.) и Лин-ди (168–190 н. э.) – императоры, со времени правления которых начинается резкий упадок Ханьской империи.

⁴ Тай-фу – высший сановник императорского двора, советник императора по вопросам долга и морали.

⁵ 169 г. н. э. (подробно см. комментарий к с. 7).

⁶ 171 г. н. э.

⁷ 178 г. н. э.

⁸ Чжан – мера длины, равная 3,2 метра.

Император Лин-ди обратился к своим подданным с просьбой объяснить причины бедствий и странных явлений. Советник Цай Юн представил доклад, где в прямых и резких выражениях объяснял превращение кур в петухов тем, что власть перешла в руки женщин и евнухов. Читая доклад, император сильно огорчился. Евнух Цао Цзе, стоявший у него за спиной, подсмотрел, что было написано в докладе, и передал своим сообщникам. Советника Цай Юна обвинили в преступных замыслах и сослали в деревню, а десять дворцовых евнухов – Чжао Чжун, Фын Сюй, Дуань Гуй, Цао Цзе, Хоу Лань, Цзянь Ши, Чэн Куан, Ся Хуэй и Го Шэн с Чжан Жаном во главе – сговорились действовать заодно и стали именовать себя «десятью приближенными». Один из евнухов, по имени Чжан Жан, настолько расположил к себе императора, что тот называл его своим отцом. Управление страной с каждым днем становилось все более несправедливым. Народ начал помышлять о восстании; разбойники и грабители поднялись роем, точно осы.

В то время в области Цзюйлу жили три брата: Чжан Цзяо, Чжан Бао и Чжан Лян. Бедность не позволила Чжан Цзяо получить ученую степень, и он занимался врачеванием, для чего ходил в горы собирать целебные травы. Однажды ему повстречался старец с глазами бирюзового цвета и юношеским румянцем на щеках. В руке он держал посох. Старец пригласил Чжан Цзяо в свою пещеру и, передавая ему три свитка «Книги неба», молвил:

– Вручаю тебе изложенные здесь основы учения Великого спокойствия. Возвести народу о них от имени неба и спаси род человеческий. Если ты отступишься, несчастье падет на тебя!

Чжан Цзяо поклонился старцу в пояс и пожелал узнать его имя.

– Я отшельник из Наньхуа, – ответил тот и исчез, словно дуновение ветерка.

День и ночь прилежно изучая книгу, Чжан Цзяо научился вызывать ветер и дождь. Теперь его называли мудрецом, познавшим пути к Великому спокойствию.

В первом лунном месяце первого года периода Чжун-пин⁹, когда на людей нашел мор, Чжан Цзяо раздавал наговорную воду и многих больных исцелил. С этих пор он широко прославился и стал прозываться великим мудрецом и добрым наставником. Более пятисот его учеников и последователей, словно облака, бродили по стране, писали и произносили заклинания. Число их росло день ото дня. Из них Чжан Цзяо создал тридцать шесть дружин – по десять тысяч человек в больших и по шесть-семь тысяч в малых. В каждом таком отряде был свой предводитель, именовавшийся полководцем.

Они распространяли слухи, что Синему небу приходит конец – наступает век господства Желтого неба, что в первом году нового цикла в Поднебесной воцарится Великое благоденствие, и предлагали людям на воротах своих домов писать мелом иероглифы «цзя» и «цзы». Население восьми округов почитало великого мудреца и доброго наставника и верой служило ему.

Последователь Чжан Цзяо по имени Ма Юань-и по повелению своего учителя тайно преподнес золото и шелковые ткани придворному евнуху Фын Сюю, чтобы склонить его на свою сторону.

– Труднее всего овладеть сердцем народа, но мы этого достигли, – сказал Чжан Цзяо, совещаясь с братьями. – Прискорбно будет, если мы упустим благоприятный случай силой захватить власть в Поднебесной!

Когда был назначен срок восстания и изготовлены желтые знамена, со спешным письмом в столицу к Фын Сюю помчался Тан Чжоу, другой ученик и последователь Чжан Цзяо. Но Тан Чжоу оказался изменником и о готовящемся восстании донес властям. По повелению императора полководец Хэ Цзинь послал воинов схватить Ма Юань-и. Он был казнен, а Фын Сюй и более тысячи его единомышленников брошены в тюрьму.

⁹ 184 г. н. э.

Об этом стало известно Чжан Цзяо. В ту же ночь он поднял свое войско и, провозгласив себя полководцем князя неба, Чжан Бао – полководцем князя земли и Чжан Ляна – полководцем князя людей, обратился к народу:

– Дни Ханьской династии сочтены – появился великий мудрец. Повинуйтесь Небу и служите Правде – наградой вам будет право наслаждаться Великим спокойствием!

Народ откликнулся на призыв Чжан Цзяо. Четыреста или пятьсот тысяч человек обернули головы желтыми повязками и примкнули к восстанию. Силы восставших были огромны. При их приближении императорские войска разбежались.

Хэ Цзинь упротил императора немедленно издать указ о повсеместной подготовке к обороне и объявить награды за подавление мятежа. Одновременно он послал против восставших войска военачальников Лу Чжи, Хуанфу Суна и Чжу Цзуня.

Между тем армия Чжан Цзяо подошла к границам округа Ючжоу, правителем которого был Лю Янь, потомок ханьского князя Лу-гуна. Извещенный о приближении противника, Лю Янь вызвал своего советника Цзоу Цзина.

– У нас слишком мало войск, а враг многочислен. Думаю, что вам немедленно следовало бы приступить к набору добровольцев, – сказал Цзоу Цзинь.

Лю Янь был с ним вполне согласен и призвал желающих вступать в армию. Благодаря этому призыву в уезде Чжосянь отыскался новый герой.

Малоразговорчивый и не обладавший склонностью к наукам, человек этот имел спокойный и великодушный характер. На лице его никогда не выражались ни гнев, ни радость, но зато душа его была преисполнена великими устремлениями и желанием дружить с героями Поднебесной.

Высокий рост, смуглое лицо, пунцовые губы, большие отвисшие уши, глаза навывкате и длинные руки – все это выдавало в нем человека необыкновенного. Это был Лю Бэй, по прозвищу Сюань-дэ, – потомок чжуншаньского вана Лю Шэна.

В отдаленные времена, еще при ханьском императоре У-ди¹⁰, сын Лю Шэна – Лю Чжэн – был пожалован титулом Чжолуского хоу¹¹, но впоследствии, нарушив обряд приношения золота в храм императорских предков, титула своего лишился. От него-то и пошла ветвь этого рода в Чжосяне.

Лю Бэй, в детстве потерявший отца, помогал матери и относился к ней с должным почтением. Жили они в бедности, на пропитание зарабатывали торговлей башмаками да плетением циновок. Возле их дома в деревне Лоусанцунь росло высокое тутовое дерево, крона которого издали напоминала очертания крытой колесницы. Это отметил прорицатель, заявивший, что из семьи Лю выйдет знаменитый человек.

Как-то в ранние годы, играя под этим деревом с деревенскими детьми, Лю Бэй воскликнул:

– Вот буду императором и воссяду на такую колесницу!..

Дядя мальчика Лю Юань, пораженный его словами, подумал: «Да, он будет необыкновенным человеком!» С той поры дядя стал помогать семье Лю Бэя. А когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, мать отправила его учиться. Лю Бэй часто бывал у знаменитых учителей Чжэн Сюаня и Лу Чжи, где подружился с Гунсунь Цзанем.

К тому времени, когда Лю Янь призвал желающих вступить в войска, Лю Бэю было двадцать восемь лет. Он горестно вздохнул, прочитав воззвание. Стоявший позади человек громоподобным голосом насмешливо спросил:

– Почему так вздыхает сей великий муж? Ведь силы свои он государству не отдает...

---

¹⁰ У-ди (140–88 до н. э.) – император Ханьской династии.

¹¹ Хоу – почетный титул второй степени из пяти.

Лю Бэй оглянулся. Перед ним стоял мужчина могучего сложения, с большой головой, круглыми глазами, короткой и толстой шеей и ошетиенными, как у тигра, усами. Голос его звучал подобно раскатам грома.

Необычайный вид незнакомца заинтересовал Лю Бэя.

– Кто вы такой? – спросил он.

– Меня зовут Чжан Фэй, – ответил незнакомец. – Наш род извечно живет в Чжосяне, у нас тут усадьба и поле; мы режем скот, торгуем вином и дружим с героями Поднебесной. Ваш горестный вздох заставил меня обратиться к вам с таким вопросом.

– А я потомок князей Ханьской династии, имя мое Лю Бэй. Вдохнул я потому, что у меня не хватает сил расправиться с повстанцами, да и средств нет.

– Ну, средств у меня хватит! – сказал Чжан Фэй. – А что, если мы с вами соберем деревенских молодцов и поднимем их на великое дело?

Эта мысль пришлась Лю Бэю по сердцу. Они вместе отправились в харчевню выпить вина. Когда они сидели за столом, какой-то рослый детина подкатил к воротам груженую тележку и, немного отдышавшись, вошел и крикнул слуге:

– Эй, вина мне и закусить! Да поживей поворачивайся – я тороплюсь в город, хочу вступить в армию!..

Длинные усы, смуглое лицо, шелковистые брови и величественная осанка пришельца привлекли внимание Лю Бэя. Лю Бэй пригласил его сесть и спросил, кто он такой и откуда родом.

– Зовут меня Гуань Юй, а родом я из Цзеляна, что к востоку от реки Хуанхэ, – ответил тот. – Там я убил кровопийцу, который, опираясь на власть имущих, притеснял народ. Пришлось оттуда бежать. Пять-шесть лет скитался я по рекам и озерам и вот теперь, прослышав, что здесь набирают войско, явился на призыв.

Лю Бэй рассказал ему о своем плане. Это очень обрадовало Гуань Юйя, и они вместе отправились к Чжан Фэю, чтобы обсудить великое начинание.

– У меня за домом персиковый сад, – сказал Чжан Фэй. – Сейчас он в полном цвету, и как раз время принести жертвы земле и небу. Завтра мы это сделаем, соединим свои сердца и силы в братском союзе и тогда сможем вершить великие дела.

– Вот это прекрасно! – в один голос воскликнули Лю Бэй и Гуань Юй.

На следующий день, приготовив черного быка и белую лошадь и всю необходимую для жертвоприношения утварь, они воскурили в цветущем саду благовония и, дважды поклонившись, произнесли клятву:

– Мы, Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй, хотя и не одного рода, но клянемся быть братьями, дабы, соединив свои сердца и свои силы, помогать друг другу в трудностях и поддерживать друг друга в опасностях, послужить государству и принести мир простому народу. Мы не будем считаться с тем, что родились не в один и тот же год, не в один и тот же месяц, не в один и тот же день, – мы желаем лишь в один и тот же год, в один и тот же месяц, в один и тот же день вместе умереть. Царь Небо и царица Земля, будьте свидетелями нашей клятвы, и если один из нас изменит своему долгу, пусть небо и люди покарают его!

Дав это торжественное обещание, они признали Лю Бэя старшим братом, Гуань Юйя – средним братом и Чжан Фэя – младшим братом. По окончании жертвоприношений зарезали быков и устроили пиршество. Более трехсот молодцов со всей округи собрались в персиковом саду и пили там вино до полного опьянения.

На другой день братья стали готовить оружие. Сокрушались они лишь о том, что у них не было коней. Но как раз в такую минуту им сообщили, что в деревню едут два торговца с толпою слуг и гонят табун лошадей.

– Небо покровительствует нам! – воскликнул Лю Бэй и вместе с братьями отправился навстречу гостям.

Двое приезжих оказались богатыми купцами из Чжуншаня. Ежегодно отправлялись они на север перепродавать лошадей, но на этот раз им пришлось вернуться с дороги, так как в этих местах в последнее время стали пошаливать разбойники.

Лю Бэй пригласил купцов к себе, угостил вином и рассказал о своем намерении разгромить мятежников и дать мир народу. Гости этому очень обрадовались и подарили Лю Бэю пятьдесят лучших коней, пятьсот лянов¹² золота и серебра и тысячу цзиней¹³ железа для изготовления оружия.

Поблагодарив гостей и распрощавшись с ними, Лю Бэй приказал лучшему мастеру выковать обоюдоострый меч. Гуань Юй сделал себе меч Черного дракона, кривой, как лунный серп, весивший восемьдесят два цзиня. Чжан Фэй изготовил себе копье длиною в два человеческих роста. Все они с ног до головы облачились в броню.

---

¹² Лян – мера веса, равная 37,3 грамма.

¹³ Цзинь – мера веса, равная 596 граммам.

Всего собралось более пятисот деревенских храбрецов, и с ними братья отправились к Цзоу Цзину, который представил их правителю округа Лю Яню. После взаимных приветствий каждый из них назвал свое имя, и Лю Янь тотчас же признал в Лю Бэе своего племянника.

Через несколько дней стало известно, что предводитель Желтых Чэн Юань-чжи во главе пятидесятитысячного войска вторгся в область Чжоцзюнь. Лю Янь приказал Цзоу Цзину отдать под командование Лю Бэя и его братьев отряд из пятисот воинов и послать их на разгром мятежников. Братья с радостью выступили в поход и расположились лагерем у подножия Дасинских гор на виду у повстанцев.

Повстанцы распустили волосы и обернули головы желтыми повязками; когда оба войска стали друг против друга, Лю Бэй выехал на коне вперед. Слева у него был Гуань Юй, справа – Чжан Фэй.

Размахивая плетью и всячески понося мятежников, восставших против государства, Лю Бэй потребовал, чтобы они немедленно сдались. Чэн Юань-чжи сильно разгневался и дал команду своему помощнику Дэн Мао вступить в поединок. Чжан Фэй схватил свое длинное копье и сильным ударом вонзил его прямо в сердце Дэн Мао. Тот замертво упал с коня. Видя гибель Дэн Мао, Чэн Юань-чжи подхлестнул своего коня и в свою очередь бросился на Чжан Фэя. Но навстречу ему, вращая в воздухе своим огромным мечом, уже несли Гуань Юй. Не успел Чэн Юань-чжи опомниться, как меч Гуань Юйя рассек его надвое.

Повстанцы побросали копья и обратились в бегство. Лю Бэй со своим войском преследовал их. Невозможно было сосчитать пленных, захваченных в этом бою.

Лю Бэй вернулся с великой победой. Сам Лю Янь встретил его и наградил воинов.

На следующий день пришла весть от Гун Цзина, правителя округа Цинчжоу. Слезно умоляя о помощи, он сообщал, что город окружен повстанцами и вот-вот падет. Лю Янь держал совет с Лю Бэем, и тот согласился оказать поддержку Гун Цзину.

Лю Янь приказал Цзоу Цзину вместе с Лю Бэем и его братьями во главе пятидесяти тысяч войска идти в Цинчжоу.

Заметив приближающегося противника, повстанцы, осаждавшие город, бросили один отряд в кровавый бой. Из-за малочисленности своих войск Лю Бэю не удалось одержать победы, и он, отступив на тридцать ли¹⁴, расположился лагерем.

– Мятежников много, а нас мало, – сказал своим братьям Лю Бэй, – их можно победить только хитростью. Ты, Гуань Юй, с тысячей воинов укроешься в горах слева, а Чжан Фэй, тоже с тысячей воинов, укроется в горах справа. Сигналом к выступлению будут удары в гонг.

На другой день войска Лю Бэя и Цзоу Цзина под грохот барабанов двинулись вперед. Желтые оказали яростное сопротивление, и воины Лю Бэя отступили. Повстанцы преследовали их. Но едва лишь они перешли горный хребет, как в войске Лю Бэя загремели гонги. В ту же минуту с двух сторон выступили засевшие в горах отряды и завязался бой. Отступавшие воины Лю Бэя по его сигналу повернулись и возобновили битву.

Желтые, которых стали теснить с трех сторон, обратились в бегство. Их гнали до самых городских стен Цинчжоу. Там их встретил Гун Цзин, возглавлявший отряд из горожан. Войско повстанцев было разбито, и многие из них сложили свои головы.

Так осада с Цинчжоу была снята.

После того как Гун Цзин наградил победителей, Цзоу Цзин решил вернуться к Лю Яню. Лю Бэй сказал ему:

– Я получил весть, что Лу Чжи сражается в Гуанцзуне против главаря мятежников Чжан Цзяо. Лу Чжи был когда-то моим учителем, и мне хотелось бы ему помочь.

---

¹⁴ Ли – мера длины, равная 576 метрам.

Цзоу Цзин вернулся к Лю Яню, а Лю Бэй с братьями отправился в Гуанцзун. Добравшись до лагеря Лу Чжи, Лю Бэй вошел в его шатер. Лу Чжи очень обрадовался приходу Лю Бэя, и они долго беседовали, сидя перед шатром.

В это время войско повстанцев, возглавляемое Чжан Цзяо, состояло из ста пятидесяти тысяч человек, а у Лу Чжи было всего лишь пятьдесят тысяч. Они долго сражались в Гуанцзуне, но победа не склонялась ни на ту, ни на другую сторону.

– Я окружил мятежников здесь, а младшие братья их главаря, Чжан Лян и Чжан Бао, стоят лагерем в Инчуане против Хуанфу Суна и Чжу Цзуня, – сказал Лю Бэй Лу Чжи. – Я дам вам тысячу пеших и конных воинов, отправляйтесь в Инчуань, разузнайте, каково там положение дел, а потом назначим время нападения на Желтых.

Лю Бэй поднял войско и двинулся в Инчуань.

В это время Хуанфу Сун и Чжу Цзунь отразили все атаки повстанцев, и последние, не имея успеха в открытом бою, отступили к Чаншэ и соорудили там лагерь из ветвей и сухой травы. Хуанфу Сун и Чжу Цзунь решили применить против них огневое нападение. По их приказанию все воины заготовили по связке соломы и укрылись в засаде.

Ночью подул сильный ветер, и воины подожгли лагерь Желтых. Пламя взметнулось к небу; повстанцы в панике бежали, не успев ни оседлать коней, ни облачиться в латы. Их били до самого рассвета.

Чжан Ляну и Чжан Бао с остатками своих войск удалось вырваться на дорогу. Но здесь им преградил путь отряд с развернутыми красными знаменами. Впереди отряда ехал военачальник ростом в семь чи¹⁵, с маленькими глазками и длинной бородой.

Это был Цао Цао, по прозвищу Мын-дэ, родом из княжества Пэй. Отец его Цао Сун происходил из рода Сяхоу, но так как он был приемным сыном дворцового евнуха Цао Тэна, то носил фамилию Цао.

В отроческие годы Цао Цао увлекался охотой, любил петь и плясать, был сообразителен и изворотлив. Как-то его дядя заметил, что Цао Цао сверх всякой меры предается разгулу, и пожаловался отцу. Тот стал упрекать сына.

Тогда у Цао Цао зародился коварный план. Однажды в присутствии дяди он упал на пол и притворился, что его разбил паралич. Перепуганный дядя поспешил к Цао Суну. Цао Сун пришел навестить сына, но Цао Цао оказался совершенно здоровым.

– Дядя сказал мне, что ты заболел! – с удивлением воскликнул Цао Сун. – Ты здоров?

– Я вовсе и не болел, – ответил Цао Цао. – Я просто лишился расположения дяди, и он наговаривает вам на меня.

Цао Сун поверил сыну и перестал слушать дядю. Благодаря этому Цао Цао вырос распушченным и своевольным.

Как-то некий Цао Сюань, обладавший способностью предсказывать будущее, сказал Цао Цао:

– В Поднебесной будет великая смута, и принести мир сможет лишь человек, обладающий выдающимися талантами. Этим человеком являетесь вы, господин.

В то время в Жунани жил мудрец Сюй Шао, который славился тем, что умел разбираться в людях. Цао Цао поехал к нему и спросил:

– Скажите мне, что я за человек?

Сюй Шао молчал. Цао Цао повторил свой вопрос.

– Вы способны дать миру порядок и способны внести в этот мир смуту, – ответил тогда Сюй Шао.

Цао Цао был весьма доволен такой оценкой.

---

¹⁵ Чи – мера длины, равная 32 сантиметрам.

В двадцатилетнем возрасте, сдав экзамен, Цао Цао получил звание лана¹⁶ и должность начальника уезда, расположенного к северу от столицы Лоян. Прибыв к месту службы, он выставил у всех городских ворот стражников с дубинками и дал им право наказывать нарушителей порядка, не делая при этом исключения ни для богатых, ни для знатных. Однажды ночью был схвачен и избит палками дядя придворного евнуха Цзянь Ши за то, что он шел по улице с мечом. С этих пор нарушения закона прекратились, а Цао Цао был повышен в чине.

Когда вспыхнуло восстание Желтых, Цао Цао получил звание ци-ду-вэй¹⁷ и во главе пяти тысяч конных и пеших воинов отправился в Инчуань. Он как раз и преградил путь отступавшим в беспорядке войскам Чжан Ляна и Чжан Бао и устроил резню. Цао Цао перебил более десяти тысяч повстанцев и захватил знамена, гонги, барабаны и множество коней. Чжан Лян и Чжан Бао бежали с поля боя; Цао Цао после совета с Хуанфу Суном и Чжу Цзунем отправился в погоню за повстанцами.

Лю Бэй с братьями вел свои войска в Инчуань. Заметив огонь, озаривший небо, он поспешил на шум битвы. Когда они добрались до места боя, повстанцы уже бежали, и Лю Бэй понял, что Хуанфу Сун и Чжу Цзунь успели выполнить замысел Лу Чжи.

– Силы Чжан Ляна и Чжан Бао истощены, – сказал Лю Бэй Хуанфу Сун. – Сейчас они побегут в Гуанцзун под защиту Чжан Цзяо. Лучше всего вам отправиться туда.

Лю Бэй повернул обратно. На полпути братья повстречали конный отряд, сопровождавший позорную колесницу для преступников. К удивлению братьев, в колеснице той оказался сам Лу Чжи.

– Мое войско окружило Чжан Цзяо и разбило бы его, если бы он не прибег к волшебству, – сказал братьям Лу Чжи. – К тому же из столицы приехал евнух Цзо Фын, который стал шпионить за мной и потребовал с меня взятку. Я ответил ему, что у меня самого не хватает припасов и нет денег. Цзо Фын затаил против меня злобу и, вернувшись в столицу, стал клеветать при дворе, будто я отсиживаюсь за высокими стенами, не воюю и подрываю дух воинов. Императорский двор прислал чжун-лан-цзяна¹⁸ Дун Чжо сместить меня с должности и отправить в столицу на суд.

Услышав рассказ, Чжан Фэй вскипел и схватился за меч. Он хотел перебить стражу и освободить Лу Чжи. Лю Бэй поспешил удержать брата:

– Императорский двор сам все рассудит. Как можешь ты поступать столь необдуманно?

Отряд, сопровождавший колесницу, в которой везли преступника, снова двинулся в путь.

– Поскольку Лу Чжи арестован и войсками командует другой, не лучше ли нам вернуться в Чжоцзюнь? – спросил Гуань Юй. – Зачем идти туда, где у нас нет никакой опоры?

Лю Бэй согласился с ним, и они двинулись на север.

Через два дня братья вновь слышали шум битвы. Они поднялись на гору и увидели, что ханьские императорские войска разбиты, а за ними, покрывая все поле до самого горизонта, движутся повстанцы и на их знаменах написано: «Войско полководца князя неба».

– Это Чжан Цзяо! – воскликнул Лю Бэй. – Скорее в бой!

Братья бросились в битву. Войско Чжан Цзяо, только что разгромившее армию Дун Чжо и преследовавшее ее по пятам, дрогнуло от неожиданного натиска.

Братья выручили Дун Чжо и проводили его в лагерь. Там Дун Чжо спросил у них, какое положение они занимают.

– Никакого, – ответил Лю Бэй.

¹⁶ Лан – почетное звание чиновников в Древнем Китае.

¹⁷ Ци-ду-вэй – военная должность в кавалерии, соответствующая среднему командному составу.

¹⁸ Чжун-лан-цзян – военное звание старшего командного состава в Древнем Китае.

Услышав это, Дун Чжо преисполнился презрением к храбрецам и перестал соблюдать этикет по отношению к ним. Лю Бэй обиделся и покинул шатер.

– Мы бросились в кровавую битву, чтобы спасти этого подлеца, – возмущался Чжан Фэй, – а он оказался таким неблагодарным! Нет, я не смирю свой гнев, пока не убью его!

И, выхватив меч, Чжан Фэй направился в шатер Дун Чжо.

Вот уж поистине правильно говорится:

Деянья и думы людей сегодня, как древле, все те же.
Кто может сказать: человек – герой он иль простолюдин?
Попробуй на свете сыщи храбрей и проворней Чжан Фэя,
Который обидчиков всех готов был повергнуть один¹⁹.

О дальнейшей судьбе Дун Чжо вы узнаете в следующей главе.

---

¹⁹ Здесь и далее стихи в обработке И. Миримского.

Глава вторая, в которой речь будет идти о том, как Чжан Фэй в гневе избил ду-ю²⁰, и о том, как Хэ Цзинь замыслил казнить евнухов

Дун Чжо был родом из Лунси. С тех пор как его назначили правителем области Хэдун, он стал высокомерен. Но когда Чжан Фэй, возмущенный отношением Дун Чжо к Лю Бэю, хотел убить его, Лю Бэй и Гуань Юй удержали брата:

– Ведь он посланец императорского двора! Разве можно самовольно поднять на него руку!

– Но если не убить этого наглеца, нам придется служить под его начальством и выполнять его приказы! – кипятился Чжан Фэй. – Это уж мне совсем не по нутру. Оставайтесь здесь, а я ухожу!

– Мы поклялись жить и умереть вместе, – возразил ему Лю Бэй. – Как же можем мы покинуть друг друга? Лучше уж уйдем вместе.

– Хорошо, в таком случае я смиряю свой гнев, – заявил Чжан Фэй.

Ночью братья повели свой отряд к Чжу Цзуню. Чжу Цзунь принял их с радостью, и они, соединив свои силы, выступили против Чжан Бао.

В это же время Цао Цао соединился с Хуанфу Суном, намереваясь разгромить Чжан Ляна, и в Цюйяне произошла великая битва.

Чжу Цзунь атаковал Чжан Бао, который во главе повстанческого войска численностью в восемьдесят-девять тысяч расположился за горами. Чжу Цзунь послал вперед Лю Бэя. А Чжан Бао послал против него своего помощника Гао Шэна.

Чжан Фэй по команде Лю Бэя подхлестнул своего коня и с копьем наперевес бросился на Гао Шэна. После нескольких схваток Гао Шэн был сбит с коня, и Лю Бэй подал сигнал к наступлению.

Тогда Чжан Бао распустил волосы и, опершись на меч, стал творить заклинание. Тотчас же завыл ветер, загрохотал гром и черная туча спустилась с неба. Казалось, тысячи конных и пеших воинов хлынули из этой тучи и вступили в бой. В войсках Лю Бэя началось смятение. Лю Бэй поспешно отступил и обратился за советом к Чжу Цзуню. Тот сказал ему:

– Чжан Бао решил заняться колдовством, но я его перехитрю. Завтра мы зарежем свиней, собак и баранов, соберем их кровь и устроим засаду в горах. Как только мятежники станут нас преследовать, мы обрызгаем их кровью, и все их волшебство потеряет силу.

Лю Бэй приказал Гуань Юйю и Чжан Фэю с двумя тысячами воинов укрыться в горах. На высоком холме установили сосуды с кровью свиней, собак, баранов и прочими отбросами, а на другой день, когда повстанцы с развернутыми знаменами и барабанным боем пошли в наступление, Лю Бэй выступил им навстречу. Едва войска скрестили оружие, как Чжан Бао сотворил заклинание. Подул ветер, загремел гром, взметнулся песок, посыпались камни. Черная туча заслонила небо, и из нее, словно бурный поток, понеслись на землю конные и пешие воины.

Лю Бэй обратился в бегство. Войско Чжан Бао, преследуя его, уже перешло горы, как вдруг в войсках Гуань Юйя и Чжан Фэя затрещали хлопушки. Все отбросы полетели вниз с холма, и тут все увидели, что с воздуха в беспорядке падают бумажные человечки и соломенные кони. Прекратился ветер, утих гром, очистилось небо.

---

²⁰ Ду-ю – чиновник, по своим функциям соответствующий инспектору или ревизору.

Чжан Бао понял, что чары его раскрыты, и пытался отступить, но слева на него напали войска Гуань Юйя, справа – Чжан Фэя, а Лю Бэй и Чжу Цзунь ударили в спину.

Армия повстанцев была разгромлена. Лю Бэй издали заметил знамя полководца князя Земли и помчался туда. Чжан Бао бежал, а Лю Бэй, выстрелив ему вдогонку из лука, попал в левую руку повыше локтя. Раненый Чжан Бао укрылся в Янчэне.

Чжу Цзунь осадил город и послал гонцов с донесением к Хуанфу Суну. Гонцы вскоре вернулись и доложили, что Хуанфу Сун одержал большую победу и назначен на место Дун Чжо, который за это время потерпел несколько поражений.

Когда Хуанфу Сун прибыл к месту назначения, Чжан Цзяо уже был убит, а с императорскими войсками сражался его брат Чжан Лян.

Хуанфу Сун одержал подряд семь побед и зарубил Чжан Ляна в Цюйяне. Труп Чжан Цзяо был выкопан из могилы и уничтожен, а отрубленная его голова отправлена в столицу. Все остальные повстанцы сдались.

Далее гонцы сообщили, что Хуанфу Сун получил звание начальника конницы и колесниц и назначен правителем округа Цзичжоу. Став правителем, Хуанфу Сун отправил двору донесение, что Лу Чжи ни в чем не повинен. Тот получил прощение и был восстановлен в прежнем звании. Цао Цао за свои подвиги также был назначен на почетную должность и по возвращении из похода отправился к месту службы.

Узнав обо всем этом, Чжу Цзунь с еще большей яростью стал штурмовать Янчэн. Положение Желтых было крайне тяжелым. Тогда один из повстанцев – Янь Чжэн, оказавшийся предателем, – убил Чжан Бао и сдался, поднеся Чжу Цзуню голову своего вождя. Чжу Цзунь навел порядок в нескольких округах и сообщил императорскому двору о победе.

К тому времени оставшиеся в живых предводители повстанцев Чжао Хун, Хань Чжун и Сунь Чжун успели собрать несколько десятков тысяч человек и, объявив себя мстителями за Чжан Цзяо, вновь вступили в борьбу. Тогда Чжу Цзунь получил императорское повеление двинуть против восставших свои победоносные войска.

Желтые укрепились у Юаньчэна, где на них и напал Чжу Цзунь. Лю Бэй с братьями он приказал пробиваться в город с юго-западной стороны. Когда Хань Чжун со своими лучшими войсками бросился туда отбивать нападение, сам Чжу Цзунь с двумя тысячами закованных в броню всадников подступил к городу с северо-восточной стороны. Повстанцы, боясь потерять Юаньчэн, оттянули часть войск с юго-запада. Тогда Лю Бэй снова завязал ожесточенный бой. Желтые потерпели поражение и укрылись за городскими стенами, а Чжу Цзунь окружил город. Осажденные страдали от голода, и Хань Чжун через гонца известил Чжу Цзуня, что согласен сдаться. Однако тот ответил отказом.

– В старину, когда Гао-цзу завоевывал Поднебесную, он считал возможным призывать к покорности, – заметил Лю Бэй. – Почему же вы отвергаете предложение Хань Чжуна?

– Времена не те, – возразил Чжу Цзунь. – В ту пору, при династиях Цинь и Хань, в Поднебесной не было порядка, народ не имел правителя, и Гао-цзу принимал и награждал покорившихся, чтобы привлечь их на свою сторону. Ныне же государство едино и только Желтые задумали бунтовать. Принять сейчас их покорность – значит поощрять к бунту других.

– Все это, конечно, верно, – согласился Лю Бэй, – но ведь повстанцы окружены железным кольцом и, не имея возможности сдаться, будут биться насмерть. Когда тысячи людей объединены единым стремлением, им противостоять невозможно. Не лучше ли было бы оставить им путь для бегства? Тогда, не желая принимать бой, они побегут из города, и мы захватим их в плен.

Чжу Цзунь послушался совета Лю Бэя и, отведя свои войска с востока и юга, ударил на город только с северо-запада. Как и предвидел Лю Бэй, Хань Чжун вместе с повстанцами оставил город и бежал. Чжу Цзунь с Лю Бэем и его братьями настигли противника и расправились с ним: Хань Чжун был убит в бою, а остальные повстанцы рассеялись.

Однако на победителей неожиданно обрушились подроспевшие отряды Чжао Хуна и Сунь Чжуна. Чжу Цзунь вынужден был отступить, и Чжао Хун, воспользовавшись этим, снова овладел Юаньчэном.

Чжу Цзунь расположился в десяти ли от города и начал готовиться к новому нападению. Он заметил, что с востока приближается отряд войск.

Во главе этого отряда ехал воин с большим лбом и открытым лицом, широкий в плечах и тонкий в поясе. Звали его Сунь Цзянь, и был он потомком знаменитого Сунь-цзы.

Еще семнадцатилетним юношей пришлось ему вместе с отцом быть на реке Цяньтан. Там он увидел около десятка речных разбойников, деливших на берегу добычу, и сказал отцу:

– Батюшка, этих разбойников можно изловить!

И, выхватив меч, он кинулся на берег с воинственным криком, будто созывая своих людей. Разбойники с перепугу бросили награбленное и ударились в бегство. Сунь Цзянь погнался за ними и убил одного из них. Этим он прославился на весь округ и получил звание сяо-вэй²¹. А когда Сюй Чан из Хуэйцзи поднял мятеж и, провозгласив себя императором под именем Ян-мин, собрал под свои знамена несколько десятков тысяч человек, Сунь Цзянь и правитель округа возглавили тысячу храбрецов и в союзе с другими округами и областями разгромили мятежников и убили самого Сюй Чана и его сына. За этот подвиг Сунь Цзянь был назначен начальником трех уездов.

Ныне же, когда началось восстание Желтых, Сунь Цзянь собрал деревенских молодцов, мелких торговцев и около двух тысяч отборных воинов из Хуайсы и выступил против повстанцев.

Узнав Сунь Цзяня, Чжу Цзунь обрадовался и предложил ему участвовать в нападении на город.

Под ударами объединенных сил Чжу Цзуня и Сунь Цзяня повстанцы понесли тяжелые потери: многие были убиты, а пленных невозможно было сосчитать. Так в нескольких десятках областей был водворен мир.

Чжу Цзунь возвратился в столицу. Ему пожаловали звание начальника конницы и колесниц и назначили правителем Хэнани. Он представил также доклад о подвигах Сунь Цзяня и Лю Бэя. Сунь Цзянь при поддержке друзей быстро получил назначение и отбыл к месту службы. А Лю Бэю пришлось ждать долго, и все понапрасну. Братья загрузили.

Прогуливаясь однажды по улице, Лю Бэй повстречал ехавшего в коляске придворного чиновника Чжан Цзюня и рассказал ему о себе. Взмолвленный Чжан Цзюнь отправился во дворец и доложил императору:

– Желтые восстали потому, что десять ваших придворных евнухов торгуют должностями и титулами. Близкие им люди получают высокие должности, а недовольных они предадут казни. Это они виною тому, что в Поднебесной пошла смута! Казните евнухов, выставьте их головы в южном предместье, возвестите об этом повсюду, щедро наградите тех, кто имеет заслуги, и только тогда в Поднебесной наступит спокойствие!..

– Чжан Цзюнь обманывает вас, государь, – уверяли евнухи.

Император велел увести Чжан Цзюня, а евнухи стали совещаться между собой:

– Должно быть, негодует кто-либо из тех, кто в войне с Желтыми совершил подвиг, но не получил награды!

Евнухи приказали составить списки людей с малоизвестными фамилиями для назначения их на должности. В числе прочих оказался и Лю Бэй, который получил должность начальника уезда Аньси. Он без промедления отправился туда, предварительно распустив своих воинов по домам и взяв с собой лишь Гуань Юйя, Чжан Фэя да еще человек двадцать, наиболее близких ему.

---

²¹ *Сяо-вэй* – воинское звание в Древнем Китае, соответствующее примерно старшему командному составу.

Вступив в должность, Лю Бэй ввел такие порядки, что спустя месяц в его уезде не стало преступлений.

Братья ели и пили за одним столом, спали на одном ложе; когда же Лю Бэй принимал гостей, Гуань Юй и Чжан Фэй стояли рядом, прислуживая ему.

Но вскоре императорский двор возвестил о разжаловании всех, кто получил гражданские должности за военные заслуги. Эта участь угрожала и Лю Бэю. Как раз в это время в уезд прибыл ду-ю, совершавший поездку по подведомственной ему области. Лю Бэй вышел ему навстречу и принял его с надлежащими церемониями. Но ду-ю высказал Лю Бэю пренебрежение и только слегка махнул плетью в ответ на приветствие. Это вывело из себя Гуань Юйя и Чжан Фэя.

Расположившись на подворье, ду-ю уселся на возвышении в зале, а Лю Бэй остался стоять у ступеней. После продолжительного молчания ду-ю спросил:

– Начальник уезда Лю Бэй, кто ты родом?

– Я потомок чжуншаньского вана, – ответил Лю Бэй. – Со времени разгрома Желтых в Чжоцзуне я участвовал в тридцати больших и малых битвах и за свои заслуги получил должность.

– Ты лжешь! – закричал ду-ю. – Ты не родственник императора, и заслуг у тебя никаких нет! У меня есть приказ разжаловать таких самозванцев!

Лю Бэй пробормотал что-то в ответ и удалился, решив посоветоваться со своими братьями.

– Просто он хочет получить взятку, – сказали братья, – и тогда все высокомерие с него слетит.

– Я народ не обираю, – возразил Лю Бэй, – и я не дам ему взятки!

На другой день ду-ю вызвал к себе чиновников и велел писать жалобу, что якобы начальник уезда притесняет народ.

Лю Бэй несколько раз пытался проникнуть к ду-ю, но стража у ворот не впускала его.

Тем временем, осушив с горя не один кубок вина, Чжан Фэй верхом проезжал мимо подворья. У ворот стояла толпа плачущих стариков.

– Что случилось? – спросил Чжан Фэй.

– Ду-ю вынуждает чиновников оклеветать Лю Бэя, и мы пришли за него вступиться, – отвечали старики. – Да вот стражники не только не впускают нас, но еще и бьют.

Глаза Чжан Фэя загорелись гневом. Он спрыгнул с коня и бросился к воротам. Стража пыталась его задержать, но он растолкал всех и ворвался в зал. Ду-ю восседал на возвышении, а связанные чиновники валялись на полу.

– Разбойник! Притеснитель народа! – закричал Чжан Фэй. – Ты узнаешь меня?

Не успел ду-ю открыть рта, как Чжан Фэй схватил его за волосы, вышвырнул из зала и тут же перед домом привязал к коновязи. Затем Чжан Фэй сломал ивовый прут и принялся хлестать ду-ю пониже спины. Хлестал он его до тех пор, пока прут не разлетелся на мелкие куски.

Встревоженный поднявшимся шумом, Лю Бэй вышел узнать, что случилось. Увидев Чжан Фэя, расправляющегося с ду-ю, он испуганно спросил, в чем дело.

– Что же это будет, если не убивать таких вот злодеев, издевающихся над народом! – воскликнул Чжан Фэй.

– Уважаемый Лю Бэй, спасите мне жизнь! – жалобно взмолился ду-ю.

Лю Бэй был человеком по природе мягким и приказал Чжан Фэю остановиться. Тут как раз подошел и Гуань Юй и обратился к Лю Бэю с такими словами:

– Брат мой, за многие свои подвиги вы получили лишь должность уездного начальника, а теперь еще вас смеет оскорблять какой-то негодяй ду-ю. Думается мне, что не место фениксу

вить гнездо в зарослях терновника! Убейте лучше этого ду-ю, оставьте должность и возвращайтесь в родную деревню. Там мы придумаем что-либо достойное вас.

Лю Бэй повесил на шею ду-ю свой пояс с печатью и пригрозил:

– Помни, если я услышу, что ты притесняешь народ, я сам тебя убью. На этот раз я прощаю тебя. Вот возьми мой пояс с печатью – я ухожу отсюда.

Ду-ю уехал и пожаловался правителю округа Динчжоу. Тот послал донесение в уголовный приказ, и оттуда отправили людей на розыски Лю Бэя и его братьев. Но те были уже в Дайчжоу, у Лю Хуэя, который знал, что Лю Бэй родственник императорской семьи, и укрыл его у себя, ни о чем не спрашивая.

Полностью захватив власть в свои руки, десять придворных евнухов не хотели больше никого признавать. Любого, кто осмеливался им противиться, они казнили. Требуя денег с каждого военачальника, принимавшего участие в битвах с Желтыми, они лишали должностей всех, кто уклонялся от этой дани. Хуанфу Сун и Чжу Цзунь отказались делать подношения евнухам, и тогда евнух Чжао Чжун составил на них донос, по которому их отстранили от службы. Император назначил Чжао Чжуна начальником конницы и колесниц, а Чжан Жану и другим евнухам пожаловал титулы хоу. Самовластие евнухов росло, народ роптал.

В это время в Чанша поднял восстание некий Цюй Син; в Юйяне восстали Чжан Цзюй и Чжан Чунь. Цюй Син провозгласил себя Сыном неба, а Чжан Чунь – полководцем. На имя императора как снег сыпались жалобы. Но евнухи их припрятавали.

Однажды, когда император пировал с евнухами в саду, перед ним предстал сильно опечаленный тай-фу Лю Тао.

– Поднебесная в опасности, – с горечью промолвил он, – а вы, государь, с утра до вечера пируете с дворцовыми евнухами.

– В стране царит спокойствие, где ты видишь опасность? – спросил император.

– Повсюду поднимаются восстания, мятежники захватывают города и уезды, – отвечал Лю Тао. – И все эти бедствия происходят из-за ваших придворных евнухов. Все честные люди оставили службу при дворе. Нас ждет несчастье!

Евнухи, обнажив головы, упали перед императором на колени и взмолились:

– Если мы вам неуютны, государь, то и жить нам незачем. Мы молим о пощаде, отпустите нас по домам, и мы своим имуществом оплатим военные расходы.

Тут евнухи залились слезами.

– У тебя ведь тоже есть слуги, почему же ты ненавидишь моих? – закричал император на Лю Тао и велел страже схватить и обезглавить его.

– Смерть меня не страшит! – воскликнул Лю Тао. – Я скорблю о судьбе Ханьской династии, четыреста лет правившей Поднебесной.

Стража вывела Лю Тао, чтобы исполнить повеление, но по пути один из сановников остановил их:

– Не трогайте его! Подождите, пока я поговорю с Сыном неба.

Это был сы-ту²² Чжэнь Дань. Он вошел во дворец и обратился к императору с просьбой объяснить, за какое преступление собираются казнить Лю Тао.

– Он поносил наших верных слуг и оскорбил нас лично, – заявил император.

– Государь, народ Поднебесной готов съесть евнухов живьем, а вы их почитаете, словно это ваши родители! – воскликнул Чжэнь Дань. – За какие заслуги пожаловали вы им титулы хоу? Или вы забыли, что Фын Сюй был в связи с Желтыми и хотел устроить смуту во дворце? Если вы не разберетесь во всем этом, государь, вашему высочайшему роду грозит гибель!

– Никем не доказано, что Фын Сюй затевал смуту, – возразил император. – Да разве среди евнухов нет людей, верных мне?

Чжэнь Дань пал ниц перед ступенями трона, но обличений своих не прекратил. Разгневанный император велел вывести его из дворца и бросить в тюрьму вместе с Лю Тао. В ту же ночь обоих узников убили.

Так евнухи отомстили Чжэнь Даню.

Императорским указом Сунь Цзянь был назначен правителем области Чанша с повелением уничтожить Цюй Сина. Не прошло и двух месяцев, как прибыло донесение о водворении мира в Цзянся. За это Сунь Цзянь получил титул Учэнского хоу.

Лю Юй, назначенный на должность правителя округа Ючжоу, выступил против мятежников Чжан Цзюя и Чжан Чуня. Правитель округа Дайчжоу Лю Хуэй в своем письме расхваливал ему Лю Бэя. Лю Юй назначил Лю Бэя своим военачальником и послал его на усмирение мятежа. В несколько дней Лю Бэю удалось сломить дух сопротивления восставших и вызвать раздоры в их стане. Один из восставших убил Чжан Чуня и выдал его отрубленную голову. После этого остальные повстанцы сдались, Чжан Цзюй повесился, и в Юйяне водворилось спокойствие.

Лю Юй и Гунсунь Цзань отправили донесение двору о великих подвигах Лю Бэя. Лю Бэй получил прощение за избиение ду-ю и был назначен правителем богатого уезда Пинъюань.

---

²² Сы-ту – один из трех самых высших придворных сановников (трех гунов), ведавший вопросами образования и воспитания чиновников.

В четвертом месяце шестого года периода Чжун-пин²³ император Лин-ди тяжело заболел и повелел вызвать к себе полководца Хэ Цзиня.

Хэ Цзинь происходил из семьи простого мясника, но его младшая сестра была взята во дворец наложницей и родила императору сына Бяня, вследствие чего она стала императрицей, а Хэ Цзинь приобрел большую силу.

У императора был еще один сын, по имени Се, от горячо любимой им красавицы Ван. Императрица Хэ из ревности отравила красавицу Ван, и сын императора Се воспитывался во дворце вдовствующей императрицы Дун, матери императора Лин-ди. Императрица Дун была женой Дутинского хоу Лю Чжана. Но император Хуань-ди, правивший в то время, не имел детей и усыновил сына Дутинского хоу, который впоследствии стал императором под именем Лин-ди. Унаследовав власть, Лин-ди взял мать во дворец и дал ей титул тай-хоу – вдовствующей императрицы.

Вдовствующая императрица Дун настаивала, чтобы Лин-ди сделал своим наследником сына Се, и император, любивший Се, был склонен к этому. Когда император заболел, евнух Цзянь Ши сказал ему:

– Если вы хотите сделать наследником престола Се, сначала убейте Хэ Цзиня, чтобы предотвратить бедственные последствия.

Император повелел вызвать Хэ Цзиня во дворец, но по дороге Хэ Цзиня предупредили:

– Не являйтесь во дворец – Цзянь Ши хочет вас убить.

Хэ Цзинь, сильно испугавшись, поспешил домой и созвал сановников, чтобы посоветоваться, как избавиться от евнухов.

– Влияние евнухов началось еще во время императоров Чжун-ди и Чжи-ди²⁴, – сказал один из присутствующих, – и, как сорная трава, опутало весь императорский двор. Возможно ли уничтожить это зло? Если мы не сумеем сохранить тайну, наши семьи погибнут. Обдумайте все хорошенько.

Хэ Цзинь посмотрел на говорившего – это был сяо-вэй Цао Цао.

– Ты сам из мелкого рода, что ты смыслишь в великих государственных делах? – прикрикнул на него Хэ Цзинь.

В эту минуту доложили, что император почил, но евнухи решили не объявлять о его смерти и призывают во дворец дядю императора Хэ Цзиня. В подложном завещании они назвали наследником престола сына императора Се.

Вслед за этим известием прибыл приказ Хэ Цзиню явиться во дворец.

– Сейчас прежде всего необходимо возвести на престол нового императора, а потом заняться злодеями, – сказал Цао Цао.

– У кого хватит смелости пойти со мной на такое дело? – спросил Хэ Цзинь.

– Дайте мне пять тысяч отборных воинов, мы ворвемся во дворец, возведем на престол нового государя, перебьем евнухов и установим порядок в Поднебесной! – тотчас же отозвался Юань Шао, находившийся среди присутствующих.

Юань Шао был сыном сы-ту Юань Фына и состоял в должности придворного сы-ли²⁵.

Хэ Цзинь с радостью отобрал для него пять тысяч воинов из императорской охраны. Юань Шао облачился в доспехи. Хэ Цзинь, сопровождаемый сановниками, явился в зал дворца и тут же перед гробом Лин-ди посадил на трон наследника Бяня. После окончания церемонии все сановники почтительно поклонились новому императору. В эту минуту вошел Юань Шао, чтобы арестовать евнуха Цзянь Ши, но тот успел выскочить в дворцовый сад и спрятаться в

---

²³ 189 г. н. э.

²⁴ Чжун-ди (145 н. э.), Чжи-ди (146 н. э.) – императоры Ханьской династии.

²⁵ Сы-ли – чиновник, ведавший птичниками, конюхами, пастухами и смотрителями зверинцев императорского дворца.

цветах. Все же он был найден и убит там евнухом Го Шэном. Все войска, находившиеся под командованием Цзянь Ши, сдались.

– Сейчас самый удобный момент перебить всех евнухов, – сказал Юань Шао, обращаясь к Хэ Цзиню.

Чжан Жан слышал это и поспешил с жалобами к императрице Хэ.

– Хэ Цзиня хотел убить Цзянь Ши, а мы тут ни при чем, – уверял он императрицу. – Теперь он, слушая наветы Юань Шао, собирается перебить нас всех. Пожалейте нас, матушка!

– Не бойтесь, я защищу вас, – успокоила Чжан Жана императрица.

Она послала за своим братом и, когда тот пришел, тайком сказала ему:

– Мы с тобой люди низкого происхождения, и, если бы не Чжан Жан, как бы мы приобрели богатство и знатность? Цзянь Ши погиб из-за своей жестокости, и поделом ему! Но зачем слушаться чьих-то наговоров и убивать всех евнухов?

Выслушав императрицу, Хэ Цзинь созвал чиновников и объявил им:

– Цзянь Ши замышлял меня убить – уничтожьте весь его род, остальных евнухов оставьте.

– Если не вырвать эту сорную траву с корнем, мы сами погибнем, – возразил Юань Шао.

– Я уже объявил свое решение и больше не хочу ничего слушать, – оборвал его Хэ Цзинь, и чиновники разошлись.

Через несколько дней императрица Хэ назначила Хэ Цзиня на должность шан-шу²⁶, другие его приверженцы тоже получили высокие посты.

Тогда вдовствующая императрица Дун пригласила Чжан Жана и других евнухов к себе во дворец на совет.

– Я первая возвысила сестру Хэ Цзиня, – сказала она. – Теперь сын ее на троне, все сановники ее поддерживают, и влияние ее возросло очень сильно. Как же быть нам?

– Матушка, вы можете управлять государственными делами негласно, – сказал Чжан Жан. – Дайте сыну императора Се титул вана, назначьте своего брата Дун Чжуня на высокую военную должность, наконец, используйте нас, и тогда можно будет вершить великие дела!

На следующий день вдовствующая императрица Дун созвала двор и объявила сына императора Се ваном Чэнь-лю, а Дун Чжуня присвоила звание бяо-ци-цзян-цзюнь²⁷. Чжан Жан и другие евнухи снова взяли бразды правления в свои руки.

Императрица Хэ пришла в волнение. Она устроила пир в своем дворце и пригласила вдовствующую императрицу Дун. В разгар пира императрица Хэ встала, подняла кубок и сказала:

– Мы – женщины, и вмешиваться в государственные дела нам не следует. Ведь в старину, когда императрица Люй-хоу взяла слишком большую власть, весь ее род – более тысячи человек – был уничтожен. Нам, женщинам, следует жить в своих покоях, а великие дела предоставить государственным мужам – так будет лучше для Поднебесной. Полагаю, что вы поступите именно таким образом.

– Это ты из ревности отравила красавицу Ван, а теперь с помощью брата посадила на престол сына! – в гневе воскликнула императрица Дун. – Не слишком заносись, ведь стоит мне только приказать своему брату Дун Чжуню, и голова твоего брата слетит с плеч!

– Зачем гневаться? – сдерживая злобу, произнесла императрица Хэ. – Я пытаюсь уговорить вас добром...

– Что вы вообще смыслите! Вы, невежественные мясники! – язвительно бросила императрица Дун.

---

²⁶ Шан-шу – высший сановник, ведавший корреспонденцией и перепиской императорского двора.

²⁷ Бяо-ци-цзян-цзюнь – дословно: «военачальник пегого коня». Высшее воинское звание, дававшееся членам императорской семьи.

Ссора разгоралась. Чжан Жану и другим евнухам едва удалось уговорить женщин разойтись по своим покоям.

Ночью императрица Хэ вызвала к себе своего брата Хэ Цзиня и рассказала ему о случившемся. Хэ Цзинь тотчас же пригласил на совет трех гунов, а наутро были созваны все придворные, и чиновник возвестил, что императрица Дун, будучи всего лишь побочной женой князя зависимого удела, не имеет права проживать в императорском дворце – ее место в Хэцзяне, и она должна покинуть столицу еще до заката солнца.

Тут же была назначена свита для сопровождения императрицы Дун. Тем временем дворцовая стража окружила дом Дун Чжуна и потребовала у него государственные регалии – пояс с печатью. Попав в ловушку, Дун Чжун перерезал себе горло. Домашние его подняли было вопли, но их быстро заставили замолчать.

Прослышав об изгнании императрицы Дун, евнухи Чжан Жан и Дуань Гуй бросились с дарами золота и жемчуга к младшему брату Хэ Цзиня, Хэ Мяо, и его матери и стали молить их заступиться за них перед императрицей Хэ.

Так евнухам снова улыбнулось счастье.

Месяц спустя тайно подсланный Хэ Цзинем человек отравил императрицу Дун в ее поместье в Хэцзяне. Останки ее перевезли в столицу, чтобы похоронить на императорском кладбище. Хэ Цзинь на похоронах не присутствовал, сославшись на болезнь.

Юань Шао пришел повидаться с Хэ Цзинем и сказал ему так:

– Чжан Жан и Дуань Гуй распространяют слухи, что вы отравили императрицу Дун и хотите занять трон. Если вы не воспользуетесь этим предложением, чтобы перебить евнухов, нас ждут великие беды. В свое время попытка Доу У покончить с дворцовыми евнухами не удалась потому, что он не сумел сохранить в тайне свои замыслы. Вы и братья ваши – люди храбрые и умные, стоит вам только приложить усилия, как все окажется в ваших руках. Небо посылает вам удобный случай, не теряйте его!

– Погодите, дайте мне подумать, – сказал Хэ Цзинь.

Об этом разговоре слуги доложили Чжан Жану. Евнухи опять поднесли богатые дары Хэ Мяо, тогда он отправился к императрице Хэ и заявил ей, что Хэ Цзинь, являясь главной опорой нового императора, очень жесток и помышляет только об убийствах. Вот и сейчас он без всякой причины хочет перебить придворных евнухов.

– Это может привести только к смуте! – закончил Хэ Мяо.

Императрица вняла его словам и, когда пришел Хэ Цзинь, чтобы сообщить ей о своем намерении, сказала ему так:

– Евнухи давно управляют делами ханьского двора, и если убить старых слуг сразу же после того, как император покинул сей мир, это будет воспринято как неуважение к памяти усопшего.

Хэ Цзинь не нашел что возразить и, вернувшись к Юань Шао, сказал ему:

– Императрица не соглашается, что же нам делать?

– Созовите в столицу доблестных полководцев с их войсками и перебейте евнухов, – предложил Юань Шао. – Не важно, что императрица не дала своего согласия.

– Это прекрасный план! – воскликнул Хэ Цзинь.

Он не стал медлить и тут же заготовил указ о том, чтобы со всех городов полководцы шли в столицу.

– Не делайте этого! – запротестовал чжу-бо²⁸ Чэнь Линь. – Пословица недаром гласит: «Ловить ласточек с закрытыми глазами – обманывать самого себя». Если уж в таком пустячном деле вы не можете добиться своими силами желаемого, тогда как же вы будете поступать в

---

²⁸ Чжу-бо – начальник канцелярии или старший чиновник приказа, следивший за правильным ведением записей и книг. В Ханьскую эпоху чжу-бо состояли в штате некоторых высших должностных лиц, имевших свои канцелярии.

важнейших государственных делах? Действуя от имени Сына неба и имея в своем распоряжении войско, вы и так можете делать все, что пожелаете. Но собирать все войска, чтобы убить нескольких евнухов, – это все равно что разжигать печь для того, чтобы сжечь один волосок! Действуйте быстро, бейте без промаха – тогда ни небо, ни люди не станут вам противиться. Когда же вы созовете в столицу полководцев и они соберутся... У каждого из этих героев есть свои собственные устремления... Положение у вас будет не лучше, чем если бы вы приставили копье острием к своей груди, а древко его отдали в руки врага! Успеха, безусловно, не будет, но смуты пойдут.

– Это мнение труса! – с насмешкой заметил Хэ Цзинь.

При этом человек, стоявший рядом, хлопнул в ладоши и громко засмеялся:

– Чего тут долго решать! Ведь сделать это так же легко, как махнуть рукой.

Хэ Цзинь обернулся. Это сказал не кто иной, как Цао Цао.

Вот уж действительно:

Хочешь рассеять смуту на самой ее заре,
Слушай благие советы мудрых людей при дворе.

О том, что еще сказал Цао Цао, вы узнаете в следующей главе.

Глава третья, в которой повествуется о том, как Дун Чжо погубил Дин Юаня, и о том, как Ли Су подкупил Люй Бу

В тот же день Цао Цао сказал Хэ Цзиню:

– В несчастьях теперь, как и прежде, повинны евнухи. Государю не следовало бы наделять их властью и оказывать им милости, ибо это толкает их на злые умыслы. Если уничтожать зло, так уничтожать с корнем! Для этого достаточно одного тюремного смотрителя. К чему призывать войска со стороны? Если вы задумали убить всех евнухов, то дело это раскроется и, как мне кажется, провалится.

– Так, может быть, у вас есть свои соображения? – сердито спросил Хэ Цзинь.

– Это вы, Хэ Цзинь, творите смуту в Поднебесной! – резко ответил ему Цао Цао.

Хэ Цзинь все же тайно разослал гонцов с секретным приказом во все города.

Приказ явиться в столицу пришелся на руку цы-ши²⁹ округа Силян – Дун Чжо. Когда-то за свою неудачную попытку разбить Желтых Дун Чжо должен был понести наказание, но, подкупив клику придворных евнухов, он вновь обрел расположение двора и был назначен на большую должность, наделен широкими правами и получил в подчинение двухсоттысячное войско округа Сичжоу. Тем не менее у него иногда прорывались далеко не верноподданные чувства.

Получив приказ, Дун Чжо тотчас же поднял войска и вместе с Ли Цзюэ, Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу двинулся в Лаян, оставив своего зятя Ню Фу охранять Западную Шэньси. Однако советник Ли Жу предупредил его:

– В приказе, нами полученном, много неясного. Почему бы вам не послать вперед гонца с письмом? Если вы про себя назовете вещи своими именами, а на словах выразите покорность, то можете задумывать великое дело!

Дун Чжо так и поступил. В отправленном им Хэ Цзиню письме говорилось:

Мне довелось слышать, что причиной непрекращающихся смут в Поднебесной является клика дворцовых евнухов во главе с Чжан Жаном, которая вызываясь держит себя по отношению к императорской власти. Чтобы прекратить кипение котла, как известно, лучше всего разбросать горящий под ним хворост. Хоть и бывает больно, когда вскрывают нарыв, но все же это лучше, чем принять яд в пищу. Я осмелюсь выполнить ваш приказ о вступлении с войском в Лоян лишь в том случае, если вам удастся испросить у Сына неба позволения устранить Чжан Жана и его приспешников. Это будет великим счастьем для династии, это будет великим счастьем для Поднебесной!

Прочитав послание, Хэ Цзинь показал его сановникам.

– Дун Чжо – лютый волк, – заявил ши-юй-ши³⁰ Чжэн Тай. – Только впустите его в столицу, и он пожрет всех!

– Ты слишком мнителен и недостойн вершить великие дела, – возразил ему Хэ Цзинь.

---

²⁹ Цы-ши – чиновник, на обязанности которого лежал контроль за административным аппаратом округа и выявление незаконных действий местных властей.

³⁰ Ши-юй-ши – придворный чиновник, который докладывал императору о совершаемых в государстве преступлениях и давал оценку этих преступлений. В разные исторические эпохи функции этих чиновников были различные.

– Мне хорошо известно, что за человек Дун Чжо, – поддержал Чжэн Тая Лу Чжи. – У этого невинного с виду ягненка волчье сердце! Едва он вступит в столицу, как сразу же пойдет смута. Лучше запретите ему являться сюда!

Хэ Цзинь не послушался советов; тогда Чжэн Тай и Лу Чжи покинули свои посты. Вслед за ними ушло более половины всех придворных сановников. Лишь тогда Хэ Цзинь послал гонцов в Миньчи навстречу Дун Чжо.

Тут-то и выяснилось, что Дун Чжо с войсками вовсе никуда и не двигался!

Евнухи же, узнав о том, что в столицу стягиваются войска, поговаривали между собой:

– Это все козни Хэ Цзиня. Если мы не начнем действовать первыми – сами погибнем.

Они устроили засаду, спрятав своих головорезов у ворот дворца, ведущих в зал Вечного блаженства, а сами отправились к императрице Хэ.

– Ваш брат разослал подложный приказ, призывая войска в столицу, – заявили они. – Умоляем вас, матушка, пожалейте и спасите нас!

– А вы бы сами пошли к нему с повинной, – произнесла императрица.

– Он изрубит нас в куски, как только мы покажемся ему на глаза! – воскликнул Чжан Жан. – Лучше вы, матушка, позовите его и прикажите уняться. Если он не послушается, мы просим одного – умереть на ваших глазах!

Императрица повелела позвать Хэ Цзиня, но когда тот собрался во дворец, начальник императорской канцелярии Чэнь Линь остановил его:

– Государыня призывает вас к себе по наущению евнухов. Не ходите! Если пойдете – случится беда!

– Меня зовет императрица, – возразил Хэ Цзинь, – какая может быть беда!

– Заговор уже раскрыт. Зачем вы сами идете во дворец? – спросил Юань Шао.

– Надо сначала вызвать оттуда евнухов, а потом можно пойти, – добавил Цао Цао.

– Это уж совсем по-детски! – насмешливо заметил Хэ Цзинь. – Я держу в руках всю Поднебесную! Что осмелятся сделать со мной евнухи?

– Если вы твердо решили идти, то мы на всякий случай возьмем с собой латников, – сказал Юань Шао.

По его приказу отряд из пятисот воинов под командой одетого в панцирь Юань Шу, брата Юань Шао, остановился у первых ворот дворца, а Юань Шао и Цао Цао, вооруженные мечами, сопровождали Хэ Цзиня. У входа в зал Вечного блаженства его встретили евнухи, которые заявили от имени императрицы:

– Государыня вызывает великого полководца одного, остальных впускать не велено.

Юань Шао и Цао Цао в числе прочих остались за дверями зала, а Хэ Цзинь с гордым видом прошествовал дальше. У дверей, ведущих в дворцовые покои, навстречу ему вышли Чжан Жан, Дуань Гуй и другие евнухи; они сомкнулись вокруг него кольцом. Хэ Цзинь струсил не на шутку.

– За какое преступление отравлена императрица Дун? – угрожающе спросил его Чжан Жан. – Кто притворился больным во время похорон и не оказал ей почестей? Тебя, торговца, человека низкого происхождения, мы представили Сыну неба, только лишь поэтому ты достиг славы и почета! Ты же не пожелал отплатить нам добром, а, напротив, замышляешь зло! Ты обвиняешь нас в грязных проделках, но чист ли ты сам?

Хэ Цзинь заметался в поисках выхода, но ворота были крепко заперты. В эту минуту из засады выскочили вооруженные люди, бросились на Хэ Цзиня и разрубили его надвое. Об этом событии потомки сложили стихи:

Судьба династии Хань готова вот-вот оборваться.

Трех гунов Хэ Цзинь заменил, но думал ли он о конце?

Советами преданных слуг и верных друзей пренебрег он —

И смерти лихой от меча не избежал во дворце.

Так Чжан Жан и другие евнухи расправились с Хэ Цзинем.

Волнуясь в ожидании Хэ Цзиня, Юань Шао время от времени взывал у ворот:

– Великий полководец, пора ехать!

В ответ Чжан Жан перебросил ему через стену отрубленную голову Хэ Цзиня и заявил:

– Хэ Цзинь убит за свое вероломство. Всем его соучастникам объявляется прощение.

– На помощь, ко мне! Евнухи коварно убили опору государя! – закричал Юань Шао. – Перебьем эту разбойничью шайку!

Один из военачальников Хэ Цзиня, по имени У Куан, поджег ворота. Воины отряда Юань Шу ворвались во дворец и стали избивать евнухов, не разбирая ни возраста, ни чинов. Юань Шао и Цао Цао бросились во внутреннюю часть дворца.

Чжао Чжун, Чэн Куай, Ся Хуэй и Го Шэн укрылись от преследователей в садовой беседке, где и были зарублены. Языки пламени, вспыхнувшего во дворце, взметнулись к небу. Чжан Жан, Дуань Гуй, Цао Цзе и Хоу Лань, схватив императрицу Хэ с наследником и вана Чэнь-лю, бежали во внутренние покои, а оттуда в северный дворец. Тут их перехватил Лу Чжи. Он еще не успел покинуть столицу и, как только узнал о перевороте, облачился в латы, взял копье и поспешил к воротам дворца. Увидев, что Дуань Гуй тащит за собой императрицу, Лу Чжи закричал во весь голос:

– Разбойник! Как ты смеешь похищать императрицу!

Дуань Гуй обратился в бегство. Императрица выпрыгнула в окно. Лу Чжи кинулся к ней и помог укрыться в безопасном месте.

У Куан, ворвавшись в один из внутренних залов дворца, увидел там Хэ Мяо с мечом в руке.

– И ты строил козни против своего брата! – загремел У Куан. – Погибни же вместе со всеми!

– Смерть злодею! – кричали люди.

Хэ Мяо попытался бежать, но был окружен и изрублен. Юань Шао приказал воинам рассыпаться и уничтожать всех, кто принадлежал к семьям дворцовых евнухов, убивать без разбора – старых и малых. При этом по ошибке было перебито много безбородых людей, принятых за евнухов.

Цао Цао помог потушить пожар во дворце, упротил императрицу принять на себя управление и послал погоню за Чжан Жаном, чтобы спасти малолетнего императора.

А тем временем Чжан Жан и Дуань Гуй с императором и ваном Чэнь-лю, прорвавшись сквозь дым и огонь, бежали в Бэйманские горы. Ночью они слышали позади себя шум – их настигала погоня. Впереди скакал чиновник по имени Минь Гун и кричал изо всех сил:

– Стойте, злодеи!

Чжан Жан, видя, что положение безнадежно, бросился в реку, где и утонул. Император и ван Чэнь-лю, не понимая, что происходит, боялись откликнуться и спрятались в густом тростнике на берегу реки. Их искали повсюду, но не нашли. Они скрывались в своем убежище до четвертой стражи. Выпала роса. Промокшие и голодные, мальчики сидели и потихоньку плакали, боясь, как бы люди не обнаружили их по голосам.

– Здесь долго оставаться нельзя, – сказал ван Чэнь-лю, – надо искать дорогу.

Связав одежду в узелок, они стали карабкаться вверх по берегу. Пробираясь в темноте сквозь колючий кустарник, они не могли различить дорогу и стали уже приходить в отчаяние, как вдруг сотни тысяч светлячков вспыхнули и закружились перед императором.

– Небо помогает нам, брат! – воскликнул ван Чэнь-лю.

Мальчики пустились в путь, следуя за светлячками, и вскоре выбрались на дорогу. За ночь они так измучились, что валялись с ног, и, заметив стог соломы возле какого-то дома, прилегли отдохнуть.

Хозяину дома как раз в эту ночь приснилось, что два красных солнца опустились за его жильем. Встревоженный таким предзнаменованием, он оделся и вышел во двор. Его ослепило яркое сияние, поднимавшееся к небу из-за стога соломы.

– Чьи вы дети? – спросил хозяин, подойдя поближе и заметив мальчиков.

Император был слишком напуган и молчал, а ван Чэнь-лю, указывая на него, произнес:

– Это наш император – он бежал из-за смуты, поднятой евнухами. А я – его брат, ван Чэнь-лю.

Взволнованный хозяин, низко кланяясь, сказал:

– Я – Цуй И, брат бывшего сы-ту Цуй Ле. Я возненавидел евнухов, когда узнал, что они продают должности, и поэтому скрываюсь здесь.

Он ввел императора в дом, опустился перед ним на колени и предложил пищу и вино.

В ту же ночь Минь Гун, преследовавший Дуань Гуя, догнал его и спросил, где Сын неба. Дуань Гуй отвечал, что потерял его на полдороге и ничего о нем не знает. Без дальнейших разговоров Минь Гун уложил евнуха на месте, повесил его отрубленную голову на шею своего коня, затем разослал людей во все стороны и сам тоже отправился на поиски.

Так, едучи в одиночестве, он оказался возле дома Цуй И. Отвечая на расспросы хозяина, Минь Гун рассказал ему обо всем. Тогда Цуй И ввел его в дом, где находился император. Сын неба и подданный горько заплакали.

– Поднебесная ни одного дня не может оставаться без повелителя, – сказал Минь Гун. – Прошу вас, государь, возвратиться в столицу.

У Цуй И была только одна тощая лошадевка, ее и оседлали для императора. Минь Гун с ваном Чэнь-лю сели на одного коня, и немедля все двинулись в путь. Не проехали они и трех ли, как их встретили сы-ту Ван Юнь и другие чиновники. Никто не мог удержать слез.

Вперед был послан гонец с головой Дуань Гуя, чтобы выставить ее напоказ в столице. Императору и вану подали отличных коней. Так Сын неба возвращался в столицу.

Но вскоре на пути всадников возник лес знамен, заслонивших солнце, тучи пыли закрыли небо – навстречу двигался отряд войск. Сановники побледнели. Император тоже очень испугался. Юань Шао поспешил узнать, что это за люди. Из-под сени знамен выехал военачальник и зычным голосом спросил:

– Где Сын неба?

Император в страхе молчал. Тут ван Чэнь-лю придержал коня и громко кликнул:

– Эй, пришельцы, кто вы такие?

– Дун Чжо – цы-ши округа Силян, – отвечал Дун Чжо.

– Ты явился грабить или охранять нас? – спросил ван Чэнь-лю.

– Я прибыл охранять особу императора, – сказал Дун Чжо.

– Если так, почему же ты не сходишь с коня? – воскликнул ван Чэнь-лю. – Император здесь!

Дун Чжо всполошился, проворно соскочил с коня и, поклонившись, стал у левой обочины дороги. Ван Чэнь-лю говорил с ним, не проявляя при этом ни малейшего волнения, и даже ни разу не запнулся. Это вызвало восхищение Дун Чжо. «Вот кто достоин занять место на троне!» – подумал он.

В тот же день император вступил во дворец, где встретился с императрицей-матерью. Все были растроганы до слез. Но торжество встречи было омрачено одним обстоятельством – исчезла императорская печать.

Дун Чжо расположил войска за городскими стенами. Ежедневно в сопровождении вооруженной стражи он разъезжал по улицам города, наводя страх на горожан. Дун Чжо входил

во дворец и выходил оттуда, не боясь никого. Это вызвало подозрения у цзюнь-сяо-вэя³¹ Бао Синя, который поделился ими с Юань Шао.

– Дун Чжо явно затевает что-то, – сказал Бао Синь. – Надо как можно скорее удалить его.

– Когда императорский двор устанавливается заново, нельзя действовать легкомысленно, – возразил ему Юань Шао.

Тогда Бао Синь высказал свои сомнения Ван Юню.

– Да, об этом следует подумать, – ответил ему Ван Юнь.

Бао Синь со своим отрядом отправился в Тайшань.

Дун Чжо привлек на свою сторону войска Хэ Цзиня и его брата. Как-то в беседе с Ли Жу он открыл свои планы:

– А что, если бы я решился свергнуть императора и посадить на престол вана Чэнь-лю?

– Ныне императорский двор без правителя, если не воспользоваться этим моментом и упустить время, то положение изменится, – сказал Ли Жу. – Завтра в саду Вэньмин соберем чиновников, объявим им о низложении императора и возведем на престол вана Чэнь-лю. Казним тех, кто не захочет повиноваться нам, и этим сразу же укрепим нашу власть.

На другой день Дун Чжо созвал к себе на пир сановников. Все они дрожали перед ним, и никто не посмел отказаться.

Когда все гости были в сборе, к воротам сада подъехал сам Дун Чжо. Он сошел с коня и, не снимая меча, занял свое место. Когда вино обошло несколько кругов, хозяин вдруг встал и подал знак прекратить музыку.

– Слушайте меня внимательно! – раздался его голос.

Присутствующие затаили дыхание.

– Сын неба – это повелитель людей, – начал Дун Чжо. – Но если он не внушает к себе уважения, он недостоин наследовать власть своих предков. Тот, кто ныне находится на троне, хил и слаб, умом и ученостью уступает вану Чэнь-лю, который поистине достоин трона. А посему я хочу низложить нынешнего императора и возвести на престол вана Чэнь-лю. Что скажете вы, высокие сановники?

Чиновники слушали, не осмеливаясь проронить ни звука. Но внезапно один из присутствующих оттолкнул столик и, встав перед Дун Чжо, крикнул:

– Недопустимо! Недопустимо! Кто ты такой, что осмеливаешься произносить подобные слова? Наш повелитель – законный сын покойного императора! Он не сделал ничего дурного. Какое ты имеешь право вести такие безрассудные речи? Не иначе как ты собираешься присвоить власть!

Дун Чжо посмотрел на него – это был Дин Юань, цы-ши округа Цзинчжоу, и в сильном гневе крикнул:

– Кто со мной – будут жить, кто против меня – всех убью!

Он тут же схватился за меч, чтобы зарубить Дин Юаня, но Ли Жу, заметив за спиной Дин Юаня его телохранителя, который, грозно сверкая глазами, с воинственным видом держал алебарду, поспешно сказал:

– Здесь не место для обсуждения государственных дел. Завтра в зале совета мы успеем потолковать обо всем.

После того как Дин Юаня уговорили сесть на коня и уехать, Дун Чжо спросил сановников:

– Правильно я сказал или нет?

– Вы не правы, – произнес Лу Чжи. – В древности И Инь заточил Тай Цзя в Тунговом дворце, и причиной тому была непросвещенность правителя. Позже Хо Гуан объявил в храме предков о низложении князя Чан И за то, что за двадцать семь дней пребывания на троне

---

³¹ Цзюнь-сяо-вэй – воинский чин, примерно соответствующий старшему командному составу в пехоте.

он сотворил более трех тысяч зол. Нынешний император хоть и молод, но умен и гуманен. К тому же он не совершил ничего дурного. Вы – провинциальный цы-ши, не имеющий ни опыта в государственных делах, ни великих талантов И Иня и Хо Гуана! По какому праву хотите вы низложить императора и возвести на престол другого? Вспомните слова великого мудреца: «Это можно позволить себе, если преследуешь цели И Иня, если же цель иная – станешь узурпатором».

Дун Чжо в ярости схватился за меч, но и-лан³² Пэн Бо удержал его.

– Шан-шу Лу Чжи – надежда всего народа, – произнес он. – Если вы убьете его, боюсь, содрогнется вся Поднебесная.

Дун Чжо остановился.

– О таких делах, как низложение и возведение на престол императора, говорить в пьяном виде нельзя, – заметил сы-ту Ван Юнь. – Обсудим это в другой день.

Сановники разошлись.

Дун Чжо, опираясь на меч, стоял у ворот сада, когда заметил всадника с алебардой, галопом скакавшего на коне вдоль садовой ограды.

– Что это за человек? – спросил Дун Чжо у Ли Жу.

– Это Люй Бу, приемный сын Дин Юаня, – ответил тот. – Вам не следовало бы попадаться ему на глаза.

Дун Чжо скрылся в саду.

На другой день стало известно, что Дин Юань с войском подошел к городу. Дун Чжо вместе с Ли Жу повел свои войска ему навстречу, и, когда обе армии выстроились друг против друга, Дун Чжо снова увидел Люй Бу. Голову его украшала великолепная шитая золотом шапка, а под панцирем был надет расшитый цветами боевой халат, подпоясанный поясом с драгоценной пряжкой в виде львиной головы. Подхлестнув коня, он появился перед строем вслед за Дин Юанем, который в сильном гневе кричал, обращаясь к Дун Чжо:

– К несчастью для государства, власть стала игрушкой в руках евнухов, что довело народ до бедственного положения! Но как смеешь ты, у которого нет никаких заслуг, вести сумасбродные речи о низложении и возведении на трон императора? Ты хочешь сеять смуту при дворе!

Не успел Дун Чжо ответить, как Люй Бу, горя желанием сразиться, помчался прямо на него. Дун Чжо обратился в бегство. Под натиском войск Дин Юаня воины Дун Чжо отступили на тридцать ли и расположились лагерем. Дун Чжо созвал военачальников на совет.

– По-моему, Люй Бу необыкновенный человек, – сказал он. – Вот если бы мне удалось привлечь его на свою сторону, я был бы спокоен за Поднебесную!

Тут к шатру приблизился какой-то человек и обнадежил его:

– Мы с Люй Бу земляки. Я знаю его: он храбр, но не умен, гонится за выгодой и забывает о долге. Мне кажется, я сумею уговорить его перейти к вам.

Человек, сказавший так, был Ли Су, военачальник отряда Тигров³³.

– Как же ты уговоришь его? – поинтересовался Дун Чжо.

– Я слышал, что у вас есть замечательный конь по прозвищу Красный Заяц, который в день пробегает тысячу ли. Подарите Люй Бу этого коня, и вы завоюете его сердце. А я постараюсь уговорить его. Ручаюсь, Люй Бу изменит Дин Юаню и перейдет на вашу сторону.

– Что вы думаете об этом? – обратился Дун Чжо к Ли Жу.

– Если вы хотите завладеть Поднебесной, стоит ли жалеть одного коня? – ответил Ли Жу.

---

³² *И-лан* – почетное звание, которое присваивалось чиновникам за честность и прямоту. И-ланы выполняли обязанности советников.

³³ Отряд телохранителей Дун Чжо.

Дун Чжо с радостью отдал коня, добавив еще тысячу лян золота, несколько десятков нитей жемчуга и яшмовый пояс.

Ли Су отправился с дарами в лагерь Люй Бу. Когда стража остановила его, он сказал:

– Доложите начальнику, что к нему приехал земляк.

Ли Су, представ перед Люй Бу, обратился к нему с такими словами:

– Надеюсь, что вы, дорогой брат, чувствуете себя хорошо с тех пор, как мы расстались?

– Мы уже давно не виделись, – отвечая на поклон, сказал Люй Бу. – Где вы теперь служите?

– Я – чжун-лан-цзян в отряде Тигров, – ответил Ли Су. – Узнав о том, что вы ярый приверженец династии, я возликовал сердцем. У меня есть необыкновенный конь, который за день пробегает тысячу ли, скачет через реки и горы, словно по ровному месту. Зовут его Красный Заяц. Я дарю его вам, мой дорогой брат, – он будет под стать вашей доблести.

Люй Бу пожелал взглянуть на такое чудо. Конь и в самом деле был великолепен. Весь красный, как пылающие угли, длиной от головы до хвоста в один чжан, высотой от копыт до гривы в восемь чи. Его могучее ржание достигало, казалось, до самых небес и проникало до дна моря.

Потомки сложили стихи, восхваляющие этого коня:

Он огненно-красным драконом, слетевшим с заоблачной выси,
Летит, обрывая поводья и губы кровава уздой.
Он тысячи ли пролетает, взбираясь на горные кручи,
Преодолевая потоки, туман рассекая седой.

Этот конь привел Люй Бу в восторг.

– Как мне отблагодарить тебя, дорогой брат, за твой подарок? – спрашивал он Ли Су.

– Я пришел к тебе движимый чувством преданности, – отвечал тот. – Мне не надо никакой награды!

По знаку Люй Бу подали вино, и они осушили кубки.

– Дорогой брат, – заговорил Ли Су. – Мы с вами видимся редко, но зато я часто встречаю вашего уважаемого батюшку.

– Что с вами, брат мой? Вы пьяны? – удивился Люй Бу. – Мой батюшка уже много лет назад покинул сей мир. Как же вы могли видеться с ним?

– Неправда! – с хохотом возразил Ли Су. – Я только сегодня беседовал с Дин Юанем!

Люй Бу вздрогнул и мрачно произнес:

– Я нахожусь у Дин Юаня потому, что не могу найти ничего лучшего.

– Мой дорогой брат, – воскликнул Ли Су, – ваши таланты выше неба и глубже моря! Кто в Поднебесной не восхищается вашим славным именем? Вас ждут богатство и почести! А вы говорите, что вынуждены оставаться в подчинении у других!

– Жаль, что я не встретил более достойного покровителя! – воскликнул Люй Бу.

Ли Су, улыбаясь, сказал:

– Умная птица выбирает себе дерево, на котором вьет гнездо, а мудрый слуга избирает себе достойного господина. Благоприятный случай никогда не приходит слишком рано, раскаяние всегда приходит поздно.

– Вы, брат мой, служите при дворе, – сказал Люй Бу. – Кто, по-вашему, может считаться героем нашего века?

– По-моему, из всех сановников, которых я знаю, ни одному не сравниться с Дун Чжо, – сказал Ли Су. – Дун Чжо – человек мудрый, вежливый и ученый. Он знает, когда надо награждать и когда наказывать. В конце концов он совершит великое дело!

– Хотел бы я служить ему, но не нахожу к этому пути, – заметил Люй Бу.

Тут Ли Су преподнес ему золото, жемчуг и яшмовый пояс.

– Что это значит? – заволновался Люй Бу.

– Это значит, – сказал Ли Су, приказав сначала отослать слуг, – что Дун Чжо давно уважает вас за вашу доблесть и поручил мне преподнести вам эти дары. Красный Заяц – тоже его подарок.

– Чем же я могу отблагодарить его за столь глубокое расположение ко мне?

– Уж если такой бездарный человек, как я, мог стать военачальником отряда Тигров, так невозможно описать, какие почести ожидают вас!

– К сожалению, я не могу оказать ему такие услуги, чтобы удостоиться чести предстать перед ним, – заметил Люй Бу.

– Есть одна услуга, которую вы можете ему легко оказать, – подхватил Ли Су, – но не знаю, согласитесь ли вы.

– Если бы я убил Дин Юаня и привел его войска на сторону Дун Чжо? – спросил Люй Бу.

– Если вы действительно сделаете это, то большей услуги и быть не может. Но действуйте без промедления.

Условившись, что Люй Бу перейдет на их сторону завтра, Ли Су удалился.

Ночью Люй Бу с мечом в руке явился в шатер Дин Юаня; тот сидел и читал при свете зажженного пучка сухой травы.

– По какому делу ты пришел ко мне, сын мой? – спросил Дин Юань, заметив Люй Бу.

– Я уже вполне взрослый человек, – грубо ответил Люй Бу. – Неужели ты думаешь, что мне лестно называться твоим сыном?

– Почему такая перемена, сын мой? – удивился Дин Юань.

В ответ Люй Бу взмахнул мечом – и голова Дин Юаня покатилась на землю. Затем Люй Бу созвал приближенных убитого и заявил:

– Дин Юань был жестоким человеком, и я убил его. Кто согласен служить мне, оставайтесь, остальные уходите.

Более половины воинов разошлись.

На следующий день Люй Бу с отрубленной головой Дин Юаня отправился к Ли Су, и тот представил его Дун Чжо. Дун Чжо на радостях приказал подать вина и, поклонившись Люй Бу, молвил:

– Ваш приход для меня – все равно что живительная влага для засыхающих всходов!

Люй Бу усадил Дун Чжо и, став на колени, сказал:

– Если вы не возражаете, то разрешите мне поклониться вам как названому отцу.

Дун Чжо подарил Люй Бу золотые латы и парчовый халат, затем, отдав должное вину, они разошлись.

С этих пор сила и власть Дун Чжо еще больше возросли. Он принял должность убитого Дин Юаня и пожаловал титулы многим своим родственникам, в том числе и Люй Бу.

Ли Жу подбивал Дун Чжо поскорее осуществить план низложения императора. С этой целью Дун Чжо устроил во дворце пир, на который были приглашены все сановники. Люй Бу с тысячей латников охранял собравшихся.

Пришел на пир и тай-фу Юань Вэй с чиновниками. Когда вино обошло несколько кругов, Дун Чжо поднялся и, опершись на меч, заговорил:

– Тот, кто ныне правит нами, – неразумен и слаб и посему недостоин наследия предков. Следуя примеру И Иня и Хо Гуана, я решил отстранить его от управления, даровав ему титул вана Хуннун, а на престол возвести вана Чэнь-лю. Кто будет противиться мне – казню!

Перепуганные сановники не осмеливались противоречить, и лишь один Юань Шао смело выступил вперед и сказал:

– Нынешний император только что вступил на трон. Он ни в чем не повинен и не лишен добродетели. Ты же задумал свергнуть его и посадить на престол побочного сына покойного государя! Что это, как не мятеж?

– Поднебесная в моих руках! – загремел Дун Чжо. – Теперь управляю я. Кто дерзнет пойти против меня? Иль ты сомневаешься в остроте моего меча!

– Твой меч остер, но и мой не затупился! – крикнул Юань Шао, обнажая свой меч. Оба стояли лицом к лицу на одной циновке.

Вот уж поистине говорится:

За правду погиб Дин Юань, могучим героем прослав,
А что Юань Шао пожнет, в единоборство вступив?

О дальнейшей судьбе Юань Шао вы узнаете в следующей главе.

Глава четвертая, из которой читатель узнает о том, как ван Чэнь-лю вступил на престол, и о том, как Цао Цао подарил меч Дун Чжо

Итак, Дун Чжо хотел убить Юань Шао, но Ли Жу остановил его словами:

– Пока решение не принято, убивать Юань Шао безрассудно.

Дун Чжо опустил свое оружие. Юань Шао с обнаженным мечом в руке поклонился сановникам и поспешно выехал через восточные ворота в Цзичжоу.

– Твой племянник грубиян, – сказал Дун Чжо тай-фу Юань Вэю, – но ради тебя я прощаю его. Скажи, что ты думаешь о низложении императора?

– Ваше намерение правильно, – ответил ему Юань Вэй.

– Так пусть же будут наказаны по военным законам те, кто осмелится противиться этому! – заявил Дун Чжо.

Перепуганные сановники в один голос изъявили покорность, и пир на том окончился. Когда все разошлись, Дун Чжо спросил своих приближенных Чжоу Би и У Цюна:

– Как вы относитесь к тому, что Юань Шао удалился?

– Юань Шао покинул пир разгневанный, – сказал Чжоу Би, – и если вы будете слишком притеснять его, это может вызвать волнения по всей Поднебесной. Ведь сторонники Юаней, обязанные этому роду благодеяниями из поколения в поколение, найдутся повсюду, и, если Юань Шао соберет храбрецов и поднимет восстание, вы потеряете Шань-дун. Лучше смените гнев на милость, испросите для него должность правителя округа, и он не станет чинить вам никакого зла.

– Юань Шао любит строить планы, хотя у него и не хватает решимости их выполнять, – добавил У Цюн. – Его нечего бояться. Но все же стоит дать ему должность и этим снискать расположение народа.

Дун Чжо последовал советам своих приближенных и в тот же день послал гонца к Юань Шао, предлагая ему занять пост правителя Бохая.

В день новолуния девятого месяца император был приглашен в зал Обильной добродетели, где собралось много гражданских и военных чинов. Дун Чжо, обнажив меч, заявил собравшимся:

– Сын неба слаб и не способен управлять Поднебесной. Слушайте акт его отречения.

И он приказал Ли Жу читать.

«Усопший император Лин-ди слишком рано покинул своих подданных. И ныне весь мир взирает с надеждой на его наследника. Но небо даровало мало талантов нынешнему правителю нашему: уважением он не пользуется, траур соблюдает нерадиво. Недостаток добродетелей наносит оскорбление великому престолу. Императрица-мать также не обладает достоинствами, необходимыми августейшей матери Сына неба, и государственные дела от этого пришли в беспорядок. Императрица Юн-лэ была зверски умерщвлена, о чем в народе ходят разные слухи. Не является ли это злодеяние попранием основ Трех уз³⁴, связывающих людей так же, как связано небо с землей?

---

³⁴ *Основы Трех уз* – три главных вида отношений между людьми по правилам конфуцианской морали: отношения между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой.

Ван Чэнь-лю, по имени Се, мудр и щедро одарен добродетелями, поступки его безупречны. Он ревностно соблюдает траур, слова его не расходятся с делом; доброе имя его прославлено по всей Поднебесной. Ему надлежит взять на себя великое дело управления государством и увековечить свое имя. Посему император низлагается и ему присваивается титул вана Хуннун. Вдовствующая императрица устраняется от управления Поднебесной.

Мы почтительнейше просим вана Чэнь-лю от имени неба и по воле народа быть нашим государем и тем самым оправдать надежды рода человеческого».

Когда Ли Жу окончил чтение, Дун Чжо приказал свести императора с трона, снять с него пояс с печатью и заставить его, преклонив колена, признать себя подданным и обещать повиноваться законам.

Вдовствующей императрице велено было снять мантию и ждать прощения. Император и императрица громко зарыдали, слезы их разжалобили всех сановников, а один из них, стоявший у самых ступеней трона, гневным голосом воскликнул:

– Дун Чжо, злодей! Как смеешь ты оскорблять небо! Это преступление должно быть смыто твоей кровью!

И дощечкой из слоновой кости, которую он держал в руке, сановник ударил Дун Чжо. Это был шан-шу Дин Гуань. Дун Чжо в ярости приказал страже вывести и обезглавить его. Дин Гуань, не умолкая, проклинал Дун Чжо, и до самой смерти мужество не изменило ему.

Потомки сложили стихи, в которых оплакивают его гибель:

Лелеял коварный Дун Чжо мечту императора свергнуть,
И храмы династии Хань хотел он разрушить и сжечь.
Среди именитых двора, среди царедворцев продажных
Сумел лишь один Дин Гуань достоинство мужа сберечь.

Дун Чжо попросил вана Чэнь-лю взойти на престол. После церемонии представления новому императору всех сановников Дун Чжо приказал увести вдовствующую императрицу Хэ, вана Хуннун и вторую жену покойного императора урожденную Тан во дворец Вечного покоя и запереть за ними ворота. Сановникам запрещено было самовольно входить туда.

Достойно сожаления, что несчастный молодой император, лишь в четвертом лунном месяце вступивший на престол, в девятом месяце уже был низложен!

Посаженный на престол ван Чэнь-лю, которому исполнилось девять лет, был вторым сыном Лин-ди. Правил он под именем Сянь-ди, а период правления его назывался Чу-пин, что значит Начало спокойствия.

Дун Чжо стал правой рукой императора. Преклоняя перед ним колена, он не называл своего имени, как этого требовали церемонии; отправляясь ко двору, он не спешил, в зал приемов входил с мечом. Ничего подобного не видывали прежде. Ли Жу советовал Дун Чжо привлечь на свою сторону ученых, чтобы снискать уважение людей, и особенно расхвалил талант и мудрость Цай Юна. Дун Чжо велел вызвать его, но Цай Юн не явился. Разгневанный Дун Чжо послал людей предупредить его, что если он не придет к нему, то род его будет уничтожен. Цай Юн испугался и выполнил приказание. Дун Чжо обращался с ним очень милостиво и за один месяц трижды повышал его в чине.

А в это время малолетний император с императрицей Хэ и второй женой покойного императора урожденной Тан томился во дворце Вечного покоя. Запасы съестного с каждым днем истощались. Слезы не высохали на глазах малолетнего императора. Однажды увидел он пару влетевших во дворец ласточек и сочинил такие стихи:

Над нежною травкой прозрачный дымок
И ласточек быстрых мельканье.
В долине Лошуя, на зависть другим,
Снуют между грядок крестьяне.
В дали бирюзовой белеет стена —
То старый дворец мой в тумане...
Но кто же из верных и добрых людей
Придет облегчить мне страданье?..

Человек, постоянно шпионивший за ним по приказу Дун Чжо, сейчас же передал эти стихи своему покровителю.

— Так он от обиды сочиняет стихи! — воскликнул Дун Чжо. — Вот предлог убить его!

Он приказал Ли Жу взять десять стражников, войти во дворец и убить мальчика. Низложенный император и обе вдовы находились в верхних покоях, когда служанка сообщила, что пришел посланец от Дун Чжо. Ли Жу поднес императору чашу с вином, и тот спросил удивленно, что это значит.

— Наступил праздник весны, — сказал ему Ли Жу, — сян-го³⁵ Дун Чжо посылает вам чашу вина долголетия.

— Если это в самом деле вино долголетия, — возразила императрица, — то выпейте сначала сами.

— Так вы отказываетесь пить? — рассердился Ли Жу.

Он подозвал слугу с кинжалом и веревкой и крикнул императору:

— Не хотите пить вино — берите эти вещи!

Госпожа Тан упала на колени:

— Разрешите мне выпить это вино. Умоляю вас сохранить жизнь матери и сыну!

— Кто ты такая, чтобы отдать свою жизнь за жизнь вана? — закричал на нее Ли Жу и затем, поднеся чашу императрице Хэ, сказал:

— Ты можешь пить первой.

Тогда императрица стала проклинать Хэ Цзиня за то, что он навлек все нынешние бедствия, призвав злодеев в столицу.

Ли Жу торопил императора осушить чашу.

— Позвольте мне попрощаться с матушкой, — просил император, и, глубоко опечаленный, он сложил песню:

Пусть небо сойдется с землею и солнце во тьму погрузится.
Страну свою брошу навеки, в последний отправившись путь.
Меня унижают холопы, но жить мне осталось недолго,
Великая сила уходит, слезами ее не вернуть!

Госпожа Тан также сложила песню:

Пускай же расколется небо, земля превратится в пустыню
За то, что наложницей бедной твой путь не могу разделить.
Кто раньше из жизни уходит, с живыми навек расстается.
И скорбь, что мне сердце терзает, хочу я слезами излить!

Окончив пение, они обнялись и заплакали.

---

³⁵ Сян-го — чин, соответствующий премьер-министру.

– Сян-го ждет меня с донесением, – вскричал Ли Жу, – а вы медлите! Уж не надеетесь ли вы на чью-либо помощь?

– Разбойник Дун Чжо принуждает нас умереть! Да покарает его небо! – гневалась императрица Хэ. – Ты помогаешь злодею – так пусть же погибнет твой род!

Ли Жу в бешенстве схватил императрицу и сбросил ее с башни. Затем он приказал задушить госпожу Тан и силой влил в рот малолетнего императора отравленное вино. Возвратившись, он доложил об этом Дун Чжо, и тот велел похоронить убитых за городом.

С тех пор Дун Чжо каждую ночь стал ходить во дворец, бесчестил придворных женщин и даже спал на императорском ложе.

Однажды Дун Чжо повел свое войско в Янчэн. Это было во втором лунном месяце, когда поселяне устраивали благодарственные жертвоприношения, на которые собирались все мужчины и женщины. Дун Чжо приказал окружить ни в чем не повинных людей, перебить всех мужчин и захватить женщин и имущество. Нагрузив разным добром повозки и привязав к ним более тысячи отрубленных голов, они возвратились в столицу, распространяя слух, что одержали великую победу и уничтожили шайку разбойников. Головы убитых были сожжены у городских ворот, а женщины и имущество разделены между «победителями».

Один из сановников, У Фоу, возмущенный злодеяниями Дун Чжо, замыслил убить его и стал под придворным платьем носить легкий панцирь и кинжал. Выследив однажды Дун Чжо, У Фоу выхватил кинжал и бросился на него. Но Дун Чжо, обладая большой силой, сумел удержать У Фоу, пока не подоспел Люй Бу и не связал его.

– Кто научил тебя бунтовать? – допытывался Дун Чжо.

– Ты мне не государь, а я не твой подданный! – вскричал У Фоу. – Разве я бунтовщик? Твои злодеяния переполнили чашу терпения неба, и каждый честный человек горит желанием убить тебя. Я горюю, что не могу разорвать тебя, этим я заслужил бы благодарность Поднебесной!

Дун Чжо приказал увести У Фоу и изрубить в куски. Но тот до самой смерти не переставал осыпать Дун Чжо проклятиями. Потомки сложили стихи, восхваляющие его:

Средь верных друзей династии Хань У Фоу считали вернейшим:
Во время приема злодея убить пытался он скрытым оружием.
И храбрость его дошла до небес, а слава живет и поныне.
Во веки веков его будут звать великим и доблестным мужем.

С тех пор Дун Чжо стал всюду ходить в сопровождении телохранителей.

Юань Шао находился в это время в Бохэе. Когда до него дошла весть, что Дун Чжо захватил власть, он послал гонца с секретным письмом к Ван Юню. Письмо гласило:

Разбойник Дун Чжо, оскорбив небо, сверг нашего правителя, о чем верные люди не в силах молчать. Вы же миритесь с его распущенностью, будто ничего не знаете о ней! Разве так служат государству преданные слуги?

Я собираю войско, чтобы избавить правящий дом от недостойных лиц, однако опасаясь поступить опрометчиво. Если вы поддержите меня, я сочту своим долгом при случае вместе с вами обдумать, какие надлежит принять меры. Если вы найдете нужным послать меня куда-либо, я исполню ваше повеление.

Ван Юнь, прочитав письмо, долго не мог принять никакого решения. Но как-то в сутолоке дворцовой приемной он встретился с близко знакомыми сановниками и обратился к ним:

– Сегодня я праздную день рождения и прошу вас вечером оказать мне честь своим посещением.

– Непременно придем пожелать вам долгой жизни, – отозвались сановники.

Вечером Ван Юнь приготовил пир во внутренних покоях своего дома. Собрались все приглашенные. Когда вино обошло несколько кругов, Ван Юнь вдруг закрыл лицо руками и заплакал. Все встревожились и стали расспрашивать его:

– В чем причина вашей печали? Ведь сегодня день вашего рождения.

– Нет, сегодня не день моего рождения, – отвечал Ван Юнь. – Я просто хотел увидаться с вами и поговорить откровенно, но боялся вызвать подозрения Дун Чжо и придумал этот повод. Дун Чжо, обойдя императора, присвоил власть и поставил под угрозу существование династии! Мне вспомнилось, как император Гао-цзу, разбив царство Цинь и уничтожив царство Чу, завоевал Поднебесную и основал династию Хань. Так неужели теперь все должно погибнуть от руки Дун Чжо! Вот в чем причина моих слез.

Тут все зарыдали. Но один из гостей поднялся и, громко рассмеявшись, сказал:

– Даже если все сановники примутся плакать с вечера до утра и с утра до вечера, вряд ли смогут они своими слезами убить Дун Чжо!

Ван Юнь, окинув взглядом говорившего – это был Цао Цао, – гневно воскликнул:

– Твой род пользовался милостями Ханьского дома! Ты же не только не думаешь, как послужить государству, но еще и смеешься над нами!

– Я смеюсь вовсе не потому, – возразил Цао Цао. – Мне смешно, что вы проливаете слезы и не думаете над тем, как убить Дун Чжо. Я хоть и не обладаю талантами, но сумею отрубить голову этому разбойнику и выставить ее у ворот столицы, чтобы заслужить благодарность Поднебесной!

– Какие же у вас планы, Цао Цао? – спросил Ван Юнь, подходя к нему.

– Вот что, – начал Цао Цао. – В ближайшие дни я отправлюсь к Дун Чжо и скажу, что хочу служить ему. Если он поверит, то со временем мне удастся попасть в число его приближенных. Я слышал, что у вас, сы-ту, есть драгоценный меч «семи звезд». Я хотел бы получить его, чтобы, пробравшись во дворец, убить им злодея. Случись так, что пришлось бы мне самому умереть, я не пожалел бы об этом!

– Если ваше намерение искренне, какое это будет счастье для Поднебесной! – вскричал Ван Юнь.

И, своими руками наполнив чашу вином, он поднес ее Цао Цао. Тот выпил и произнес клятву, после чего Ван Юнь вручил ему меч «семи звезд». Цао Цао спрятал его, поклонился сановникам и удалился. Все остальные вскоре тоже разошлись.

На следующий день Цао Цао, опоясавшись драгоценным мечом, отправился во дворец. Узнав от приближенных, что Дун Чжо в малом зале, он вошел туда. Дун Чжо сидел на ложе. Около него стоял Люй Бу.

– Почему вы пришли так поздно? – спросил Дун Чжо.

– На плохом коне быстро не доедешь! – отвечал Цао Цао.

– Я получил из Силяна добрых коней, – сказал Дун Чжо и обратился к Люй Бу: – Пойди выбери одного и подари Цао Цао.

Люй Бу вышел, и Цао Цао подумал: «Вот удобный момент убить злодея!» Он хотел уже выхватить меч, но заколебался, зная, как силен Дун Чжо. Тучный Дун Чжо не мог сидеть подолгу и лег, отвернувшись лицом к стене.

«С этим злодеем надо немедленно покончить», – снова мелькнуло в голове Цао Цао. Он выхватил меч и замахнулся, но не подумал о том, что Дун Чжо смотрит вверх и видит его в зеркале, висящем на стене.

– Ты что делаешь? – спросил Дун Чжо, быстро оборачиваясь.

В эту минуту Люй Бу подвел к крыльцу коня. Цао Цао быстро опустился на колени и, протягивая меч Дун Чжо, произнес:

– Вот драгоценный меч, который я хотел бы подарить вам за ваши милости.

Дун Чжо внимательно осмотрел подарок: острый клинок более чи длиною, в рукоять вправлено семь драгоценных камней – поистине драгоценный меч. Полюбовавшись, он передал меч Люй Бу, а Цао Цао отдал ему ножны.

Затем Дун Чжо и Цао Цао вышли посмотреть на коня. Выразив благодарность, Цао Цао сказал, что хотел бы испытать его. Дун Чжо приказал принести седло и уздечку. Цао Цао вывел коня, вскочил в седло и умчался на юго-восток.

– Направляясь сюда, Цао Цао замыслил убийство, – сказал Люй Бу, – но его постигла неудача. Вот почему он решил подарить вам этот меч.

– Я тоже заподозрил это, – согласился Дун Чжо.

Тут как раз подошел Ли Жу, и Дун Чжо рассказал ему о случившемся.

– У Цао Цао в столице нет ни жены, ни детей, – сказал Ли Жу. – Он один в доме. Пошлите за ним. Если Цао Цао придет, значит он действительно хотел подарить вам меч. Если же он не явится, это послужит доказательством того, что он и вправду замыслил убийство. Тогда схватите его и допросите.

Мысль эта показалась Дун Чжо правильной, и он послал за Цао Цао четверых тюремных стражников. Спустя некоторое время они вернулись и доложили, что Цао Цао выехал верхом через восточные ворота и домой не возвращался. Страже у ворот он сказал, что якобы послан по срочному делу, и, подхлестнув коня, ускакал.

– Нет сомнений – злодей почуял беду и бежал, как крыса! – воскликнул Ли Жу.

– Я так доверял ему, а он хотел убить меня! – жаловался Дун Чжо.

– У него, разумеется, есть сообщники, – утверждал Ли Жу. – Надо изловить Цао Цао, и тогда мы узнаем все.

Дун Чжо повсюду разослал приказ изловить Цао Цао; были указаны его приметы и обещана награда – тысяча лян золота и титул хоу тому, кто его схватит. Тот же, кто попытается укрыть Цао Цао, будет рассматриваться как его сообщник.

А Цао Цао тем временем, выехав из города, помчался в Цзяоцзюнь, но по дороге в Чжунмоу был схвачен стражей у заставы и доставлен начальнику уезда.

– Я – торговец, и фамилия моя Хуанфу, – заявил ему Цао Цао.

Начальник уезда пристально посмотрел на него и задумался, а затем сказал:

– Когда я в Лояне ожидал назначения на эту должность, я знал тебя как Цао Цао. Что заставляет тебя скрывать свое имя? Сейчас я посажу тебя в тюрьму, а завтра доставлю в столицу и получу награду.

Однако в полночь начальник уезда приказал преданному слуге тайно привести Цао Цао к нему на задний двор для допроса.

– Я слышал, что Дун Чжо хорошо относился к тебе, – сказал он, – почему же ты сам полез на рожон?

– Где воробью понять стремления аиста! – оборвал его Цао Цао. – Вы поймали меня, ну и отправляйтесь за наградой! К чему лишние вопросы?

Начальник уезда отпустил своих слуг и молвил:

– Не глумитесь надо мной! Я не какой-нибудь мелкий чиновник – да вот служу не тому, кому надо!

– Род мой пользовался щедротами Ханьского дома, и если мне не думать о том, как принести пользу государству, то чем я буду отличаться от скотины? Я заставил себя служить Дун Чжо, ибо искал удобного случая разделаться с ним и избавить Поднебесную от зла, – сказал Цао Цао. – Но дело не увенчалось успехом – видно, не судьба!

– А куда вы направляетесь теперь?

– Я хотел возвратиться в родную деревню, чтобы оттуда бросить клич всем князьям Поднебесной поднимать войска и уничтожить разбойника Дуна, – ответил Цао Цао. – Таково мое желание!

Тут начальник уезда освободил его от пут, усадил на почетное место и, поклонившись, сказал:

– Кланяюсь вам как справедливому и достойному сыну Поднебесной!

Цао Цао в свою очередь отдал поклон и пожелал узнать имя начальника.

– Меня зовут Чэнь Гун, – молвил тот. – У меня есть престарелая мать, жена и дети – все они живут в Дунцзуне. Глубоко взволнованный вашей преданностью государству, я хочу оставить должность и последовать за вами.

В ту же ночь Чэнь Гун приготовил все, что могло потребоваться в пути, дал Цао Цао другую одежду, и затем, вооружившись мечами, оба отправились в родную деревню Цао Цао. Через три дня они добрались до Чэнгао.

Смеркалось. Цао Цао, указывая плетью на деревушку в лесу, сказал Чэнь Гуну:

– Здесь живет Люй Бо-шэ, сводный брат моего отца. Не захватить ли нам к нему поразузнать новости, а может быть, и переночевать там?

– Прекрасно! – сказал Чэнь Гун.

Они въехали в деревушку, спешили и вошли в хижину Люй Бо-шэ.

– Я слышал, что разослан приказ, повелевающий схватить тебя, – сказал Люй Бо-шэ. – Твой отец укрылся в Чэньлю, как ты попал сюда?

Цао Цао рассказал обо всем и добавил:

– Если бы не Чэнь Гун, меня давно уже изрубили бы на мелкие части.

– Господин мой, если бы вы не спасли моего племянника, погиб бы род Цао! – воскликнул Люй Бо-шэ, кланяясь Чэнь Гуну. – Сегодня ночью вы можете отдыхать и спать спокойно.

Усадив гостей, он вышел из комнаты и, вернувшись спустя некоторое время, сказал:

– У меня в доме нет хорошего вина и нечего выпить в честь вашего приезда. Я съезжу в соседнюю деревню и достану.

Люй Бо-шэ сел на осла и уехал. Цао Цао и Чэнь Гун ждали довольно долго, и вдруг за домом им почудился странный звук, словно кто-то точил нож.

– Ведь Люй Бо-шэ не родственник мне, – встревожился Цао Цао. – Очень подозрительно, что он ушел. Давайте прислушаемся.

Крадучись они пробрались в заднюю комнату соломенной хижины и услышали, как кто-то за стеной сказал:

– Надо связать, прежде чем резать.

– Так я и думал! – шепнул Цао Цао. – Если мы не опередим их, они схватят нас.

Они обнажили мечи и перебили всех, кто попадался им под руку – мужчин и женщин, всего восемь человек. Обыскав затем дом, они обнаружили на кухне связанную свинью, приготовленную на убой.

– Цао Цао, мы ошиблись! – воскликнул Чэнь Гун. – Мы убили добрых людей!

Второпях они покинули дом, вскочили на коней и помчались, но не проехали и двух ли, как встретили Люй Бо-шэ верхом на осле с двумя кувшинами вина. В руках он держал корзину с овощами и фруктами.

– Дорогой племянник и вы, господин, – окликнул их Люй Бо-шэ, – почему же вы так скоро тронулись в путь?

– Людям, совершившим преступление, нельзя подолгу оставаться на месте, – сказал Цао Цао.

– А я поручил домашним заколоть свинью, чтобы угостить вас, – продолжал Люй Бо-шэ. – Разве вы гнушаетесь моим убогим жильем? Умоляю вас вернуться!

Цао Цао, взмахнув плетью, поскакал вперед, но вдруг круто осадил коня и, повернувшись, крикнул, обнажая свой меч:

– Кто это едет за нами?

Люй Бо-шэ оглянулся. В этот миг Цао Цао мечом снес ему голову.

– Что вы наделали? – испуганно воскликнул Чэнь Гун. – Вы только что уже совершили ошибку!

– Если бы Люй Бо-шэ вернулся домой и увидел, что вся семья его перебита, разве он стерпел бы? – возразил Цао Цао. – Он созвал бы людей и погнался за нами, тогда мы попали бы в беду!

– Преднамеренное убийство – великая несправедливость, – сказал Чэнь Гун.

– Уж лучше я обижу других, чем позволю кому-либо обидеть себя, – ответил Цао Цао.

Чэнь Гун замолчал. Ночью они проехали несколько ли и при свете луны постучались в ворота постоянного двора. Накормив коня, Цао Цао вскоре уснул, а Чэнь Гун бодрствовал, терзаясь сомнениями: «Я считал его добрым человеком и, покинув свой пост, последовал за ним, а оказалось, что это человек с сердцем волка! Он натворит много зла, нельзя оставлять его в живых».

И Чэнь Гун потянулся было за мечом, собираясь прикончить Цао Цао.

Правильно говорится:

Правдивым не может быть тот, в чьем сердце скрывается злоба.

А вот Цао Цао, Дун Чжо наполнены злобою оба.

О том, что дальше приключилось с Цао Цао, вы узнаете в следующей главе.

Глава пятая, в которой рассказывается о том, как князья откликнулись на призыв Цао Цао, и о том, как три героя сражались с Люй Бу

В тот самый момент, когда Чэнь Гун собирался убить Цао Цао, в его голове промелькнула мысль:

«Нечестно это. Ведь я последовал за ним ради интересов государства. Лучше оставить его одного и возвратиться к себе».

Он вложил меч в ножны и, не дожидаясь рассвета, отправился в Дунцзюнь.

Цао Цао проснулся и, не найдя Чэнь Гуна, подумал:

«Услыша слова мои, он, видно, решил, что я жесток, и поэтому покинул меня. Здесь мне долго оставаться нельзя».

Вихрем примчался Цао Цао в Чэньлю, отыскал своего отца и, рассказав ему о случившемся, объявил, что распродаст свое имущество, соберет на эти деньги войско и начнет борьбу во имя справедливости.

– Боюсь, средств твоих не хватит, – ответил ему отец. – Но есть здесь один весьма достойный человек и к тому же очень богатый, по имени Вэй Хун. Он презирает богатство и печется о справедливости. Ежели заручиться его поддержкой, можно начинать великое дело.

Цао Цао приготовил угощение и, пригласив Вэй Хуна, поведал ему:

– Ханьский дом ныне без правителя. Дун Чжо захватил власть в свои руки, обманывает государя, губит народ. Поднебесная скрежещет зубами от гнева. Хотел бы я поддержать династию, да, жаль, сил у меня мало. Надеюсь, вы, как человек справедливый и преданный, не откажете мне в помощи.

– Я сам давно таю такую же мечту, – сказал ему Вэй Хун. – Но до сих пор не довелось мне встретить храброго человека. Если у вас столь великие цели, я отдам на это дело все свое имущество.

Не откладывая, они разослали гонцов по всем дорогам и приступили к набору войск, призывая их под знамя, на котором начертали два слова: «Верность и справедливость».

Люди, откликнувшиеся на призыв, стекались, как капли дождя.

Пришел к Цао Цао знаменитый человек из Янпина, по имени Ио Цзинь, за ним – Ли Дянь из Цзюйлу. Обоих Цао Цао оставил в отряде своих телохранителей.

Был там и Сяхоу Дунь, родом из княжества Пэй, потомок Сяхоу Ина³⁶. С малых лет он ловко владел копьем и четырнадцатилетним юношей отдан был учителю изучать ратное дело. Случилось, что некий человек неуважительно отозвался о его учителе. Сяхоу Дунь этого человека убил и сам бежал. Когда до него дошла весть, что Цао Цао собирает войско, Сяхоу Дунь пришел к нему вместе с братом Сяхоу Юанем. У каждого из них было по тысяче отборных воинов.

Можно сказать, они были братьями Цао Цао, так как отец его Цао Сун был из рода Сяхоу и только усыновлен семьей Цао.

Через несколько дней пришли два других брата Цао Цао – Цао Жэнь и Цао Хун, оба прекрасные всадники и искусные в обращении с оружием. И они привели с собой по тысяче воинов.

Цао Цао ликовал.

---

³⁶ Сяхоу Ин – один из главных сподвижников ханьского императора Гао-цзу.

В деревне началось обучение войск. Вэй Хун щедро тратил свое состояние на покупку одежды, оружия, знамен и флагов. Со всех сторон без счета народ привозил в дар провиант и фураж.

Юань Шао тем временем собрал под свои знамена тридцать тысяч воинов и, покинув Бохай, тоже присоединился к Цао Цао.

Цао Цао еще раз разослал гонцов по всем округам с призывом, в котором говорилось:

«Цао Цао и его единомышленники, движимые чувством великого долга, объявляют всей Поднебесной: злодей Дун Чжо совершает преступление против неба и губит землю. Он убил государя и разоряет государство, оскверняет дворец и терзает народ. Лютый и бесчеловечный, он виновен во многих подлых поступках.

Ныне мы получили секретный приказ императора собирать войско.

Клянемся, что очистим империю и уничтожим разбойников.

Мы уповаем на то, что вы тоже поднимете войска, дабы совместно с нами излить свой справедливый гнев, поддержать правящий дом и спасти народ.

Выступайте немедленно, как только получите этот клич».

На призыв Цао Цао откликнулись все князья. Они повели свои войска; кто по двадцать-тридцать тысяч, а кто по десять-двадцать тысяч воинов. При каждом князе были военачальники и чиновники. Войска двигались к Лояну.

Меж тем Гунсунь Цзань, правитель округа Бэйпин, с пятнадцатью тысячами отборных воинов проходил через уезд Пинъюань. Он заметил сквозь листву тутовых деревьев большое желтое знамя, и навстречу ему выехало несколько всадников, среди которых он узнал Лю Бэй.

– Почему вы здесь, брат мой? – спросил его Гунсунь Цзань.

– Вы были добры ко мне, дорогой брат, – отвечал Лю Бэй, – и по вашей милости я стал начальником этого уезда. Проведав, что вы с войском проходите здесь, я выехал приветствовать вас. Прошу, брат мой, войти в город и отдохнуть.

Гунсунь Цзань, указывая на Гуань Юйя и Чжан Фэя, спросил:

– А это что за люди?

– Это мои названные братья – Гуань Юй и Чжан Фэй, – ответил Лю Бэй.

– Так вы с ними вместе сражались против Желтых?

– Да. Победами своими я обязан этим двум людям.

– А какие должности они занимают? – продолжал расспрашивать Гунсунь Цзань.

– Гуань Юй – конный стрелок из лука, – сказал Лю Бэй, – а Чжан Фэй – пеший лучник.

– Как можно держать под спудом таких героев в то время, когда Дун Чжо затеял смуту и все князья Поднебесной двинулись в поход, чтобы его уничтожить? Брат мой, вы должны оставить ничтожную должность и идти вместе со мной, чтобы покарать злодеев и спасти династию Хань! Согласны?

– С великой радостью! – воскликнул Лю Бэй.

– Если бы вы позволили мне тогда убить Дун Чжо, теперь мы не попали бы в беду! – произнес Чжан Фэй.

– Ну, раз уж пошло на то, пора в поход собираться, – заключил Гуань Юй.

Так Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй с несколькими воинами последовали за Гунсунь Цзанем.

Цао Цао принял и их.

Следом, один за другим, приходили князья. Они разбивали свои лагеря, растянувшиеся на триста ли.

Цао Цао приказал зарезать быка и лошадь для жертвоприношений и созвал на совет всех князей, чтобы обсудить план похода.

– Мы собрались сюда, движимые чувством великого долга, – начал правитель округа Ван Куан. – Прежде всего нам надлежит избрать предводителя, связать себя клятвой, а потом уж действовать.

– В четырех поколениях рода Юаней было три гуна, – сказал Цао Цао. – У Юань Шао немало сторонников, и он, как потомок прославленного Ханьского сяна³⁷, достоин быть главою нашего союза.

Юань Шао долго отказывался, но все в один голос кричали:

– Только вы, кроме вас, никто не достоин быть нашим начальником!

И тогда Юань Шао дал согласие.

На следующий день возвели трехъярусный помост, по краям которого установили стяги пяти кланов, а на самом верху – белое на желтом древке знамя. Тут же положили полномочную грамоту и печать полководца и попросили Юань Шао подняться на возвышение.

Взволнованный Юань Шао в полном облачении, с мечом у пояса поднялся по ступеням, воскурил благовония и, поклонившись всем, произнес клятву:

«Несчастье постигло Ханьский правящий дом – прервана родословная нить императоров. Мятежник Дун Чжо, воспользовавшись распрями, бесчинствует безудержно; бедствия обрушиваются на знатных, жестокость изливается на народ.

Мы, Юань Шао и союзники, опасаясь гибели династии, объединим наши войска, дабы поспешить на помощь государству.

Все мы, связывая себя клятвой, обещаем действовать единодушно, дружно и согласно и быть достойными подданными Поднебесной.

Пусть сгинет и лишится потомства тот, кто нарушит эту клятву. Царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков, будьте этому свидетелями».

Окончив клятву, он смазал кровью уголки рта. Обряд взволновал всех, у многих на глаза навернулись слезы.

Смазав кровью губы полководцев, Юань Шао спустился с помоста. Толпа окружила его, увела в шатер и усадила там. Князя и все остальные разместились по сторонам двумя рядами, в соответствии с чином и возрастом.

По знаку Цао Цао подали вино, и, когда оно обошло несколько кругов, он заговорил:

– Теперь у нас есть предводитель, и нам надлежит получить от него назначения. Здесь не должно быть места соперничеству, основанному на силе и слабости.

– Хотя я и не отличаюсь талантами, – сказал Юань Шао, – но уважаемые князя избрали меня своим предводителем, и я обещаю награждать и наказывать по заслугам. В государстве есть законы, коими определяются наказания; в армии – дисциплина, которую никому не дозволено нарушать.

– Приказывай, мы повинемся! – ответили все присутствующие.

– Моему брату Юань Шу быть начальником по снабжению войска провиантом, – сказал Юань Шао, – ему надлежит следить за тем, чтобы ни в чем не было нехватки. А сейчас нам надобен военачальник, который во главе отряда отправился бы к перевалу Сышуй и завязал там битву. Остальные будут удерживать важнейшие дороги.

– Я хотел бы возглавить головной отряд, – выступил вперед Сунь Цзянь, правитель области Чанша.

---

³⁷ Сян – высший сановник, министр.

– Вы храбры, я знаю, вы с этим справитесь! – сказал Юань Шао.

Итак, отряд под командованием Сунь Цзяня двинулся в поход и ворвался на перевал Сышуй. Войска, охранявшие перевал, немедленно послали гонца в Лоян уведомить Дун Чжо о своем опасном положении.

Меж тем Дун Чжо, добившись власти, предался распутству. Когда Ли Жу, получив тревожные вести, доложил ему о них, Дун Чжо сильно встревожился и тотчас же созвал своих военачальников на совет.

Первым отозвался Люй Бу.

– Не печальтесь, отец мой, – сказал он с поклоном. – Ведь на подступах к перевалу стоят князья – я смотрю на них как на полное ничтожество. Разрешите мне с нашим храбрым войском отрубить им всем головы и выставить их у ворот столицы.

– Пока ты со мной, я могу спать спокойно! – радостно сказал Дун Чжо.

Но тут из-за спины Люй Бу вышел человек и громогласно заявил:

– К чему большим тесаком резать маленького цыпленка? Для меня так же легко обезглавить этих князей, как вытащить что-либо из своей сумы!

Дун Чжо взглянул на него – это был Хуа Сюн, человек ростом в девять чи, с осанкой тигра, головой барса и длинными обезьяньими руками. Дун Чжо понравились его слова. Он тут же присвоил ему высокое звание и дал пятидесятитысячное войско. В ту же ночь Хуа Сюн двинулся к перевалу.

А тем временем один из князей, Бао Синь, не желая, чтобы Сунь Цзянь, назначенный военачальником головного отряда, совершил подвиг первым, тайно послал своего брата Бао Чжуна с тремя тысячами конных и пеших воинов опередить Сунь Цзяня по боковой тропинке и вступить в бой с врагом.

Хуа Сюн во главе пятисот одетых в броню всадников бросился ему навстречу с криком: «Ни с места, мятежники!» Бао Чжун струсил и обратился в бегство. Хуа Сюн настиг его и взмахнул мечом, обезглавленный Бао Чжун упал с коня. Многие были взяты в плен живыми. Хуа Сюн послал к Дун Чжо гонца с головой Бао Чжуна и с известием о победе. Дун Чжо присвоил Хуа Сюну звание ду-ду³⁸.

Сунь Цзянь приблизился к перевалу с четырьмя военачальниками. Первый из них, Чэн Пу, был вооружен длинным железным копьем с острием как жало змеи; второй, Хуан Гай, был вооружен стальной плетью; оружием третьему, Хань Дану, служила большая секира; а оружием четвертого, Цзу Мао, был обоюдоострый меч. Сунь Цзянь носил серебряный шлем с красной каймой, у пояса – кованый меч и восседал на коне с украшенной цветами гривой.

– Эй, вы, пособники злодея! – вызывающе кричал Сунь Цзянь на перевал. – Сдавайтесь лучше сразу!

Помощник Хуа Сюна – Ху Чэн с отрядом в пять тысяч человек двинулся ему навстречу и вступил в бой. Чэн Пу с копьем наперевес поскакал прямо на Ху Чэна и после нескольких схваток пронзил его. Ху Чэн вскрикнул и замертво упал с коня.

Тогда Сунь Цзянь подал сигнал к наступлению, но с перевала посыпались стрелы и камни. Сунь Цзянь вынужден был отвести войска и, раскинув лагерь в Ляндуне, послал гонца к Юань Шао с донесением и к Юань Шу с требованием провианта. Но ни фуража, ни провианта Сунь Цзянь не получил, ибо нашелся человек, который сказал Юань Шу:

– Сунь Цзянь – это свирепый тигр из Цзяндуна. Если он захватит Лоян и убьет Дун Чжо, то у нас не станет волка, но зато появится тигр. Не давайте ему провианта, и он непременно потерпит поражение.

Юань Шу так и сделал.

---

³⁸ Ду-ду – высшая военная должность, приблизительно соответствующая генерал-инспектору.

В войсках Сунь Цзяня, терпевших лишения, поднялось возмущение. Когда лазутчики сообщили об этом защитникам перевала, Ли Су, состоявший советником при Хуа Сюне, сказал ему:

– Сегодня ночью я с отрядом спущусь с перевала по тайной тропинке и ударю на лагерь врага в обход, вы же ударьте в лоб, таким образом мы сможем захватить Сунь Цзяня в плен.

Хуа Сюн распорядился накормить досыта участников похода и ночью спустился с перевала.

Ярко светила луна, дул легкий ветер. К полуночи отряды добрались до лагеря Сунь Цзяня и с криками и барабанным боем бросились вперед. Сунь Цзянь, едва успев одеться и вскочить на коня, тут же встретился с Хуа Сюном. Всадники скрестили оружие. Не успели они сразиться, как подоспел отряд Ли Су. Он приказал воинам поджечь все кругом. Войска Сунь Цзяня охватила паника, и они обратились в бегство. Военачальники сражались один на один.

Возле Сунь Цзяня остался только Цзу Мао. Им обоим удалось вырваться из кольца. Преследуемый Хуа Сюном, Сунь Цзянь выпустил в него две стрелы, однако Хуа Сюн сумел вовремя отклониться в сторону. Сунь Цзянь хотел выпустить третью стрелу, но так сильно натянул тетиву своего разукрашенного лука, что сломал его. Ничего не оставалось, как бросить лук и бежать.

– Господин мой, – сказал Цзу Мао, – красная кайма вашего шлема бросается в глаза и служит приметой для разбойников. Снимите и отдайте его мне.

Сунь Цзянь сменил свой шлем на шишак Цзу Мао, и, расставшись, они поскакали по разным дорогам. Сунь Цзянь свернул на тропинку и благополучно скрылся, а Цзу Мао, преследуемый Хуа Сюном, пустился на хитрость: он повесил свой шлем на столб полусгоревшего дома, а сам кинулся в лес. Воины Хуа Сюна, видевшие при лунном свете шлем с красной каймой, со всех сторон принялись обстреливать его из луков. Лишь разгадав хитрость, они решились подойти и взять шлем. В эту минуту из лесу, размахивая мечом, выскочил Цзу Мао и бросился на Хуа Сюна. Тот извернулся и, испустив страшный крик, одним ударом сбросил Цзу Мао с коня.

Рукопашный бой продолжался до рассвета, и лишь тогда Хуа Сюн увел свои войска на перевал.

Чэн Пу, Хуан Гай и Хань Дан отыскиали Сунь Цзяня и собрали рассыпавшееся войско; Сунь Цзянь горько оплакивал гибель Цзу Мао. Ночью он послал человека с донесением к Юань Шао.

– Не думал я, что Сунь Цзянь потерпит поражение от Хуа Сюна! – воскликнул встревоженный Юань Шао и тут же созвал князей на совет.

– Брат Бао Синя, нарушив приказ, самовольно напал на врага, – сказал Юань Шао, когда все князья заняли свои места в шатре предводителя. – Он погиб, и вместе с ним погибло много людей. Ныне Сунь Цзянь потерпел поражение от Хуа Сюна. Боевой дух наших войск упал. Что предпринять?

Князья безмолвствовали. Юань Шао обвел всех взглядом и обратил внимание на троих неизвестных, стоявших позади Гунсунь Цзяня.

Наружность их была необыкновенной, лица полны решимости.

– Что это за люди, тай-шоу³⁹ Гунсунь Цзянь? – спросил Юань Шао.

– Это мой брат, мы с ним с малых лет жили под одной крышей, – сказал Гунсунь Цзянь и вывел Лю Бэя вперед. – Лю Бэй из Пинъюаня.

– Неужто тот самый Лю Бэй, который разбил Желтых? – спросил Цао Цао.

---

³⁹ Тай-шоу – правитель округа.

– Он самый, – подтвердил Гунсунь Цзань и велел Лю Бэю поклониться, а затем показать свое лицо. Потом Гунсунь Цзань подробно рассказал о подвигах Лю Бэя и о его происхождении.

– Поскольку он отпрыск Ханьского дома, ему следовало бы сесть, – предложил Юань Шао.

Лю Бэй скромно поблагодарил его.

– Я уважаю вас не за вашу славу и положение, а за то, что вы потомок императорского дома, – продолжал Юань Шао.

Лю Бэй уселся с края, а Гуань Юй и Чжан Фэй, скрестив руки, стали у него за спиной. Неожиданно прибежал разведчик с вестью, что Хуа Сюн во главе закованных в броню всадников спустился с перевала и на длинном бамбуковом шесте несет шлем Сунь Цзяня; он уже приблизился к лагерю, выкрикивает угрозы и вызывает на бой.

– Кто сразится с ним? – спросил Юань Шао.

– Разрешите мне, – выступил вперед Юй Шэ.

Юань Шао дал свое согласие. Но едва успел Юй Шэ удалиться, как вновь явился вестник и сказал, что он убит Хуа Сюном в третьей схватке.

Все побледнели.

– У меня есть превосходный воин Пань Фын, – вымолвил Хань Фу, – он сумеет одолеть Хуа Сюна.

Юань Шао тотчас же отправил его в битву. С секирой в руке Пань Фын вскочил на коня, а через некоторое время примчался гонец с сообщением, что и он тоже убит Хуа Сюном.

Эта весть поразила всех.

– Как жаль, что здесь нет моих военачальников Янь Ляна и Вэнь Чоу! – воскликнул Юань Шао. – Будь хоть один из них здесь, не пришлось бы бояться Хуа Сюна!

Не успел он сказать это, как из самого дальнего конца раздался громкий голос:

– Я отрублю голову Хуа Сюну и положу ее перед вашим шатром!

Все взоры обратились в сторону говорившего. У входа в шатер стоял воин девяти чи ростом, с длинной бородой, смуглым лицом, орлиным взглядом и густыми бровями. Голос его гудел, как большой колокол. Юань Шао спросил, что это за человек.

– Это брат Лю Бэя, по имени Гуань Юй, конный стрелок из лука, – сказал Гунсунь Цзань. – Он всюду следует за Лю Бэем.

– Неужели среди нас нет достойных смельчаков, что ты предлагаешь мне какого-то лучника! – возмущенно крикнул Юань Шу. – Велите вышвырнуть его отсюда!

– Умерьте свой гнев, – поспешил остановить его Цао Цао. – Раз человек говорит так, значит он храбр и сметлив. Если же он не победит, наказать его никогда не будет поздно.

– Но Хуа Сюн будет глумиться над нами, если мы пошлем в бой простого лучника, – возразил Юань Шао.

– Этот человек не похож на простолюдина, – заметил Цао Цао. – Как может Хуа Сюн узнать, что это простой лучник?

– Если я не одержу победы, отрубите мне голову, – заявил Гуань Юй.

Цао Цао стал наливать ему в кубок горячее вино.

– Пока нальете, я успею вернуться, – сказал ему Гуань Юй.

Он схватил меч и вскочил на коня. Князя услышали, как оглушительно загремели барабаны, словно раскололось небо и разверзлась земля, дрогнули холмы и обрушились горы. Князь замерли в напряженном ожидании, и когда уже хотели послать людей на разведку, раздался звон бубенцов: прискакал Гуань Юй и швырнул на землю голову Хуа Сюна.

Вино в кубке было еще теплое!

Потомки сложили стихи, восхваляющие Гуань Юйя:

Гремят барабаны и гонги, и в лагере пир и веселье.
Великая сила героя и небо и землю затмила.
Он кубок свой полный отставил, чтоб вновь похвалиться отвагой.
Врага он успел обезглавить, а в кубке вино не остыло.

Цао Цао был очень доволен победой Гуань Юйя. Но тут из-за спины Лю Бэя вышел Чжан Фэй и воскликнул:

– Брат мой, ты убил Хуа Сюна, но почему же ты сразу не ворвался на перевал и не захватил Дун Чжо? Долго ли нам еще ждать?

– Мы, высокопоставленные люди, слишком терпеливы! – в гневе вскричал Юань Шу. – Как смеет подчиненный какого-то начальника уезда хвалиться здесь своей силой и храбростью? Выгоните их из шатра!

– Совершившего подвиг следует награждать – будь он знатного или простого рода, – сказал Цао Цао.

– Если вы так высоко цените какого-то начальника уезда, то мне придется отказаться от должности! – заявил Юань Шу.

– Можно ли из-за одного слова расстраивать великое дело? – возразил Цао Цао.

Затем он велел Гунсунь Цзаню пока отослать Лю Бэя, Гуань Юйя и Чжан Фэя в лагерь.

Все военачальники разошлись. Цао Цао велел воину незаметно отнести в дар братьям мяса и вина, чтобы утешить их.

Между тем разбитые войска Хуа Сюна бежали обратно на перевал и рассказали Ли Су о случившемся. Он отправил спешное донесение Дун Чжо, и тот незамедлительно вызвал на совет Ли Жу, Люй Бу и других приближенных.

– Мы потеряли лучшего военачальника Хуа Сюна, – сказал Ли Жу, обращаясь к Дун Чжо. – Силы мятежников возросли. Юань Шао возглавляет союз князей, а его дядя Юань Вэй занимает у нас должность тай-фу. Если они действуют согласованно, мы можем сильно пострадать. Прежде всего надо разделаться с Юань Вэем. Мы просим вас возглавить армию, чтобы рассеять и истребить мятежников.

Дун Чжо немедленно отдал приказ Ли Цзюэ и Го Сы взять вооруженный отряд, окружить дом Юань Вэя и перебить всех – старых и малых, а отрубленную голову Юань Вэя доставить на перевал и объявить, за что он казнен.

Затем Дун Чжо собрал двухсоттысячное войско и по двум дорогам выступил в поход.

Ли Цзюэ и Го Сы, у которых было пятьдесят тысяч воинов, получили приказ держать перевал Сышуй, но в бой не вступать; сам Дун Чжо с войском в сто пятьдесят тысяч человек занял оборону на перевале Хулао в пятидесяти ли от Лояна. Люй Бу с его тридцатитысячным войском было приказано стать лагерем на подступах к перевалу.

Разведчики, узнав об этом, стрелой помчались с донесением в лагерь Юань Шао, и тот созвал военачальников на совет.

– Если Дун Чжо занял перевал Хулао, – произнес Цао Цао, – это значит, что он разрезал нашу армию на две части. Надо немедленно двинуть против него половину наших войск.

И тогда Юань Шао по всем направлениям двинул к Хулао войска под командованием Ван Куана, Цзяо Мао, Бао Синя, Юань И, Кун Юна, Чжан Яна, Тао Цяня и Гунсунь Цзяня, а Цао Цао встал во главе запасной армии.

Правитель округа Хэнэй Ван Куан подошел к перевалу первым. Навстречу ему выступил Люй Бу с тремя тысячами закованных в броню всадников. Когда Ван Куан построил свои войска в боевой порядок и сам занял место под знаменем, он увидел выехавшего вперед Люй Бу. На голове у него была шапка, шитая золотом и украшенная тремя пучками перьев; одет он был в расшитый цветами халат из красного сычуаньского шелка, перехваченный в талии поясом с

пряжкой в виде львиной головы. Пояс соединял изукрашенные резьбой латы. Лук и колчан со стрелами висели у него за спиной. С двухсторонней алебардой в руках восседал он на своем быстром как ветер коне Красный Заяц.

Поистине, Люй Бу – первый среди людей, а Красный Заяц – первый среди коней!

– Кто осмелится сразиться с ним? – обернувшись, спросил Ван Куан.

Склонив копье и припустив коня, выехал знаменитый воин Фан Юэ. Всадники помчались друг на друга. На пятой схватке Люй Бу сразил Фан Юэ, и тот рухнул с коня. Люй Бу с алебардой наперевес бросился вперед. Воины Ван Куана обратились в бегство. Люй Бу рубил направо и налево, словно не встречая никакого сопротивления. К счастью, на помощь Ван Куану подоспели армии Цзяо Мао и Юань И; Люй Бу пришлось отступить. Князя, понеся значительные потери, также отступили на тридцать ли и разбили лагерь. Вскоре подошли пять остальных армий. На военном совете говорили потом, что нет воина, равного Люй Бу.

Как раз в это время войско Люй Бу с развевающимися знаменами ринулось в бой.

Военачальник бэйхальского правителя Кун Юна по имени У Ань-го, вооруженный железной булавой, вступил в бой с Люй Бу. На десятой схватке Люй Бу ударом алебарды отрубил У Ань-го кисть руки. Тот выронил булаву и бежал. Все войска вышли ему на помощь, и Люй Бу снова отступил. Князя, возвратившись в лагерь, собрались на совет.

– Люй Бу великий герой, – сказал Цао Цао. – Никто не может противостоять ему. Надо собрать всех восемнадцать князей и обдумать наилучший план действий. Если захватить Люй Бу, то с Дун Чжо покончить нетрудно.

Пока они совещались, воины доложили, что Люй Бу опять вызывает кого-нибудь на бой. Теперь сам Гунсунь Цзань, размахивая копьем, выступил против Люй Бу. После нескольких схваток Гунсунь Цзань повернул коня и бежал. Люй Бу помчался за ним. Конь его, который за день мог пробежать тысячу ли, летел как ветер. Казалось, он вот-вот настигнет Гунсунь Цзаня. Люй Бу уже поднял алебарду, собираясь вонзить ее в сердце своего врага. Но в эту минуту сбоку подскочил всадник с налитыми кровью глазами и развевающейся бородой. Наклонив свое длинное, в восемнадцать чи, копье с острием наподобие змеиного жала, он грозно кричал:

– Стой, трижды презренный раб! Яньский Чжан Фэй перед тобой!

Услышав эти слова, Люй Бу оставил Гунсунь Цзаня и вступил в бой с Чжан Фэем. Тот сражался ожесточенно, но более двадцати схваток не решили исхода поединка. Видя это, Гуань Юй вскочил на коня и, размахивая своим тяжелым кривым, как лунный серп, мечом Черного дракона, налетел на Люй Бу с другой стороны. Всадники схватывались несколько десятков раз, но одолеть Люй Бу было невозможно.

Тогда Лю Бэй, выхватив свой обоюдоострый меч, на коне с развевающейся гривой, тоже бросился в бой. Все трое окружили Люй Бу, и тот, вертясь как волчок, сражался сразу с тремя. Воины восьми армий оцепенели от этого зрелища.

Люй Бу почувствовал, что слабеет. Глядя Лю Бэю в лицо, он сделал выпад. Лю Бэй шарахнулся в сторону, а Люй Бу вихрем пронесся мимо и вырвался на свободу. Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй гнались за ним до самого перевала.

У древних писателей есть описание этой битвы:

При Хуань-ди и Лин-ди династии участь решилась.
Светило дневное зашло, и луч предвечерний померк.
Лю Се был мечтатель и трус со слабой и робкой душой,
И вероломный Дун Чжо правителя юного сверг.
Но вот Цао Цао, восстав, призыв обратил к Поднебесной,
Взялись за оружие князя, собрали несметную рать.
С них клятву великую взял, возглавив союз, Юань Шао
И правящий дом сохранить, и мир в стране поддержать.

Кто может сравниться с Люй Бу, известным во всей Поднебесной?
Отважен, талантлив, красив – везде вам расскажут о том.
Чешуйчатый панцирь на нем, похожий на кожу дракона,
Сверкающий шлем золотой увенчан фазаньим хвостом.
Сверх панциря шитый халат как феникс, раскинувший крылья,
И пояс в камнях дорогих, застегнутый пряжкой литой.
Когда он летит на коне, вокруг поднимается ветер,
И алебарда блестит прозрачной осенней водой.
С любым он сразиться готов, но кто ему выйдет навстречу?
Притихли от страха бойцы, и сердце дрожит у князей.
Вдруг смело выходит Чжан Фэй, известнейший воин из Яня,
Копье у него с острием как жало холодное змей.
Его борода и усы, топорщась, взлетают по ветру,
Пылает в нем ярости жар, и молнии мечут глаза.
Он в битве не победил и не потерпел поражения,
И вдруг Гуань Юй прилетел на помощь ему, как гроза,
В руках его кованый меч сияет, как иней на солнце,
Халат в попугаях цветных взвивается, как мотылек.
Где конь его ступит ногой, там духи и демоны стонут,
И гнев его мог остудить лишь вражеской крови поток.
С ним вышел отважный Лю Бэй, он меч обнажил свой двуострый,
Под ним закачалась земля, и дрогнуло небо над ним.
Они окружили Люй Бу, и тут началось ратоборство.
Без отдыха он отражал удары один за другим.
От крика и стука мечей дрожали земля и небо
И в мелком ознобе тряслись созвездья Тельца и Ковша.
Уже обессилел Люй Бу, он выхода ищет из битвы,
Он смотрит с тревогой вокруг, бледнея и хрипло дыша.
Последние силы призвав, он вдруг повернул алебарду
И, словно сухую траву, врагов по земле разметал;
И, к шее коня наклонясь, хлестнул его, бросил поводья
И духом одним, как стрела, взметнулся на перевал.

Лю Бэй с братьями, добравшись до перевала, увидели там трепещущий на ветру огромный черный зонт.

– Здесь Дун Чжо! – вскричал Чжан Фэй. – Какая нам польза преследовать Люй Бу? Схватим самого злодея – вырвем корень зла!

И, хлестнув коней, братья поскакали на перевал, чтобы поймать Дун Чжо.

Правильно говорится:

Хочешь мятеж усмирить, сначала схвати главарей.
Подвиги хочешь свершать – ищи необычных людей.

Чем окончилась эта битва, вы узнаете в следующей главе.

Глава шестая, повествующая о том, как Дун Чжо сжег императорский дворец, и о том, как Сунь Цзянь похитил государственную печать

Чжан Фэй был встречен на перевале градом стрел и камней и вынужден был вернуться. Восемь князей поздравили Лю Бэя и его названных братьев с успехом и послали гонца в лагерь Юань Шао возвестить о победе. Юань Шао отдал приказ Сунь Цзяню наступать.

Сунь Цзянь вместе с Чэн Пу и Хуан Гаем явился в лагерь Юань Шу.

– У нас с Дун Чжо не было личной вражды, – начал он, чертя палкой на земле, – но я самоотверженно сквозь тучи стрел и град камней ринулся в смертельный бой, воодушевляемый больше всего долгом служения государству и меньше всего чувством личной привязанности к вам. Вы же, наслушавшись клеветы, лишили меня провианта и довели до поражения. Что все это значит?

Юань Шу в смущении не нашелся что ответить и приказал казнить клеветника, чтобы задобрить Сунь Цзяня.

Возвратившись в свой лагерь, Сунь Цзянь узнал, что его ожидает один из любимых военачальников Дун Чжо, по имени Ли Цзюэ.

– Ты зачем явился сюда? – спросил его Сунь Цзянь.

– Дун Чжо уважает вас больше всех, – заговорил Ли Цзюэ, – и послал меня к вам с предложением породниться. У него есть дочь, которую он хочет отдать замуж за вашего сына.

– Разве я могу породниться с таким бессовестным и беспутным злодеем, погубившим правящий дом! – в страшном гневе закричал Сунь Цзянь. – Я поклялся уничтожить его род до девятого колена, чтобы отомстить за поруганную им Поднебесную! Тебя я пока не трону, но возвращайся назад не мешкая! Помни: сдашь перевал – я тебя пощажу, будешь медлить – изрублю в куски!

Ли Цзюэ в страхе обхватил голову руками и бросился бежать. Вернувшись, он рассказал Дун Чжо, как вызывающе вел себя Сунь Цзянь. Дун Чжо сильно разгневался и спросил совета у Ли Жу.

– Люй Бу потерпел поражение, – сказал ему Ли Жу, – боевой дух нашего войска упал. Лучше всего вернуться в Лоян и оттуда перевезти императора в Чанань. Недавно я слышал, как мальчишки на улицах распевали:

На востоке один хань⁴⁰, на западе другой хань,
Лишь тогда олень спасется, если побежит в Чанань.

Если вдуматься в эти слова, то смысл их таков: охотник на западе – это намек на основателя Ханьской династии Гао-цзу, двенадцать потомков которого правили в Чанане; охотник на востоке – это, видимо, Гуан-у, прославившийся в восточной столице Лояне. Ныне после него там тоже насчитывается двенадцать поколений императоров. Само небо подсказывает вам воссоединить династию... Возвращайтесь в Чанань, и вы избавитесь от всех забот.

Такой вывод чрезвычайно обрадовал Дун Чжо.

– Если бы ты не растолковал, – воскликнул он, – я ни за что не уразумел бы!

---

⁴⁰ Охотник (в переносном смысле).

В ту же ночь Дун Чжо вместе с Люй Бу возвратился в Лоян. Он созвал во дворец всех гражданских и военных чиновников, чтобы сообщить им о своем желании перенести столицу в Чанань.

– Так как Лоян был столицей Ханьской династии вот уже более двухсот лет, то самой судьбой предписано ему захиреть, – начал Дун Чжо. – А в Чанане я предвижу расцвет жизни и поэтому хочу предложить вам переселиться на запад. Это принесет нам счастье. Собирайтесь-ка в путь!

– Но ведь там все разрушено, – возразил сы-ту Ян Бяо. – И сейчас нет причины покидать храм предков и императорское кладбище. Боюсь, что это вызовет народные волнения, – всколыхнуть Поднебесную легко, успокоить трудно. Надеюсь, вы задумаетесь над этим.

– Так ты противишься великим государственным планам? – закричал Дун Чжо.

– Сы-ту Ян Бяо говорит правильно, – поддержал его Хуан Юань. – Во времена мятежа Ван Мана и восстания Краснобровых Чанань был сожжен и превращен в руины, жители разбежались – там не наберется и двухсот человек. Покинуть дворец и уйти в пустыню – дело безрассудное!

– К востоку от перевала восстали мятежники, – сказал Дун Чжо, – вся Поднебесная охвачена смутой. Чанань же защищен пропастями Сяохань, к тому же поблизости от него находится Лунъю, откуда можно возить лес, камень, кирпич и черепицу. Дворцы отстроят за месяц! Довольно! Прекратите пустые речи!

– Перенести столицу в Чанань – значит вызвать беспорядки в народе, – настаивал сы-ту Сюнь Шуан.

– Я пекусь о всей Поднебесной! – рассвирепел Дун Чжо. – Буду я жалеть каких-то мелких людишек!

И он тут же лишил всех титулов Ян Бяо, Хуан Юаня и Сюнь Шуана.

Садясь в коляску при выходе из дворца, Дун Чжо заметил двух человек, которые, почтительно сложив руки, поклонились ему. Дун Чжо узнал шан-шу Чжоу Би и начальника стражи городских ворот У Цюна.

На вопрос Дун Чжо, зачем они явились сюда, Чжоу Би отвечал:

– До нас дошел слух, что вы решили перенести столицу в Чанань, и мы пришли к вам с советом.

– Вы – сторонники Юань Шао! – в гневе заревел Дун Чжо. – Тот уже стал изменником, и вы тоже из его шайки! Стража! Обезглавить их за городскими воротами!

Приказ о переезде в новую столицу был отдан, и в тот же день все тронулись в путь.

– Нам не хватает денег и провианта, – говорил Ли Жу. – В Лояне много богатых людей – можно конфисковать их имущество, перебить приверженцев Юань Шао и завладеть их богатством. Тогда мы будем обеспечены всем необходимым.

Пять тысяч закованных в броню всадников похватили всех лоянских богачей – несколько тысяч человек. Объявив их мятежниками, восставшими против Дун Чжо, всадники повели их за город и обезглавили, а имущество их забрали.

Ли Цзюэ и Го Сы гнали в Чанань огромные толпы жителей Лояна. Люди были разбиты на группы по сто человек, и каждую группу сопровождал вооруженный отряд. Не счесть было тех, кто умер в пути, они остались лежать в оврагах. Стража бесчестила женщин, отбирала у людей пищу. Плач и стенания потрясали небо и землю.

Перед отъездом Дун Чжо приказал своим приспешникам зажечь дома, храмы предков и дворцы. Зарево пожаров видно было в Чанане. Столица превратилась в горящие развалины. Дун Чжо велел Люй Бу разрыть усыпальницы императоров и императриц и взять оттуда золото и драгоценности. Воспользовавшись этим, простые воины тоже стали раскапывать и грабить могилы знатных. Нагрузив золотом, тканями и драгоценными вещами несколько тысяч повозок, Дун Чжо с императором, императрицей и приближенными двинулся в Чанань.

Военачальник Чжао Цинь, узнав о том, что Дун Чжо покинул Лоян, оставил перевал Сышуй, который тотчас же был занят войсками Сунь Цзяня. Лю Бэй с братьями ворвался на перевал Хулао, а за ними повели свои войска и князья.

Сунь Цзянь, спеша в Лоян, издали увидел языки пламени, поднимавшиеся к небу. Черный дым стлался по земле на двести-триста ли. В столице не осталось ни одного человека и не сохранилось никакого жилья. Выслав воинов тушить пожары, Сунь Цзянь приказал князьям располагаться на опустошенной земле.

Цао Цао пришел к Юань Шао и сказал так:

– Дун Чжо направляется на запад, надо, не теряя времени, послать за ним погоню. Почему вы остановили войско?

– Князья устали... Боюсь, что дальше двигаться бесполезно, – ответил ему Юань Шао.

– Мятежник Дун Чжо сжег дворцы и насильно увез императора, – возмущался Цао Цао. – Весь народ всколыхнулся, никто не знает, где искать опоры. Во время всеобщей растерянности достаточно одной битвы, чтобы восстановить порядок в Поднебесной! Почему князья колеблются и не двигаются дальше?

Князья отвечали, что не желают поступать необдуманно.

– С ротозеями нечего советоваться! – в сердцах воскликнул Цао Цао и на свой риск и страх во главе десяти тысячного войска двинулся вслед Дун Чжо.

Тем временем Дун Чжо добрался до Жунъяна. Местный правитель Сюй Жун вышел его встречать, и Ли Жу дал совет Дун Чжо.

– Вы, чэн-сян⁴¹, покинули столицу, но не приняли мер против преследования, – сказал Ли Жу. – Прикажете Сюй Жуну устроить засаду за городом вблизи гор. Если подойдут преследователи, пусть он пропустит их; мы их здесь разобьем, а затем он отрежет им путь к отступлению и окончательно уничтожит. Это послужит уроком тем, кто подоспеет позже, – они не посмеют напасть на нас.

По его совету Дун Чжо велел Люй Бу во главе отборных воинов прикрывать тыл. Как раз во время марша его и настиг отряд Цао Цао.

– Все вышло так, как рассчитывал Ли Жу! – рассмеявшись, воскликнул Люй Бу и отдал приказ войскам построиться в боевой порядок.

Цао Цао выехал вперед и громко выкрикнул:

– Мятежники, вы насильно увозите императора и угоняете народ! Куда вы идете?

– Эй! Трус, изменивший своему хозяину! Что за вздор ты там мелешь? – бранью отвечал ему Люй Бу.

Люй Бу ударил на врагов сразу с трех сторон, бросив в бой одетых в броню всадников. Устоять было невозможно. Армия Цао Цао потерпела поражение и бежала к Жунъяну. Когда его воины достигли подножия какой-то пустынной горы, было уже время второй стражи. При ярком свете луны все было видно, как днем. Но только они собрались установить котлы, чтобы готовить пищу, как со всех сторон послышались громкие крики – это вышли скрывавшиеся в засаде войска Сюй Жуна.

Цао Цао поспешно хлестнул коня и обратился в бегство, но, столкнувшись с Сюй Жуном, повернул обратно.

Сюй Жун выстрелил из лука и ранил Цао Цао в плечо. Цао Цао так и умчался, не вынув из раны стрелы.

Он уже перебрался через гору, как вдруг два копья вонзились в его коня. Конь упал. Цао Цао свалился на землю и был схвачен вражескими воинами, скрывавшимися в траве. Но в этот момент подлетел всадник, взмахнул мечом, и оба воина пали мертвыми.

---

⁴¹ Чэн-сян – высшее должностное лицо, канцлер.

Всадник спрыгнул с коня и помог Цао Цао подняться. Цао Цао узнал в нем Цао Хуна.

– Оставь меня, я умру здесь, – сказал Цао Цао. – Спасайся сам, дорогой брат!

– Скорей садитесь на коня, а я пойду пешком, – от души предложил Цао Хун.

– Войско разбойников настигает нас, – сказал Цао Цао. – Что же ты будешь делать?

– Поднебесная может обойтись без Цао Хуна, но не может обойтись без вас, – возразил Цао Хун.

– Если я уцелею, то буду обязан тебе жизнью, – сказал Цао Цао, садясь на коня.

Цао Хун снял с себя латы, вытащил меч и побежал за конем.

Так двигались они до наступления четвертой стражи. Дальше путь им преградила большая река, а крики гнавшихся за ними людей все приближались.

– Не жить мне больше, такова, видно, моя судьба, – горестно произнес Цао Цао.

Цао Хун помог Цао Цао слезть с коня, снял с него панцирь и халат, взвалил брата себе на плечи и пустился вплавь. Только успели они ступить на другой берег, как преследователи с противоположной стороны открыли по ним стрельбу. Цао Цао, весь мокрый, все же успел от них скрыться.

Близился рассвет. Пройдя более тридцати ли, беглецы присели отдохнуть у подножия холма. Внезапно шум и крики нарушили тишину – погоня настигала их. Это был Сюй Жун, который переправился через реку выше по течению и продолжал преследование. Казалось, на этот раз им нет спасения, но тут до их слуха донесся крик:

– Стойте, не убивайте моего господина!

Наперерез Сюй Жуну мчался Сяхоу Дунь. Завязался бой. После нескольких схваток Сяхоу Дунь сбил Сюй Жуна с коня, и воины его разбежались. Вскоре Цао Жэнь, Ио Цзинь и Ли Дянь присоединились к Цао Цао. Собрал остатки своего войска – около пятисот человек, – они вместе вернулись в Хэнэй.

Тем временем князя расположились лагерем в Лояне. Сунь Цзянь раскинул шатер на том месте, где прежде стоял дворец Цзяньчжан. Он приказал убрать камни и обломки. Были засыпаны все разрытые Дун Чжо императорские могилы. На месте храма предков династии был сооружен легкий павильон. Сюда пригласили князей, чтобы расставить по порядку священные таблички. Затем зарезали быка и принесли жертвы. После этой церемонии все разошлись.

Сунь Цзянь возвратился в лагерь. В эту ночь ярко светила луна, сверкали звезды. Сжимая в руке меч, Сунь Цзянь сидел на открытом воздухе, следя за небесными светилами. Он заметил, как по небу с северной стороны разлилась белесая дымка, и со вздохом подумал: «Императорские звезды меркнут – мятежник Дун Чжо возмущает государство. Десятки тысяч людей мучаются на развалинах и пепле, столица превратилась в пустыню».

Так размышлял Сунь Цзянь и не чувствовал, как слезы струятся у него по щекам.

– Смотрите! – сказал вдруг стоявший с ним рядом воин. – Южнее дворца из колодца поднимается радужное сияние.

Сунь Цзянь велел воину зажечь факел и спуститься в колодец. Вскоре тот вытащил труп женщины, совершенно нетронутый временем, хотя она умерла давно. На ней было придворное платье, и на шее висел на шнурке атласный мешочек. В мешочке оказалась красная коробочка с золотым замочком. Когда ее открыли, то увидели яшмовую печать размером в квадратный цунь⁴². На печати было выгравировано пять переплетенных драконов и восемь иероглифов в стиле чжуань⁴³, которые гласили: «Принявший веление неба да процветает в веках». Один уголок печати был отбит и припаян золотом.

Сунь Цзянь взял печать и показал ее Чэн Пу. Тот сказал:

---

⁴² Цунь – мера длины, равная 3,2 сантиметра.

⁴³ Чжуань – название стиля в каллиграфии, применявшегося для надписей на печатях.

– Это наследственная императорская печать из старинной яшмы. В древности некий Бянь Хэ увидел у подножия горы Цзиншань феникса, сидевшего на камне. Он взял этот камень и принес чускому князю Вэнь-вану. Князь расколол его и достал кусок яшмы. В двадцать шестом году правления Циньской династии⁴⁴ гравёр сделал из нее печать, а Ли Сы⁴⁵ вырезал на ней эти восемь иероглифов. В двадцать восьмом году Цинь Ши-хуан, совершая поездку по империи, был на озере Дунтин⁴⁶. Неожиданно поднялся сильный ветер, забушевали волны. Лодка готова была вот-вот опрокинуться. Тогда Цинь Ши-хуан бросил печать в озеро, и буря прекратилась. В тридцать шестом году Цинь Ши-хуан, снова совершая поездку, прибыл в Хуайнь. Какой-то человек встал на дороге и обратился к одному из его приближенных: «Возвращаю эту печать потомственному дракону»⁴⁷.

Сказав это, он исчез. Так печать вернулась к династии Цинь. На следующий год Цинь Ши-хуан почил, а Цзы Ин передал печать ханьскому Гао-цзу. Позже, во время восстания Ван Мана, императрица Сяо-юань убила этой печатью Ван Сюня и Су Сяня, отломав при этом уголок, который потом был припаян золотом. Гуан-у добыл это сокровище в Ияне, и оно передавалось по наследству вплоть до наших дней. Я слышал, что, когда дворцовые евнухи подняли смуту и увезли малолетнего императора в Бэйман, печать не нашли при возвращении во дворец. Теперь она попала к вам в руки. Вы непременно станете императором. Однако вам нельзя долго оставаться здесь – надо ехать в Цзяндун и там обдумать план великих деяний.

– Ваши слова совпадают с моими мыслями, – сказал Сунь Цзянь. – Завтра же, сказавшись больным, я уеду отсюда.

Сунь Цзянь приказал воинам не разглашать тайны. Но кто мог знать, что один из них был земляком Юань Шао? В расчете выдвинуться он украдкой бежал ночью из лагеря, явился к Юань Шао и обо всем ему рассказал.

Юань Шао наградил его и оставил в своем войске.

На следующий день к Юань Шао пришел Сунь Цзянь.

– Прихворнул я немного, – заявил он. – Хочу возвратиться в Чанша и зашел проститься с вами.

– Знаю я вашу болезнь! – насмешливо воскликнул Юань Шао. – Называется она «государственная печать»!

– С чего вы это взяли? – бледнея, спросил Сунь Цзянь.

– Мы подняли войска для того, чтобы покарать мятежников и уничтожить зло в государстве, – продолжал Юань Шао. – Печать – это сокровище династии, и вам следовало бы в присутствии всех передать ее мне как главе союза. А когда Дун Чжо будет уничтожен, мы возвратим ее законному владельцу. Вы же утаили печать и собираетесь унести с собой. Какие цели вы преследуете?

– Печать? Как она могла оказаться у меня? – недоумевал Сунь Цзянь.

– А где та вещица из дворца Цзяньчжан, что была в колодце?

– У меня ничего нет.

– Скорей сознавайтесь, не то будет худо!

Тогда Сунь Цзянь, воздев руки к небу, поклялся:

– Если я нашел и утаил печать, пусть несчастье постигнет меня, пусть погибну я от меча или стрелы!

– Раз Сунь Цзянь так клянется, значит печати у него нет, – таково было суждение князей. Но Юань Шао вызвал перебежавшего воина и спросил его:

⁴⁴ 220 г. до н. э.

⁴⁵ Ли Сы – министр основателя Циньской империи Ши-Хуана, правившего с 246 по 210 г. до н. э.

⁴⁶ Дунтин – одно из крупнейших озер Китая в провинции Хунань.

⁴⁷ В Древнем Китае император олицетворялся в образе дракона.

– Видел ты этого человека, когда извлекали труп из колодца?

Сунь Цзянь обнажил висевший у пояса меч и в ярости хотел зарубить доносчика.

– Если ты хочешь снести ему голову, значит ты лжешь! – закричал Юань Шао, выхватывая меч из ножен.

Янь Лян и Вэнь Чоу, стоявшие у него за спиной, также схватились за мечи.

Чэн Пу, Хуан Гай и Хань Дан, стоявшие позади Сунь Цзяня, сжимали в руках оружие. Князья удержали их.

Сунь Цзянь, вскочив на коня, ускакал из лагеря и тут же покинул Лоян. Разгневанный Юань Шао в эту же ночь послал преданного человека в Цзинчжоу предупредить Лю Бяо, чтобы он перехватил Сунь Цзяня по дороге и отобрал у него печать.

На следующий день пришла весть, что Цао Цао, преследовавший Дун Чжо, сражался в Жуньяне и, потерпев поражение, теперь возвращается. Юань Шао велел встретить его и проводить в лагерь. Собрав князей, он устроил пир, чтобы развеять печаль Цао Цао.

Среди общего веселья Цао Цао поднялся и сказал со вздохом:

– Я начал великое дело, чтобы избавить страну от злодеев. Все вы вошли в союз, движимые чувством справедливости, и я вам открою свой первоначальный план: Юань Шао должен был бы повести хэнэйские войска к Мынцзиню и Суаньцзао, а остальные князья – оборонять Чэнгао, удерживать Аоцан и прикрывать Хуаньюань и Дагу, держа под наблюдением важнейшие места. Гунсунь Цзань с наньянскими войсками должен был занять Даньси и, вступив затем в Угуань, угрожать району Саньфу, который весь покрыт глубокими рвами и высокими валами, так что там никто не решился бы вступить с нами в бой. Такое распределение сил внесло бы замешательство в ряды врага и создало в Поднебесной благоприятную обстановку для подавления мятежа. Сразу повсюду был бы восстановлен порядок. Ныне же вы медлите и стоите на месте, не оправдывая великих надежд Поднебесной. Это повергает меня в величайший стыд!

Юань Шао и другие ничего не могли возразить. Понимая, что Юань Шао и каждый из князей думают по-своему и что так невозможно успешно завершить дело, Цао Цао один повел свои войска в Яньчжоу.

– Юань Шао бессилен, и его уже давно следовало бы сместить, – сказал Гунсунь Цзань Лю Бяо и его братьям. – Мы тоже уйдем от него.

Они снялись с лагеря и двинулись на север. Дойдя до Пиньюаня, Гунсунь Цзань оставил там Лю Бяо, а сам ушел охранять свои земли и восстанавливать армию.

Видя, что все князья расходятся, Юань Шао тоже покинул Лоян и отправился в Гуаньдун.

А теперь поговорим о Лю Бяо, которому Юань Шао велел отобрать печать у Сунь Цзяня.

Лю Бяо происходил из Гаопина и был родственником императорской семьи. В юности он дружил с семью знаменитыми людьми, и их вместе называли «восемью удалцами из Цзяня». Это были Чэнь Сян из Жунаня, Фань Пан из той же области, Кун Юй из княжества Лу, Фань Кан из Бохая, Тань Фу из Шаньяна, Чжан Цзянь оттуда же и Чэнь Цзин из Наньяна. Кроме того, у Лю Бяо были помощники Куай Лян и Куай Юэ из Яньпина и Цай Мао из Сяньяна.

Получив письмо Юань Шао, Лю Бяо приказал Куай Юэ и Цай Мао с десяти тысячным войском преградить путь Сунь Цзяню. Когда его армия приблизилась, Куай Юэ построил свое войско в боевой порядок и выехал вперед.

– Храбрый Куай Юэ, почему ты преградил мне путь? – спросил его Сунь Цзянь.

– Ты – подданный династии Хань, как же ты посмел присвоить государственную печать? – угрожающе спросил Куай Юэ. – Отдай мне печать и уходи.

Вместо ответа Сунь Цзянь приказал Хуан Гаю вступить в бой. На поединок вышел Цай Мао. После нескольких схваток он отступил, и Сунь Цзянь, воспользовавшись этим, с боем перешел границы владений Лю Бяо. За горой загрели гонги и барабаны – это подоспел со своим отрядом сам Лю Бяо. Сунь Цзянь поспешил приветствовать его и спросил:

– На каком основании вы поверили письму Юань Шао и чините препятствие мне, правителю соседнего округа?

– Ты утаил государственную печать и замышляешь мятеж!

– Пусть я умру от меча или стрелы, если печать у меня! – воскликнул Сунь Цзянь.

– Хочешь, чтобы я поверил, дай мне обыскать тебя!

– Кто ты такой, что осмеливаешься так неуважительно относиться ко мне? – гневно вскричал Сунь Цзянь и тотчас повел своих воинов в бой.

Лю Бяо отступил. Сунь Цзянь, подхлестнув коня, бросился за ним. Но тут в битву вступили войска, скрывавшиеся в засаде у подножия двух гор, а сзади приближались Цай Мао и Куай Юэ. Сунь Цзянь попал в кольцо.

Поистине, верно сказано:

Хотя утаил он печать, но пользы ему никакой,
Войну этим только разжег и потерял покой.

Как Сунь Цзянь вышел из опасного положения, об этом вы узнаете в следующей главе.

Глава седьмая, в которой говорится о том, как Юань Шао сражался с Гунсунь Цзанем, и о том, как Сунь Цзянь перешел реку

Сунь Цзянь, окруженный войсками Лю Бяо, потеряв убитыми своих военачальников, сам едва спасся от смерти. Вырвавшись на дорогу, он бежал в Цзяндун. С тех пор у Сунь Цзяня и Лю Бяо завязалась открытая вражда.

Юань Шао находился в то время в Хэнэе. Он испытывал недостаток в провианте, и правитель округа Цзичжоу Хань Фу послал ему подкрепление. Советник Фын Цзи сказал Юань Шао:

– Вы, самый сильный человек в Поднебесной, вынуждены ожидать, пока кто-то пришлет вам провиант. Земли Цзичжоу богаты и обширны, почему бы вам не захватить их?

– Не могу придумать, как это сделать, – отвечал Юань Шао.

– Пошлите гонца с тайным письмом к Гунсунь Цзаню и предложите ему захватить Цзичжоу, обещая свою поддержку, – посоветовал Фын Цзи. – Ручаюсь, что Гунсунь Цзань поднимет войска. Хань Фу – человек не слишком храбрый, он обязательно попросит вас взять на себя управление округом, и вы получите все, даже не шевельнув пальцем.

Юань Шао так и поступил.

Узнав из письма, что речь идет о совместном нападении на Цзичжоу и о разделе цзичжоуских земель, Гунсунь Цзань возликовал и в тот же день выступил в поход.

Но Юань Шао послал еще другого человека тайно предупредить Хань Фу об угрожающей ему опасности. Тот испугался и позвал на совет своих приближенных Сюнь Шэня и Синь Пиня.

– Если Гунсунь Цзань нападет на нас со своими яньдайскими войсками, – сказал Сюнь Шэнь, – этого удара мы не выдержим. К тому же Гунсунь Цзаню помогут Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй. Юань Шао же храбростью своею и умом превосходит всех, у него много знаменитых полководцев. Вы можете попросить его взять на себя управление округом. Юань Шао благосклонно относится к вам, и вам нечего будет бояться Гунсунь Цзяня.

Хань Фу тотчас же послал своего помощника Гуань Чуня к Юань Шао. Однако чжан-ши⁴⁸ Гэн У сказал так:

– Юань Шао – человек беспомощный, армия его голодает. Он зависит от нас, как младенец от своей матери: если мать не даст ему молока, он умрет с голоду. Зачем же вы хотите уступить Юань Шао управление округом? Это все равно что пустить тигра в стадо баранов!

– Я всегда служил роду Юаней, – заявил Хань Фу. – Да и талантов у меня нет таких, как у Юань Шао. Древние же учат нас уступать место мудрым. В вас говорит простая зависть.

– Цзичжоу можно считать потерянным! – со вздохом сказал Гэн У.

Более тридцати чиновников покинули из-за этого разногласия свои должности. Только Гэн У и Гуань Чунь укрылись за городом и стали поджидать Юань Шао.

Через несколько дней явился Юань Шао с войсками. Гэн У и Гуань Чунь с обнаженными мечами выскочили из засады. Юань Шао приказал Янь Ляну тут же обезглавить Гэн У, а Вэнь Чоу зарубил Гуань Чуня.

Юань Шао, въехав в Цзичжоу, назначил Хань Фу на высокую должность, а дела по управлению округом полностью передал в руки Тянь Фына и других своих приближенных.

---

⁴⁸ Чжан-ши – старший летописец, на обязанности которого лежало собирание документов, необходимых для составления официальной истории.

Хань Фу вскоре раскаялся в своем необдуманном поступке, покинул семью и уехал в Чэньлю.

Гунсунь Цзань, узнав о том, что Юань Шао уже завладел Цзичжоу, послал к нему своего брата Гунсунь Юэ, чтобы договориться о разделе земель.

– Передай своему брату, что мне надо посоветоваться с ним лично, – сказал Юань Шао. – Пусть он придет ко мне.

Гунсунь Юэ двинулся в обратный путь, но не проехал и пятидесяти ли, как на него напал вооруженный отряд. С криками, что они из армии Дун Чжо, нападавшие открыли бешеную стрельбу из луков и убили Гунсунь Юэ. Воины из его охраны разбежались и принесли об этом весть Гунсунь Цзаню.

– Юань Шао соблазнял меня совместно с ним напасть на Хань Фу, а захватил все один! – в гневе вскричал Гунсунь Цзань. – И теперь еще обманывает меня, что воины Дун Чжо убили моего брата! Как отомстить за эту обиду?

И он без промедлений двинулся с войском на Цзичжоу.

Юань Шао, узнав об этом, тоже отдал приказ выступить в поход. Армии расположились одна против другой, разделенные рекой Паньхэ. Гунсунь Цзань верхом на коне выехал на мост и закричал:

– Отступник, как ты осмелился предать меня?

– Бесталанный Хань Фу добровольно уступил мне Цзичжоу. Не вмешивайся не в свое дело! – отвечал Юань Шао, также выезжая на мост.

– Прежде ты был честен и справедлив, и тебя избрали главой союза, – сказал Гунсунь Цзань. – Ныне твой поступок показывает, что у тебя сердце волка и повадки собаки. Как только хватает у тебя совести смотреть людям в глаза?

– Кто схватит его? – в бешенстве закричал Юань Шао.

В ту же минуту, подхлестнув коня, с копьём наперевес ринулся в бой Вэнь Чоу. Гунсунь Цзань не выдержал натиска и обратился в бегство. Вэнь Чоу, преследуя его, ворвался во вражеский строй, рубя направо и налево. Четыре сильнейших военачальника Гунсунь Цзаня бросились ему навстречу. Одного из них Вэнь Чоу копьём сбил с коня, трое других скрылись. Гунсунь Цзань бежал по направлению к горам, а Вэнь Чоу гнался за ним по пятам с криком:

– Слезай с коня и сдавайся!

Лук и стрелы Гунсунь Цзань растерял, шлем свалился у него с головы, волосы развевались по ветру. Подхлестывая коня, он мчался по склону горы. Вдруг конь споткнулся, Гунсунь Цзань слетел на землю и покатился вниз. Вэнь Чоу уже сжимал копьё, собираясь прикончить Гунсунь Цзаня, как вдруг с левой стороны из зарослей выскочил юный воин. С копьём наперевес он помчался на Вэнь Чоу. Взобравшись наверх, Гунсунь Цзань стал следить за ходом битвы.

Юный воин был ростом в восемь чи, с большими глазами, густыми бровями, широким лбом и тяжелым подбородком. Осанка его была величественной. Не менее шестидесяти раз жестоко схватывался он с Вэнь Чоу, но ни тот ни другой не добились успеха. Тут подросла армия Гунсунь Цзаня, и Вэнь Чоу бежал. Юноша не стал его преследовать.

Гунсунь Цзань спустился с горы и спросил у победителя его имя. Юноша поклонился и сказал:

– Родом я из Чаншаня, фамилия моя – Чжао, имя – Юнь. Сначала я служил у Юань Шао, но, заметив, что Юань Шао нечестен по отношению к Сыну неба и не заботится о нуждах народа, я покинул его и направился к вам. Не ожидал я встретиться с вами здесь!

Обрадованный Гунсунь Цзань вместе с ним вернулся в лагерь, где они сразу же стали готовиться к новой битве.

На следующий день Гунсунь Цзань разделил войско на две части и расположил их справа и слева наподобие крыльев. Более половины из пяти тысяч его воинов было на белых конях. Гунсунь Цзаня так и звали – «Полководец белых коней». В прежние времена, когда он воевал с

тангутскими племенами, враг, считавший белый цвет священным, обращался в бегство, завидя всадников на белых конях. Не зная еще, на что способен перешедший к нему молодой герой Чжао Юнь, Гунсунь Цзань предоставил ему командовать отрядом, который оставался в запасе. Во главе передового отряда был поставлен Янь Ган. Командование центром взял на себя сам Гунсунь Цзань, расположившись возле моста под огромным красным стягом, на котором золотом было вышито: «Полководец».

Юань Шао поставил во главе своих передовых отрядов Янь Ляна и Вэнь Чоу. У каждого из них было по тысяче лучников. Юань Шао, также надвое разделив свои силы, приказал левому отряду обстреливать правое крыло армии Гунсунь Цзаня, а правому – левое крыло. Цюй И с несколькими сотнями конных и пеших лучников получил приказ расположиться в центре, а сам Юань Шао возглавил запасной отряд.

С утра и до полудня в войсках Юань Шао гремели барабаны, но команды к наступлению Цюй И не давал, приказав лучникам укрыться от стрел за щитами.

Затрещали хлопущки, и войска Янь Гана под грохот барабанов, с неистовыми криками бросились в битву. Их подпустили почти вплотную, и лишь тогда восемьсот лучников Цюй И одновременно выпустили стрелы. Янь Ган круто повернул обратно, но Цюй И догнал и зарубил его. Правый и левый отряды армии Гунсунь Цзаня, не успев развернуться, были рассеяны лучниками Вэнь Чоу и Янь Ляна.

Армия Юань Шао с боем подступила к мосту. Цюй И вырвался вперед, убил знаменосца и изрубил красное знамя противника. Гунсунь Цзань в панике бежал, а Цюй И пробился к запасному отряду, где лицом к лицу столкнулся с Чжао Юнем. С копьем наперевес тот мчался прямо на него. Несколько ожесточенных схваток, и Цюй И упал с коня, пронзенный копьем. Чжао Юнь вихрем ворвался в строй армии Юань Шао, рубя направо и налево. Гунсунь Цзань снова перешел в наступление, и армия Юань Шао была разбита.

Когда Юань Шао доложили, что Цюй И, убив знаменосца, захватил знамя и преследует разбитого противника, полководец, забыв о предосторожности, выехал вперед вместе с Тянь Фыном во главе нескольких сот конных стрелков из лука и копьеносцев из своей личной охраны.

– Ха-ха! – издевался Юань Шао. – Гунсунь Цзань – ни на что не способное создание!

И как раз в этот момент он увидел прорвавшегося к ним Чжао Юня. Но пока лучники собрались открыть стрельбу, Чжао Юнь успел сразить многих воинов. Весь отряд ринулся назад, но был окружен подоспевшей армией Гунсунь Цзаня.

– Господин мой, укройтесь за этими стенами! – обратился к Юань Шао растерявшийся Тянь Фын.

Но Юань Шао, швырнув на землю свой шлем, крикнул во весь голос:

– Настоящий воин должен встречать смерть лицом к лицу в бою, а не спасать свою жизнь за стенами!

Воины преисполнились решимости сражаться насмерть, и Чжао Юнь не смог пробиться сквозь их ряды. Тут подоспели большие отряды войск Юань Шао, затем – Янь Ляна и ударили на противника сразу с двух сторон. Чжао Юнь помог Гунсунь Цзаню выбраться из окружения, и они отступили к мосту. Войска Юань Шао в стремительном наступлении перешли на другой берег реки. Защитники моста были сброшены в воду и утонули.

Юань Шао гнался за противником во главе передовых отрядов. Но вдруг произошло какое-то замешательство, послышались крики, и неожиданно появилось новое войско с тремя военачальниками – это был Лю Бэй с двумя своими братьями.

Получив весть, что Гунсунь Цзань воюет с Юань Шао, Лю Бэй помчался ему на помощь. И вот теперь три всадника неслись на Юань Шао. У него душа ушла в пятки от страха и меч выпал из рук. Пустив коня во весь опор, Юань Шао бежал без оглядки. Его люди, спасая жизнь,

бежали через мост. Гунсунь Цзань остановил свои войска и возвратился в лагерь. После взаимных приветствий с Лю Бэем и его братьями Гунсунь Цзань сказал:

– Если бы не Лю Бэй, поспешивший мне на помощь издалека, я стал бы добычей шакалов и гиен!

Он познакомил Лю Бэя с Чжао Юнем, и Лю Бэй так полюбил его, что не захотел с ним расставаться.

А Юань Шао, проиграв битву, стал упорно готовиться к обороне. Обе армии стояли друг против друга более месяца.

В это время в Чанань прибыл гонец и донес обо всем Дун Чжо.

– В наше время Юань Шао и Гунсунь Цзань – самые смелые воины, – сказал ему Ли Жу. – Сейчас они дерутся на реке Паньхэ. Надо подделать императорский указ и отправить послов, чтобы их помирить. Они будут тронуты такой благосклонностью и покорятся вам.

– Ваша мысль совершенно правильна, – сказал Дун Чжо и отправил двух послов, вручив им соответствующий указ.

Когда посланцы прибыли в Хэбэй, Юань Шао выехал встречать их за сто ли и принял указ с великим почтением.

На другой день послы отправились в лагерь Гунсунь Цзаня и там вручили ему такой же указ. В ответ Гунсунь Цзань обратился к Юань Шао с письмом, предлагая заключить мир.

Выполнив поручение, послы возвратились в столицу.

Гунсунь Цзань немедленно увел свои войска. По его совету Лю Бэй снова был назначен правителем Пинъюаня.

При расставании Лю Бэй и Чжао Юнь долго держали друг друга за руки, у обоих на глазах были слезы.

– Прежде я считал Гунсунь Цзаня героем, но по его поступкам вижу теперь, что он так же лишен добродетелей, как и Юань Шао, – со вздохом промолвил Чжао Юнь.

– С вами мы еще увидимся, а пока что служите ему, – сказал Лю Бэй, и они расстались в слезах.

А сейчас расскажем о Юань Шу. Пока он находился в Наньяне, прошел слух, что Юань Шао захватил Цзинчжоу, и Юань Шу послал гонца к брату с требованием дать ему тысячу коней. Юань Шао отказался, и с этих пор братья невзлюбили друг друга.

Затем Юань Шу отправил человека в Цзинчжоу к Лю Бяо с просьбой помочь ему провиантом, но Лю Бяо также не дал ничего. Юань Шу возненавидел и его и тайно послал доверенного с письмом к Сунь Цзяню.

В свое время, – говорилось в письме, – Лю Бяо стал на вашем пути по наущению моего брата Юань Шао. Теперь они вместе замышляют нападение на Цзяндун. Советую вам, не дожидаясь этого, поднять войска и напасть на Лю Бяо, а я схвачу своего брата. Тогда обиды наши будут отомщены: вы возьмете Цзинчжоу, а я – Цзинчжоу. Ни в коем случае не медлите.

Сунь Цзянь, получив письмо, подумал: «Если я не воспользуюсь этим случаем, чтобы отплатить за обиду ненавистному Лю Бяо, то кто знает, сколько еще лет придется мне ждать!»

И он вызвал к себе в шатер своих советников.

– Юань Шу хитер, ему нельзя верить, – предупредил Чэн Пу.

– Я сам хочу отплатить за обиду, – возразил Сунь Цзянь. – И я могу обойтись без помощи Юань Шу.

Тогда младший брат Сунь Цзяня, Сунь Цзин, привел к нему всех его сыновей.

У Сунь Цзяня было четыре сына от первой жены, происходившей из рода У, и еще сын Лан и дочь Жэнь от второй жены – младшей сестры госпожи У. Сыновья поклонились отцу, и Сунь Цзин повел такую речь:

– Ныне Дун Чжо захватил власть. Сын неба робок и слаб. Князья стремятся властвовать на своих землях; в стране великая смута. Лишь у нас, в Цзяндуне, сравнительно спокойно, так стоит ли из-за малой обиды поднимать войну? Я хотел бы, чтобы ты, брат мой, все хорошенько обдумал.

– Не говори лишнего, – ответил Сунь Цзянь. – Я – самый сильный во всей Поднебесной и терплю обиду. Как же мне не желать мести?

Тут старший из его сыновей, Сунь Цэ, вмешался:

– Если вы, батюшка, решили идти в поход, то и я с вами.

Сунь Цзянь согласился, и Сунь Цэ на судне отправился воевать в Фаньчэн.

Сунь Цзянь послал Хуан Гая на реку привести в порядок боевые корабли, заготовить оружие и провиант. Боевых коней погрузили на суда, и вскоре войско выступило в поход.

Лю Бяо, узнав об этих приготовлениях, встревожился не на шутку и тотчас же созвал на совет военных и гражданских чиновников.

– Для тревоги нет оснований, – сказал Куай Лян. – Пошлите вперед Хуан Цзу с воинами из Цзянся, а сами поддержите его войсками из Цзинчжоу и Сяньяна. Пусть тогда Сунь Цзянь злобствует сколько угодно, но сделать он ничего не сможет.

Лю Бяо послушался совета и приказал Хуан Цзу с отрядом лучников устроить засаду на берегу реки. Затем в поход была двинута большая армия.

Завидев противника, лучники Хуан Цзу стали осыпать их стрелами и три дня не давали им приблизиться к берегу, пока не израсходовали весь запас стрел. Тогда Сунь Цзянь велел собрать все стрелы, попавшие в суда, – их собралось несколько сот тысяч. Как раз в этот день подул попутный ветер, и Сунь Цзянь подал команду обстрелять отряд Хуан Цзу. Лучники не выдержали обстрела и в беспорядке отступили. Армия Сунь Цзяня высадилась на берег.

Чэн Пу и Хуан Гай, разделив войска, по двум дорогам направились к лагерю Хуан Цзу, а следом за ними – Хань Дан. Напали они на лагерь с трех сторон, и Хуан Цзу, потерпев поражение, бросил Фаньчэн и бежал в Дэнчэн.

Поручив Хуан Гаю охранять суда, Сунь Цзянь сам повел войско на преследование.

Хуан Цзу вышел ему навстречу и расположился в поле. Построив войско в боевой порядок, Сунь Цзянь выехал под знамя. Рядом с ним в полном вооружении с копьем в руке стоял Сунь Цэ.

Из строя противника, сопровождаемый двумя военачальниками – Чжан Ху и Чжэнь Шэном, вперед выехал Хуан Цзу. Размахивая плетью, он изрыгал потоки брани:

– Цзяндунские разбойники, как вы посмели вторгнуться во владения потомка Ханьского дома?

По его приказу на поединок выехал Чжан Ху. Навстречу ему двинулся Хань Дан. Всадники схватывались более тридцати раз.

Когда Чжан Ху начал слабеть, ему на помощь поскакал Чжэнь Шэн. Сунь Цэ, издали наблюдавший за поединком, отложил копье и выстрелил из лука. Стрела попала Чжэнь Шэну прямо в лоб, и он упал с коня. При виде этого Чжан Ху вскрикнул от испуга и не успел опомниться, как меч Хань Дана снес ему половину черепа.

Чэн Пу ринулся вперед, чтобы схватить Хуан Цзу, и тот, ища спасения, бросил свой шлем, боевого коня и смешался с воинами.

Сунь Цзянь продолжал наступление и гнал разбитую армию до реки Хань, где приказал Хуан Гаю ввести суда в устье и стать на якорь.

Хуан Цзу, собрав своих разбежавшихся воинов, отправился к Лю Бяо и объявил, что Сунь Цзяню противостоять невозможно. Лю Бяо испугался и позвал на совет Куай Ляна.

– После нашего нового поражения, – сказал Куай Лян, – у воинов пропало желание сражаться. Надо по сильнее укрепиться, чтобы быть готовым отразить удар, а тем временем тайно послать человека просить помощи у Юань Шао. Тогда осада сама собой снимется.

– План Куай Ляна никуда не годен, – сказал Цай Мао. – Враг подступает к городу и не сегодня завтра будет у самого рва. Как можно сидеть сложа руки и ожидать, пока нас все перебьют? Дайте мне людей, я выйду из города и вступлю в решительный бой!

Лю Бяо согласился. Цай Мао во главе десяти тысячного войска вышел из Сяньяна и расположился у горы Сяньшань.

Войска Сунь Цзяня повел в атаку сын его Сунь Цэ. Навстречу ему на коне выехал Цай Мао.

– Смотрите! – воскликнул Сунь Цзянь. – Ведь это брат последней жены Лю Бяо! Кто из вас поймает его?

Чэн Пу, вооруженный стальным копьем, бросился на Цай Мао, и тот после нескольких схваток отступил. Сунь Цзянь избивал врагов до тех пор, пока поле не покрылось трупами. Цай Мао сумел укрыться в Сяньяне.

После поражения Куай Лян обвинил Цай Мао в том, что, не послушавшись совета, он довел войска до полного разгрома и по военным законам должен быть казнен. Но Лю Бяо, недавно женившийся на сестре Цай Мао, не дал на это согласия.

Сунь Цзянь, послав войска по четырем направлениям, осадил Сяньян и начал штурм. Внезапно поднялся свирепый ветер, и у знамени, на котором было написано «Полководец», сломалось древко.

– Это несчастливое предзнаменование, – сказал Хань Дан, – надо на время отвести войска.

– Я сражался много раз и столько же раз побеждал, – сказал Сунь Цзянь. – Взять Сяньян – дело одного дня. Неужто ты думаешь, что я отведу войска только потому, что ветер сломал древко?

И, не слушая Хань Дана, он еще яростней продолжал осаду города.

Тогда Куай Лян сказал Лю Бяо:

– Ночью я наблюдал небесные явления и заметил, как упала звезда полководца. Если рассчитать по градусам место ее падения, то оно придется там, где находится Сунь Цзянь. Скорее посылайте письмо к Юань Шао и просите у него помощи.

Лю Бяо написал Юань Шао письмо и вызвал охотников прорваться через осаду. На призыв вышел богатырь Люй Гун и предложил свои услуги.

– Если ты решился на это, то вот тебе мой совет, – сказал Куай Лян. – С тобой поедут пятьсот всадников – отбери таких, которые умеют стрелять из лука. Прорвавшись через строй осаждающих, скачи прямо к горе Сяньшань. Враг непременно станет тебя преследовать. Тогда ты, отделив сто человек, пошли их на гору приготовить камни, а сто человек с луками пусть спрячутся в лесу. Когда преследователи приблизятся, не бегите от них прямым путем – двигайтесь зигзагами, завлеките их к месту засады и затем обрушьте на них камни и стрелы. Если одержите победу, дайте сигнал хлопучками, и мы из города выйдем на помощь. Если же преследования не будет, сигнала не давайте, а стремительно следуйте дальше. Сегодня ночью луны не будет, и вы в сумерки можете выступить из города.

Люй Гун, получив эти наставления, собрал всадников. Как только стемнело, тихо открылись восточные ворота, и войско вышло из города.

Сунь Цзянь, сидевший в шатре, вдруг услышал шум. В ту же минуту он вскочил на коня и во главе тридцати всадников выехал из лагеря. Ему донесли, что конный отряд прорвался из осажденного города и поскакал в сторону Сяньшаня. Не теряя времени, Сунь Цзянь бросился в погоню.

Люй Гун уже скрылся в горном лесу. Быстроногий конь Сунь Цзяня вынесся далеко вперед, настигая врага. Люй Гун повернул своего коня и вступил в бой с Сунь Цзянем, но после первой же схватки бежал. Сунь Цзянь помчался за ним по горной тропинке, но потерял его из виду.

Неожиданно раздались удары гонга. С горы посыпались камни, из леса полетели стрелы. И всадник, и конь погибли у подножия Сяньшаня. Жизнь Сунь Цзяня оборвалась на тридцать седьмом году.

Люй Гун отрезал путь тридцати всадникам и уничтожил их всех до единого, а затем дал сигнал хлопушками. По этому сигналу из города вышли войска Хуан Цзу, Куай Юэ и Цай Мао и обрушились на цзяндунцев. Хуан Гай, услышав крики, потрясшие небо, повел на помощь свой флот и тут встретился с Хуан Цзу. После короткой битвы Хуан Цзу был взят в плен живым.

Битва продолжалась до рассвета, затем противники собрали свои войска. Армия Лю Бяо ушла в город, а Сунь Цэ вернулся к реке Хань. Здесь он узнал, что его отец сражен стрелой, а тело убитого воины Лю Бяо унесли в город. Сунь Цэ горько заплакал. Печаль охватила и все войско.

– Как мне вернуться домой, если тело отца у врага? – растерянно вопрошал Сунь Цэ.

– У нас в плену находится Хуан Цзу, – сказал Хуан Гай. – Пусть кто-нибудь отправится в город и предложит обменять Хуан Цзу на тело вашего батюшки.

Выполнить это взялся Хуань Кай, бывший друг Лю Бяо. Он явился к Лю Бяо и изъяснил ему суть дела.

– Тело Сунь Цзяня лежит здесь в гробу, – сказал ему Лю Бяо. – Отпустите Хуан Цзу и давайте прекратим войну.

Хуань Кай поклонился и хотел удалиться, но на пути его встал Куай Лян и воскликнул, обращаясь к Лю Бяо:

– Нет! Нет! Не отпускайте его! Я скажу вам, господин мой, как надо поступить, чтобы не возвращать цзяндунским войскам ни единой пластинки от панциря! Прошу вас, казните прежде этого человека!

Поистине:

Бился с врагами Сунь Цзянь и пал у друзей на виду.
Мира просил Хуань Кай и тоже попал в беду.

О дальнейшей судьбе Хуань Кая вы узнаете в следующей главе.

Глава восьмая, в которой повествуется о том, как Ван Юнь придумал план «цепи», и о том, как Дун Чжо разбушевался в беседке Феникса

– Сунь Цзянь погиб, сыновья его молоды, – сказал Куай Лян, – воспользуйтесь их слабостью и нападайте немедленно. Цзяндун можно взять с одного удара. Не давайте им накопить силы, это грозит бедствиями Цзинчжоу.

– Мой военачальник Хуан Цзу у них в лагере, как я могу оставить его? – возразил Лю Бяо.

– Разве не стоит отказаться от этого разини Хуан Цзу, чтобы взять Цзяндун?

– Мы с Хуан Цзу большие друзья, и было бы нечестно поступить так, – заявил Лю Бяо.

Он согласился обменять тело Сунь Цзяня на Хуан Цзу, и Хуань Кай уехал обратно. Сунь Цэ освободил Хуан Цзу и, получив дорогой ему гроб, возвратился в Цзяндун, где с почетом похоронил отца у истоков реки Цюйэ.

Сунь Цэ решил собрать вокруг себя мудрецов и ученых, он был очень милостив к тем, кто честно служил ему, и вскоре со всех сторон к нему стали стекаться самые выдающиеся люди.

Дун Чжо в это время находился в Чанане; узнав о том, что Сунь Цзянь погиб, он воскликнул:

– Я избавился от недуга, который подтачивал мое сердце! – и, обратившись к окружающим, как бы невзначай спросил: – Сколько лет сыну Сунь Цзяня?

– Семнадцать, – сказал кто-то, и Дун Чжо перестал о нем думать.

С тех пор Дун Чжо еще более возомнил о себе и стал буйствовать безудержно. Он присвоил себе титул шан-фу и во всем старался подражать Сыну неба. Он пожаловал своему младшему брату Дун Миню высокий воинский чин и титул Хуского хоу, а племяннику Дун Хуану – звание ши-чжуна⁴⁹ и начальника дворцовых войск. Все остальные из рода Дун независимо от их возраста получили титулы хоу.

В двухстах пятидесяти ли от Чананя Дун Чжо заложил крепость Мэйу, на строительство которой согнали двести пятьдесят тысяч крестьян. Стены крепости по высоте и толщине не уступали чананьским. В Мэйу были дворцы и склады с запасами провианта на двадцать лет. Дун Чжо выбрал восемьсот молодых и красивых девушек из народа, нарядил их в золото и парчу, украсил жемчугами и яшмой и вместе с семьями поселил во дворце. В Чанань Дун Чжо наезжал один-два раза в месяц. Сановники выходили встречать и провожать его за стены дворца. Дун Чжо раскидывал тут шатер и устраивал пиры.

Однажды во время такого пира доложили, что прибыло несколько сот воинов, добровольно сдавшихся в плен при усмирении северных земель. Сидя за столом, Дун Чжо придумывал казни для них. Он приказывал отрубать им руки и ноги, выкалывать глаза, отрезать языки, варить в большом котле. Вопли истязаемых жертв потрясали небо. Придворные ежились от страха, а Дун Чжо пил, ел, беседовал и смеялся как ни в чем не бывало.

В другой раз Дун Чжо собрал сановников на дворцовой башне и усадил их около себя в два ряда. Когда чаша с вином обошла несколько кругов, вошел Люй Бу и что-то шепнул Дун Чжо на ухо.

– Вот оно что! – с усмешкой воскликнул Дун Чжо и приказал Люй Бу схватить сидевшего на циновке сы-куна⁵⁰ Чжан Вэня и сбросить с башни вниз.

---

⁴⁹ Ши-чжун – чиновник (адъютант), постоянно присутствующий при императоре и высших придворных сановниках.

⁵⁰ Сы-кун – высший сановник, один из трех гунов. Ведал государственными землями и водами.

Сановники изменились в лице. Через несколько минут слуга на красном блюде принес голову Чжан Вэня. У присутствовавших душа ушла в пятки, а Дун Чжо, улыбаясь, сказал:

– Не пугайтесь! Чжан Вэнь связался с Юань Шу, чтобы погубить меня. Он послал к нему человека с письмом, но оно случайно попало в руки моего названного сына Люй Бу. Вот почему я казнил Чжан Вэня. Вам же нечего бояться, если на то нет причин.

Чиновники, почтительно поддакивая, разошлись.

Сы-ту Ван Юнь, возвратившись домой, стал размышлять над тем, что произошло во время пира, и не находил себе покоя.

Глубокой ночью, опираясь на посох, Ван Юнь вышел в сад. Ярко светила луна. Ван Юнь подошел к цветам и, обратив лицо к небу, заплакал. Тут ему послышалось, что кто-то протяжно вздыхает возле беседки Пиона. Ван Юнь потихоньку подкрался и увидел свою домашнюю певицу Дяо Шань.

Девушка эта, с малых лет взятая в дом Ван Юня, была обучена пению и танцам. Ей едва исполнилось шестнадцать лет, и она была так изумительно красива и искусна, что ее прозвали Цикадой. Ван Юнь обращался с нею как с родной дочерью. Услышав ее вздохи в эту ночь, он с удивлением спросил:

– Послушай, негодница, не завела ли ты пашни с кем-нибудь?

Дяо Шань испугалась и, упав на колени, воскликнула:

– Смею ли я смотреть на кого-нибудь!

– Чего же ты тогда вздыхаешь по ночам?

– Позвольте мне рассказать вам все от чистого сердца, – вымолвила Дяо Шань.

– Не скрывай от меня ничего, ты должна говорить мне только правду, – ответил Ван Юнь.

– Вы всегда были милостивы ко мне, – начала Дяо Шань. – Вы научили меня петь и танцевать и обращались со мной так хорошо, что если бы даже я умерла ради вас, и то я не отплатила бы и за десятую долю ваших благодеяний. С недавних пор я стала замечать, что вы, господин мой, сурово хмурите брови. Причиной тому, наверно, какое-то государственное дело, и я не осмеливаюсь спрашивать. Вот и сегодня вы опять чем-то озабочены. Я вижу это и потому вздыхаю. Если бы я могла вам чем-нибудь помочь, поверьте, я не пожалела бы своей жизни.

– Кто знает! – воскликнул Ван Юнь, стукнув посохом о землю. – Может быть, судьба Поднебесной в твоих руках? Идем-ка со мной!

Дяо Шань последовала за Ван Юнем в его покои. Отослав всех служанок и наложниц, Ван Юнь усадил Дяо Шань на циновку и почтительно поклонился ей.

– Зачем вы это делаете? – испуганно вскричала Дяо Шань, падая перед ним ниц.

– Сжался над людьми Поднебесной! – промолвил Ван Юнь, и слезы ручьем хлынули из его глаз.

– По вашему приказанию я готова десять тысяч раз умереть, – отвечала Дяо Шань.

– Народ наш на краю гибели, – продолжал Ван Юнь, опускаясь на колени. – Связь между Сыном неба и подданными так же непрочна, как груда яиц, – тронь ее, и она развалится. Дун Чжо посягает на императорскую власть, придворные не знают, как уберечь от него трон. Никто, кроме тебя, не спасет положение! У Дун Чжо есть приемный сын по имени Люй Бу. Он высокомерен и храбр необыкновенно. Но мне известно, что оба они питают слабость к женскому полу, и я придумал план «цепи». Вот что от тебя требуется. Сначала я просватаю тебя за Люй Бу, а потом отдам Дун Чжо. Находясь в его дворце, ты должна использовать каждый удобный случай, чтобы посеять между ними смертельную вражду. Ты должна добиться, чтобы Люй Бу убил Дун Чжо. Этим ты сможешь избавиться от злодея и укрепить государство. Все это в твоих силах. Не знаю, согласишься ли ты.

– Отдавайте меня им хоть сейчас, – не колеблясь заявила Дяо Шань. – А там уж я придумаю, как действовать.

– Но если тайна раскроется, мы все погибнем, – сказал Ван Юнь.

– Не печальтесь, господин мой, – повторила Дяо Шань. – Пусть я умру под ударами десяти тысяч мечей, если не исполню своего великого долга!

Ван Юнь поклонился ей с благодарностью.

На другой день он приказал искуснейшему ювелиру сделать головной убор из бесценных жемчужин и тайно отослал его Люй Бу. Вскоре польщенный Люй Бу явился к Ван Юню с изъяснениями благодарности. А Ван Юнь в ожидании этого уж приготовил на красиво убранном столе самые богатые яства. Он встретил гостя у ворот, ввел во внутренний зал своего дома и усадил на почетное место.

– Я – простой воин, – сказал Люй Бу, – а вы высокое лицо при дворе. Чем я заслужил такое уважение?

– Во всей Поднебесной нет сейчас героя, подобного вам! – воскликнул Ван Юнь. – Я почитаю вас не за ваше положение, а за ваши достоинства!

Продолжая превозносить таланты Люй Бу и расхваливая Дун Чжо, Ван Юнь щедро угощал гостя и непрерывно подливал ему вина. Люй Бу радостно смеялся и пил.

Ван Юнь отослал всех приближенных, кроме нескольких служанок, подносивших вино, и сказал:

– Позовите мое дитя!

Вскоре две служанки ввели Дяо Шань, необыкновенно прелестную и обаятельную, и сами удалились.

– Кто это? – спросил пораженный Люй Бу.

– Эта девушка – Дяо Шань, – сказал Ван Юнь. – Из уважения к вам и зная, как вы добры, я пригласил ее сюда.

Когда Дяо Шань по приказанию Ван Юня поднесла Люй Бу кубок вина, оба они взглянули друг на друга. А Ван Юнь, притворяясь пьяным, говорил:

– Девушка просит вас выпить! Как знать, может быть, вся семья наша будет зависеть от вас!

Люй Бу просил Дяо Шань сесть, но та сделала вид, что хочет уйти.

– Дитя мое, ведь это мой лучший друг, – сказал Ван Юнь. – Ты можешь побыть с нами, в этом нет ничего плохого.

Тогда Дяо Шань присела рядом с Ван Юнем. Люй Бу смотрел на нее, не сводя глаз. Когда он осушил еще несколько кубков, Ван Юнь сказал:

– Я хочу отдать вам эту девушку. Согласны ли вы принять ее?

– О! – вскричал Люй Бу, вскакивая с циновки. – Я буду вечно вам благодарен! Всегда готов служить вам, как верный пес и добрый конь!

– Мы выберем счастливый день, и я пришлю ее к вам во дворец, – пообещал Ван Юнь.

Словно зачарованный смотрел Люй Бу на Дяо Шань, и она тоже бросала на него выразительные взгляды.

– Час уже поздний. Я попросил бы вас остаться у меня ночевать, – произнес Ван Юнь, – но боюсь, как бы тай-ши⁵¹ Дун Чжо не подумал чего-нибудь дурного.

Люй Бу поблагодарил Ван Юня и, кланяясь, удалился.

Прошло несколько дней. Ван Юнь зашел во дворец и, воспользовавшись отсутствием Люй Бу, склонился перед Дун Чжо до земли и молвил:

– Почтительнейше кланяюсь и прошу вас ко мне на обед. Не смею спрашивать, каково будет ваше решение.

– Раз вы приглашаете меня, я буду непременно! – отвечал Дун Чжо.

---

⁵¹ Тай-ши – высший придворный сановник, советник и наставник императора по юридическим вопросам, обязанностью которого было разъяснение императору законов.

Ван Юнь с благодарностью поклонился и возвратился домой. Он поставил стол в парадном зале и приготовил все лучшие яства, какие только существуют в Поднебесной. Узорчатые коврики устилали полы, везде были развешаны красивые занавесы.

На другой день около полудня приехал Дун Чжо. Ван Юнь в полном придворном одеянии вышел ему навстречу и поклонился дважды. Дун Чжо вышел из коляски и, окруженный сотней своих латников, направился в дом. У входа в зал Ван Юнь опять дважды поклонился. Дун Чжо уселся на возвышении и указал хозяину место рядом.

– Высоки ваши добродетели, господин тай-ши! – воскликнул Ван Юнь. – Даже И Инь и Чжоу-гун не смогли бы подняться до них!

Дун Чжо ухмылялся, чрезвычайно довольный. Внесли вино, заиграла музыка. Ван Юнь льстил гостю без всякой меры. Поздно вечером, когда вино сделало свое дело, Ван Юнь пригласил Дун Чжо во внутренние покои. Дун Чжо отослал охрану, а Ван Юнь, поднеся ему кубок, сказал так:

– С малых лет я изучал астрологию и по ночам наблюдаю небесные явления. Судьба Хань уже свершилась! Ныне слава о ваших подвигах гремит по всей Поднебесной, как гремит слава Шуня, который наследовал Яо, и как слава Юйя, продолжавшего дело Шуня, сообразуясь с волей неба и желаниями людей.

– Э, да ты перехватил! Где уж мне с ними равняться! – воскликнул Дун Чжо.

– Разве я преувеличиваю? Ведь говорили же древние: «Идущие по правильному пути уничтожают сбившихся с него, и не имеющие добродетелей уступают место обладающим ими».

– Если по воле неба власть действительно перейдет ко мне, то быть тебе моим первым сподвижником!

Ван Юнь поблагодарил глубоким поклоном. В зале зажгли разноцветные свечи. Все слуги удалились, кроме прислужниц, подававших вина и яства.

– Музыка, которую вы только что слушали, недостойна услаждать вас, – сказал Ван Юнь. – Но есть у меня одна танцовщица, и я осмелюсь обратиться к ней за вашим вниманием.

– Прекрасно! – отозвался Дун Чжо.

Ван Юнь приказал опустить прозрачный занавес. Послышались звуки бамбуковых свирелей. В сопровождении служанок явилась Дяо Шань и стала танцевать по ту сторону занавеса.

Потомки воспели Дяо Шань в таких стихах:

Как испуганный лебедь, изгибающий трепетный стан,
Чтоб взлететь над землею и на озере встретить весну, —
Так красавица эта – украшение дворца Чжаоян.
Взмах – и вихрем кружатся разноцветные ткани одежд.
Словно лотос лянчжоуский снежно-белые ножки ее.
А во взорах придворных – отражение любви и надежд.

Сложили о ней еще и другие стихи:

Вот, все ускоряя свой бег, под шелканье кастаньет,
Как ласточка, в зал расписной красавица быстро влетает.
Крылатые брови ее веселым гулякам на зависть,
А свет молодого лица и старцев за сердце хватает.
Улыбки такой не купить за все драгоценности мира,
И стана такого стройней на свете не сыщется целом.
Окончился танец, и взгляд прощальный украдкой брошен.
О, счастлив, кому суждено блаженство владеть ее телом!

Окончив танец, Дяо Шань по приказанию Дун Чжо вышла из-за занавеса. Приблизившись к Дун Чжо, она дважды низко поклонилась. Пораженный ее красотой, Дун Чжо спросил:

– Кто эта девушка?

– Это певица Дяо Шань.

– Так она не только танцует, но и поет?!

Ван Юнь велел Дяо Шань спеть под аккомпанемент тань-баня⁵².

Поистине:

Как зрелые вишни, ее приоткрытые губки,
И зубки под ними горят, как кусочки опала, Язык ее острый похож
на листочек гвоздики.
Казнить ее надо, чтоб важных мужей не смущала.

Дун Чжо восхищался безмерно. Приняв кубок из рук Дяо Шань, он спросил:

– Сколько тебе лет, девушка?

– Вашей служанке только два раза по восемь, – ответила Дяо Шань.

– Она восхитительна! – воскликнул Дун Чжо.

– Я хотел бы подарить эту девушку вам, – молвил Ван Юнь, вставая. – Не смею спрашивать, согласитесь ли вы принять ее.

– Как мне отблагодарить за такую щедрость? – произнес Дун Чжо.

– Если вы возьмете ее к себе в служанки, это будет величайшим счастьем в ее жизни, – отвечал Ван Юнь.

Затем он приказал подать закрытую коляску и лично проводил Дун Чжо и Дяо Шань во дворец. Там он откланялся, сел на своего коня и отправился домой. Но не проехал он и полпути, как увидел два ряда красных фонарей, освещавших дорогу: это ехал Люй Бу на коне с алебардой в руках. Он остановился и, поймав Ван Юня за рукав, сердито произнес:

– Вы обещали отдать Дяо Шань мне, а теперь отправили ее к тай-ши. Вы подшутили надо мной!

– Здесь не место для таких разговоров, – перебил его Ван Юнь. – Прошу вас зайти ко мне. У себя дома после приветственных церемоний он спросил Люй Бу:

– В чем вы упрекаете меня, старика?

– Люди сказали мне, что вы тайком отослали Дяо Шань во дворец тай-ши, – отвечал Люй Бу. – Что это значит?

– Вы неправильно поняли! – воскликнул Ван Юнь. – Вчера во дворце тай-ши сказал мне, что собирается посетить меня по делу. В его честь я устроил пир, и он во время пиршества сообщил мне: «Я слышал, что у тебя есть девушка по имени Дяо Шань, которую ты обещал отдать моему сыну Люй Бу. Я решил проверить, не пустые ли это слухи, и кстати взглянуть на нее». Я не осмелился ослушаться и позвал Дяо Шань. Она вошла и поклонилась князю князей. «Сегодня счастливый день, – сказал тай-ши, – я возьму эту девушку с собой и обручу ее с моим сыном». Судите сами, мог ли я отказать всецельному?

– Вы ни в чем не виноваты, – произнес Люй Бу. – Я действительно неправильно понял. Приношу вам свои извинения.

– У девушки есть приданое, – добавил Ван Юнь. – Когда она перейдет в ваш дворец, я пришлю его.

Люй Бу поблагодарил и ушел. На другой день он отправился во дворец Дун Чжо разведать, что там делается, но ничего не узнал. Тогда он вошел во внутренние покои и стал спрашивать служанок.

---

⁵² Тань-бань – ударный музыкальный инструмент из доски кипариса, наподобие ксилофона.

– Вчера вечером тай-ши лег в постель со своей новой наложницей, – сообщили ему служанки, – и до сих пор еще не вставал.

Люй Бу пришел в бешенство и прокрался под окна спальни. В это время Дяо Шань причесывалась, стоя у окна. Вдруг она заметила в пруду отражение высокого человека, на голове которого была шапка с перьями. Узнав Люй Бу, Дяо Шань скорбно сдвинула брови и стала вытирать глаза своим благоухающим платочком. Люй Бу долго наблюдал за ней, затем отошел и вскоре появился в доме. Дун Чжо сидел в приемном зале. Увидев Люй Бу, он спросил:

– Все благополучно?

– Да, – ответил Люй Бу.

Он стал рядом с Дун Чжо и, оглядевшись, заметил за узорчатым занавесом Дяо Шань, украдкой бросающую на него нежные взгляды. Люй Бу впал в смятение. Дун Чжо заметил это, и в его душу закралось ревнивое подозрение.

– Если у тебя нет никаких дел ко мне, можешь идти, – сказал он.

Люй Бу вышел быстрыми шагами.

Больше месяца Дун Чжо предавался наслаждениям, забросив все дела. Когда он заболел, Дяо Шань не отходила от него ни на шаг, стараясь во всем угодить ему. Однажды Люй Бу пришел справиться о здоровье отца. Дун Чжо в это время спал. Дяо Шань молча смотрела на Люй Бу из-за спинки кровати, прижимая одну руку к сердцу, а другой указывая на Дун Чжо, слезы струились у нее из глаз. Люй Бу чувствовал, что сердце у него разрывается на части.

Дун Чжо приоткрыл глаза и, проследив за взглядом Люй Бу, повернулся и увидел Дяо Шань.

– Как ты смеешь обольщать мою любимую наложницу! – гневно крикнул Дун Чжо.

Он приказал слугам вывести Люй Бу и отныне не впускать его во внутренние покои. Жестоко оскорбленный, Люй Бу, возвращаясь к себе домой, встретил по дороге Ли Жу и рассказал ему обо всем. Ли Жу поспешил к Дун Чжо и сказал ему так:

– Вы хотите завладеть Поднебесной, зачем же из-за малого проступка вы так обидели Люй Бу? Ведь если он отвернется от вас – одному вам великое дело совершить не удастся.

– Как же быть? – спросил Дун Чжо.

– Позовите его завтра утром, – посоветовал Ли Жу, – одарите золотом и тканями, успокойте добрым словом, и все будет хорошо.

Дун Чжо последовал его совету. Люй Бу явился во дворец, и Дун Чжо сказал ему:

– Третьего дня я плохо себя чувствовал и необдуманно обидел тебя. Забудь об этом.

Он тут же подарил Люй Бу десять цзиней золота и двадцать кусков парчи. Люй Бу вернулся домой исполненный благодарности к Дун Чжо, но сердцем его теперь владела Дяо Шань.

Оправившись от болезни, Дун Чжо явился в императорский дворец на совет. Люй Бу следовал за ним с алебардой. Воспользовавшись тем, что Дун Чжо вступил в беседу с императором Сянь-ди, Люй Бу вышел из дворца, вскочил на коня и поскакал к Дун Чжо. Привязав коня перед дворцом, он с алебардой в руке вошел во внутренние покои и отыскал Дяо Шань.

– Идите в сад и ждите меня возле беседки Феникса, – сказала она.

Люй Бу ждал довольно долго, и наконец появилась Дяо Шань. Она приближалась, словно маленькая волшебница из дворца Луны, раздвигая цветы и поднимая ивовые ветви. Вся в слезах, она сказала Люй Бу:

– Хотя я и не родная дочь сы-ту Ван Юня, но он обращался со мной как с родной. Когда я увидела вас, мне захотелось служить вам. Это было единственным моим желанием. Но кто думал, что у тай-ши может возникнуть низкое желание опозорить меня! Я страдала, но откладывала день своей смерти, чтобы открыть вам всю правду. Теперь вы знаете все! Тело мое опозорено и не может служить герою. Я хочу только одного: умереть на ваших глазах и этим доказать вам свою верность.

Сказав так, она ухватила руками за ограду, чтобы прыгнуть в заросший лотосами пруд. Люй Бу подхватил ее и со слезами в голосе вскричал:

– Я давно догадываюсь о твоём чувстве, но, к несчастью, мы не могли поговорить!

– Раз в этой жизни мне не суждено стать вашей женой, – прошептала Дяо Шань, отстраняясь от Люй Бу, – я хотела бы соединиться с вами в том мире.

– Если я не женюсь на тебе, я недостойн быть героем! – вскричал Люй Бу.

– Для меня дни тянутся, как годы, – лепетала Дяо Шань. – Умоляю, сжальтесь надо мной, спасите меня!

– Сейчас я не могу остаться, – сказал Люй Бу. – Мне надо торопиться. Боюсь, что старый злодей хватится меня.

– Если вы так боитесь его, – жалобно проговорила Дяо Шань, цепляясь за одежду Люй Бу, – я больше никогда не увижу восхода солнца!

– Дай мне время подумать! – прервал ее Люй Бу. С этими словами он взял алебарду и собрался идти.

– Прежде я слышала, что слава ваша подобна грому, и считала вас первым человеком в мире. Кто бы мог допустить, что вы повинуетесь власти другого! – вскричала Дяо Шань, и слезы градом покатились у нее из глаз.

Краска стыда разлилась по лицу Люй Бу. Он снова отставил алебарду и обнял Дяо Шань, стараясь утешить ее ласковыми словами. Так стояли они обнявшись, не будучи в силах расстаться.

Тем временем Дун Чжо, заметив исчезновение Люй Бу, заподозрил недоброе. Поспешно откланявшись, он сел в коляску и вернулся домой. Увидав привязанного перед домом коня, Дун Чжо спросил у привратника, где Люй Бу, и тот ответил:

– Ваш сын вошел во внутренние покои.

Дун Чжо проследовал туда, но никого там не нашел. Он позвал Дяо Шань, но и та не откликнулась.

– Дяо Шань в саду ухаживает за цветами, – сказала ему служанка.

Дун Чжо прошел в сад и возле беседки Феникса увидел Дяо Шань в объятиях Люй Бу; алебарда его стояла рядом.

Дун Чжо закричал; Люй Бу мгновенно обратился в бегство. Дун Чжо схватил алебарду и бросился за ним. Люй Бу летел как стрела, и тучный Дун Чжо не мог догнать его. Он метнул в беглеца алебарду, но тот отбил ее на лету. Пока Дун Чжо подбирал оружие и снова бросился в погоню, Люй Бу уже был далеко. А когда Дун Чжо выбежал из ворот сада, кто-то попался ему навстречу и так столкнулся с ним грудью, что Дун Чжо упал на землю.

Поистине:

На тысячу чжанов взлетел к небесам его гнев,
Но тушей тяжелой он грохнулся, отяжелев.

Кто сбил с ног Дун Чжо, вы узнаете в следующей главе.

Глава девятая, о том, как Люй Бу помог Ван Юню уничтожить злодея, и о том, как Ли Цзюэ по наущению Цзя Сюя вторгся в Чанань

Человек, который сбил с ног Дун Чжо, был Ли Жу. Он помог Дун Чжо подняться, увел его в кабинет и усадил.

– Как ты попал сюда? – спросил Дун Чжо.

– Проходя мимо вашего дворца, – отвечал Ли Жу, – я узнал, что вы в великом гневе направились в сад искать Люй Бу. Тут он сам выбежал с криком: «Тай-ши убивает меня!» Я тотчас же бросился в сад, чтобы вымолить у вас прощение для Люй Бу, и случайно столкнулся с вами. Поистине я заслуживаю смерти!

– Он коварный злодей! – воскликнул Дун Чжо. – Он соблазняет мою любимую наложницу! Клянусь, я убью его!

– Всемиловейший правитель, – молвил Ли Жу, – вы ошибаетесь. Вспомните чуского Сян-вана, приказавшего оборвать кисти на шапках всех, кто присутствовал у него на пиру, чтобы не гневаться на Цзян Сюна, обольщавшего его любимую наложницу. В благодарность за такое великодушие Цзян Сюн пожертвовал собой ради Сян-вана и спас его от гибели, когда тот был окружен войсками Цинь. Дяо Шань только девчонка, а Люй Бу ваш близкий друг и храбрейший из военачальников. Если вы сейчас подарите ему Дяо Шань, он будет тронут вашей добротой и жизни своей не пожалеет, чтобы отблагодарить вас. Прошу, подумайте об этом.

– Ты прав, – сказал Дун Чжо после длительного раздумья. – Я так и сделаю.

Ли Жу, почтительно раскланиваясь, удалился, а Дун Чжо прошел во внутренние покои и позвал Дяо Шань.

– Как ты посмела прелюбодействовать с Люй Бу? – спросил он.

– Я ухаживала за цветами в саду, – со слезами отвечала Дяо Шань, – и вдруг появился Люй Бу. Я хотела спрятаться, а Люй Бу и говорит мне: «Я ведь сын тай-ши, зачем тебе прятаться?» Потом он взял алебарду и погнал меня к беседке Феникса. Я догадалась, что у него нехорошие намерения, и хотела уже броситься в лотосовый пруд, но он поймал меня. Как раз в эту минуту явились вы и спасли мне жизнь.

– Я собираюсь подарить тебя Люй Бу. Что ты на это скажешь? – спросил Дун Чжо.

Дяо Шань залилась слезами.

– Мое тело служило благородному человеку, а теперь меня решили отдать рабу! – плакала она. – Лучше мне умереть, чем быть опозоренной!

Она сняла со стены меч и хотела заколоть себя, но Дун Чжо выхватил меч у нее из рук и, обнимая, сказал:

– Я подшутил над тобой.

Дяо Шань упала ему на грудь и со слезами проговорила:

– Этот совет вам дал Ли Жу. Он близкий друг Люй Бу, вот он и придумал все это ради него! Ли Жу не заботится ни о вашей славе, ни о моей жизни. Я съела бы его живьем!

– Я не вынесу разлуки с тобой! – воскликнул Дун Чжо.

– Хотя вы и любите меня, но, пожалуйста, мне не следует оставаться здесь – Люй Бу все равно станет меня преследовать.

– Успокойся. Завтра мы уедем с тобой в Мэйу и будем там наслаждаться счастьем, – сказал Дун Чжо.

Тогда Дяо Шань вытерла слезы и, поклонившись, удалилась.

На другой день пришел Ли Жу и сказал:

– Сегодня счастливый день – можно подарить Дяо Шань Люй Бу.

– Я связан с Люй Бу как отец с сыном, – возразил Дун Чжо. – Мне нельзя подарить ему Дяо Шань. Я ограничусь тем, что не стану наказывать его. Передай ему это и успокой ласковыми словами. Вот и все.

– Вам не следовало бы поддаваться влиянию женщины, – сказал Ли Жу.

– А ты бы согласился отдать свою жену Люй Бу? – изменившись в лице, вскричал Дун Чжо. – Я не хочу больше слышать об этом! Скажи еще слово, и ты поплатишься головой!

Ли Жу вышел и, взглянув на небо, со вздохом молвил:

– Все мы погибнем от руки женщины!

В стихах, которые сложили об этом потомки, говорится:

Доверившись женщине хитрой, Ван Юнь рассчитал превосходно:

Оружье и войско отныне Ван Юню совсем не нужны.

Три раза сражались в Хулао, напрасно растратили силы, —

Не в башне ли Феникса спета победная песня войны?

На проводы Дун Чжо в Мэйу собрались все сановники. Дяо Шань уже сидела в своей коляске. Увидев в толпе Люй Бу, она закрыла лицо, делая вид, что плачет. Отъезжающие были уже довольно далеко, а Люй Бу все еще стоял на холме, устремив свой взор на столб пыли, клубившейся на дороге. Невыразимая грусть и досада наполняли его сердце.

Вдруг он услышал, как кто-то спросил позади него:

– Почему вы не поехали с тай-ши, а стоите здесь и вздыхаете?

Люй Бу оглянулся и увидел Ван Юня. Они поклонились друг другу.

– Мне нездоровилось в последние дни, я не выходил из дому и потому давно не виделся с вами, – продолжал Ван Юнь, обращаясь к Люй Бу. – Сегодня мне пришлось превозмочь недуг, чтобы проводить тай-ши. Я рад, что вижу вас. Но о чем вы здесь горюете?

– О вашей дочери, – сказал Люй Бу.

– Прошло уже столько времени, а она все еще не с вами! – воскликнул Ван Юнь, притворяясь удивленным.

– Старый злодей сам влюбился в нее! – отвечал Люй Бу.

– Я не верю этому! – запротестовал Ван Юнь, выражая еще большее удивление.

Тогда Люй Бу рассказал ему всю историю, Ван Юнь даже ногой топнул с досады.

– Не думал я, что он совершит такой скотский поступок! – произнес он после продолжительного молчания и, взяв Люй Бу за руку, добавил: – Зайдемте ко мне, потолкуем.

Ван Юнь провел Люй Бу в потайную комнату и угостил вином. Люй Бу снова подробно рассказал ему о встрече в беседке Феникса.

– Он обольстил мою дочь и отнял у вас жену! – возмущался Ван Юнь. – Он опозорил нас! Вся Поднебесная будет над этим смеяться! И смеяться не над тай-ши, а надо мной и над вами! Я уже стар и бессилён, что я могу поделать? Но я скорблю о том, что вы, величайший герой нашего века, тоже подверглись позору.

Люй Бу в сильном гневе ударил кулаком по столу. Ван Юнь стал успокаивать его:

– Простите меня, я не обдумал своих слов.

– Клянусь, я убью этого старого злодея и тем самым смою свой позор! – воскликнул Люй Бу.

Ван Юнь поспешно прикрыл ему рот рукой.

– Замолчите, – молил он, – я боюсь, что попаду с вами в беду!

– Может ли отважный муж, одухотворенный сознанием собственного достоинства, долго томиться под властью какого-то негодяя! – все больше распалялся Люй Бу.

– Талантами, какими обладаете вы, должен распоряжаться не такой человек, как Дун Чжо, – добавил Ван Юнь.

– Я убил бы этого старого прохвоста, но он мой названный отец, как тут быть? – спросил Люй Бу. – Не вызовет ли это осуждение потомков?

– Вы происходите из рода Люй, а он из рода Дун, – с улыбкой промолвил Ван Юнь. – Разве он руководствовался отцовскими чувствами, когда бросал в вас алебарду?

– О, сы-ту, вы открыли мне глаза! – воодушевился Люй Бу.

Ван Юнь, видя, что почва уже достаточно подготовлена, продолжал:

– Если вы восстановите Ханьский дом, то прославите себя как верноподданный и ваше имя останется в истории на многие поколения. Если же вы станете помогать Дун Чжо, вас будут считать изменником и вы на многие века оставите по себе дурную славу.

– Я уже принял решение, – сказал Люй Бу, – и не изменю его.

– Но если дело не завершится успешно, нас ждут большие бедствия, вот чего я опасаюсь, – сказал Ван Юнь.

Люй Бу обнажил свой меч, уколол себе руку и поклялся на собственной крови. Ван Юнь, опустившись на колени, поблагодарил его.

– Жертвоприношения в храме предков династии Хань не прекратятся, – сказал он, – и это будет вашей заслугой! Но вы должны строжайше хранить нашу тайну. Мы составим план действий, и я сейчас же извещу вас.

Люй Бу ушел в сильнейшем возбуждении. Ван Юнь позвал к себе на совет пу-шэ-ши⁵³ Сунь Жуя и придворного сы-ли Хуан Юаня.

– Вот что я предлагаю, – сказал Сунь Жуй. – Надо послать человека, обладающего красноречием, в Мэйу, отвезти Дун Чжо секретный императорский указ и пригласить его во дворец на совет. Тем временем Люй Бу спрячет латников у ворот дворца, а мы проведем туда Дун Чжо и убьем его. Это наилучший план.

– Кто же осмелится поехать к нему? – спросил Хуан Юань.

– Это сделает Ли Су – земляк Люй Бу, – сказал Сунь Жуй. – Дун Чжо не повысил его в чине, и он крайне этим возмущен. Но Дун Чжо не знает об этом, и, если мы пошлем к нему Ли Су, он так ничего и не заподозрит!

– Великолепно! – согласился Ван Юнь и пригласил Люй Бу на совет.

– Ли Су когда-то уговорил меня убить Дин Юаня, – заявил Люй Бу. – Если он откажется поехать, я убью его.

И когда тайно вызванный на совет Ли Су пришел, Люй Бу сказал ему:

– В свое время вы уговорили меня убить Дин Юаня и перейти к Дун Чжо. Теперь Дун Чжо оскорбляет Сына неба и жестоко обращается с народом. Преступлениям его нет конца. Чаша терпения преисполнилась: и люди, и духи возмущены. Не согласились бы вы отвезти в Мэйу императорский указ и объявить Дун Чжо, что его призывают ко двору? А мы тем временем устроим засаду и убьем его. Этим вы помогли бы восстановить Ханьский дом и оказали бы великую услугу династии. Мы ждем вашего ответа.

– Я сам давно мечтал убить этого злодея, – сказал Ли Су, – но что я мог предпринять без единомышленников? Ваше вмешательство – это дар небес! Я не способен на измену династии!

И в подтверждение клятвы он сломал стрелу.

– Если вы удачно выполните поручение, вам не придется сокрушаться, что прежде вы не получили высокого чина, – промолвил Ван Юнь.

На другой день Ли Су с десятью всадниками отправился в Мэйу. Он сказал, что привез императорский указ, и был проведен к Дун Чжо. Ли Су приветствовал его поклоном.

---

⁵³ Пу-шэ-ши – первоначально чиновник, который при упражнениях императора в стрельбе из лука докладывал о результатах стрельбы. Впоследствии выполнял те же функции, что и шан-шу.

– Какой указ прислал Сын неба? – спросил Дун Чжо.

– Сын неба выздоровел и созывает всех сановников, чтобы объявить им о своем желании отречься от престола в вашу пользу, – произнес Ли Су. – В этом и состоит указ.

– А что думает об этом Ван Юнь? – поинтересовался Дун Чжо.

– Сы-ту Ван Юнь уже приказал строить алтарь для отречения. Он ждет только вашего приезда.

Дун Чжо возликовал.

– Сегодня ночью мне приснилось, будто дракон обвился вокруг моего тела, и вот я получаю такое волнующее известие! – воскликнул он. – Нельзя терять времени!

Приказав своим приближенным Ли Цзюэ, Го Сы, Чжан Цзи, Фань Чоу и отряду «Летающий медведь» численностью в три тысячи человек охранять Мэйу, Дун Чжо в тот же день собрался в столицу.

– Когда я буду императором, – сказал он Ли Су, – назначу тебя своим чжи-цзинь-у⁵⁴.

Ли Су с благодарностью заверил его в своих верноподданнических чувствах. Дун Чжо пошел проститься со своей матерью. Ей было уже более девяноста лет.

– Куда ты едешь, сын мой? – спросила она.

– Еду принимать отречение ханьского императора, – ответил Дун Чжо. – Скоро вы станете вдовствующей императрицей!

– Меня что-то знобит в последние дни, – сказала мать. – Боюсь, что это дурной знак.

– В скором времени вам предстоит стать матерью императора, как же тут не волноваться! – воскликнул Дун Чжо и, попрощавшись, ушел.

Перед отъездом он сказал Дяо Шань:

– Когда я стану императором, ты будешь моей Гуй-фэй⁵⁵.

Дяо Шань, догадываясь, в чем дело, притворилась обрадованной и весело простилась с ним.

Дун Чжо вышел из дворца, сел в коляску и в сопровождении охраны отправился в Чанань. Не проехал он и тридцати ли, как у коляски сломалось колесо. Дун Чжо пересел на коня. Но не успел он проехать еще десяти ли, как конь под ним захрапел, заржал и перекусил удила.

– Что это за предзнаменования? – обратился Дун Чжо с вопросом к Ли Су. – У коляски сломалось колесо, конь перегрыз удила?

– Это значит, – ответил Ли Су, – что вам предстоит принять ханьский престол и все старое сменить на новое – вы будете ездить в яшмовой коляске и восседать в золотом седле.

Дун Чжо поверил его словам и обрадовался. На второй день пути неожиданно поднялся сильный ветер и густой туман закрыл солнце.

– А это что за предзнаменование? – спросил Дун Чжо.

– Когда вы вступите на трон дракона, – сказал Ли Су, – непременно воссияет красный свет и поднимется багровый туман как знак вашего небесного величия.

Дун Чжо опять ничего не заподозрил. Когда он подъехал к городу, множество сановников вышло ему навстречу. Один только Ли Жу не мог встретить его из-за болезни.

Когда Дун Чжо был у себя во дворце, и Люй Бу явился его поздравить.

– Когда я поднимусь на пятую ступень из девяти⁵⁶, – сказал ему Дун Чжо, – ты будешь вестись всеми войсками Поднебесной!

В ту ночь Люй Бу спал у шатра Дун Чжо.

⁵⁴ Чжи-цзинь-у – начальник личных телохранителей императора. На его обязанности лежало также поддержание порядка в столице.

⁵⁵ Гуй-фэй – любимая наложница императора.

⁵⁶ По древним гадательным диаграммам пятая линия приходилась на императора.

Ветер доносил в шатер звуки песни, которую распевали мальчишки из пригородов столицы:

На тысячу ли покрыта долина травой.
Но время пройдет – не сыщешь былинки одной.

Песня звучала грустно, и Дун Чжо спросил Ли Су:

– Почему так зловеще поют мальчишки?

– Они предсказывают гибель роду Лю и возвышение роду Дун, – ответил Ли Су.

На другой день Дун Чжо поднялся с рассветом и, приказав свите сопровождать его в столицу, отправился в путь в коляске.

Все встречавшие его чиновники были в придворных одеждах. Ли Су с мечом в руке шагал рядом с коляской. Процессия остановилась у северных ворот. Из свиты Дун Чжо впустили только двадцать человек, охранявших коляску, остальных же оставили за воротами. Дун Чжо еще издали заметил, что Ван Юнь и другие вооружены мечами.

– Почему все с мечами? – спросил он с испугом у Ли Су.

Ли Су ничего не ответил. Люди подвезли коляску прямо к входу во дворец, и Ван Юнь во весь голос закричал:

– Мятежник здесь! Где воины?

С двух сторон выбежали более ста человек с алебардами и копьями и набросились на Дун Чжо. Раненный в руку, он упал в коляске, громко взывая:

– Где ты, сын мой, Люй Бу?

– Есть повеление покарать мятежника! – крикнул Люй Бу и своей алебардой пронзил ему горло.

Ли Су отрубил Дун Чжо голову и высоко поднял ее. Люй Бу вытащил из-за пазухи указ и объявил:

– Таков был приказ императора!

– Ван суй!⁵⁷ – в один голос закричали чиновники и военачальники.

И потомки сложили стихи, в которых говорится о Дун Чжо так:

Свершись то великое дело – и он императором стал бы,
А если бы не свершилось – остался б богатым и знатным.
Мэйу не успели воздвигнуть, как тут же он был уничтожен.
Воистину, значит, равны все перед небом нелицеприятным.

– Ли Жу был правой рукой Дун Чжо, когда тот творил зло! – крикнул Люй Бу. – Кто схватит и приведет его сюда?

Вызвался пойти Ли Су. Но тут сообщили, что слуга Ли Жу связал своего хозяина и приволок его на место расправы. Ван Юнь приказал обезглавить Ли Жу на базарной площади.

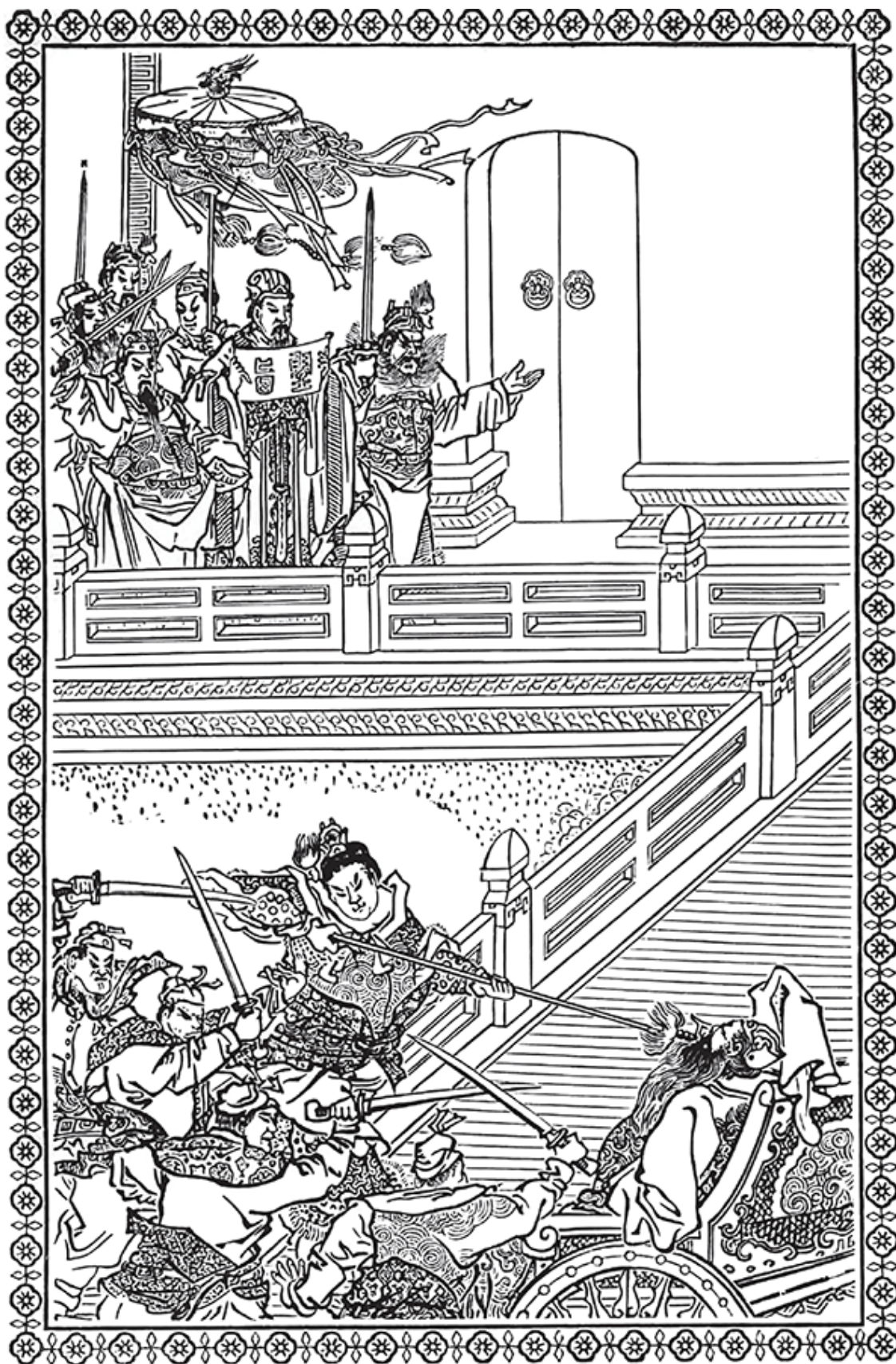
Затем голову Дун Чжо выставили на всеобщее обозрение и всенародно прочли указ. Прохожие забрасывали голову злодея грязью и топтали его труп. Ван Юнь приказал Люй Бу вместе с Хуанфу Суном и Ли Су во главе пятидесятитысячного войска отправиться в Мэйу, захватить имущество и семью Дун Чжо.

Тем временем Ли Цзюэ, Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу, узнав о гибели Дун Чжо и о приближении Люй Бу, бежали ночью с отрядом «Летающий медведь» в Лянчжоу. Люй Бу, прибыв в Мэйу, прежде всего нашел Дяо Шань. Хуанфу Сун приказал отпустить домой всех девушек, которых Дун Чжо поселил в крепости. Родные Дун Чжо без различия возраста были уничто-

---

⁵⁷ Вань суй! – дословно: «Десять тысяч лет жизни! Ура!»

жены. Мать Дун Чжо тоже была убита. Его брат Дун Минь и племянник Дун Хуан – обезглавлены. Забрав золото, серебро, шелковые ткани, жемчуг, драгоценности, домашнюю утварь, провиант – всего этого было в Мэйу бесчисленное множество, – посланцы возвратились и обо всем доложили Ван Юню. Ван Юнь щедро наградил их. В зале для военачальников был устроен пир, на который пригласили чиновников. Вино лилось рекой. В разгар пира сообщили, что какой-то человек пал ниц перед трупом разбойника Дун Чжо и плачет.

– Кто этот человек? Единственный из всех осмеливается оплакивать казненного преступника! – гневно воскликнул Ван Юнь.

Он приказал страже схватить неизвестного и немедленно доставить во дворец. Но, увидев этого человека, все изумились, – это был не кто иной, как ши-чжун Цай Юн.

– Дун Чжо мятежник и сегодня казнен, – с раздражением сказал Ван Юнь. – Весь народ ликует. Ты тоже подданный Хань, почему же ты не радуешься за государство, а позволяешь себе оплакивать мятежника?

– Хотя я и не обладаю талантами, – покорно отвечал Цай Юн, – но я знаю, что такое долг! Разве посмел бы я повернуться спиной к государству и обратиться лицом к Дун Чжо? Но однажды я испытал на себе его доброту и поэтому не смог удержать слез. Я сам знаю, что вина моя велика. Если вы оставите мне голову и отрубите только ноги, я смогу дописать историю Хань и тем искуплю свою вину. Это было бы для меня счастьем!

Все сановники жалели Цай Юна и просили пощадить его. Тай-фу Ма Жи-ди шепнул Ван Юню:

– Цай Юн – самый талантливый человек нашего времени. Если дать ему возможность написать историю Хань, он будет нашим верным слугой. К тому же сыновнее послушание его давно известно. Не торопитесь казнить его, дабы не вызвать недовольства в народе.

– Когда-то император У-ди пощадил Сыма Цяня и разрешил ему писать историю. Это привело лишь к тому, что клеветнические рассказы перешли в последующие поколения. Ныне государственное управление в большом беспорядке, и разрешить талантливому чиновнику, приближенному государя, держать в руках кисть – значит подвергнуться его злословию.

Ма Жи-ди молча удалился.

– Разве Ван Юнь заботится о нашем будущем? – говорил он чиновникам. – Способные люди – опора государства; законы – твердая основа нашей деятельности. Можно ли долго продержаться, если уничтожить опору, отбросить законы?

Ван Юнь не послушался Ма Жи-ди; он приказал бросить Цай Юна в тюрьму и задушить его. Узнав об этом, люди горевали. Потомки осуждали Цай Юна за то, что он оплакивал Дун Чжо, но наказание его считали чрезмерным и сложили такие стихи:

За что же, в конце концов, лишили жизни Цай Юна?
Ведь, власть захватив, Дун Чжо чинил произвол и насилие.
Но если бы встал Чжугэ Ляя, дремавший в уединенье,
Он стал бы служить Дун Чжо, чьи козни все молча сносили?

Теперь обратимся к Ли Цзюэ, Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу, которые бежали в Шэньси и прислали в Чанань гонца с просьбой о помиловании.

– Эти четверо помогали Дун Чжо захватить власть, – сказал Ван Юнь, – и хоть ныне мы прощаем всех – этих простить не можем.

Посланный вернулся и доложил об этом Ли Цзюэ.

– Мы не выпросили помилования, – горестно заметил Ли Цзюэ. – Нам надо бежать, чтобы спасти себе жизнь.

– Если вы покинете войско и уйдете, – сказал советник Цзя Сюй, – то любой чиновник сможет заточить вас в тюрьму. Лучше соберите свои войска, призовите на помощь всех жителей Шэньси и нападите на Чанань, чтобы отомстить за Дун Чжо. В случае удачи вы захватите трон и будете управлять Поднебесной. А бежать никогда не поздно.

Ли Цзюэ и другие признали его совет разумным. Они распустили слух, что Ван Юнь собирается разорить округ Силян, и все население сильно встревожилось.

– Какая вам польза умирать ни за что? – взывали ко всем Ли Цзюэ и его сообщники. – Не лучше ли восстать и последовать за нами?

Так они собрали более ста тысяч народу и двинулись на Чанань. На пути к ним присоединился зять Дун Чжо – чжун-лан-цзян Ню Фу, спешивший со своими пятью тысячами воинов отомстить за своего тестя. Ли Цзюэ поставил его во главе передового отряда.

Ван Юнь, проведав о походе сяньских войск, позвал на совет Люй Бу.

– Вы можете не беспокоиться, – сказал Люй Бу. – Что нам считать этих крыс!

Ли Су вместе с Люй Бу выступили во главе войск навстречу врагу. Ли Су встретился с Ню Фу и первым начал бой. Разгорелась великая битва. Ню Фу не выдержал натиска и бежал. Никто не думал, что этой же ночью, в час второй стражи, он вернется и, захватив Ли Су врасплох, отобьет лагерь! Но так и случилось. В армии Ли Су воцарилось смятение. Проиграв битву, войско его без оглядки бежало тридцать ли. Более половины воинов было перебито.

– Как ты смел опозорить меня! – разгневался на него Люй Бу. Он велел обезглавить Ли Су и выставить его голову у ворот лагеря.

На другой день сам Люй Бу повел войска против Ню Фу. Тот не мог противостоять Люй Бу и, потерпев поражение, бежал. В ту же ночь Ню Фу призвал своего близкого друга Ху Чи-эра и сказал ему:

– Люй Бу храбр, и никто не может победить его. Придется нам обмануть Ли Цзюэ и других, захватить золото и драгоценности и бежать с тремя – пятью близкими людьми.

Ху Чи-эр согласился. Этой же ночью они тайно покинули лагерь. С ними было только трое-четверо приближенных. Когда они переправились через реку, Ху Чи-эр, решивший один завладеть драгоценностями, убил Ню Фу и с его отрубленной головой явился к Люй Бу. Но тот, дознавшись, из каких побуждений Ху Чи-эр сделал это, разъярился и приказал казнить его. Затем Люй Бу двинул свои войска и обрушился на армию Ли Цзюэ. Не ожидая, пока тот построит войска в боевой порядок, Люй Бу помчался вперед и подал сигнал к нападению. Войско Ли Цзюэ бежало пятьдесят ли и остановилось только у подножия горы. Ли Цзюэ позвал на совет Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу.

– Хотя Люй Бу храбр, но он глуп, – сказал Ли Цзюэ, – и ему недостает проницательности. Нам нечего его бояться. Я со своими войсками буду охранять вход в ущелье и не дам ни минуты покоя Люй Бу, а Го Сы со своими войсками пусть тревожит его тыл. Мы будем действовать так же, как Пэн Юэ. Помните, как он когда-то тревожил княжество Чу: удары в гонг – наступление, барабанный бой – отвод войск. Чжан Цзи и Фань Чоу, разделив войска, по двум дорогам двинутся на Чанань. Если у врага голова и хвост не сумеют помочь друг другу, он обязательно потерпит поражение.

План этот был принят единогласно.

Как только войска Люй Бу подошли к горе, Ли Цзюэ напал на них. Люй Бу с ожесточением бросился в бой, но Ли Цзюэ отступил на гору, и оттуда градом посыпались стрелы и камни. Армия Люй Бу не смогла пройти. Тут неожиданно донесли, что Го Сы ударил с тыла. Люй Бу поспешно повернул назад, но тут же услышал грохот барабанов: армия Го Сы уже отходила. Еще не успел Люй Бу построить войска, как зазвучали гонги: это опять подступала армия Ли Цзюэ. И почти в то же время Го Сы снова напал с тыла; как только Люй Бу подошел, вновь загремели барабаны, отзывая войска Го Сы. Ярость кипела в груди Люй Бу.

Так продолжалось несколько дней подряд. Враг не давал Люй Бу ни сражаться, ни удерживать свои позиции. Положение было очень напряженным, когда прискакал гонец с известием, что Чжан Цзи и Фань Чоу с двух сторон напали на Чанань и столица в опасности. Люй Бу поспешно повел войска обратно. Но Ли Цзюэ и Го Сы объединенными силами преследовали его, и Люй Бу потерял много воинов убитыми и ранеными.

Мятежников в Чанане было видимо-невидимо. Люй Бу вступил с ними в сражение, но победы не добился. Многие воины, возмущенные его жестокостью, сдались врагу. Смятение овладело самим Люй Бу.

Через несколько дней остававшиеся в Чанане сообщники Дун Чжо – Ли Мын и Ван Фан – открыли ворота столицы, и армия мятежников с четырех сторон вступила в город. Люй Бу бросался то направо, то налево, но не мог преградить им путь. Во главе нескольких сот всадников он прорвался через ворота Цинсо и, вызвав Ван Юня, сказал ему:

– Положение отчаянное. Прошу вас, сы-ту, следуйте за мной. Мы скроемся и через некоторое время придумаем новый план.

– Если я одарен способностями государственного мужа, то наведу порядок в государстве, – ответил Ван Юнь. – Таково мое искреннее желание. Если же это мне не удастся, я умру, но бежать от опасности не стану. Передайте мою благодарность гуаньдунским князьям – пусть они и впредь не жалеют сил для государства.

Несмотря на троекратные уговоры Люй Бу, Ван Юнь остался непреклонным в своем решении. Вскоре у всех ворот города вспыхнул огонь и к небу поднялись языки пламени. Люй Бу ничего не оставалось, как бросить свою семью на произвол судьбы. С сотней всадников он бежал за перевал к Юань Шу.

Ли Цзюэ и Го Сы предоставили мятежникам полную свободу грабить столицу. От их рук погибло много придворных и чиновников. Войска мятежников окружили дворец. Евнухи уговорили Сына неба подойти к воротам Провозглашения мира и тем самым прекратить смуту. Ли Цзюэ и другие, увидев желтый зонт императора, приостановили бесчинства и закричали: «Вань суй! Вань суй!»

Император Сянь-ди, поднявшись на башню, вскричал:

– Как вы смели без нашего вызова явиться в Чанань?

Ли Цзюэ и Го Сы, глядя наверх, отвечали:

– Тай-ши Дун Чжо был защитником императорского трона! Он без всякого повода коварно убит Ван Юнем, и мы пришли мстить за него. Выдайте нам Ван Юня, и мы тотчас же уведем войска!

Ван Юнь в это время находился рядом с императором. Услышав такие речи, он молвил:

– Я придумал этот план для блага династии, но раз уж дело приняло такой плохой оборот, Сыну неба не стоит из жалости к одному из подданных подвергать опасности свое государство. Разрешите мне сойти вниз и отдаться в руки мятежников.

Император медлил с решением, и Ван Юнь стремительно сбежал с башни с возгласом:

– Ван Юнь здесь!

– За какое преступление убит тай-ши Дун Чжо? – закричали Ли Цзюэ и Го Сы и набросились на него с обнаженными мечами.

– Преступления злодея Дун Чжо переполнили небо и землю! – вскричал Ван Юнь. – В тот день, когда его убили, жители Чананя поздравляли друг друга, разве вам это не известно?

– Тай-ши был действительно виноват, а в чем наша вина? Почему вы не согласились простить нас? – бесновались Ли Цзюэ и Го Сы.

– Пусть же я умру! Мне не о чем с вами разговаривать!

Мятежники убили Ван Юня у подножия башни.

Историк написал стихи, восхваляющие его:

По мудрому плану, который составил Ван Юнь,
Был вскоре Дун Чжо, тиран вероломный, сражен.
И думал Ван Юнь, как дать государству мир,
Тревоги был полон о храмах династии он.
Геройство его простерлось, как Млечный Путь, И верность его
вечна, как созвездье Ковша.
Столетия идут, но бродит досель по земле,
Витает вокруг башни его неземная душа.

Расправившись с Ван Юнем, разбойники перебили всех принадлежащих к его роду – старых и малых. В народе стоял плач и стенания. А Ли Цзюэ и Го Сы думали про себя: «Раз уж мы пришли сюда, так убьем и Сына неба. Чего еще ждать?»

Обнажив мечи, они с громкими криками ворвались во дворец.

Вот уж поистине:

Главный разбойник убит, и всюду идет торжество,
Но горшие беды несут приспешники злые его.

О дальнейшей судьбе императора Сянь-ди вы узнаете в следующей главе.

Глава десятая, повествует о том, как Ма Тэн поднялся на борьбу за справедливость, и о том, как Цао Цао мстил за смерть отца

Разбойники Ли Цзюэ и Го Сы хотели убить императора, но Чжан Цзи и Фань Чоу стали их отговаривать:

– Сейчас Сянь-ди убивать нельзя, ибо мы не сумеем удержать народ в повиновении. Сначала нужно обрезать императору крылья, удалить от него всех князей. Тогда мы сможем покончить с ним и завладеть всей Поднебесной.

Ли Цзюэ и Го Сы вняли их доводам и убрали оружие. Император, все еще стоявший на башне, обратился к ним с вопросом:

– Ван Юнь убит, почему же до сих пор вы не выводите войска?

– У нас есть заслуги перед династией, – ответили Ли Цзюэ и Го Сы, – но нет титулов и званий, а без этого мы опасаемся отвести войска.

– Какие же чины и звания вы хотите получить? – спросил император.

Ли Цзюэ, Го Сы, Чжан Цзи и Фань Чоу составили список требуемых ими должностей и вручили его Сянь-ди. Император вынужден был наделить всех их высокими званиями и правом решать государственные дела.

Только после этого мятежники вывели войска из города. Они еще пытались разыскать труп и голову Дун Чжо, но нашли только его кости. На дощечке из благовонного дерева они вырезали его изображение и, остановившись в дороге, устроили жертвоприношение. Одежду и шапку Дун Чжо вместе с его костями они уложили в гроб, а затем выбрали указанный гаданием счастливый день для погребения в Мэйу.

Но в тот самый момент, когда они приступили к церемонии погребения, раздался страшный удар грома и хлынул ливень. На ровном месте глубина воды достигла нескольких чи. От сильного сотрясения гроб раскрылся, и бранные останки выпали из него. При новой попытке похоронить их повторилось то же самое. На третью ночь гроб был полностью уничтожен громом и молнией. Так сильно гневалось небо на Дун Чжо!

Ли Цзюэ и Го Сы, захватив в свои руки власть, стали жестоко обращаться с народом. Путем интриг и коварства они удаляли приближенных императора и заменяли их своими сторонниками, они же назначали и смещали придворных чиновников. Император был стеснен во всех своих действиях. С целью приобрести себе сторонников злодеи специально пригласили ко двору Чжу Цзуня, пожаловав ему титул тай-пу – смотрителя императорских колесниц, и наделили его большой властью.

Но вот пришла весть, что правитель округа Силян Ма Тэн и правитель округа Бинчжоу Хань Суй со сотысячным войском идут на Чанань, чтобы покарать злодеев. Предварительно эти военачальники вступили в тайные сношения с тремя важными чиновниками в Чанане – Ма Юем, Чжун Шао и Лю Фанем, и те добились у императора пожалования Ма Тэну и Хань Сую высоких чинов.

Ли Цзюэ и его сообщники стали готовиться к дальнейшей борьбе.

– Оба войска идут издалека, – сказал им советник Цзя Сюй. – Если выкопать глубокий ров, соорудить высокие стены и занять стойкую оборону, то они и за сто дней не одолеют нас. Когда истощится провиант, они, поверьте мне, отступят сами, а мы будем преследовать их и захватим в плен обоих главарей.

– Этот план никуда не годится, – заявили Ли Мын и Ван Фан. – Дайте нам десять тысяч отборного войска, и мы одолеем Ма Тэна и Хань Суя, отрубим им головы и принесем их вам.

– Воевать сейчас – значит потерпеть поражение, – настаивал Цзя Сюй.

– Отрубите нам головы, если нас разобьют! – воскликнули в один голос Ли Мын и Ван Фан. – Если же мы победим, то голова Цзя Сюя будет принадлежать нам.

– В двухстах ли к западу от Чананя дорога труднопроходимая и опасная, – сказал Цзя Сюй, обращаясь к Ли Цзюэ и Го Сы. – Можно было бы послать туда войска Чжан Цзи и Фань Чоу и создать неприступную оборону, и, когда Ли Мын и Ван Фан вступят в бой с врагом, ваш план осуществится.

Так и было решено. Ли Мын и Ван Фан во главе пятнадцати тысяч конных и пеших воинов выступили в поход и разбили лагерь в двухстах восьмидесяти ли от Чананя. Подошли сяньские войска, и обе армии построились в боевой порядок. Ма Тэн и Хань Суй плечо к плечу выехали вперед и, указывая на главарей вражеского войска, закричали:

– Вот они, разбойники, восставшие против государства! Кто сумеет схватить их?

В ту же минуту из строя вырвался молодой воин на горячем скакуне. Цвет лица его напоминал яшму, глаза горели, словно звезды. Он был силен и гибок, как тигр. В руках у него было длинное копьё. Это был Ма Чао, сын Ма Тэна. Ему едва исполнилось семнадцать лет, но в храбрости он не знал себе равных. С пренебрежением взглянув на юношу, Ван Фан смело вступил с ним в бой. Но не успели они и дважды схватиться в яростной битве, как Ван Фан замертво свалился с коня, пронзенный копьём Ма Чао. Юный герой повернул обратно, а Ли Мын, видя гибель своего сообщника, бросился за Ма Чао. Ма Тэн, стоя перед строем, громко закричал, желая предупредить сына об опасности, но Ма Чао и сам заметил погоню и намеренно придержал коня. Когда противник настиг юношу и занес копьё, Ма Чао откинулся в сторону, и Ли Мын промахнулся. В ту же минуту Ма Чао, раскинув свои длинные, как у обезьяны, руки, взял врага в плен живым.

Войско, потеряв предводителей, обратилось в бегство. Ма Тэн и Хань Суй стали его преследовать и одержали большую победу. Добравшись до входа в ущелье, они стали лагерем.

Только теперь Ли Цзюэ и Го Сы поняли, что Цзя Сюй обладает даром предвидения, и оценили его план. Они решили упорно обороняться, отказавшись от всяких сражений. И действительно, сяньские войска за два месяца не смогли продвинуться ни на шаг. Истощив запасы провианта и фуража, Ма Тэн и Хань Суй стали подумывать об отходе.

Между тем в Чанане молодой слуга из дома Ма Юйя донес о том, что его хозяин, а заодно с ним Лю Фань и Чжун Шао – сообщники Ма Тэна и Хань Суя. Ли Цзюэ и Го Сы впали в бешенство, они приказали собрать всех из этих трех семей – старых и малых, правых и виноватых – и обезглавили их на площади, а головы заговорщиков выставили у городских ворот.

Весть о потере сообщников окончательно сломила Ма Тэна и Хань Суя, и они спешно отступили. Их преследовали Чжан Цзи и Фань Чоу. В жестоком оборонительном бою Ма Чао нанес поражение Чжан Цзи, но Фань Чоу теснил Хань Суя. Хань Суй придержал коня и крикнул ему:

– Ведь мы с вами земляки, почему вы так безжалостны?

– Повеление Сына неба не нарушают! – отвечал Фань Чоу, останавливаясь.

– Ведь я тоже пришел сюда ради интересов государства! – продолжал Хань Суй. – Почему же вы так тесните меня?

В ответ на эти слова Фань Чоу повернул коня и возвратился в лагерь, дав Хань Суя уйти.

Но случилось так, что племянник Ли Цзюэ, Ли Бе, донес обо всем своему дяде. В страшном гневе тот хотел напасть на Фань Чоу, но Цзя Сюй возразил:

– Ныне сердца людей неспокойны – затронь их, и развяжется война. Замять такое дело тоже нельзя. Устройте лучше пир в честь победы и пригласите Чжан Цзи и Фань Чоу, а во время пира схватите Фань Чоу и казните. Зачем напрасно расходовать силы?

Ли Цзюэ принял этот совет.

Ничего не подозревавшие Чжан Цзи и Фань Чоу с радостью явились на пир. В разгар веселья Ли Цзюэ, вдруг изменившись в лице, сказал:

– Почему Фань Чоу связался с Хань Суем? Может быть, он замышляет мятеж?

Фань Чоу растерялся и еще не успел ничего ответить, как палач тут же у стола отрубил ему голову.

Испуганный Чжан Цзи распростерся на полу, но Ли Цзюэ поднял его со словами:

– Фань Чоу замышлял мятеж, и его казнили. Вам нечего бояться. Вы мой друг.

Затем Чжан Цзи получил войска казненного Фань Чоу и ушел в Хуннун. С тех пор никто из князей не смел выступать против Ли Цзюэ и Го Сы.

По совету Цзя Сюя они приняли меры, чтобы успокоить народ, и завязали дружбу с выдающимися людьми. Порядок в государстве начал понемногу восстанавливаться.

Но тут пришла весть, что в Цинчжоу опять поднялись Желтые, они собираются в стотысячные толпы и, руководимые разными главарями, грабят народ.

– Если вы хотите разбить шаньдунских разбойников, то вам не обойтись без Цао Цао, – вмешался тай-пу Чжу Цзунь. – Сейчас он правитель области Дунцзюнь. У него много войск. Если повелеть ему уничтожить мятежников, он справится с ними в самый короткий срок.

Ли Цзюэ обрадовался и в ту же ночь составил приказ и отправил гонца в Дунцзюнь, повелевая Цао Цао вместе с Бао Синем из Цзибэя разгромить мятежников.

Получив этот приказ, Цао Цао немедленно ударил на мятежников в Шоуяне, а Бао Синь, ворвавшись в расположение врага, потерпел большой урон. Преследуя мятежников, Цао Цао дошел до самого Цзибэя. Десятки тысяч человек сдавались ему в плен. Цао Цао использовал их как головные отряды, и куда бы ни пришло его войско, все покорялись ему. Не прошло и ста дней, как в его распоряжении оказалось около трехсот тысяч воинов, и более миллиона жителей, мужчин и женщин, принесли клятву покорности. Цао Цао отобрал наиболее храбрых воинов и назвал их цинчжоуской армией, остальных он распустил по домам. С этих пор влияние Цао Цао росло с каждым днем. Он послал в Ча-нань донесение о победе, и двор пожаловал ему титул Умирителя Востока.

Расположившись в Яньчжоу, Цао Цао стал созывать к себе мудрых людей.

Из уезда Пиньинь пришли к нему дядя и племянник. Дядя, Сюнь Юй, сын Сюнь Куня, перешел к нему от Юань Шао.

– Это мой Цзы-фан! – на радостях воскликнул Цао Цао и назначил его начальником военного приказа.

Его племянник Сюнь Ю, слышавший в мире большим ученым, прежде служил при дворе, но потом оставил должность и вернулся на родину, а вот теперь вместе с дядей пришел к Цао Цао. Цао Цао назначил его наставником по военным делам.

– Я знавал в Яньчжоу одного человека, – сказал Сюнь Юй, – да неизвестно, где он теперь.

Цао Цао поинтересовался, кто это такой.

– Это Чэн Юй из Дунцзюня, – пояснил Сюнь Юй.

– Я давно слышал о нем! – воскликнул Цао Цао и тут же послал человека разыскать его. Узнав, что ученый живет в горах и изучает книги, Цао Цао пригласил его, и, к великой радости, Чэн Юй пришел к нему.

– Я – невежествен и малоопытен, – сказал он Сюнь Юйю, – и вы незаслуженно хвалили меня. Но вот Го Цзя, который родом из нашей местности, – самый большой в наше время мудрец. Почему бы не пригласить его?

– Я совсем забыл! – коротко ответил Сюнь Юй.

Сюнь Юй предложил Цао Цао пригласить Го Цзя в Яньчжоу и вместе с ним обсудить дела Поднебесной.

Го Цзя в свою очередь предложил пригласить Лю Е, потомка Гуан-у по женской линии, который происходил из Чэндэ.

Как-то к Цао Цао перешел военачальник с отрядом в несколько сот человек. Звали его Юй Цзинь, и родом он был из Тайшаня. Он прекрасно владел оружием и в военном деле выделялся среди всех прочих, за что Цао Цао и назначил его на должность дян-цзюнь сы-ма.

Вскоре Сяхоу Дунь привел огромного детину. Цао Цао спросил его, кто это такой.

– Это Дян Вэй из Чэньлю, – ответил Сяхоу Дунь. – По храбрости не сыскать ему равного. В прошлое время он служил у Чжан Мо, но поссорился с его приближенными, перебил несколько десятков человек и скрылся в горы. Я встретился с Дян Вэем на охоте, когда он, преследуя тигра, перескакивал через поток. За силу и ловкость я взял его в свое войско, а ныне представляю его вам.

– Да я по одной наружности вижу, что это храбрец! – восхищался Цао Цао.

А Сяхоу Дунь продолжал:

– Как-то, мстя за друга, он убил человека и с его отрубленной головой вышел на базар. Никто из многих сотен людей, бывших там, не решался к нему приблизиться! Дян Вэй, подобно ветру, может мчаться на коне, вооруженный двумя железными копьями по восемьдесят цзиней весом каждое.

Цао Цао повелел испытать умение Дян Вэя. Схватив копье и вскочив на коня, он поскакал галопом. Вдруг Дян Вэй увидел, что налетевший ветер опрокидывает большое знамя у шатра и воины не в силах удержать его. Дян Вэй мгновенно соскочил с коня, громким возгласом отогнал людей и, одной рукой водрузив знамя, встал возле него неподвижный, как гора.

– Это древний У Лай!⁵⁸ – воскликнул Цао Цао.

Оставив Дян Вэя при себе, Цао Цао в награду подарил ему парчовую одежду и быстрого коня под резным седлом.

Отныне Цао Цао стал известен на весь Шаньдун. Он отправил тайшаньского правителя Ин Шао за своим отцом Цао Суном, который жил тогда в Чэньлю. Получив письмо сына, Цао Сун вместе со своим братом Цао Дэ и с семьей в сорок человек, прихватив с собой еще сотню слуг и сотню повозок, отправился в Яньчжоу. Путь его лежал через Сюйчжоу, правитель которого Тао Цянь, человек любезный и прямодушный, давно хотел установить дружбу с Цао Цао, но не было подходящего случая. Узнав о том, что через город проезжает отец Цао Цао, он выехал ему навстречу и устроил в его честь большой пир. Прогостив два дня, Цао Сун двинулся дальше. Тао Цянь лично сопровождал его до окраины города и послал ду-вэя⁵⁹ Чжан Кая с отрядом в пятьсот человек охранять его в пути.

Время было осеннее, и, когда Цао Сун с семьей и домочадцами прибыл в Хуафэй, пошли сильные дожди. Промокшие путники вынуждены были остановиться в древней кумирне. Монахи отвели им лучшее помещение, а Чжан Кая с воинами разместили в двух флигелях. Среди стражи поднялся ропот. Тогда Чжан Кай собрал своих людей и сказал им так:

– Мы с вами сражались когда-то в рядах Желтых, но нас заставили покориться Тао Цяню. Жизнь наша теперь несладка. Цао Сун везет с собой несметное богатство, и завладеть его сокровищами совсем нетрудно. Вот что я предлагаю: ночью, во время третьей стражи, мы ворвемся и перебьем всю семью Цао Суна, затем захватим деньги и вещи, уйдем в горы и станем разбойниками. Как вам нравится такой план?

Все выразили одобрение. В ту ночь бушевал ветер и непрерывно лил дождь. Цао Сун спокойно отдыхал, как вдруг услышал за стеной какой-то шум. Цао Дэ, взяв меч, вышел посмот-

---

⁵⁸ У Лай – сановник последнего правителя Иньской династии, живший в XII веке до н. э. Отличался большой силой.

⁵⁹ Ду-вэй – воинское звание, соответствующее среднему командному составу.

реть, что случилось, но тут же был убит. Увлекая за собой одну из своих наложниц, Цао Сун бросился к выходу в глубине кумирни, надеясь бежать через ограду. Но наложница его была так толста, что не могла перелезть. Охваченный ужасом, Цао Сун спрятался с нею в отхожем месте, где и был убит врагами. Ин Шао спасся от смерти и бежал к Юань Шао. Чжан Кай перебил всю семью Цао Суна, захватив все его богатства, сжег кумирню и ушел со своим отрядом в Хуайнань.

Нескольким воинам, бывшим под командой Ин Шао, удалось избежать гибели. Они-то и рассказали обо всем Цао Цао. При этом известии Цао Цао с воплями повалился на землю. Люди подняли его.

– Как же мог Тао Цянь допустить, чтобы его воины убили моего отца! – скрежеща зубами, негодовал Цао Цао. – При такой вражде не жить нам с Тао Цянем под одним небом! Я сейчас же подниму все войско и сотру Сюйчжоу с лица земли! Только тогда я буду считать себя отмщенным!

В это время цзюцзянский правитель Бянь Жан, большой друг Тао Цяня, узнав об опасности, грозящей Сюйчжоу, двинулся с пяти тысячным войском на помощь Тао Цяню. Цао Цао, проведав об этом, пришел в ярость и послал Сяхоу Дуня поймать и убить Бянь Жана.

Ночью к Цао Цао явился Чэнь Гун – человек, также всей душой преданный Тао Цяню. Цао Цао знал, что это наперсник Тао Цяня, и сначала решил не допускать его к себе, но, памятуя о милостях, когда-то полученных им от Чэнь Гуна, передумал и принял его в своем шатре.

– Мне стало известно, что вы с большим войском направляетесь к Сюйчжоу, чтобы отомстить за убийство отца, – произнес Чэнь Гун. – Вы собираетесь перебить там весь народ, и это заставило меня прийти к вам и заступиться за невинных людей. Должен вам сказать, что Тао Цянь высокогуманный человек, он не из тех, кто из-за корысти забывает о справедливости. Ваш отец встретил злую смерть, но это вина Чжан Кая, а не Тао Цяня. И какую обиду причинило вам население округа? Истребить его было бы преступлением. Прошу вас хорошенько поразмыслить об этом.

– В прежние времена вы оставили меня и ушли, – гневно сказал Цао Цао, – с какими же глазами вы явились ко мне теперь? Тао Цянь погубил мою семью, и я поклялся, что вырву у него печень и вырежу сердце. Только так я смогу утолить свою жажду мести. Хоть вы и приехали сюда специально ради Тао Цяня, я буду поступать так, словно не видел вас и ничего не слышал.

Чэнь Гун поклонился, вышел и со вздохом сказал:

– Теперь у меня не хватит совести смотреть в глаза Тао Цяню.

И он уехал в Чэньлю к правителю Чжан Мо.

Войска Цао Цао бесчинствовали повсюду: избивали людей, оскверняли могилы. Когда весть об этом дошла до Тао Цяня, он воскликнул, обратив лицо к небу и проливая слезы:

– Должно быть, я виноват перед небом, если оно послало такую беду на народ Сюйчжоу!

И он спешно созвал своих военачальников на совет.

– Войска Цао Цао приближаются, – сказал Цао Бао. – Как можно сидеть сложа руки в ожидании смерти? Я хочу помочь вам, господин мой, разбить врага.

Тао Цяню ничего не оставалось, как двинуть свои войска навстречу противнику. Они издали завидели армию Цао Цао, клокочущую, как снежный буран. Над головным отрядом развевалось белое знамя, на обеих сторонах которого крупными иероглифами было написано: «Мщение!»

Войска выстроились в боевой порядок. Цао Цао, одетый в белый шелковый халат, выехал из строя, размахивая плетью. Тао Цянь тоже выехал вперед, должным образом поклонился и молвил:

– Из доброго намерения поручил я Чжан Каю охранять вашего батюшку, не подозревая, что у него душа разбойника. Надеюсь, вы разберетесь в этом деле.

– Старый хрыч! – загремел Цао Цао. – Ты убил моего отца, а теперь еще осмеливаешься обращаться ко мне с такими лживыми речами! Эй, покончить с этим разбойником!

– Поручите это мне, – отозвался Сяхоу Дунь.

Тао Цянь поспешно вернулся в строй. С копьем наперевес Сяхоу Дунь помчался вслед за ним, но навстречу ему уже скакал Цао Бао. Но тут неожиданно поднялся свирепый ветер, взметнулись тучи песка, полетели камни. Армии противников пришли в замешательство.

Тао Цянь отвел свое войско в город и держал совет с народом:

– Силы врага велики, и противостоять им трудно. Свяжите меня и отправьте в лагерь Цао Цао. Я приму его гнев на себя и тем спасу жизнь жителям Сюйчжоу.

Вдруг какой-то человек выступил вперед и сказал так:

– Господин мой, вы долгое время были справедливым правителем Сюйчжоу, люди тронуты вашей милостью. Слов нет, войска Цао Цао многочисленны, но все же они не смогут разгромить наш город, если вы вместе с народом будете защищать его. Хотя я и не обладаю талантами, но придумал небольшой план, при помощи которого можно заставить Цао Цао умереть в таком месте, где невозможно будет даже похоронить его тело.

Поистине:

Дружбы хотел Тао Цянь, но встретил одну вражду.
Жизнь обрел он там, где думал найти беду.

Кто был этот человек, вы узнаете в следующей главе.

Глава одиннадцатая, в которой говорится о том, как Лю Бэй спас Кун Юна в Бэйхае, и о том, как Люй Бу разбил Цао Цао в Пуяне

Этот план предложил мудрый Ми Чжу, человек богатый, родом из Сюньсяня. Он занимался торговлей и ездил в Лоян по делам. Однажды, возвращаясь домой, он встретил красивую женщину, которая обратилась к нему с просьбой подвезти ее. Ми Чжу предложил женщине место в повозке, а сам пошел пешком. Затем, уступив уговорам женщины, он сел в повозку рядом с нею, но держался прямо и ни разу не взглянул на нее. Так проехали они несколько ли. Женщина, собираясь сойти, сказала ему на прощанье:

– Я властительница южной звезды Огненной добродетели и получила повеление Верховного владыки сжечь твой дом. Но я тронута твоим учтивым обхождением и потому предупреждаю тебя: торопись с возвращением и спасай свое добро – я приду ночью.

Сказав так, она исчезла.

Ми Чжу всполошился. И действительно, едва он успел вернуться домой и вынести все ценное, как на кухне вспыхнул пожар, и дом сторел дотла. Потрясенный этим событием, Ми Чжу пожертвовал все свое имущество бедным. В ту пору Тао Цянь пригласил его на службу, назначив на должность бе-цзя⁶⁰.

– Я сам поеду в Бэйхай просить Кун Юна помочь нам, – сказал Ми Чжу, обращаясь к Тао Цяню. – А кто-нибудь другой пусть отправляется с такой же просьбой в Цинчжоу к Тянь Цзе. Если они одновременно двинут свои войска, Цао Цао не устоит.

Тао Цянь послушался его и написал два письма: одно из них он вручил Ми Чжу, а второе вызвался отвезти Чэнь Дэн, уроженец Гуанлина. Когда посланцы отбыли, Тао Цянь сам возглавил оборону города и начал готовиться к нападению.

Бэйхайский Кун Юн был родом из Цюйфу. Внук Конфуция в двадцатом колене, сын начальника уезда Тайшань Кун Чжоу, он с детства прославился умом. Когда ему было десять лет, он отправился к хэнаньскому правителю Ли Ину. Привратник не хотел его пускать, но Кун Юн сказал:

– Я родственник семьи Ли.

И вошел.

– В каком же родстве состояли наши предки? – спросил Ли Ин.

– Ведь в древние времена мой предок Кун-цзы задал вопрос вашему предку Лао-цзы об этикете, – сказал Кун Юн, – так разве это не роднит меня с вами?

Ли Ин был поражен. И когда немного погодя вошел его друг Чэнь Вэй, Ли Ин сказал ему, указывая на Кун Юна:

– Это удивительный мальчик!

– Если человек умен в детстве, – возразил Чэнь Вэй, – еще не значит, что он будет умен, когда вырастет.

– Если ваше утверждение правильно, – заметил Кун Юн, – то вы, господин, в детстве несомненно были умны.

Все засмеялись, а Чэнь Вэй сказал:

– Когда мальчик вырастет, он будет величайшим человеком!

Это событие прославило Кун Юна, он стал чжун-лан-цзяном и получил должность правителя округа Бэйхай. Он был известен своим хлебосольством. «Я хочу, – говаривал он, –

---

⁶⁰ Бе-цзя – помощник правителя округа.

чтобы гости за столом не переводились и в чашах не иссякало вино». За шесть лет пребывания в Бэйхае Кун Юн завоевал любовь всего народа.

В тот день он, по обыкновению, сидел в кругу гостей, когда слуга доложил, что приехал Ми Чжу. Кун Юн пригласил его войти, и Ми Чжу отдал письмо, в котором Тао Цянь сообщал о нападении Цао Цао и просил помощи.

– Как же мне не помочь, ведь мы с Тао Цянем старые друзья, да и вы лично приехали просить об этом! – воскликнул Кун Юн. – Однако Цао Цао со мной не враждовал, и я думаю сначала предложить ему покончить дело миром, а в случае отказа я двину свои войска.

– Цао Цао надеется на силу своих армий, и он никоим образом не согласится заключить мир, – сказал Ми Чжу.

Тогда Кун Юн написал Цао Цао письмо и одновременно приказал своим военачальникам готовиться к походу. Но как раз во время этого совещания доложили, что приближаются несметные полчища Желтых во главе с Гуань Хаем. Кун Юн сильно встревожился и немедленно выступил с войском навстречу мятежникам. Гуань Хай выехал вперед и заявил:

– Мне известно, что в Бэйхае много провианта. Если вы дадите мне десять тысяч даней риса⁶¹, я уведу войска. Если же нет, то разрушу город и не пощажу ни старых, ни малых.

– Я – подданный императора Хань и защищаю его земли! – закричал Кун Юн. – Могу ли я выдать провиант разбойникам?

Тогда разгневанный Гуань Хай вступил в единоборство с военачальником Кун Юна – Цзун Бао и после нескольких схваток сразил его насмерть. Войско Кун Юна в смятении бежало под защиту городских стен. Гуань Хай, разделив свои силы на несколько отрядов, окружил город со всех сторон.

Кун Юн был озабочен. Ми Чжу тоже опечалился, не смея больше ни о чем напоминать ему.

На другой день Кун Юн стал наблюдать за врагом с городской стены и совсем приуныл, когда увидел, что силы мятежников громадны. Но вдруг он заметил нечто странное: в строй противника врезался какой-то неизвестный всадник и, с необыкновенной ловкостью действуя копьем, стал разить врагов направо и налево. Разбойники бежали. Всадник достиг городской стены и крикнул, чтобы открыли ворота, но Кун Юн не знал его и не открыл ворота. Сзади наседали мятежники. Всадник повернулся и сразил еще несколько десятков человек. Тогда Кун Юн велел открыть ему ворота.

Войдя в город, человек этот бросил копье и, поднявшись на стену, поклонился Кун Юну и обратился к нему с такими словами:

– Я из Хуансяня, и зовут меня Тайши Цы. Вы часто оказывали благодеяния семье моей матушки, и вчера, когда я вернулся домой из Ляодуна, она сказала мне: «Наш господин не раз помогал нам. Теперь ему угрожает опасность, и ты должен помочь ему». И я немедленно примчался к вам.

Кун Юн, глубоко растроганный этим, подарил Тайши Цы одежду, латы и коня с седлом.

– Я хотел бы получить тысячу отборных воинов, – сказал Тайши Цы. – Я вышел бы с ними из города и перебил этих разбойников.

– Вы хоть и герой, – возразил Кун Юн, – но все же должны помнить, что силы их очень велики!

– Я ведь доложил вам, – отвечал Тайши Цы, – что меня прислала сюда моя матушка, не забывшая ваших благодеяний, и, если я не сниму осаду с города и не помогу вам, мне совестно будет смотреть ей в глаза. Я решил вступить в смертельный бой.

---

⁶¹ Дань – мера веса, равная 59,68 кг.

– Я слышал, что в наше время самый большой герой – Лю Бэй, – сказал Кун Юн. – Вот если бы нам удалось призвать его на помощь, то осада пала бы сама собой. Только кого к нему послать?

– Господин мой, готовьте письмо. Я еду! – воскликнул Тайши Цы.

Тайши Цы досыта наелся, облачился в латы, прикрепил к поясу лук со стрелами, вооружился копьем и с письмом Кун Юна тронулся в путь. Городские ворота приоткрылись, и сразу же на выехавшего Тайши Цы набросилась целая орава мятежников во главе с предводителем. Тайши Цы сразил нескольких из врагов, пытавшихся его окружить, и прорвался вперед. Гуань Хай с сотней всадников погнался за ним, хорошо понимая, как опасно выпускать человека из осажденного города. Окруженный со всех сторон, Тайши Цы остановился и стал осыпать противника стрелами из лука. От каждой выпущенной им стрелы на землю валился всадник. Враги не посмели преследовать его дальше. Тайши Цы благополучно добрался до Пинъюаня и явился к Лю Бэю. После приветственных церемоний Тайши Цы вручил ему послание Кун Юна.

Лю Бэй пожелал узнать, что за человек Тайши Цы.

– Я – Тайши Цы из пограничного города в Дунлае, – отвечал тот. – Хоть мы с Кун Юном и не одного рода и даже не однофамильцы, но я из дружеских чувств служу ему и готов делить с ним горе и печали. Ныне Гуань Хай поднял смуту, Бэйхай окружен, господин мой в смертельной опасности. Зная о вашей неподкупной справедливости и о том, что вы всегда готовы помочь людям в несчастье, он приказал мне прорваться из осажденного города и просить у вас подмоги.

– Разве Кун Юн знает о существовании Лю Бэя? – удивился Лю Бэй, но согласился помочь Кун Юну. Вскоре он выступил в Бэйхай вместе со своими братьями во главе трех тысяч отборных воинов.

Гуань Хай, заметив, что к осажденным приближается подкрепление, двинулся было навстречу, но, разузнав, что сил у Лю Бэя немного, не стал особенно тревожиться.

Лю Бэй, его названные братья и Тайши Цы выехали вперед и остановились перед своим строем. Разъяренный Тайши Цы хотел начать схватку, но Гуань Юй опередил его и бросился на Гуань Хая. Всадники понеслись навстречу друг другу. В войсках послышались крики: «Разве Гуань Хая устоять против Гуань Юйя?» Одна схватка следовала за другой, но вот поднялся меч Черного дракона, и Гуань Хай, сраженный насмерть, рухнул на землю. Тогда Тайши Цы и Чжан Фэй одновременно врезались в строй противника. Бой завершили воины Лю Бэя.

Кун Юн, наблюдавший за ходом сражения с городской стены, видел, как Тайши Цы, Гуань Юй и Чжан Фэй, словно тигры, ворвавшиеся в стадо баранов, расправлялись с мятежниками. Никто не мог им противостоять. Теперь и Кун Юн бросил в бой свои войска. Зажатый с двух сторон противник потерпел полное поражение. Воины во множестве сдавались в плен. Остальные рассеялись.

Кун Юн торжественно встретил Лю Бэя. После приветствий был устроен пир в честь победы. Ми Чжу, пользуясь удобным случаем, рассказал Лю Бэю о том, что Цао Цао обвиняет Тао Цяня в убийстве его отца и грозит уничтожить Сюйчжоу.

– Тао Цянь – благороднейший человек, – сказал Лю Бэй, – и оскорблен незаслуженно.

– Цао Цао губит народ, – добавил Кун Юн, – опираясь на сильных, он попирает слабых. Почему бы вам не отправиться со мной на помощь Тао Цяню?

– Не смею отказываться, – отвечал Лю Бэй. – Только воинов у меня мало, а я не хочу действовать неосмотрительно.

– Мое желание помочь Тао Цяню вызвано чувством старой дружбы, но в то же время это мой великий долг, – продолжал Кун Юн. – Разве вы не руководствуетесь в своих поступках чувством долга?

– Это так! – воскликнул Лю Бэй. – Разрешите мне только прежде поехать к Гунсунь Цзаню попросить у него подкрепление. Я быстро вернусь.

– Смотрите сдержите слово, – предупредил Кун Юн.

– Вы плохо знаете меня, – сказал Лю Бэй. – Человек, потерявший доверие, не может стоять твердо, говорят мудрые люди, и это так же верно, как то, что все смертны. Соберет Лю Бэй войско или не соберет, он все равно придет к вам.

Кун Юн согласился и отправил Ми Чжу в Сюйчжоу, чтобы успокоить и обнадежить Тао Цяня.

Тут выступил Тайши Цы и с поклоном сказал:

– Я успешно выполнил наказ своей матушки, опасность не угрожает вам более. Теперь я уезжаю к Лю Яо, который призывает меня. Но мы с вами еще увидимся.

Кун Юн хотел подарить ему золото и шелковые ткани, но Тайши Цы отказался от этих даров и отправился домой, чтобы оттуда уехать в Яньчжоу.

Тем временем Лю Бэй прибыл к Гунсунь Цзаню и рассказал ему обо всем.

– Ведь Цао Цао не враждует с вами. Зачем же вам тратить свои силы? – удивился Гунсунь Цзань.

– Я уже обещал и не могу нарушить своего слова, ибо тогда я потеряю доверие, – сказал Лю Бэй.

– Хорошо, я дам вам две тысячи воинов, – согласился Гунсунь Цзань.

– Я бы хотел просить у вас разрешения взять с собой Чжао Юня.

Гунсунь Цзань согласился и на это. Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй повели свои три тысячи воинов вперед, а Чжао Юнь с двухтысячным отрядом последовал за ними, и все вместе они двинулись в Сюйчжоу.

Когда Ми Чжу вернулся к Тао Цяню, он рассказал ему, что Кун Юн позвал на помощь еще и Лю Бэя с войском. Вскоре прибыл и Чэнь Дэн с вестью, что цинчжоуский Тянь Цзе тоже обещает свою помощь.

Но армии Кун Юна и Тянь Цзе, испугавшись несметных сил Цао Цао, не смели двинуться вперед и вдалеке, возле гор, разбили лагерь. Цао Цао, узнав о приближении двух армий, разделил свое войско на два отряда и не осмеливался напасть на город.

Между тем Лю Бэй пришел к Кун Юну, и тот сказал ему:

– Силы Цао Цао велики, и сам он весьма искусен в военном деле. Нам надо сначала, чтобы не сделать ложного шага, посмотреть, как будет действовать Цао Цао.

– Боюсь, что в городе трудно будет держаться без провианта, – ответил Лю Бэй. – Я предлагаю такой план: Чжао Юня и Гуань Юйя я оставляю с вами, а сам с Чжан Фэем пробьюсь через лагерь Цао Цао в Сюйчжоу и переговорю с Тао Цянем.

Кун Юн вполне одобрил это решение. Он расположил отряд Тянь Цзе впереди, а воинов Гуань Юйя и Чжао Юня немного позади, так что войска построились треугольником.

В тот же день Лю Бэй и Чжан Фэй с тысячей конных и пеших воинов ворвались в расположение войск Цао Цао. Загремели барабаны, и на Лю Бэя и Чжан Фэя, словно волны прилива, хлынули войска во главе с Юй Цзинем.

– Эй, безумцы, что вы затеяли? – закричал Юй Цзинь.

Чжан Фэй, не отвечая, помчался на него. Всадники схватились. Лю Бэй обнажил свой обоюдоострый меч и подал сигнал к нападению. Юй Цзинь, потерпев поражение в этой битве, бежал. Чжан Фэй преследовал врага, убивая всех, кто попадался на пути, и достиг стен Сюйчжоу. Со стены города увидели знамя с белыми иероглифами «Пинъюаньский Лю Бэй» и по приказу Тао Цяня открыли ворота.

Тао Цянь встретил Лю Бэя и проводил его в окружное управление. После окончания церемоний в честь Лю Бэя было устроено торжество. Лю Бэй вел себя с достоинством, речь его

была изящна, и Тао Цянь, глубоко радовавшийся этому, приказал Ми Чжу передать Лю Бэю печать и городскую эмблему Сюйчжоу.

– Что это значит? – удивился Лю Бэй.

– Поднебесную терзает смута, – сказал Тао Цянь. – Права императора попорчены. Вы же стоите крепко и доводите родственным Ханьскому дому. Своей силой вы действительно способны поддержать алтарь династии, и я хочу отдать вам Сюйчжоу. Не отказывайтесь. Я сам отправлю донесение двору.

Лю Бэй встал с циновки, поклонился и сказал:

– Хотя я и потомок Ханьского дома, но заслуги мои невелики и добродетели недостаточны. Мне даже страшно быть правителем Пинъюаня. Достоин ли я вашей милости? Я пришел к вам из чувства долга, а вы, насколько я понимаю, полагаете, что мною руководило желание захватить чужое. Если бы у меня возникли такие побуждения, небо перестало бы помогать мне!

– Это мое искреннее желание, – утверждал Тао Цянь.

Он настойчиво повторял свое предложение, но как мог Лю Бэй принять его!

– Враг у стен города, и надо придумать, как отбить его, – сказал Ми Чжу. – Настанут более спокойные времена, и тогда мы возобновим этот разговор.

– Я обращусь к Цао Цао с письменным требованием снять осаду, – сказал Лю Бэй. – Если он не послушается, я нападу на него немедленно.

В лагерь был послан приказ прекратить всякое движение войск до тех пор, пока гонец не доставит письмо Цао Цао.

Цао Цао совещался со своими военачальниками, когда ему сообщили, что из Сюйчжоу прибыл гонец. Цао Цао вскрыл письмо – оно было от Лю Бэя.

С тех пор как мы впервые встретились с вами, – говорилось в письме, – судьба разбросала нас в разные стороны, и я не успел отплатить вам за услугу. Что касается смерти вашего благородного батюшки, то в ней повинен злодей Чжан Кай, а вовсе не Тао Цянь. Ныне остатки Желтых наводят смуту повсюду, а оставшиеся в живых сообщники Дун Чжоу властвуют в столице. Я хотел бы, чтобы вы поспешили ко двору и, отказавшись от личной вражды, отвели войска от Сюйчжоу. Этим вы помогли бы государству и доставили бы величайшее счастье населению Сюйчжоу и всей Поднебесной.

Цао Цао, прочитав письмо, вскипел от злости:

– Кто такой этот Лю Бэй, что осмеливается поучать меня! Он издевается надо мной!

Цао Цао хотел уже отдать приказание снести голову гонцу и бросить все силы на Сюйчжоу, но Го Цзя удержал его:

– Лю Бэй действует издалека. Для начала он прибегает к церемониям, а потом пустит в ход оружие. Вы, господин мой, должны добрыми словами успокоить Лю Бэя и только потом начать битву. Иначе города нам не взять.

Цао Цао послушался Го Цзя, угостил гонца, доставившего письмо, и уже собирался написать ответ, как вдруг прискакал другой гонец с извещением, что Люй Бу напал на Яньчжоу и захватил Пуян.

А случилось это так. Потерпев поражение от Ли Цзюэ и Го Сы, Люй Бу покинул Угуань и бежал к Юань Шу. Но тот, зная о непостоянстве Люй Бу, отказался принять его, и Люй Бу перешел к Юань Шао. Он помог Юань Шао разгромить Чжан Яня в Чаншане и с тех пор стал держать себя вызывающе с другими военачальниками. Юань Шао хотел убить его за это, но Люй Бу перебежал к Чжан Яню.

Пан Шу в Чанане укрыл семью Люй Бу, а затем тайно переправил ее к нему, за что Ли Цзюэ и Го Сы отрубили Пан Шу голову и потребовали от Чжан Яня, чтобы тот убил Люй Бу. Тогда Люй Бу покинул Чжан Яня и ушел к Чжан Мо.

Именно в это время Чжан Чао представил своему брату Чжан Мо Чэнь Гуна, который сказал:

– Поднебесная разваливается на части, воины творят что хотят. Странно, что вы, владея такими обширными землями, кому-то подчиняетесь. Цао Цао ушел на восток в поход – Яньчжоу пуст. Люй Бу сейчас самый храбрый человек в Поднебесной, и, если вы вместе с ним захватите Яньчжоу, вы сможете завоевать независимость.

Вот почему Люй Бу и напал на Яньчжоу. Вскоре он овладел Пуяном. Оставалось взять всего лишь три города – Чжэньчэн, Дунъя и Фаньсянь, стойко обороняемые Сюнь Юйем и Чэн Юйем.

Цао Жэнь несколько раз вступал в бой с врагом, но победить его не мог и послал Цао Цао весть о своем тяжелом положении.

Известие это встревожило Цао Цао, и он сказал:

– Если я потеряю Яньчжоу, то у меня не будет пристанища. Надо срочно что-то предпринять.

– Лучше всего помириться с Лю Бэем, – посоветовал Го Цзя, – а потом вернуть Яньчжоу.

Цао Цао тотчас же написал ответное письмо Лю Бэю, затем снял свой лагерь и увел войска.

Гонец, вернувшись в Сюйчжоу, рассказал об этом Тао Цяню. Тао Цянь в своей великой радости пригласил в город на пышное празднество Кун Юна, Тянь Цзе, Гуань Юйя, Чжао Юня и других военачальников.

Когда окончился пир, Тао Цянь усадил Лю Бэя на почетное место и, поклонившись всем гостям, сказал:

– Я стар, оба моих сына не обладают талантами; им не справиться с государственными делами. А Лю Бэй – потомок императорского дома, таланты и добродетели его велики, – он сможет успешно управлять Сюйчжоу. Мне же пора на покой.

– Кун Юн призвал меня на выручку Сюйчжоу – этим я выполнил свой долг, – сказал Лю Бэй. – Если же я без всяких на то оснований возьмусь за дело управления, Поднебесная будет считать меня несправедливым человеком.

– Ханьский дом идет к упадку, – заявил Ми Чжу, – страна раздроблена, именно сейчас время для смелых действий. Сюйчжоу – богатый и обильный округ, населяют его сотни тысяч человек, и вам, с вашими способностями, господин Лю Бэй, нельзя отказываться.

– Я не решаюсь принять это предложение, – повторил Лю Бэй.

– Тао Цянь – человек дряхлый и не может справиться с делами, – сказал Чэнь Дэн. – Вы ни в коем случае не должны отказываться.

– Юань Шу принадлежит к роду, четыре поколения которого дали трех гунов, – продолжал Лю Бэй. – Вся страна уважает его. К тому же он находится поблизости, в Шоучуне. Почему бы вам не уступить округ ему?

– Юань Шу – гнилая кость из могилы, о нем и говорить не стоит! – воскликнул Кун Юн. – Нынешний случай вам послало небо. Если вы этим не воспользуетесь, то потом поздно будет раскаиваться.

Лю Бэй упорно не соглашался, тогда Тао Цянь со слезами сказал ему:

– Если вы покинете меня, некому будет закрыть мне глаза, когда я умру.

– Примите то, что уступает вам Тао Цянь, – вмешался Гуань Юй. – Управляйте делами округа, дорогой брат.

– Ведь мы насильно не отбираем у него округ, – добавил Чжан Фэй. – Он отдает нам власть из лучших побуждений. Почему же вы не соглашаетесь?

– Вы хотите, чтобы я совершил несправедливое дело! – воскликнул Лю Бэй.

Тао Цянь трижды повторял свою просьбу, но Лю Бэй наотрез отказался. Наконец Тао Цянь сказал:

– Если Лю Бэй так упорно отказывается, то недалеко отсюда есть городок Сяопэй, где он может расположить свое войско, чтобы охранять Сюйчжоу.

Все стали уговаривать Лю Бэя остаться в Сяопэе, и Лю Бэй согласился. После того как Тао Цянь наградил воинов, Чжао Юнь собрался в путь. Расставаясь с ним, Лю Бэй долго держал его за руки и проливал слезы. Кун Юн и Тянь Цзе тоже распрощались и ушли со своими войсками.

Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй прибыли в Сяопэй, починили городскую стену и взяли на себя охрану порядка.

Тем временем Цао Цао приехал в свое войско, действовавшее в Яньчжоу. Его встретил Цао Жэнь и доложил о том, что силы Люй Бу велики и что советником у него Чэнь Гун. Весь округ уже потерян, за исключением Чжэньчэна, Дунъя и Фаньсяня, которые Сюнь Юй и Чэн Юй решили держать до конца.

– Люй Бу храбр, но соображает туго и не заслуживает того, чтобы из-за него беспокоиться, – заявил Цао Цао и велел войскам располагаться лагерем.

Когда Люй Бу узнал, что Цао Цао с войском уже прошел через Тэнсянь, он вызвал своих военачальников Сюэ Ланя и Ли Фына и сказал им:

– Я давно хотел воспользоваться вашими услугами и поручить вам с десяти тысячным войском защищать Яньчжоу.

Люй Бу сам двинул войско против Цао Цао.

– Неужели вы покидаете Яньчжоу? – спросил появившийся в эту минуту Чэнь Гун.

– Я расположусь в Пуяне и построю войско треугольником, – заявил Люй Бу.

– Вы совершите ошибку, – сказал Чэнь Гун. – Сюэ Лань не удержит Яньчжоу. Лучше идите прямо на юг, в ста восьмидесяти ли отсюда есть неприступное место. Устройте там засаду из десяти тысяч отборных воинов, и когда войска Цао Цао будут проходить мимо, половину пропустите, а затем нанесите неожиданный удар и захватите в плен Цао Цао.

– Я расположусь в Пуяне, – упрямо повторил Люй Бу. – Откуда вам знать, какие у меня планы?

Оставив Сюэ Ланя защищать Яньчжоу, Люй Бу двинулся в поход.

Когда войска Цао Цао приблизились к самому опасному месту на дороге в Тайшань, Го Цзя сказал:

– Входить сюда небезопасно. Возможно, здесь засада.

– Разве Люй Бу додумается до этого! – расхохотался Цао Цао. – Ведь он в Пуяне; Яньчжоу защищает Сюэ Лань.

Цао Цао приказал Цао Жэню окружить Яньчжоу, а сам пошел в Пуян, чтобы поскорее дать бой Люй Бу.

Узнав о приближении Цао Цао, Чэнь Гун предупредил Люй Бу:

– Войска Цао Цао идут издалека, они утомлены, и потому нам выгодно ударить на них сразу, не дав им времени восстановить силы.

– Я исколесил Поднебесную вдоль и поперек, – отвечал Люй Бу, – мне ли бояться Цао Цао! Как только он раскинет лагерь, я возьму его в плен!

Сражение состоялось на другой день. Верхом на коне, под фамильным знаменем Цао Цао наблюдал, как разворачиваются войска Люй Бу.

Сам Люй Бу ехал впереди, справа и слева его сопровождали восемь отважных военачальников. Численность его армии доходила до ста пятидесяти тысяч человек.

Загремели барабаны. Цао Цао крикнул Люй Бу:

– Никогда мы с тобой не враждовали, почему же ты захватил мой округ?

– Когда государство строит водоем, – ответил Люй Бу, – им может пользоваться каждый, а не ты один!

Люй Бу тут же приказал своему военачальнику Цзан Ба вступить в поединок. Навстречу ему выехал Ио Цзинь. В тридцати схватках сшибались всадники, но не могли одолеть друг друга. Тогда на помощь Ио Цзиню выехал Сяхоу Дунь; на помощь Цзан Ба – Чжан Ляо.

Негодование охватило Люй Бу. Вскинув алебарду, он врзался в строй врага. Сухоу Дунь и Ио Цзинь обратились в бегство. Армия Цао Цао потерпела поражение и бежала тридцать ли. Люй Бу не стал их дальше преследовать.

Проиграв битву, Цао Цао вернулся в свой лагерь и созвал на совещание военачальников.

– Силы Люй Бу, расположенные в лагере к западу от Пуяна, слабы, – сказал Юй Цзинь. – Можно не сомневаться, что сегодня, считая нашу армию разбитой, они не примут мер предосторожности. Надо напасть на них неожиданно – это вызовет сильнейшее смятение в их рядах.

Цао Цао так и поступил. Ночью по глухим тропам его армия двинулась в путь.

А Люй Бу в это время пировал с войсками. Чэнь Гун предупредил его:

– Самый важный для нас – западный лагерь. Что мы будем делать, если Цао Цао неожиданно ворвется туда?

– Где ему осмелиться на это, если он только что проиграл битву! – возразил Люй Бу.

– Цао Цао весьма искусен в военном деле, – настаивал Чэнь Гун. – Необходимо принять меры предосторожности, чтобы нас не захватили врасплох.

Тогда Люй Бу отрядил Гао Шуня вместе с Вэй Сюем и Хоу Чэном оборонять западный лагерь.

В сумерки Цао Цао ворвался в западный лагерь сразу с четырех сторон. Охрана не выдержала натиска и разбежалась. Так Цао Цао овладел западным лагерем Люй Бу.

Гао Шунь подошел туда только ко времени четвертой стражи и был встречен противником. Войска вступили в беспорядочный бой. Приближался рассвет. В это время с западной стороны послышался гром барабанов – это шел на помощь сам Люй Бу. Цао Цао покинул лагерь и, преследуемый Гао Шунем, бежал на север. Но из-за гор вышел еще один отряд, и когда Цао Цао в страхе повернул на запад, он столкнулся тут с новым противником.

Всем военачальникам пришлось вступить в смертельную схватку. Цао Цао первым ринулся на неприятельский строй. Шум стоял невообразимый. Стрелы сыпались, как проливной дождь. Цао Цао не мог продвинуться ни вперед, ни назад и отчаянно взывал:

– Спасите! Кто спасет меня?

И тут из общей свалки вырвался всадник. Это был Дянь Вэй. Подняв свою обоюдоострую алебарду, он крикнул:

– Не огорчайтесь, господин мой, я здесь!

Он соскочил с коня, воткнул в землю алебарду, схватил десяток копий и приказал тем, кто следовал за ним:

– Предупредите меня, когда разбойники будут в десяти шагах позади! – И решительно двинулся вперед, не обращая внимания на стрелы.

За ним погналось несколько десятков всадников Люй Бу.

– Десять шагов! – раздался крик.

– Подпустите их еще на пять шагов! – отвечал Дянь Вэй.

– Пять шагов! – вновь последовал предостерегающий возглас.

Тогда Дянь Вэй обернулся и стал метать копьа. С каждым его броском человек валился на землю. Он не промахнулся ни разу. Рассеяв преследователей, Дянь Вэй снова вскочил на коня и помог Цао Цао выбраться из кольца врагов. Тут подоспели другие военачальники, и все вместе вернулись в лагерь.

Видя, что уже спускаются сумерки, но позади все еще слышатся крики, Люй Бу на коне с алебардой в руке продолжал преследовать Цао Цао, громко крича:

– Стой, злодей, стой!

Все были утомлены до крайности. Воины остановились и в нерешительности смотрели друг на друга. Каждый думал только о том, как бы спасти свою жизнь.

Поистине:

Хоть из кольца врагов нас вынесут верные кони,
Но каково потом усталым уйти от погони?

О дальнейшей судьбе Цао Цао вы узнаете в следующей главе.

Глава двенадцатая, из которой читатель узнает о том, как Тао Цянь трижды уступал Сюйчжоу, а также о великой битве между Цао Цао и Люй Бу

Итак, когда Цао Цао в смятении бежал на юг, к месту битвы подоспел новый отряд. Это пришел ему на помощь Сяхоу Дунь. Он задержал Люй Бу, и завязалась великая битва, которая длилась до глубоких сумерек. Тут полил дождь как из ведра, и обе стороны отвели свои войска. Цао Цао, вернувшись в лагерь, щедро наградил Дянь Вэя и повесил его в чине.

Люй Бу, добравшись до своего лагеря, стал совещаться с Чэнь Гуном.

– В Пуяне есть богатая семья, – говорил ему Чэнь Гун, – по фамилии Тянь. У нее тысяча слуг – это самый богатый дом в округе. Прикажите Тяню тайно послать к Цао Цао гонца с письмом, где должно быть сказано, что за жестокость народ ненавидит вас и что вы намереваетесь двинуть войска в Лиян. Пусть Тянь посоветует Цао Цао напасть ночью на Пуян и обещает ему свою поддержку. Если Цао Цао подойдет, мы завлечем его в город, а потом подожжем все ворота и снаружи устроим засаду. Правда, Цао Цао обладает даром толкования знамений Неба и Земли, но, если он попадет к нам, отсюда ему не выбраться.

Люй Бу принял план Чэнь Гуна и велел Тяню тайно послать человека в лагерь Цао Цао. Потрясенный недавним поражением, Цао Цао пребывал в нерешительности. Вдруг ему доложили, что явился посланец с секретным письмом от Тяня.

Люй Бу ушел в Лиян, – говорилось в письме, – в городе пусто. Приходите поскорей, я буду вашим союзником. На стене я вывешу белое знамя с надписью «Справедливость» – это и будет служить сигналом.

– Небо желает, чтобы я взял Пуян! – радостно воскликнул Цао Цао.

Он щедро наградил гонца и стал готовиться к походу, но его военачальник Лю Е сказал:

– Хотя Люй Бу и глуп, но зато Чэнь Гун хитер. Боюсь, что здесь кроется коварный обман. Надо принять меры предосторожности. Если вы решили пойти, разделите армию на три отряда. Два укройте за городом, чтобы они в случае нужды могли прийти вам на помощь, а с третьим отрядом занимайте город.

Цао Цао так и поступил. К вечеру к нему в лагерь перешло несколько неприятельских воинов, которые сказали, что они посланы Тянем. Они передали Цао Цао еще одно секретное письмо, в котором говорилось:

Сегодня ночью, во время первой стражи, на стене ударят в гонг. По этому сигналу я открою ворота. Тогда и входите в город.

Цао Цао отправил Сяхоу Дуна с отрядом влево, Цао Хуна – вправо, а сам с Сяхоу Юанем, Ли Дянем, Ио Цзинем и Дянь Вэем двинулся в Пуян.

– Вам, господин мой, лучше бы остаться за городом, – сказал Ли Дянь. – Прежде следовало бы войти нам.

– Если я не пойду впереди всех, кто же отважится на это? – воскликнул Цао Цао.

Было время первой стражи. Луна еще не взошла. Слышно было, как у западных ворот что-то потрескивает, словно хрустит скорлупа. Вдруг на стене забегали огни факелов, ворота широко распахнулись, опустился подъемный мост. Цао Цао первым устремился в город. Однако, пораженный подозрительным безлюдием улиц, он понял, что попал в ловушку.

– Назад! – что есть силы крикнул Цао Цао, поворачивая коня.

Но тут затрещали хлопушки, и у четырех городских ворот к небу взвилось пламя. Повсюду загремели гонги и барабаны. С восточной стороны показались войска Чжан Ляо, с

западной – Цзан Ба. Цао Цао кинулся к северным воротам, но его встретили с боем Хао Мын и Цао Син. Цао Цао метнулся к южным воротам, но тут путь ему преградили Гао Шунь и Хоу Чэн. Дянь Вэй со сверкающими гневом глазами, стиснув зубы, ринулся в бой и вырвался из города. Гао Шунь и Хоу Чэн бросились за ним. Пробившись к подъемному мосту, Дянь Вэй оглянулся, но, не видя за собой Цао Цао, снова повернул в город, чтобы разыскать и спасти его. У ворот он столкнулся с Ли Дянем и спросил его, не видел ли он, где Цао Цао.

– Я никак не могу его найти, – отвечал Ли Дянь.

– Скорей приведи подмогу из-за города, а я отправлюсь на поиски господина! – крикнул ему Дянь Вэй.

Ли Дянь усакал. Дянь Вэй снова проник в город, но Цао Цао так и не нашел. Тогда он опять выбрался за городскую стену и встретил возле рва Ио Цзиня, который тоже спросил, где Цао Цао.

– Я дважды обыскал весь город, но не нашел Цао Цао, – сказал Дянь Вэй.

– Давай спасать его вместе, – предложил Ио Цзинь.

Когда они вновь добрались до ворот, на стене затрещали хлопущки, и перепуганный конь Ио Цзиня не хотел въехать в ворота. Дянь Вэй, прорвавшись сквозь огонь и дым, снова принялся за поиски.

Между тем Цао Цао заметил, как Дянь Вэй вырвался из городских ворот, но, будучи окружен со всех сторон, не смог прорваться через южные ворота и бросился к северным. При свете пожара он столкнулся с Люй Бу. Цао Цао закрыл лицо руками, подхлестнул своего коня и хотел проскочить мимо, но Люй Бу настиг его и, слегка ударив по шлему алебардой, спросил:

– Где Цао Цао?

– Вот он скачет впереди, на рыжем коне! – ответил Цао Цао, указывая рукой в противоположную сторону.

Люй Бу оставил его и помчался в указанном направлении, а Цао Цао устремился к восточным воротам и тут встретился с Дянь Вэем. Охраняя Цао Цао, Дянь Вэй прокладывал ему кровавый путь. Так они пробрались к воротам, но пламя бушевало здесь вовсю. Со стены подбрасывали хворост и солому. Все вокруг было охвачено огнем. Дянь Вэй расчищал путь алебардой и прорывался сквозь огонь и дым. Когда Цао Цао следом за ним проезжал через ворота, со стены на него обрушилась горящая балка и ударила по крупе коня. Конь упал. Цао Цао опалило волосы и руки. Дянь Вэй бросился к нему на помощь. Тут же подоспел Сяхоу Юань. Они помогли Цао Цао встать и выбраться из огня. Цао Цао сел на коня Сяхоу Юаня. И они бежали по дороге, которую прокладывал оружием Дянь Вэй.

На рассвете Цао Цао вернулся в лагерь. Военачальники окружили его, наперебой успокаивая.

– Он завлек меня в ловушку! – воскликнул Цао Цао, злобно усмехаясь. – Отомщу же я ему!

– Тогда поскорей сообщите нам свой план, – сказал Го Цзя.

– Сейчас такой момент, когда на хитрость надо отвечать хитростью, – сказал Цао Цао. – Распустите слух, что я получил сильный ожог. Люй Бу обязательно нападет на нас, а мы засядем в горах Малин, подпустим его поближе и тогда ударим как следует. Так мы сможем взять в плен самого Люй Бу.

– Великолепный план! – одобрил Го Цзя.

Цао Цао приказал объявить траур и распустить слух о своей смерти. Когда Люй Бу доложили об этом, он тотчас же собрал войска и направился к горам Малин. Но как только он подошел к лагерю Цао Цао, загремели барабаны и со всех четырех сторон на него обрушились спрятанные в засаде войска. Они нанесли большой урон армии врага. После жестокой схватки Люй Бу удалось вырваться. Вернувшись в Пуян, он заперся в городе и не выходил оттуда.

В этом году в Гуаньдуне появилось множество саранчи, которая пожрала все хлеба. Цены на зерно поднялись необычайно. Голод дошел до такой степени, что люди стали поедать друг друга. У Цао Цао окончился провиант, и он увел войска в Чжэньчэн.

Люй Бу ушел со своими отрядами в Шаньян. Таким образом, оба соперника за власть временно прекратили войну.

Все это время Тао Цянь находился в Сюйчжоу. Ему исполнилось уже шестьдесят три года. Здоровье его ухудшилось, и он призвал к себе на совет Ми Чжу и Чэнь Дэна.

– Цао Цао увел свои войска только потому, что Люй Бу напал на Яньчжоу, – сказал ему Ми Чжу. – Год ныне неурожайный, но наступит весна, и они опять придут. В то время, когда вы дважды предлагали свое место Лю Бэю, вы были еще полны сил, и, наверно, поэтому он отказывался. Теперь болезнь ваша обострилась. Вы можете воспользоваться этим, и он вынужден будет согласиться.

Тао Цянь немедленно послал гонца в Сяопэй за Лю Бэем для обсуждения военных дел. Лю Бэй в сопровождении братьев явился в Сюйчжоу. Тао Цянь попросил ввести их в опочивальню. Когда Лю Бэй закончил расспросы о здоровье, Тао Цянь сказал:

– Я пригласил вас потому, что болезнь моя очень усилилась, и мне трудно ручаться утром, что я доживу до вечера. Все мои надежды на вас, вы должны пожалеть этот город, принадлежащий Ханьской династии, и принять от меня городскую печать с поясом. Лишь тогда смогу я спокойно закрыть свои глаза.

– У вас ведь есть два сына, – сказал Лю Бэй, – почему вы не передадите управление им?

– Старший мой сын занимается торговлей, – отвечал Тао Цянь, – а второй, возможно, и согласился бы, но у него не хватает способностей, чтобы занимать эту должность. Надеюсь, вы будете поучать их после моей смерти, но не разрешайте им брать в свои руки дела округа.

– Как же я могу справиться с такими серьезными обязанностями? – спросил Лю Бэй.

– Я выбрал вам в помощники одного способного человека. Это Сунь Цянь из Бэйхая. Его можно использовать по особым поручениям, – сказал Тао Цянь и, обращаясь к Ми Чжу, добавил: – Лю Бэй – самый талантливый человек нашего века, и вы должны честно служить ему.

Сказав так, Тао Цянь положил руку на сердце и умер. Когда смолкли причитания приближенных, Лю Бэй были вручены печать и пояс. Но он все еще продолжал отказываться. Тогда перед окружным управлением собралось все население Сюйчжоу. Люди с плачем повторяли, обращаясь к Лю Бэю:

– Если вы не примете округ, не будет нам спокойной жизни!

Гуань Юй и Чжан Фэй тоже принялись уговаривать Лю Бэя, и только после этого наконец он согласился. Сунь Цянь и Ми Чжу Лю Бэй сделал своими помощниками, Чэнь Дэна – приказным, ввел в город войска из Сяопэя и обратился с воззванием к народу, чтобы успокоить его.

Тао Цяня похоронили с большим почетом. Лю Бэй и вся его армия оделись в траур. Были устроены большие жертвоприношения, после чего гроб опустили в могилу у истоков реки Хуанхэ. Затем Лю Бэй отправил во дворец завешание Тао Цяня.

Будучи в Чжэньчэне, Цао Цао узнал о смерти Тао Цяня и о переменах в Сюйчжоу. Известие это привело его в ярость.

– Я не успел отомстить, – жаловался он, – а этот Лю Бэй, не свершивший даже половины боевого подвига, уже засел в Сюйчжоу! Сначала я убью Лю Бэя, а затем захвачу труп Тао Цяня, разрублю его на куски и этим отплачу за то зло, которое Тао Цянь причинил моему отцу!

И он приказал, не откладывая, собирать войска и готовиться к нападению на Сюйчжоу.

Сюнь Юй стал отговаривать его:

– В старину Гао-цзу охранял Гуаньчжун, а Гуан-у оборонял Хэнэй – они объединили свои силы, чтобы поддерживать порядок в Поднебесной. Когда они наступали, то побеждали врага,

а если и отступали, могли держаться стойко. Поэтому, хотя у них и были трудности, они всегда успешно завершали великие дела. Яньчжоу и Хэцзи имеют для вас важнейшее значение, примерно такое же, как Гуаньчжун и Хэнэй имели в древние времена. Если напасть на Сюйчжоу и большую часть войска оставить здесь, нам не хватит сил там. Если же оставить здесь меньшую часть войска, то Люй Бу, воспользовавшись этим, нагрянет на нас, и вы потеряете Яньчжоу. А не взяв Сюйчжоу, куда вы денетесь? Правда, Тао Цянь умер, но есть Лю Бэй, который охраняет этот город. И раз уж население подчинилось ему, оно будет стоять за него до конца. Для вас покинуть Яньчжоу ради похода на Сюйчжоу – все равно что отказаться от большого ради малого, подрубить дерево под корень, чтобы наломать веток, променять покой на тревогу. Я просил бы вас хорошенько обдумать это.

– Ныне, когда год неурожайный, держать здесь войско в бездействии, как ни говорите, никуда не годится, – сказал Цао Цао. – Нет, этот план нехорош.

– Тогда есть смысл направиться на восток и напасть на земли княжества Чэнь, – посоветовал Сюнь Юй, – войска будут кормиться в Жунани и Иньчжоу. Оставшиеся в живых предводители Желтых Хэ И и Хуан Шао ограбили округ, у них много золота, тканей и провианта. Эти разбойничьи шайки легко разбить, и тогда вы завладеете провиантом, которым можно прокормить три армии. Двор обрадуется, народ обрадуется – это дело, угодное небу.

Цао Цао охотно принял предложение. Он оставил Сяхоу Дуня и Цао Жэня защищать Чжэньчэн и другие города, а сам повел войска, решив сначала захватить земли Чэнь, а затем идти в Жунань и Иньчжоу.

Встреча с отрядами Желтых под водительством Хэ И и Хуан Шао произошла в Яншане. Войско мятежников было тогда многочисленно, но в нем не было порядка. Цао Цао приказал своим лучникам сдерживать их полчища; Дянь Вэй выехал вперед. Хэ И выслал против него своего помощника, но тот в третьей же схватке был сбит с коня. Цао Цао начал наступление и перешел горы Яншань.

На другой день Хуан Шао сам повел вперед свое войско, построив его так: впереди шел пеший военачальник в зеленом халате с желтой повязкой на голове. Потрясая железной палицей, он громко кричал:

– Я, Хэ Мань, якша!⁶² Я готов к бою и днем и ночью! Кто дерзнет сразиться со мной?

Цао Хун, едва завидев его, тотчас же соскочил с коня и, крепко выругавшись, бросился на него с поднятым мечом. До пятидесяти раз сходились они в жестоком поединке на глазах у обеих армий, но ни тот ни другой не добились успеха. Тогда Цао Хун, притворившись побитым, побежал, а Хэ Мань бросился за ним. И тут, неожиданно обернувшись, Цао Хун на ходу нанес противнику смертельный удар.

Ли Дянь, воспользовавшись этим, помчался вперед и врезался в неприятельский строй. Не успел Хуан Шао опомниться, как был взят в плен. Цао Цао разгромил мятежников и захватил большое количество золота, тканей и провианта.

Хэ И, растеряв войско, бежал с несколькими всадниками в Гэпо, но попал в новую беду – неожиданно выступивший из-за гор отряд преградил ему путь. Возглавлял его громадного роста, поразительно могучий человек. В первой же схватке великан взял живым в плен Хэ И. Остальные, смертельно напуганные, соскочили с коней и дали себя связать. Всех их великан увел с собой в крепость Гэпо.

Когда Дянь Вэй, преследуя Хэ И, достиг Гэпо, великан вывел свои войска ему навстречу.

– Ты тоже из банды Желтых! – закричал на него Дянь Вэй.

– Сотни Желтых взяты мною в плен и находятся в крепости, – отвечал великан.

– Почему же ты не выдаешь их?

⁶² *Якша* (индийск.) – злой дух.

– А вот если тебе удастся добыть драгоценный меч, который у меня в руках, то я выдам всех, – сказал великан.

В сильном гневе Дянь Вэй ринулся на него. Они безрезультатно сражались с утра до полудня, затем отдохнули немного и схватились вновь. Уже в сумерки, так и не добившись успеха, Дянь Вэй отступил.

Известие об этом сильно встревожило Цао Цао, и он привел своих полководцев посмотреть на великана.

На следующий день великан снова вышел сражаться. Цао Цао, восхищенный его силой, приказал Дянь Вэю притвориться побежденным. После тридцати схваток Дянь Вэй обратился в бегство. Великан преследовал его до ворот лагеря. Но здесь лучники отогнали его. Цао Цао отвел свои войска на пять ли и послал воинов устроить волчью яму и посадить в засаду крючников.

На другое утро с сотней всадников Дянь Вэй опять выехал в бой.

– Что я вижу? – издевался над ним великан. – Побитый воин вновь осмеливается выступать против меня!

Великан, подхлестнув коня, кинулся ему навстречу. После двух-трех схваток Дянь Вэй снова обратился в бегство. Великан и еще несколько человек погнались за ним, но провалились в яму. Всех их связали и привели к Цао Цао. Цао Цао собственноручно развязал на пленнике путы, усадил его и спросил, откуда он родом и как его звать.

– Я из уезда Цзяосянь, что в княжестве Цзяо, и зовут меня Сюй Чу, – отвечал ему великан. – Когда поднялся мятеж, я собрал всех своих родственников – несколько сот человек, мы построили крепость и обороняемся там. Однажды пришли мятежники. Я швырял в них камнями и ни разу не промахнулся. Мятежники отступили. Потом они пришли опять. В крепости не было провианта. Я заключил с ними мир и предложил обменять быков на рис. Они принесли рис и угнали быков, но все быки прибежали обратно. Тогда я взял за хвост по одному быку и потащил их к мятежникам. Но они испугались и ушли, не посмев даже взять быков. Так я охраняю это место, и здесь не бывает никаких происшествий.

– Я давно слышал ваше славное имя, – сказал Цао Цао. – Не согласитесь ли вы пойти ко мне на службу?

– Это мое давнее желание, – отвечал Сюй Чу.

Сюй Чу представил Цао Цао всю свою родню. Цао Цао пожаловал ему чин ду-вэя и щедро наградил его. Хэ И и Хуан Шао были обезглавлены. В Жунане и Иньчжоу был полностью водворен мир, и Цао Цао возвратился домой. Встретившие его Цао Жэнь и Сяхоу Дунь рассказали, что лазутчики доносят о том, что воины Сюэ Ланя и Ли Фына разбрелись из Яньчжоу в разные стороны в поисках легкой добычи и что пустой город можно взять с одного натиска. Цао Цао повел войска на Яньчжоу. Для Сюэ Ланя и Ли Фына это явилось полной неожиданностью; им пришлось выйти из города и принять бой.

– Я хочу схватить их в ознаменование нашего знакомства, – сказал Сюй Чу и бросился вперед.

Навстречу ему выехал Ли Фын. После второй же схватки он был сбит с коня. Сюэ Лань попытался было вернуться в город, но у подъемного моста путь ему преградил Ли Дянь, и Сюэ Ланю ничего не оставалось, как отступить в Цзюйе.

Цао Цао вторично овладел Яньчжоу, а затем по совету Чэн Юйя двинулся в новый поход и подошел к Пуяну.

Чэн Гун попробовал было уговорить Люй Бу не вступать в сражение, пока не соберутся его военачальники, но тот не захотел и слушать. Размахивая алебардой и осыпая врага бранью, Люй Бу повел свое войско вперед. Навстречу ему выехал Сюй Чу. Они выдержали двадцать схваток, однако победа не давалась ни тому ни другому.

– Одному человеку не одолеть Люй Бу! – сказал Цао Цао и послал на помощь Дянь Вэя.

Тут слева ударили Сяхоу Дунь и Сяхоу Юань, справа – Ио Цзинь и Ли Дянь; Люй Бу, не выдержав натиска, повернул вспять. Но богач Тянь, наблюдавший за ходом сражения с городской стены, увидел, что Люй Бу возвращается, и приказал поднять мост. Напрасно Люй Бу шумел и требовал, чтобы открыли ворота, – Тянь в ответ твердил:

– Я уже сдался Цао Цао!

Люй Бу увел войска в Динтао. Чэнь Гун через восточные ворота вывез семью Люй Бу и ушел сам. Цао Цао занял Пуян и простил Тяню его прежнюю вину.

– Люй Бу – это свирепый тигр, – говорил Лю Е, обращаясь к Цао Цао. – Хотя сейчас опасность и миновала, его нельзя оставлять в покое.

Цао Цао приказал Лю Е и другим военачальникам защищать Пуян, а сам повел войско к Динтао и расположился там лагерем.

В городе находились только Люй Бу, Чжан Мо и Чжан Чжао. Гао Шунь, Чжан Ляо, Цзан Ба и Хоу Чэн рыскали в поисках провианта и еще не вернулись.

Цао Цао стоял у Динтао, но наступления не начинал.

К этому времени созрела пшеница, воины стали жать ее. Лазутчики донесли об этом Люй Бу. Он решил выступить первым, но посмотрел на густой лес возле лагеря Цао Цао, испугался и повернул обратно.

– Люй Бу заподозрил, что в лесу засада, – сказал Цао Цао своим военачальникам. – Расставьте там побольше знамен, чтобы не рассеялось его заблуждение, а к западу от лагеря за дамбой спрячьте отборные войска. Люй Бу непременно захочет сжечь лес, тут мыотрежем ему путь и возьмем в плен.

Цао Цао оставил в лагере полсотни барабанщиков, приказав им изо всех сил бить в барабаны. Потом он согнал в лагерь жителей из окрестных деревень и велел им погромче шуметь. Отборные войска его расположились за дамбой.

На следующий день Люй Бу с большой армией подступил к лагерю Цао Цао. Издали заметив в лесу знамена, он приказал поджечь лес со всех сторон. Но там никого не оказалось. Поняв свою ошибку, Люй Бу решил ворваться в лагерь, но крики и грохот барабанов испугали его. Пока он раздумывал, затрещали хлопущи и выскочили скрывавшиеся за дамбой воины. Люй Бу увидел, что ему не справиться с ними, и бежал в поле. Его военачальник Чэнь Лянь был убит стрелой, выпущенной Ио Цзинем. Люй Бу потерял две трети своих воинов. Уцелевшие от разгрома войска принесли Чэнь Гуну весть о поражении.

– Трудно оборонять незащищенный город, – сказал Чэнь Гун. – Лучше нам уйти.

И он вместе с Гао Шунем и семьей Люй Бу ушел из Динтао. Цао Цао со своими победоносными войсками так легко занял покинутый город, как раскалывают бамбуковую палочку.

Чжан Чао перерезал себе горло, Чжан Мо перешел к Юань Шу. Так все земли Шаньдуна оказались в руках Цао Цао.

При отступлении Люй Бу встретился со своими военачальниками, возвращавшимися с провиантом. Разыскал их и Чэнь Гун.

– Хотя силы мои сейчас и невелики, но все же я разобью Цао Цао, – сказал Люй Бу и повел свое войско обратно.

Правильно говорится:

Обычное дело солдата – победа и поражение.

Кто знает, когда ему снова придется идти в сражение!

О том, как сражался Люй Бу, вам расскажет следующая глава.

Глава тринадцатая, в которой говорится о том, как Ли Цзюэ сражался с Го Сы, и о том, как Ян Фын и Дун Чэн спасли императора

Собрав остатки своей разбитой армии в Хайбине, Люй Бу созвал на совет военачальников и объявил им, что собирается дать решительное сражение Цао Цао.

Но Чэнь Гун сказал:

– Ныне силы Цао Цао велики, с ним бороться невозможно. Раньше надо нам найти убежище, а потом мы снова схватимся с ним.

– Как вы думаете, не вернуться ли мне к Юань Шао? – спросил Люй Бу.

– Прежде пошлите людей в Цзичжоу разузнать, что там делается, – посоветовал Чэнь Гун.

Люй Бу послушался его.

А теперь обратимся к Юань Шао, который находился в Цзичжоу. До него дошла весть, что Цао Цао и Люй Бу сражаются друг с другом.

– Люй Бу – это волк и тигр, – сказал, войдя к Юань Шао, советник Шэнь Пэй. – Если он захватит Яньчжоу, то, конечно, станет замышлять нападение и против Цзичжоу. Лучше уж поддержать Цао Цао, только так мы сможем избежать беды.

И Юань Шао отправил на помощь Цао Цао пятидесятитысячное войско во главе с Янь Ляном. Лазутчики поспешили донести об этом Люй Бу. Тот сильно встревожился и стал совещаться с Чэнь Гуном.

– Я слышал, что Лю Бэй недавно получил в управление Сюйчжоу, – сказал Чэнь Гун. – Можно уйти к нему.

Так они и сделали. Когда люди доложили Лю Бэю, что к нему едет Люй Бу, тот сказал:

– Люй Бу самый храбрый человек в наше время, надо достойно встретить его.

– Люй Бу – это отродье тигра и волка, – заявил Ми Чжу. – Его нельзя пускать сюда, пустить его – значит погубить народ.

– Но если бы Люй Бу не напал на Яньчжоу, каково было бы нам? – задал вопрос Лю Бэй. – Ныне он попал в беду и ищет у нас убежища. Неужто у него могут быть какие-либо иные намерения?

– У вас слишком мягкое сердце, старший брат мой, – сказал Чжан Фэй. – Все это, может быть, и так, но лучше надо быть начеку.

С большой свитой выехал Лю Бэй за тридцать ли от города встречать Люй Бу. Бок о бок прибыли они в город. После приветственных церемоний они уселись, и Люй Бу повел такую речь:

– После того как мы с сы-ту Ван Юнем исполнили задуманное и убили Дун Чжо, изменники Ли Цзюэ и Го Сы предали меня, и я попал в Гуаньдун. Князья в большинстве своем не могут ужиться друг с другом. Недавно, когда Цао Цао напал на Сюйчжоу и вы пришли на выручку Тао Цяню, я пошел на Яньчжоу, чтобы ослабить силы Цао Цао. Но не ожидал я, что сам паду жертвой коварства, что войска мои будут разбиты и я потеряю военачальников. Ныне я перешел к вам, чтобы вместе совершить великое дело. Не знаю, как вы к этому отнесетесь?

– Перед смертью Тао Цянь передал мне дела округа, так как у него не было более подходящего человека, – сказал Лю Бэй. – Я счастлив, что вы прибыли сюда, ибо считаю своим долгом уступить вам свое место.

И он протянул Люй Бу печать и пояс Сюйчжоу. Люй Бу собрался было принять их, но, заметив, каким гневом засверкали глаза Чжан Фэя и Гуань Юйя, притворно улыбнулся и воскликнул:

– Вы считаете меня воином, как же я могу быть правителем?

Лю Бэй повторил свое предложение, но тут вставил слово и Чэнь Гун:

– Сильный гость не притесняет хозяина, прошу вас не сомневаться в этом.

Тогда Лю Бэй успокоился и устроил пышный пир. Для гостя и его свиты были приготовлены покои. На другой день Люй Бу устроил ответное пиршество в честь Лю Бэя. Лю Бэй явился вместе с Гуань Юйем и Чжан Фэем. В разгар торжества Люй Бу повел Лю Бэя во внутренние покои. Гуань Юй и Чжан Фэй последовали за ними. Люй Бу приказал жене и дочерям войти и поклониться Лю Бэю. Лю Бэй и здесь повторил свое предложение, но Люй Бу ответил:

– Вам не следует, дорогой мой младший брат, уступать мне свою должность.

Такое обращение взбесило Чжан Фэя.

– Мой старший брат – это золотая ветвь и яшмовый лист⁶³, – крикнул он, – а ты кто такой, что осмеливаешься называть его младшим братом? Выходи, я буду драться с тобой до трехсот схваток!

Лю Бэй заставил его замолчать и уйти, а затем обратился к Люй Бу:

– На Чжан Фэя подействовало вино. Надеюсь, мой старший брат не станет порицать его.

Люй Бу промолчал. Вскоре гости разошлись. Люй Бу пошел провожать Лю Бэя за ворота.

В эту минуту на коне появился Чжан Фэй, в руке он держал копье и громко кричал:

– Эй, Люй Бу, вызываю тебя на триста схваток!

Лю Бэй поспешно приказал Гуань Юю остановить Чжан Фэя и не допустить схватки.

На другой день Люй Бу пришел прощаться с Лю Бэем.

– Я бы не покинул вас, – сказал он, – но я боюсь, что не смогу поладить с вашими братьями. Лучше мне уйти в другое место.

– Если вы это сделаете, виноват буду я, – отвечал Лю Бэй. – Мой недостойный брат нагрубил вам. Когда-нибудь он искупит перед вами свою вину! Недалеко отсюда есть городок Сяопэй, где я когда-то держал войска. Не обессудьте на малом, но что, если вам временно остановиться там? Я сочту своим долгом обеспечить ваше войско провиантом и фуражом.

Люй Бу поблагодарил Лю Бэя и увел войска в Сяопэй.

О том, как у Лю Бэя прошла обида на Чжан Фэя, мы сейчас рассказывать не будем, а вернемся к Цао Цао. Усмирив Шаньдун, Цао Цао донес об этом двору, за что и был пожалован титулом «Восстановителя добродетели» и Фэйтинского хоу.

В то же время Ли Цзюэ присвоил себе звание да-сы-ма⁶⁴, а Го Сы – да-цзян-цзюнь⁶⁵. Они творили бесчинства, но при дворе никто не смел даже заикнуться об этом. Тай-вэй⁶⁶ Ян Бяо и да-сы-нун⁶⁷ Чжу Цзунь представили императору Сянь-ди секретный доклад, где говорилось:

«Ныне у Цао Цао более двухсот тысяч войска и несколько десятков советников и военачальников. Если этот человек окажет поддержку династии и уничтожит злодейскую шайку, то Поднебесная будет счастлива».

– Нас уже давно обижают эти два разбойника, – со слезами на глазах сказал Сянь-ди. – Если их казнить, какое это будет счастье!

– Вот что я придумал, – сказал Ян Бяо. – Надо сперва сделать так, чтобы два разбойника передрались, а потом призвать Цао Цао с войсками и начисто уничтожить шайку. Иначе не установить спокойствия при дворе.

– Как же выполнить этот план? – поинтересовался император Сянь-ди.

⁶³ Золотая ветвь и яшмовый лист – образное название лиц императорского рода.

⁶⁴ Да-сы-ма – административный чин, ведавший военными делами в государстве.

⁶⁵ Да-цзян-цзюнь – высшая военная должность, генерал.

⁶⁶ Тай-вэй – высший военный сановник в Древнем Китае, старший из трех гунов. По своему положению приравнивался к чэн-сяну, канцлеру.

⁶⁷ Да-сы-нун – один из девяти высших сановников империи, ведавший императорской казной и хлебом.

– Я слышал, что жена Го Сы очень ревнивая женщина. Надо воспользоваться этим и вызвать разлад в его доме, – сказал Ян Бяо. – Тогда разбойники погубят друг друга.

Император тайно повелел Ян Бяо действовать, и Ян Бяо послал свою жену в дом Го Сы, якобы по делу. Та явилась, завязала беседу с женой Го Сы и мимоходом заметила:

– Я слышала, что у вашего мужа непозволительная связь с женой сы-ма⁶⁸ Ли Цзюэ. Они тщательно скрывают свои чувства, но если Ли Цзюэ об этом узнает, он убьет их обоих. Мне думается, что лучше всего было бы вам прекратить с ними всякое знакомство.

– А я-то дивлюсь, почему мой муж не ночует дома! – в изумлении воскликнула жена Го Сы. – Оказывается, он вон какими бесстыдными делами занимается! Если бы не вы, так я и не знала бы ничего. Уж я приму меры!..

Жена Ян Бяо собралась уходить, а жена Го Сы все еще продолжала ее благодарить.

Прошло несколько дней. Го Сы, по обыкновению, собрался к Ли Цзюэ на пир. Тут жена ему и говорит:

– Характер Ли Цзюэ разгадать трудно, к тому же двум героям не существовать рядом. Если он преподнесет тебе яд в кубке вина, что тогда будет со мной?

Го Сы и слушать ее не хотел, но жена настойчиво удерживала его дома.

Наступил вечер. Ли Цзюэ прислал к Го Сы слугу с вином и угощением. Жена Го Сы внесла кушанья, предварительно подсыпав туда яду. Го Сы хотел было приступить к еде, но жена сказала:

– Разве можно сразу есть то, что принесено откуда-то? Надо прежде дать попробовать собаке.

Собака тут же околела. С этого момента в сердце Го Сы запало подозрение. Однажды, когда дела во дворце были уже закончены, Ли Цзюэ силой затащил Го Сы к себе на пир. Го Сы вернулся вечером домой, и у него вдруг начались желудочные колики.

– Тебя отравили, в этом нет сомнения! – воскликнула жена.

Недолго думая, она велела развести навозную жижу и влить ее в рот мужа. Это вызвало у него рвоту, и ему стало легче.

– Мы вместе с Ли Цзюэ вершим великие дела, – негодовал Го Сы, – а он без всякой на то причины замыслил меня убить. Если я не помешаю ему, он меня отравит!

Го Сы тайно привел в готовность отряд латников и решил напасть на Ли Цзюэ, а тот, проведав об этом, в сильнейшем гневе воскликнул: «Да как он смеет!» – и велел своим латникам убить Го Сы.

С обеих сторон набралось несколько десятков тысяч воинов, и у стен Чананя завязалась кровавая битва. Воспользовавшись этим, разбойники стали грабить жителей. Племянник Ли Цзюэ, по имени Ли Сянь, окружил дворец, подал две колесницы и на одной из них увез императора, а на другой – вдовствующую императрицу. Цзя Сюй охранял колесницы. Остальным придворным пришлось идти пешком. У ворот они натолкнулись на воинов Го Сы, и множество придворных пало от их стрел. Под натиском войск подоспевшего Ли Цзюэ воины Го Сы отступили.

С какими опасностями император выехал из города и прибыл в лагерь Ли Цзюэ, мы здесь рассказывать не будем, а обратимся к Го Сы. Ворвавшись во дворец, он собрал всех женщин и девушек и увел их к себе в лагерь, а здание предал огню.

На другой день Го Сы с войском подступил к лагерю Ли Цзюэ. Император и императрица дрожали от страха.

Потомки сложили об этом такие стихи:

---

⁶⁸ Сы-ма – военно-административное звание в Древнем Китае.

Династию восстановивши, дом Хань Гуан-у возвеличил.
Но вот он ушел – и усобиц подобных не знали встарь:
Во время Хуаня и Лина в стране наступило смятение,
А евнухи властью своею разрушили предков алтарь.
Хэ Цзинь скудоумный виновен, что трое князей появились:
Злодея убить собираясь, призвал он на помощь воров.
Изгнали шакала и выдру, их тигры и волки сменили,
Разврат насаждали мерзавцы из западных округов.
Ван Юнь, простодушный и честный, поверил рассказам обманным
И тем меж Дун Чжо и Лю Бу посеял великий разлад.
И сами верхи управления нарушили мир в Поднебесной.
Кто ж знал, что Го Сы с Ли Цзюэ в душе своей злобу таят!
Что делать, когда в государстве шиповник с терновником бьется
И шесть именитых придворных тоскуют о новой войне?
А раз уже мысли смешались и с правильной сбились дороги,
Чужие герои наносят кровавые раны стране.
Кто станет князьями в грядущем, решает борьбы направление,
Из кубка все пьют золотого, долины и горы деля.
Меж тем разрушается тело и печень становится прахом,
И неотомщенной кровью покрылась родная земля.
Читаю предания эти, исполненный горькой печали.
Сейчас, как и древле, вздыхают о том, что навеки ушло.
Правитель хранить должен свято заветы, ведущие к благу.
А кто из сановников знатных удержит правленья весло?

Го Сы успеха в бою не имел и отступил. Тогда Ли Цзюэ перевез императора и императрицу в Мэйу и поручил своему племяннику Ли Сяню охранять их, запретив к ним всякий доступ.

Придворные, слуги и евнухи отошали от голода. Император передал Ли Цзюэ просьбу прислать пять ху⁶⁹ риса и пять быков, чтобы накормить своих приближенных.

– И так мы кормим их утром и вечером! – вышел из себя Ли Цзюэ. – Чего же они еще просят?

И он приказал выдать тухлое мясо и прелый рис, которые распространяли такое зловоение, что их невозможно было есть.

– Вот до каких оскорблений дошли эти разбойники! – в гневе вскричал император.

– У Ли Цзюэ жестокий характер, – сказал ши-чжун Ян Бяо. – Но если уж так сложились обстоятельства, то придется пока потерпеть. Не стоит раздражать его.

Император молча поник головой, и слезы закапали на его одежды. В этот момент приближенные доложили:

– На помощь нам идет армия! Копья и мечи сверкают на солнце, гром гонгов и барабанов потрясает небо!

Но оказалось, что к крепости подходил Го Сы, и император вновь обратился от радости к отчаянию. Снаружи донеслись крики. Это Ли Цзюэ вывел навстречу Го Сы свое войско.

– Я ведь хорошо относился к тебе! – кричал Ли Цзюэ, выезжая вперед. – Почему ты задумал погубить меня?

– Ты мятежник, как же тебя не убить? – отвечал Го Сы.

– Какой я мятежник? – возмутился Ли Цзюэ. – Я охраняю здесь императора.

---

⁶⁹ Ху – мера объема для сыпучих тел, равная 103 литрам.

– Ты увез его силой – и это называется охранять!

– Нечего долго препираться, – заявил Ли Цзюэ. – Предоставим решить спор оружию: сразимся, и тот, кто победит, заберет императора. Вот и все.

Они сошлись в поединке перед лицом двух армий. Бой дошел до десяти схваток, но победа еще не была решена. Тут на взмыленном коне прискакал Ян Бяо; он еще издали кричал:

– Остановитесь, полководцы! Я созвал совет, желая установить между вами мир.

Ли Цзюэ и Го Сы отвели свои войска. Ян Бяо и Чжу Цзунь собрали более шестидесяти сановников. Сперва все они отправились к Го Сы, чтобы уговорить его помириться с Ли Цзюэ. Вместо того чтобы выслушать их, Го Сы распорядился посадить всех под стражу.

– Мы пришли к вам с добрыми намерениями, – недоумевали сановники, – почему вы так обращаетесь с нами?

– Ли Цзюэ похитил императора, а я захватил его сановников, – заявил им Го Сы.

– На что же это похоже? – проговорил Ян Бяо. – Один захватывает императора, другой – сановников!..

Го Сы разгневался и, обнажив меч, хотел убить Ян Бяо, но Ян Ми удержал его. Тогда Го Сы отпустил Ян Бяо и Чжу Цзуня, а остальных оставил в лагере под стражей.

– Нас только двое, и мы не можем помочь нашему повелителю, – с горечью сказал Ян Бяо, обращаясь к Чжу Цзуню. – Зря мы родились на этот свет.

Они обнялись и заплакали. Сумерки спустились на землю. Вернувшись домой, Чжу Цзунь от огорчения заболел и умер.

Войска Ли Цзюэ и Го Сы сражались в течение пятидесяти дней. Убитых было несчетное количество.

Обычно Ли Цзюэ любил заниматься колдовством даже в походах. Он часто приказывал колдунам бить в барабаны и вызывать духов.

Цзя Сюй неоднократно советовал ему не делать этого, но он не слушался его.

Ян Бяо как-то сказал императору:

– Хотя мне и известно, что Цзя Сюй лучший друг Ли Цзюэ, но этот человек еще не совсем забыл императора. Вам, государь, следовало бы посоветоваться с ним.

Как раз во время этого разговора приехал Цзя Сюй. Император, удалив приближенных, со слезами сказал ему:

– Можете вы пожалеть Ханьскую династию и спасти нам жизнь?

– Это мое самое большое желание, – отвечал Цзя Сюй, падая ниц. – Сыну неба больше ничего не надо мне говорить, я обо всем подумаю сам.

Сянь-ди вытер слезы и поблагодарил его. Вскоре с мечом у пояса явился Ли Цзюэ. Лицо императора стало землистого цвета.

– Го Сы не признаёт власти Сына неба, – сказал Ли Цзюэ. – Он захватил всех сановников и хочет похитить вас, государь. Если бы не я, вы давно были бы в его руках.

Когда Ли Цзюэ удалился, императора навестил Хуанфу Ли. Зная, что Хуанфу Ли очень красноречив да к тому же земляк Ли Цзюэ, Сянь-ди поручил ему установить мир между враждующими сторонами. Хуанфу Ли отправился сначала в лагерь Го Сы и стал его уговаривать.

– Если Ли Цзюэ отпустит императора, я отпущу сановников, – ответил Го Сы.

Затем Хуанфу Ли пришел к Ли Цзюэ и сказал так:

– Поскольку я родом из Силяна и ваш земляк, Сын неба повелел мне примирить вас с Го Сы. Последний уже извещен об этом. А что думаете вы?

– Разгром Люй Бу – моя заслуга, – ответил Ли Цзюэ. – Я четыре года успешно держал бразды правления. Вся Поднебесная знает, что Го Сы – конокрад и разбойник. И он еще осмеливается силой задерживать сановников! Осмеливается противиться мне! Клянусь, что я убью его. Посмотрите на моих доблестных воинов, разве их не достаточно, чтобы разбить Го Сы?

– Нет, – сказал Хуанфу Ли. – В древности цюньский князь И, полагаясь на свое умение стрелять из лука, часто пренебрегал опасностью и погиб. Вы своими глазами видели, какой властью обладал тай-ши Дун Чжо, а Люй Бу, который пользовался его милостями, все же устроил против него заговор. Голова Дун Чжо и сейчас висит на воротах столицы. Следовательно, полагаться только на свою силу еще недостаточно. Вы сами являетесь высшим полководцем при бунчуке и секире, ваши сыновья и внуки занимают большие должности – нельзя сказать, что государство обидело ваш род! И что же? Го Сы силой захватывает сановников, а вы – императора. Кто же из вас хуже другого?

Ли Цзюэ пришел в бешенство и крикнул, обнажая меч:

– Разве Сын неба послал тебя, чтобы ты оскорблял меня? Я снесу тебе голову!

Однако ци-ду-вэй Ян Фын остановил его:

– Го Сы еще не уничтожен. Если вы убьете посла Сына неба, то у Го Сы будет повод двинуть против нас войска, и все князья помогут ему.

Цзя Сюй тоже стал убеждать его успокоиться, и гнев Ли Цзюэ понемногу утих. Цзя Сюй старался выпроводить Хуанфу Ли, но тот продолжал возмущаться и кричать:

– Ли Цзюэ не повинуется императорскому повелению! Он хочет убить Сына неба и сесть на его трон!

– Воздержитесь от таких речей, – остановил его ши-чжун Ху Мо, – а не то вам же самим не поздоровится!

– Вы, Ху Мо, тоже придворный сановник, – разошелся Хуанфу Ли. – Как же вы можете поддакивать мятежнику? Помните истину: «За позор императора отвечает жизнью его сановник»? Мой долг – погибнуть от руки Ли Цзюэ!

Хуанфу Ли никак не мог успокоиться. Узнав об этом, император приказал ему немедленно удалиться в Силян.

Военачальники Ли Цзюэ больше чем наполовину были из знатных силянцев и пользовались поддержкой тангутских⁷⁰ воинов. Хуанфу Ли распространил среди силянцев слух, что Ли Цзюэ замышляет мятеж и тем, кто помогает злодею, не миновать кары. Сердца воинов были смущены. Многие из них верили Хуанфу Ли.

Это сильно разгневало Ли Цзюэ, и он послал Ван Чана из отряда Тигров схватить Хуанфу Ли, но Ван Чан, почитая Хуанфу Ли как человека справедливого и верного, уклонился от выполнения этого приказа.

Цзя Сюй, со своей стороны, передал тангутским воинам:

– Сын неба знает, что вы преданы ему, что вы долго и храбро сражались и терпели лишения. Он повелевает вам возвратиться домой и обещает впоследствии щедро наградить вас.

Тангуты, озлобленные на Ли Цзюэ за то, что он ничего не платил им, послушались Цзя Сюя и увели свои войска.

А тем временем Цзя Сюй докладывал императору:

– Ли Цзюэ жаден и глуп. Ныне воины его разошлись, и он трусит. Надо успокоить его, пожаловав ему большой чин.

Император назначил Ли Цзюэ на должность да-сы-ма. Обрадованный этим, Ли Цзюэ торжествующе заявил:

– Это все благодаря волшебным заклинаниям, обращенным к духам!

И он щедро награждал колдунью, позабыв о воинах. Это привело в бешенство ци-ду-вэй Ян Фына, и он сказал Сун Го:

---

⁷⁰ Тангуты – название племен, живших на западе Китая.

– Мы подвергались всяческим опасностям, подставляли себя под стрелы и камни, так неужели же у нас меньше заслуг, чем у колдуньи?

– А почему бы нам не убить этого мятежника и не спасти Сына неба? – спросил Сун Го.

– Я приведу войска, – сказал Ян Фын, – а ты зажги в лагере огни; это послужит мне сигналом к действию.

Они условились осуществить свой замысел в ту же ночь во время второй стражи. Но сохранить тайну им не удалось – кто-то донес об этом Ли Цзюэ. В ярости Ли Цзюэ приказал схватить Сун Го и казнить его немедленно. Ян Фын, подступивший к лагерю, как было условлено, вместо сигнальных огней встретился с воинами Ли Цзюэ. Жестокая битва продолжалась до четвертой стражи. Ян Фын не добился успеха и ушел с войсками в Сиань.

С этого момента армия Ли Цзюэ стала распадаться. Частые нападения Го Сы также причиняли ей большой урон.

Неожиданно было получено известие, что из Шэньси во главе огромной армии идет полководец Чжан Цзи с намерением установить мир между враждующими сторонами. Он открыто заявлял, что в случае отказа сумеет добиться этого силой. Ли Цзюэ, стараясь снискать благосклонность Чжан Цзи, сейчас же уведомил его о своем согласии. Такой же ответ прислал и Го Сы. Тогда Чжан Цзи обратился к императору с почтительной просьбой переехать в Хуннун.

– Мы давно уже желаем вернуться в восточную столицу, – радостно отвечал Сянь-ди, – и ныне охотно воспользуемся этой возможностью!

Чжан Цзи получил титул бяо-ци-цзян-цзюнь. Го Сы отпустил всех сановников, а Ли Цзюэ приготовил коляски для императора и его свиты и отрядил несколько сот своих воинов, чтобы они сопровождали Сына неба.

Миновав Синьфын, поезд добрался до Балина. Стояла уже поздняя осень, дул холодный западный ветер, срывавший пожелтевшие листья с деревьев. Вдруг на мосту их остановил какой-то отряд численностью в несколько сот человек.

– Кто едет? – громко окликнули их.

– А кто смеет останавливать императорский поезд? – гневно закричал Ян Цзи, галопом въезжая на мост.

Навстречу ему выехали два военачальника.

– Мы получили приказ полководца Го Сы охранять этот мост, дабы перехватывать лазутчиков, – заявил один из них. – Это императорские коляски, утверждаете вы, но я поверю только тогда, когда своими глазами увижу Сына неба.

Ян Цзи раздвинул украшенные жемчугом занавески императорской коляски.

– Мы лично находимся здесь, – сказал император. – Почему вы не уступаете нам дорогу?

– Вань суй! – закричали воины и расступились в обе стороны, пропуская экипажи.

Военачальники доложили о случившемся Го Сы.

– Как вы смели самовольно пропустить их? – закричал Го Сы. – Ведь я хотел обмануть Чжан Цзи, чтобы снова захватить императора и увезти в Мэйу.

Он приказал обезглавить обоих военачальников и бросился в погоню за беглецами. Когда императорский поезд добрался до уезда Хуайинь, позади внезапно раздался шум. Кто-то кричал, требуя, чтобы коляски остановились. Император со слезами сказал сановникам:

– Мы только что выбрались из логова волка и попадаем в пасть тигра. Что нам делать?

Все побледнели. Войска мятежников настигали их. Вдруг послышался грохот барабанов, и из-за горы выступил отряд воинов. Впереди ехал военачальник со знаменем, на котором было написано: «Ханьский Ян Фын».

Оказалось, что Ян Фын, разбитый войсками Ли Цзюэ, отступил и расположился лагерем у подножия гор Чжуннань. Узнав о проезде императора, он пришел, чтобы охранять его. Ян Фын немедленно развернул войска для боя. Один военачальник из отрядов Го Сы, по имени Цуй Юн, выехал вперед и стал всячески поносить Ян Фына, обзывая его мятежником.

– Где Гун-мин? – закричал разгневанный Ян Фын, возвращаясь в строй.

В ту же минуту воин с огромной секирой вылетел на своем Хуа-лю⁷¹ и помчался на Цуй Юна.

Одна лишь схватка, и обезглавленный Цуй Юн упал с коня. Войско Ян Фына теснило врага, армия Го Сы была разбита и бежала двадцать с лишним ли. Тогда Ян Фын собрал своих воинов и явился к Сыну неба.

– Вы спасли нас, – сказал успокоенный император. – Заслуга ваша немалая!

Ян Фын с поклоном поблагодарил. Император продолжал:

– Кто убил предводителя мятежников?

– Сюй Хуан из Янцзюня, по прозвищу Гун-мин, – отвечал Ян Фын, подводя воина к коляске и почтительно кланяясь.

Император поблагодарил Сюй Хуана. Снабдив свиту провиантом и одеждой, Ян Фын сопровождал императора до города Хуайиня. Эту ночь император провел в лагере Ян Фына.

На другой день после поражения Го Сы опять подошел к лагерю Ян Фына и окружил его со всех сторон. Сюй Хуан возглавлял войска, а император и Ян Фын находились в самом центре. В этот решающий момент с востока вдруг донеслись громкие крики: появился какой-то отряд войск и с ходу вступил в бой против войска Го Сы. Мятежники обратились в бегство. Сюй Хуан, воспользовавшись этим, бросился за ними и наголову разбил армию Го Сы. Предводителем отряда, пришедшего на помощь, оказался родственник императора Дун Чэн. Император со слезами рассказал ему о случившемся.

– Не печальтесь, государь, – сказал Дун Чэн. – Мы с Ян Фыном клянемся убить обоих мятежников и восстановить спокойствие в Поднебесной.

По приказу императора ночью все двинулись в путь и благополучно прибыли в Хуннун.

Между тем Го Сы, возвращавшийся с разбитым войском, встретился с Ли Цзюэ и сказал ему так:

– Ян Фын и Дун Чэн похитили императора и уехали в Хуннун. Если они прибудут в Шаньдун и укрепятся там, то непременно призовут князей всей Поднебесной идти на нас войной. Трудно тогда будет поручиться за безопасность наших семей.

– Пока войска Чжан Цзи удерживают Чанань, нам нельзя действовать необдуманно, – возразил ему Ли Цзюэ. – Мы должны совместными силами напасть на Хуннун, убить ханьского императора и поделить Поднебесную. Разве это не возможно?

Го Сы с радостью согласился. Соединив войска, они двинулись в поход, дотла разоряя все земли, по которым проходили. В Дунцзяне мятежников встретили Ян Фын и Дун Чэн. Посоветовавшись между собой, Ли Цзюэ и Го Сы решили:

– Враг многочислен, а нас мало – победу мы можем одержать, лишь вызвав в его стане междоусобицу.

Ли Цзюэ расположил войска слева, Го Сы занял поля и горы справа. Ян Фын и Дун Чэн с двух сторон вступили в смертный бой. Они защищали главным образом императора и императрицу. Архивы, книги и все имущество двора были брошены.

Армия Го Сы ворвалась в Хуннун и разграбила город. Император под охраной Дун Чэна и Ян Фына бежал в северную часть Шэньси. Ли Цзюэ и Го Сы, разделив войска, стали настигать их. Дун Чэн и Ян Фын отправили к ним послов с предложением заключить мир и одновременно послали секретный приказ в Хэдун, призывая на помощь Хань Сяня, Ли Юэ и Ху Цая. Правда, Ли Юэ был известный разбойник из горных лесов, но теперь не время было разбирать.

Как было не явиться этим троим, когда они узнали, что император прощает им все прежние проступки да еще жалует титулы!

---

⁷¹ Хуа-лю – конь из знаменитой восьмерки чжоуского князя Му-вана, нарицательная кличка быстроногих коней.

Они пришли не мешкая и вместе с Дун Чэном снова взяли Хуннун.

Войска Ли Цзюэ и Го Сы продолжали бесчинствовать. Они грабили народ, старых и слабых убивали, молодых и здоровых забирали в войско и в схватках с противником бросали их в бой первыми, называя «смертниками». Силы мятежников были огромны.

Встреча с Ли Юэ произошла в Вэйяне. Го Сы и тут пустился на хитрость: он приказал бросать по дороге богатую одежду и различные драгоценности. При виде валявшейся повсюду добычи воины Ли Юэ вышли из повиновения и устроили настоящую свалку. А в это время войска Ли Цзюэ и Го Сы ударили с четырех сторон и нанесли им сильнейшее поражение. Ян Фын и Дун Чэн не в силах были восстановить положение и бежали на север, спасая императора. Мятежники преследовали их. Ли Юэ просил императора пересесть на коня и ехать впереди.

– Мы не можем покинуть наших сановников, – сказал император, глядя на свою свиту, которая с воплями и причитаниями шла следом.

Мятежники настигали императорский поезд. Ху Цай был убит взбунтовавшимися воинами. Дун Чэн и Ян Фын уговорили императора покинуть коляску и пройти пешком к берегу реки Хуанхэ, где Ли Юэ и другие уже разыскали лодку и устроили переправу.

Погода была студеная. Император и императрица, поддерживая друг друга, подошли к обрыву, но спуститься к лодке не могли – слишком крут и высок был обрыв. А погоня все приближалась. Тогда Ян Фын предложил обвязать императора конскими поводьями и спустить в лодку. Но тут дядя императора Фу-дэ вынес большую охапку рулонов белого шелка и молвил:

– Вот чем можно обвязать Сына неба – я нашел это у воинов.

Таким образом императора и императрицу спустили в лодку, на носу которой, опираясь на меч, стоял Ли Юэ. Остальные бросились было за ними, но Ли Юэ обрубил канат, и лодка отчалила. Люди ринулись за утлым суденышком, валили друг друга, цепляясь за борта. Ли Юэ мечом обрубал им руки и пальцы. Вопли и плач потрясали небо.

Когда переправились на противоположный берег, от всей императорской свиты осталось лишь десять человек. Ян Фын отыскал для императора повозку, запряженную волами, и так они добрались до Тайяна. Голодные и усталые, остановились они на ночлег в бедном домике под черепичной крышей. Старик-крестьянин принес немного пшенной каши для императора и императрицы, но каша была так груба, что они не могли ее есть.

На другой день император вызвал Ли Юэ и пожаловал ему титул Покорителя Севера, а Хань Сяню – Покорителя Востока. Императорский поезд снова двинулся в путь, и тут им повстречались два высокопоставленных чиновника, которые с плачем склонились перед Сыном неба. Это были тай-вэй Ян Бяо и тай-пу Хань Юн. Император и императрица прослезились. Хань Юн сказал:

– Ли Цзюэ и Го Сы доверяют мне, и я, положившись на волю судьбы, попытаюсь уговорить их прекратить войну.

Хань Юн удалился. Ли Юэ упросил императора отправиться в лагерь Ян Фына, чтобы немного отдохнуть.

По совету Ян Бяо император избрал своей столицей уездный город Аньи. Но когда прибыли туда, то оказалось, что в городе нет ни одного большого дома. Император с императрицей поселились в хижине, где не было даже дверей. Вместо ограды натыкали колючего кустарника. Император и сановники обсуждали дела в хижине. Военачальники расположили свои войска за оградой.

Теперь Ли Юэ и его приспешники захватили власть. Стоило чиновникам в чем-нибудь не угодить им, и они ругали и били их даже в присутствии императора; намеренно посылали Сыну неба мутное вино и простую пищу. Император ел эту пищу через силу. Ли Юэ и Хань Сянь потребовали, чтобы император награждал двести человек всякого сброда – преступников, колдунов, знахарей и простых ратников, и все они получили звания и должности. Для них

не успевали вырезать печати и попросту нацарапывали их шилом на металле, не записывая полностью звания.

Переговоры Хань Юна с Ли Цзюэ и Го Сы увенчались успехом. Оба мятежника отпустили по домам чиновников и придворных.

В том году был большой неурожай, люди питались травой и во множестве умирали от голода. Хэнаньский тай-шоу Чжан Ян и хэдунский тай-шоу Ван И прислали Сыну неба рис, мясо и шелковые ткани. Положение императора понемногу улучшалось. Дун Чэн и Ян Фын распорядились отстраивать дворец в Лояне, собираясь перенести столицу на восток, но Ли Юэ всеми силами противился этому.

– Лоян – столица, избранная императором, – говорил ему Дун Чэн. – А маленькая деревушка Аньи – не место для императорского двора! Переехать в Лоян – самое правильное дело.

– Вы можете ехать, а мы останемся здесь, – заявил Ли Юэ.

Императорский поезд готовился в путь. Ли Юэ тайно договорился с Ли Цзюэ и Го Сы ограбить Сына неба и его свиту. Но Дун Чэн, Ян Фын и Хань Сянь, узнав об этом, ночью под усиленной охраной ушли в Цзигуань. Тогда Ли Юэ, не дожидаясь Ли Цзюэ и Го Сы, бросился за ними в погоню. Во время четвертой стражи, когда императорский поезд достиг уже гор Цзишань, раздался громкий возглас:

– Остановитесь! Ли Цзюэ и Го Сы здесь!

У императора от испуга затрепетало сердце. Повсюду на горах вспыхнул яркий свет.

Поистине:

Два мятежника прежде врозь готовились к мести.

Три мятежника ныне соединились вместе.

О том, как император избавился от этой беды, расскажет следующая глава.

Глава четырнадцатая, в которой будет идти речь о том, как Цао Цао благополучно доставил императорский двор в Сюйчан, и о том, как Люй Бу напал на Сюйчжоу

– Это Ли Юэ, – сказал Ян Фын, разгадав обман, и приказал Сюй Хуану с ним сразиться.

В первой же схватке Сюй Хуан ударом меча сбил Ли Юэ с коня, а остальные его сообщники рассеялись. Императорский поезд благополучно прошел через заставу Цзигуань. Тайшоу Чжан Ян выслал навстречу императору провиант и шелковые ткани, за что Сын неба возвел его в звание да-сы-ма. Чжан Ян, простившись с императором, ушел в Еван и расположился там лагерем.

Печальное зрелище ожидало императора в Лояне: дворец был сожжен, улицы и площади пустыньны. Куда ни бросишь взгляд – все заросло полынью. От дворца остались лишь полуразрушенные стены, и император приказал Ян Фыну соорудить малый дворец для жилья. Чиновники, стоя среди колючих кустарников, приносили императору свои поздравления. Был издан особый указ о перемене названия периода правления Син-пин в период Цзянь-ань, то есть Установление спокойствия⁷².

В этом году опять был великий неурожай. Население Лояна составляло всего несколько сот семей, но и тем нечего было есть. Изголодавшиеся люди покидали город, срезали древесную кору, выкапывали корни трав и тем питались. Все чиновники по должности ниже шаншу-лана отправлялись за город собирать хворост на топливо. Среди развалин валялось много трупов. Никогда еще династия Хань не доходила до такого упадка, как теперь.

Потомки сложили об этом такие стихи:

Еще не застыла в Мандане кровь Белой змеи, а повсюду
Восстания красные стяги шумели уже над страной.
И Циньский олень изменился, земли алтарь приподнялся,
Удельных властителей выдвинул чуский конь вороной.
И двор ослабел, и царили коварство, разврат и измена.
Почувяв бессилие власти, творил беззаконье злодей.
Увы, стали обе столицы местами неслыханных бедствий,
Что слезы из глаз исторгали у самых суровых людей.

Тай-вэй Ян Бяо доложил императору:

– Ваш прежний указ, государь, не был отправлен Цао Цао. Сейчас Цао Цао в Шаньдуне, и у него много войска; можно призвать его на помощь и этим поддержать правящий дом.

– Почему вы вторично докладываете нам об этом деле? Ведь мы уже отдали повеление, – молвил император. – Сегодня же пошлите к нему гонца.

Тем временем Цао Цао, проведав о возвращении Сына неба в Лоян, созвал своих приближенных на совет. Сюнь Юй поднялся и сказал:

– В древности цзиньский Вэнь-гун поддержал чоуского Сян-вана, и князья подчинились ему. Ханьский Гао-цзу устроил похороны императора И-ди и тем снискал себе уважение Поднебесной. Ныне нашему императору пришлось скитаться, и если вы в такое тяжелое время воз-

---

⁷² 196 г. н. э.

главите войско и окажете помощь Сыну неба, то завоюете себе всеобщую любовь. Более удобного случая не сыскать, и если мы не воспользуемся им немедленно, то другие опередят нас.

Цао Цао пришел в восторг от этих слов Сюнь Юйя и сразу же стал собирать войска. Тут как раз прибыл императорский гонец с указом, призывающим Цао Цао на помощь, и он поднял войска в тот же день.

Император находился в это время в Лояне. Стены города были разрушены, и отстраивать их не было возможности. А тут еще распространились слухи о скором приходе Ли Цзюэ и Го Сы. Сын неба все время пребывал в страхе.

– Что нам делать? – спрашивал он Ян Фына. – Гонец из Шаньдуну еще не вернулся, а сюда идут Ли Цзюэ и Го Сы...

– Мы хотим вступить в кровавый бой с мятежниками, чтобы защитить нашего государя, – отвечали Ян Фын и Хань Сянь.

– Городские стены непрочны, войск у нас мало, – сомневался Дун Чэн. – Что будет, если мы не добьемся победы? Нет, лучше уж перенести двор в Шаньдун и укрыться там.

Император послушался его и в тот же день выехал в Шаньдун.

Не имея лошадей, сановники следовали за императорской колесницей пешком. Когда отошли от городских ворот на расстояние одного полета стрелы, огромное облако пыли вдруг заслонило солнце; грохотали гонги и барабаны. Подходила бесчисленная армия.

Император и императрица так дрожали от страха, что не могли вымолвить ни слова. Вдруг они увидели всадника, скачущего им навстречу. Это оказался гонец, возвращавшийся из Шаньдуну. Приблизившись к колеснице, он поклонился и сказал:

– Полководец Цао Цао поднял шаньдунские войска и направляется сюда по вашему повелению. Узнав, что Ли Цзюэ и Го Сы угрожают Лояну, он послал вперед Сяхоу Дуня с десятью лучшими военачальниками во главе пятидесяти тысяч отборных воинов, которые должны охранять двор.

Император возрадовался. Вскоре Сяхоу Дунь, Сюй Чу и Дянь Вэй приблизились к императорскому поезду. Представ перед лицом Сына неба, военачальники приветствовали его. Но лишь только император закончил свою беседу с ними, как доложили о приближении войск с востока.

– Это пешие воины Цао Цао, – сообщил Сяхоу Дунь, которому император приказал разузнать, что это за войско.

После того как Цао Хун, Ли Дянь и Ио Цзинь представились императору, Цао Хун сказал:

– Когда до моего брата дошла весть, что армия мятежников приближается, он обеспокоился, что Сяхоу Дуню своими силами управиться будет трудно, и потому послал на помощь нас.

– Цао Цао – верный слуга династии, – сказал император.

Под охраной прибывших войск императорский поезд двинулся дальше. Конный разведчик донес, что войска Ли Цзюэ и Го Сы приближаются ускоренным маршем. По повелению императора Сяхоу Дунь и Цао Хун разделили воинов на два отряда. Вперед была двинута конница, пехота следовала за ней. Армия мятежников подверглась нападению с двух сторон и потерпела сильнейшее поражение. Более десяти тысяч воинов сложили здесь свои головы.

Императора упросили возвратиться в старый лоянский дворец, а Сяхоу Дунь расположился с войском за городскими стенами. На другой день прибыл сам Цао Цао с большим отрядом конных и пеших воинов. После того как был разбит лагерь, он въехал в город повидаться с императором и в почтительном поклоне склонился перед ступенями дворцового крыльца. Растроганный император пожаловал ему право стоять в его присутствии и поблагодарил его за труды.

– Подданный, удостоившийся такой милости Сына неба, должен думать, как отблагодарить за нее, – сказал Цао Цао. – Ныне чаша злодеяний мятежников Ли Цзюэ и Го Сы переполнилась. Мы должны покарать их, иначе и быть не может. У меня двести тысяч отборных

воинов, с их помощью я приведу бунтовщиков к повиновению. Ваша безопасность, государь, – сейчас самое важное для трона.

Император пожаловал Цао Цао звание сы-ли сяо-вэй с бунчуком и секирой и назначил его на должность шан-шу с правом непосредственного доклада самому государю.

А теперь обратимся к Ли Цзюэ и Го Сы. Узнав о том, что войска Цао Цао пришли изда-лека, мятежники решили напасть на них немедленно. Но Цзя Сюй стал отговаривать:

– Этого делать нельзя! У Цао Цао воины отборные и военачальники храбрые. Разумней было бы покориться ему и умолять о прощении нашей вины.

– Как ты смеешь колебать мою решимость! – в гневе закричал Ли Цзюэ и занес меч над головой Цзя Сюя, но военачальники в один голос просили помиловать его.

В ту же ночь Цзя Сюй поспешил уехать в свою деревню.

На другой день Ли Цзюэ выступил навстречу Цао Цао. По команде Цао Цао триста закованных в броню всадников во главе с Сюй Чу, Цао Хуном и Дянь Вэем неожиданно ворвались в строй войск Ли Цзюэ.

Тем временем Цао Цао расположил свое войско полукругом и привел его в боевой порядок.

Вперед выехали племянники Ли Цзюэ – Ли Сянь и Ли Бе, но не успели они и рта раскрыть, как на них налетел Сюй Чу и одним ударом убил Ли Сяня. Ли Бе так перепугался, что свалился с коня. Сюй Чу тут же прикончил и его. Так с двумя отрубленными головами победитель возвратился в строй.

– Вот поистине мой Фань Куай! – хлопая его по спине, приговаривал Цао Цао.

Затем он велел Сяхоу Дуню выступить слева, Цао Жэню – справа, а сам повел войска из центра. Армия мятежников не выдержала натиска и обратилась в бегство; войска Цао Цао по пятам преследовали отступающих. Убитых было множество, сдавшихся в плен – не счесть. Ли Цзюэ и Го Сы, спасая свою жизнь, как бездомные псы, бежали в горы и укрылись в зарослях.

Цао Цао возвратился и расположил войска за стенами Лояня. Ян Фын и Хань Сянь, совещаясь между собой, говорили:

– Цао Цао совершил великий подвиг, он несомненно получит большую награду. Найдется ли тогда место для нас?

И они испросили у императора повеление двинуть войска, якобы в погоню за Ли Цзюэ и Го Сы, а на самом деле договорились расположиться лагерем в Даляне.

Однажды император послал гонца к Цао Цао с приглашением явиться во дворец на совет. Посланец был красив и дороден, и Цао Цао, увидев его, подумал:

«В Дунцзюне большой неурожай, все чиновники отощали. Почему же этот человек так толст?»

Обратившись к посланцу, Цао Цао спросил:

– Как вам удалось сохранить здоровье? Вы выглядите таким сытым!

– Особого секрета здесь нет, – отвечал тот. – Просто я в течение тридцати лет ем только пресное.

Цао Цао кивнул головой и снова спросил:

– А какую должность вы сейчас занимаете?

– Я – сяо-лянь⁷³, – сказал посланец. – Раньше служил Юань Шао и Чжан Яну, а теперь, прослышав, что Сын неба вернулся в столицу, пришел ко двору и получил должность чжэн-и-лана⁷⁴. Родом я из Динтао, что в Цзиине, и зовут меня Дун Чжао, по прозвищу Гун-жэнь.

---

⁷³ Сяо-лянь – получивший степень на экзамене в провинции.

⁷⁴ Чжэн-и-лан – чиновник, получивший почетное звание лан за свою честность и прямоту.

– Давно я слышал о вас! – воскликнул Цао Цао, поднимаясь с циновки. – Счастлив встретиться с вами!

Затем он пригласил Дун Чжао в шатер, угостил вином и представил его Сюнь Юйю. Тут вдруг сообщили, что с востока движется неизвестный отряд.

Послали разведку. Но Дун Чжао сказал:

– Это бывшие военачальники Ли Цзюэ – Ян Фын и Хань Сянь. После вашего прихода они решили уйти в Далянь.

– Разве они не доверяют мне? – удивился Цао Цао.

– Это глупые люди, – заметил Дун Чжао, – и они вас не должны беспокоить.

– А что вы думаете о бежавших разбойниках Ли Цзюэ и Го Сы?

– Это тигры без когтей, вороны без крыльев, которые скоро попадутся в ваши руки. Они не заслуживают, чтобы вы думали о них.

Цао Цао, пораженный тем, что мнение Дун Чжао совпадает с его собственным, стал расспрашивать его о делах императорского двора.

– Вы подняли войско справедливости и уничтожили смуту, вошли во дворец и стали помощником Сына неба, – сказал Дун Чжао. – Это подвиг, достойный пяти бо⁷⁵. Однако военачальники на сей счет иного мнения, и вряд ли они подчинятся вам. Боюсь, что здесь оставаться вам не совсем удобно. Правильнее было бы, по-моему, перенести столицу в Сюйчан. Правда, император уже возвестил о своем возвращении в Лоян, и все вблизи и вдалеке с надеждой взирают на него, ожидая наступления спокойствия. Переезд в новую столицу не понравится многим. Но ведь свершение необычного дела принесет и необычную заслугу! Я просил бы вас подумать об этом.

Цао Цао, держа его за руку, произнес:

– Как раз таково и мое намерение. Но ведь Ян Фын находится в Даляне, а сановники при дворе. Не вспыхнет ли новая измена?

– Этого легко избежать! – заявил Дун Чжао. – Прежде всего напишите Ян Фыну и успокойте его. Объясните сановникам, что в столице нет провианта, а поблизости от Сюйчана, куда вы хотите перевести императорский двор, находится Луян, где всего в изобилии. Когда высшие сановники услышат об этом, они с радостью согласятся.

На прощанье Цао Цао еще раз взял Дун Чжао за руку и сказал:

– Своими словами вы выразили мои собственные мысли!

Дун Чжао поблагодарил его и ушел. В тот же день Цао Цао обсуждал со своими советниками вопрос о новой столице Поднебесной.

В это же время придворный тай-ши-лин Ван Ли с глазу на глаз сказал цзун-чжэну⁷⁶ Лю Аю:

– Я наблюдал небесные знамения. С тех пор как прошлой весной Тайбо накрыла звезду Чжэньсин в созвездиях Доу и Ню и перешла Небесный брод, звезда Инхо тоже начала двигаться вспять и встретилась с Тайбо у Небесных врат. Таким образом, металл пришел во взаимодействие с огнем. Это значит, что появится новый Сын неба. Я думаю, что судьбы великого дома Хань скоро свершатся, а Цзинь и Вэй возвеличатся.

Он представил императору секретный доклад, где говорилось:

«Предначертания неба либо сбываются, либо нет. Пять стихий⁷⁷ не всегда бывают полноценными. Земля стала на место огня, а это значит, что Вэй заменит Хань и будет владеть Поднебесной».

Узнав об этом, Цао Цао велел передать Ван Ли следующее:

---

⁷⁵ Пять бо – пять гегемонов периода Чуныю (VIII–V вв. до н. э.), возглавлявшие союзы князей.

⁷⁶ Цзун-чжэн – придворный сановник, следивший за правильностью ведения родословных книг императорской фамилии.

⁷⁷ Пять стихий – пять элементов природы: вода, огонь, дерево, металл и земля.

«Преданность Ван Ли династии хорошо известна. Однако пути неба непостижимы; поэтому чем меньше говорить, тем лучше».

Цао Цао рассказал об этом Сюнь Юйю, и тот ответил:

– Хань – повелитель стихии огня, ваша же стихия – земля. Сюйчан входит в сферу земли. Если вы переедете туда, то непременно возвыситесь. Огонь может рождать землю, земля может способствовать процветанию дерева – все точно совпадает с тем, что говорят Дун Чжао и Ван Ли: настанет день, когда вы возвыситесь.

И тогда Цао Цао принял решение. Он явился к императору и сказал:

– Восточная столица разрушена и давно голодает. Восстановить ее невозможно, к тому же здесь с провиантом очень трудно. Сюйчан расположен вблизи Луяна, там большая казна, много провианта и людей, город обнесен стеной, в нем имеются дворцы. Я осмеливаюсь просить перевезти двор в Сюйчан. Все зависит только от вашего решения.

Император не решался возражать. Сановники, боясь силы Цао Цао, молчали; так был назначен день переезда.

Охрану в пути нес Цао Цао. Придворные следовали за императором. Но не проехали они и нескольких ли, как все услышали громкие крики, доносившиеся из-за высокого холма. Войска Ян Фына и Хань Сяня преградили им путь, впереди войск выступал Сюй Хуан.

– Цао Цао, куда ты увозишь высочайшего? – закричал он.

Величественный вид Сюй Хуана восхитил Цао Цао, и он приказал Сюй Чу сразиться с ним. Меч скрестился с секирой. Более пятидесяти раз сходились всадники в бою, но не могли одолеть друг друга. Цао Цао ударил в гонг и отозвал своих воинов. Затем он позвал советников и заявил:

– О Ян Фыне и Хань Сяне говорить не стоит, а вот Сюй Хуан поистине великолепный воин. Я не хочу применять против него силу. Надо попытаться привлечь его на нашу сторону.

Чиновник особых поручений при армии Мань Чун сказал:

– Прошу вас не беспокоиться. Сегодня же я переоденусь простым воином, проберусь в лагерь Сюй Хуана и склоню его сердце к покорности.

Ночью Мань Чун пробрался в шатер Сюй Хуана. Тот сидел в латах при свете горящего пучка сухой травы. Представ перед ним, Мань Чун молвил:

– Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо с тех пор, как мы расстались, мой старый друг?

Сюй Хуан в изумлении поднялся и, внимательно посмотрев на него, воскликнул:

– Мань Чун из Шаньяна? Что ты здесь делаешь?

– Служу в армии Цао Цао, – отвечал Мань Чун. – Увидев сегодня перед строем своего старого друга, я захотел перекинуться с ним хотя бы одним словом и пришел, рискуя жизнью.

Сюй Хуан пригласил Мань Чуна сесть и поинтересовался, что привело его к нему в лагерь.

– В мире мало людей, равных тебе по храбрости, – сказал Мань Чун. – Что же заставляет тебя служить Ян Фыну и Хань Сяню? Цао Цао – самый выдающийся человек нашего времени. Всей Поднебесной известно, что он очень любит мудрых людей и высоко чтит воинов. Ныне Цао Цао, восхищенный твоей храбростью, запретил вступать с тобой в единоборство. Он послал меня уговорить тебя присоединиться к его войску. Почему бы тебе не покинуть тьму и не перейти к свету? Ты будешь вместе с Цао Цао вершить великие дела!

Сюй Хуан погрузился в длительное раздумье, а затем промолвил со вздохом:

– Я знаю, что удача не сопутствует моим хозяевам, но я очень долго служил им и потому не в состоянии покинуть.

– Разве тебе не известно, что умная птица сама выбирает дерево, на котором вьет гнездо, а умный слуга выбирает себе господина, которому служит? Тот, кто упускает благородного господина, не может считаться достойным мужем.

– Я последую твоему совету, – сказал Сюй Хуан, поднимаясь и благодаря его.

– Вот если бы ты убил Ян Фына и Хань Сяня, прежде чем уйти, это было бы твоим подношением императору перед торжественной встречей с ним, – намекнул Мань Чун.

– Слуга, убивающий своего господина, совершает величайшую подлость, – ответил Сюй Хуан. – Я не могу решиться на это.

– Поистине ты справедливый человек, – признал Мань Чун.

Ночью Сюй Хуан с несколькими десятками всадников и Мань Чуном отправился к Цао Цао, но согладатаи успели предупредить об этом Ян Фына, и тот с тысячным отрядом бросился в погоню.

Вдруг в тишине ночи раздался треск хлопушек, вспыхнули факелы, со всех сторон выступили воины. Их вел Цао Цао.

– Стойте! – кричал он. – Я уже давно поджидаю вас!

Ян Фын не успел отдать команду, как был окружен войсками Цао Цао. На помощь Ян Фыну подоспел отряд Хань Сяня, но все же силы их были малочисленны. Пользуясь замешательством противника, Цао Цао начал бой и одержал победу, захватив много пленных. Ян Фын и Хань Сянь со своими разбитыми войсками вынуждены были перейти к Юань Шу.

Цао Цао возвратился в свой лагерь. Мань Чун представил ему Сюй Хуана, и Цао Цао принял его очень ласково.

Вскоре императорский двор прибыл в Сюйчан. Там были возведены дворцы и дома, сооружены алтарь и храм предков, террасы, палаты и ямыни⁷⁸, восстановлены городские стены, отстроены житницы. Дун Чэну и остальным военачальникам были пожалованы высокие чины и звания. С этого времени вся власть перешла к Цао Цао. Обо всех событиях при дворе прежде докладывали ему, а потом уже императору.

Завершив успешно великое дело, Цао Цао устроил пир для советников.

– Лю Бэй расположился со своей армией в Сюйчжоу и управляет делами округа, – сказал он во время пиршества. – Когда Люй Бу потерпел поражение, он перешел к Лю Бэю, и тот отправил его в Сяопэй, где много провианта. Если они будут пребывать в согласии и нападут на нас, это может принести великие бедствия. Кто из вас предложит лучший способ разделаться с ними?

– Прошу дать мне пятьдесят тысяч воинов, я отрублю головы Лю Бэю и Люй Бу и преподнесу их вам, – промолвил Сюй Чу.

– Вы храбры, никто этого не оспаривает, – возразил Сюнь Юй, – но вы простодушны. Сюйчан стал столицей только недавно, и не следует снова опрометчиво пускать в ход оружие. У меня есть план, который я назвал бы «как заставить двух тигров передрасться из-за добычи». Хотя Лю Бэй и управляет Сюйчжоу, но у него нет на это императорского указа. Вы можете испросить такой указ и к нему приложить секретное письмо с требованием убить Люй Бу. Если Лю Бэй пойдет на это, то он сам лишит себя помощника и храброго военачальника, и мы сможем тогда заняться им. Если же у Лю Бэя дело сорвется, то Люй Бу непременно убьет его.

Цао Цао испросил у императора указ о назначении Лю Бэя и отправил его в Сюйчжоу. Кроме того, Лю Бэю был пожалован титул хоу. К указу было приложено секретное письмо.

Лю Бэй как раз собирался отправить императору поздравление с благополучным прибытием в Сюйчан, когда ему доложили о посланце из столицы. Лю Бэй встретил его за воротами города и, после того как послание было оглашено, устроил в честь этого события большой пир.

– Вы удостоились такой милости только благодаря ходатайству Цао Цао, – сказал посланец.

---

⁷⁸ Ямынь – присутственное место, суд.

Лю Бэй поблагодарил. Тогда прибывший вручил ему секретное письмо. Прочитав его, Лю Бэй сказал:

– Это очень легко устроить!

Как только гости разошлись и посланец удалился отдыхать на подворье, Лю Бэй со своими советниками приступил к обсуждению этого дела.

– Люй Бу – несправедливый человек, – сказал Чжан Фэй. – Что нам мешает убить его?

– Он потерял свое войско и пришел ко мне, – возразил Лю Бэй. – Убивать его было бы несправедливо.

– Да, если бы он был хорошим человеком! – возразил Чжан Фэй.

На другой день прибыл Люй Бу с поздравлениями.

– Я слышал, – сказал он, – что вы удостоились внимания двора, и явился поздравить вас с милостью императора.

Лю Бэй скромно поблагодарил его и тут заметил, что Чжан Фэй обнажает меч, собираясь убить Люй Бу. Лю Бэй вовремя сумел удержать его.

– Почему ваш брат хочет убить меня? – в сильном испуге спросил Люй Бу.

– Цао Цао говорит, что ты несправедливый человек, – крикнул Чжан Фэй, – и приказывает моему старшему брату убить тебя!

Лю Бэй заставил его удалиться, а сам уединился с Люй Бу и дал ему прочесть секретное письмо Цао Цао.

– Злодей Цао Цао хочет посеять между нами вражду! – воскликнул Люй Бу, заливаясь слезами.

– Не надо печалиться, брат мой, – утешал его Лю Бэй. – Я клянусь, что не совершу этого черного дела!

Люй Бу трижды поклонился и поблагодарил. Лю Бэй угощал его вином, и они расстались только вечером.

– Почему, брат наш, вы не соглашаетесь убить Люй Бу? – обратились с вопросом Гуань Юй и Чжан Фэй к Лю Бэю.

– Цао Цао боится, как бы я вместе с Люй Бу не напал на него, – сказал Лю Бэй. – Вот он и прибегнул к этой хитрости. Ему хочется, чтобы мы перегрызлись – это было бы ему выгодно.

Гуань Юй кивнул головой в знак согласия, но Чжан Фэй не унимался:

– Все равно я убью этого разбойника, хотя бы только для того, чтобы избавить нас от бед в будущем.

– Такой поступок недостойн великого мужа, – упрекнул его Лю Бэй.

На другой день Лю Бэй проводил посланца императора в столицу, выразив свою благодарность за полученную милость. В ответном письме он сообщал Цао Цао, что со временем выполнит его план. Однако, вернувшись, посол добавил от себя, что Лю Бэй не хочет убивать Люй Бу.

– Этот план сорвался, – сказал Цао Цао Сюнь Юйю. – Как же теперь быть?

– Я придумал другой план, – ответил Сюнь Юй, – «как заставить тигра съесть волка».

– В чем же он состоит?

– Надо тайно уведомить Юань Шу, что Лю Бэй собирается вторгнуться в южные области. Юань Шу немедленно разъярится и нападет на Лю Бэя, а вы прикажете Лю Бэю покарать Юань Шу. Тогда у Люй Бу непременно зародятся преступные намерения.

Цао Цао так и поступил. Он послал человека к Юань Шу, а затем, подделав императорский указ, отправил гонца в Сюйчжоу.

Лю Бэй опять встретил императорского посланца за городом и, прочитав указ, проводил посла в обратный путь.

– Это новые козни Цао Цао, – сказал Ми Чжу.

– Хотя это и явные козни, но приказ повелителя нарушать нельзя, – возразил Лю Бэй.
В тот же день он собрал войско, готовясь выступить в поход.
– Прежде надо назначить человека для охраны города, – заметил Сунь Цянь.
– Кто из моих братьев может охранять город? – спросил Лю Бэй.
– Доверьте это мне, – заявил Гуань Юй.
– Нет, я не могу с тобой расстаться, мне всегда нужны твои советы, – запротестовал Лю Бэй.
– Тогда в городе останусь я, – заявил Чжан Фэй.
– Тебе не справиться, – возразил Лю Бэй. – После первой же попойки ты рассвирепеешь и ввяжешься в драку, это во-первых. А во-вторых, ты будешь поступать легкомысленно, не станешь слушать дельных советов других, и я буду в постоянной тревоге.
– Отныне я не возьму в рот ни капли вина, не ударю ни одного воина, – клялся Чжан Фэй, – и всегда буду следовать мудрым советам.
– Боюсь, что слова ваши расходятся с мыслями, – выразил свое сомнение Ми Чжу.
– Я уже много лет следую за своим старшим братом и ни разу не терял его доверия, – раздраженно бросил Чжан Фэй. – Почему вы так недоверчиво относитесь ко мне?
– Мой младший брат говорит правду, но все же сердце мое не совсем спокойно, – сказал Лю Бэй. – Я просил бы Чэнь Дэна помогать Чжан Фэю и следить, чтобы он поменьше пил, иначе ему не избежать ошибок.
Распределив обязанности, Лю Бэй во главе тридцати тысяч воинов покинул Сюйчжоу и направился к Наньяну.

Теперь перейдем к Юань Шу. Когда ему донесли, что Лю Бэй желает захватить его округ, он пришел в ярость:

– Циновщик! Башмачник! И он хочет равняться с князьями! Безобразие! Я уничтожу его! Как он смеет выступать против меня! – И немедленно послал лучшего своего полководца Цзи Лина со стотысячной армией захватить Сюйчжоу.

Обе армии встретились в Сюйи. У Лю Бэя войск оказалось мало, и он разбил лагерь, прикрывая свой тыл рекой и горой.

Вооруженный трехгранным мечом, Цзи Лин выехал из строя и начал ругательски ругать Лю Бэя:

– Эй, ты, деревенщина, как ты посмел вторгнуться в наши владения?

– Я получил повеление Сына неба покарать непокорного подданного! – отвечал Лю Бэй. – Ты осмеливаешься сопротивляться и будешь за это наказан!

Цзи Лин в гневе хлестнул коня и, размахивая мечом, помчался на Лю Бэя.

– Глупец! Брось хвастаться своей силой! – крикнул ему в ответ Гуань Юй и понесся навстречу.

До тридцати раз схватывались они, но без решающего успеха.

– Отдохнем немного! – предложил Цзи Лин.

Гуань Юй вернулся в строй. Через некоторое время Цзи Лин выслал в бой своего помощника Сюнь Чжэна.

– Э нет, давай сюда самого Цзи Лина! – требовал Гуань Юй. – Я еще покажу ему, кто курица, а кто петух!

– Ты безвестный воин и недостойн сражаться с полководцем Цзи Лином! – отвечал Сюнь Чжэн.

Кровь ударила в голову Гуань Юю. Он бросился вперед и в первой же схватке сбил Сюнь Чжэна с коня. Тогда Лю Бэй повел свою армию в наступление. Цзи Лин потерпел поражение и отступил к Хуайиню. Еще несколько раз он пытался овладеть лагерем противника, но все его попытки были отбиты с большими для него потерями.

Теперь вернемся к Чжан Фэю. Проводив Лю Бэя в поход, он возложил второстепенные дела на Чэнь Дэна, военные же дела решал сам. Однажды он созвал на пир всех сановников и, когда они уселись, обратился к ним с такой речью:

– Уходя в поход, мой старший брат наказывал мне поменьше пить, дабы я не наделал оплошностей. Так вот, сегодня можете пить сколько угодно, а с завтрашнего дня вино будет запрещено всем, ибо вы должны помогать мне охранять город.

И он принялся чокаться со всеми гостями по очереди. Все пили, только Цао Бао отказался.

– Я повинуюсь запрету неба и вина не пью, – заявил он.

– Может ли быть, чтобы воин не пил вина? – загремел Чжан Фэй. – Я хочу, чтобы ты выпил один кубок!

Цао Бао ничего не оставалось, как подчиниться. Чжан Фэй несколько раз наполнял свой огромный рог и, уже изрядно опьянев, вновь пожелал чокнуться с Цао Бао.

– Я действительно не могу пить, – уверял тот.

– Да ведь ты только что пил, – удивился Чжан Фэй. – В чем же дело, почему ты отказываешься?

Цао Бао упорно твердил, что не может больше пить, и Чжан Фэй, уже совершенно опьяневший, вспылил:

– Ты нарушаешь приказ своего начальника и за это получишь сто ударов палкой!

И он кликнул стражу.

– А что вам наказывал перед уходом господин Лю Бэй? – спросил Чэнь Дэн.

– Вы гражданский чиновник, так занимайтесь своими делами, а остальное предоставьте мне!

У Цао Бао не было иного выхода, как просить о прощении.

– Если бы вы, господин Чжан Фэй, видели моего зятя, вы не стали бы наказывать меня, – сказал он.

– Кто же такой твой зять?

– Мой зять – сам Люй Бу.

– Я уже раздумал было драть тебя, – приходя в еще большую ярость, вскричал Чжан Фэй, – но теперь, когда ты вздумал пугать меня своим Люй Бу, я вынужден это сделать! И я буду бить тебя так, как будто бью самого Люй Бу!

Не слушая никаких уговоров, он отхлестал Цао Бао плетью. Гости приумолкли и вскоре разошлись. Цао Бао вернулся домой глубоко возмущенный Чжан Фэем. Не раздумывая долго, он послал человека в Сяопэй с письмом к Люй Бу, в котором жаловался на грубость Чжан Фэя и заодно сообщал, что Лю Бэй отправился в Хуайинь, а Чжан Фэй мертвецки пьян и что, воспользовавшись этим, можно нынче ночью напасть на Сюйчжоу. Он советовал не упускать такой случай.

Прочитав письмо, Люй Бу призвал на совет Чэнь Гуна.

– В Сяопэе нам все равно долго не удержаться, – сказал ему Чэнь Гун, – и раз уже в Сюйчжоу образовалась брешь, надо пролезть в нее. Если прозреваем этот случай, жалеть будет поздно.

Люй Бу тут же вскочил на коня и во главе пятисот всадников двинулся в поход, приказав Чэнь Гуну с большим войском идти следом.

От Сяопэя до Сюйчжоу было рукой подать, и ко времени четвертой стражи Люй Бу был уже у стен города. Ярко светила луна, и стража со стены заметила его.

– Прибыл гонец господина Лю Бэя с секретным письмом! – крикнул Люй Бу.

Об этом доложили Цао Бао, и тот велел открыть ворота. Перебив стражу, Люй Бу ворвался в город. А в это время Чжан Фэй мирно спал в своей опочивальне. Слуги разбудили его и растолковали, что произошло.

Чжан Фэй загорелся гневом. Второпях одевшись, он схватил свое длинное копье и выбежал из дому. Воины Люй Бу уже приближались. Еще не совсем протрезвившись, Чжан Фэй не мог сражаться, как подобало воину. Но Люй Бу, зная его храбрость, не осмелился вступить с ним в поединок. И Чжан Фэй с восемнадцатью всадниками пробился к восточным воротам и удрал из города, позабыв о семье Лю Бэя, оставшейся во дворце.

Узнав, что Чжан Фэй удалось спастись, Цао Бао кинулся за ним в погоню. Тогда Чжан Фэй повернул коня и помчался ему навстречу. После третьей схватки Цао Бао бежал. Чжан Фэй преследовал его до самой реки и ударом копья пронзил насквозь. Конь и всадник погибли в реке. За городом Чжан Фэй собрал всех воинов, которым удалось спастись, и уехал в Хуайинь.

Заняв город, Люй Бу успокоил народ и послал сотню воинов охранять дом Лю Бэя, запретив самовольно входить туда кому бы то ни было.

Добравшись до Сюйи, Чжан Фэй явился к Лю Бэю и рассказал ему о том, что произошло. Все побледнели от ужаса.

– Не радуйся успеху, не горюй от неудачи, – со вздохом сказал Лю Бэй.

– А где жена нашего брата? – спросил Гуань Юй.

– Все погибли в городе.

Лю Бэй не произнес ни слова, а Гуань Юй вскричал, топнув ногой:

– Что ты говорил, когда обещал охранять город? Что тебе наказывал старший брат? Из-за тебя город потерял и погибла семья брата! Как помочь этой беде?

От этих упреков Чжан Фэй пришел в отчаяние и схватил меч, собираясь заколоть себя.

Вот уж поистине правильно говорится:

Пьешь из кубка вино, а после каешься слезно

И в покаянье мечом готов заколоться, но поздно!

О дальнейшей судьбе Чжан Фэя вы узнаете из следующей главы.

Глава пятнадцатая, о том, как Тайши Цы сражался с Сунь Цэ, и о великой битве Сунь Цэ с Янь Бо-ху

Когда Чжан Фэй обнажил меч, собираясь покончить с собой, Лю Бэй отобрал у него меч, бросил его на землю и, обнимая брата, сказал:

– Братья – это руки и ноги, жены и дети – это одежда, – так говорят древние. Если порвется одежда, ее можно починить, но если отрублены руки и ноги, как их приделать снова? Мы дали клятву в персиковом саду, что умрем вместе. Я потерял семью, но могу ли я допустить, чтобы на середине жизненного пути погиб мой брат? Да и город-то этот не принадлежал мне! Пусть я потерял семью, но я не думаю, чтобы Люй Бу захотел причинить ей вред, еще можно придумать средство спасти ее. Дорогой брат, ты допустил ошибку, но следует ли из-за этого лишать себя жизни?

Окончив свою речь, Лю Бэй зарыдал. Растроганные братья тоже заплакали.

Между тем Юань Шу, прослышав о том, что Люй Бу напал на Сюйчжоу, незамедлительно послал к нему гонца, обещая пятьсот тысяч доу провианта, пятьсот коней, десять тысяч лян золота и серебра и тысячу кусков разноцветного шелка, если Люй Бу нападет на Лю Бэя. Люй Бу обрадовался и послал против Лю Бэя Гао Шуня, поставив его во главе пятидесяти тысяч воинов. Лю Бэю стало известно об этом, и под прикрытием дождя он покинул Сюйи с намерением занять Гуанлин. Войска Гао Шуня опоздали – Лю Бэй успел уйти. Но Гао Шунь явился к Цзи Лину за обещанной наградой.

– Пока можете возвращаться к себе, – сказал ему Цзи Лин, – я повидаяюсь со своим господином и все улажу.

Гао Шунь ушел. Вскоре Юань Шу прислал Люй Бу письмо, в котором говорилось:

Возвращение Гао Шуня еще не означает гибели Лю Бэя. Когда он будет схвачен, я пришло обещанное.

Люй Бу проклинал Юань Шу за его вероломство и решил пойти на него войной, но Чэнь Гун отговорил его.

– Юань Шу укрепился в Шоучуне, – сказал он, – у него многочисленная армия и изобилие провианта. Справиться с ним трудно. Лучше попросите Лю Бэя вернуться в Сяопэй, и пусть он будет у нас в запасе. Когда придет пора, вы пошлете его в наступление. Мы одолеем Юань Шу, а потом – Юань Шао, и вы станете самым сильным во всей Поднебесной.

Люй Бу послушался его и послал Лю Бэю письмо с просьбой вернуться.

Лю Бэй, подвергшийся нападению Юань Шу во время похода на Гаунлин и потерявший более половины войска, на обратном пути встретил гонца Люй Бу. Лю Бэй очень обрадовался, но Гуань Юй и Чжан Фэй заявили:

– Люй Бу – человек бессовестный, не доверяйте ему!

– С тех пор как он милостиво обошелся со мной, могу ли я подозревать его? – возразил им Лю Бэй.

Он отправился обратно в Сюйчжоу. А Люй Бу, опасаясь, как бы Лю Бэй не заподозрил какого-либо подвоха, прежде всего отослал к нему его семью. Жены Лю Бэя госпожи Гань и Ми рассказали мужу, как Люй Бу приказал не пускать в их дом посторонних, как часто присылал он слуганок с подарками, желая, чтобы они ни в чем не терпели недостатка.

– Я был прав, когда говорил, что Люй Бу не причинит вреда моей семье, – сказал Лю Бэй своим братьям.

Он решил поехать к Люй Бу, чтобы поблагодарить его. Чжан Фэй, питавший к Люй Бу злобу, отказался сопровождать его. Отправив жен в Сяопэй, Лю Бэй явился к Люй Бу и выразил ему свою благодарность.

– Я не думал захватывать город, – уверял Люй Бу, – но ваш брат Чжан Фэй стал злоупотреблять вином и избивать людей! Боясь, как бы он не натворил бед, я пришел охранять население.

– Я хотел бы навсегда уступить вам этот город, – предложил Лю Бэй.

Люй Бу попытался было сделать вид, что отказывается, но Лю Бэй настоял на своем и вернулся на жительство в Сяопэй. Однако Гуань Юй и Чжан Фэй в душе не смирились.

– Надо быть довольным своей долей и ждать своего времени, – сказал им Лю Бэй. – С судьбой бороться невозможно.

Люй Бу приказал прислать им все необходимое, и с этих пор между обеими семьями установился мир.

Юань Шу устроил для своих воинов большой пир в Шоучуне, и тут ему доложили, что Сунь Цэ, ходивший войной на луцзянского правителя Лу Кана, возвращается с победой. Юань Шу пригласил его также к себе на пиршество.

После смерти отца Сунь Цэ жил в Цзяннани, общаясь там с учеными людьми. Но из-за того что Тао Цянь не ладил с дядей его матери – даньянским правителем У Цзином, Сунь Цэ перевез свою мать и семью в Цюйа, а сам перешел на службу к Юань Шу. Юань Шу крепко полюбил его и часто со вздохом повторял: «Если бы у меня был такой сын, как Сунь Цэ, я мог бы умереть спокойно». Он сделал Сунь Цэ своим доверенным сяо-вэем и послал его с войском против цзинсяньского правителя Цзу Лана. В этой войне Сунь Цэ одержал победу, и Юань Шу, убедившись в его храбрости, отправил его воевать против Лу Кана. И вот теперь он возвратился с новой победой.

По окончании пира Сунь Цэ вернулся к себе в лагерь. Он гордился отношением к нему Юань Шу, но на сердце у него было тоскливо. Расхаживая при свете луны по своему дворику, он думал о том, каким героем был его отец, Сунь Цянь, и до какого положения опустился он, его сын. Сам того не замечая, Сунь Цэ громко заплакал.

– О чем вы так горюете? – с улыбкой обратился к нему неожиданно вошедший во двор человек. – Ваш батюшка при жизни часто пользовался моими советами. Если вы испытываете какое-либо затруднение, почему вы проливаете слезы, а не обратитесь ко мне за помощью?

Так сказал Чжу Чжи из Гучжана, прежде состоявший на службе у Сунь Цзяня.

– Я плачу с досады, что не могу исполнить желаний моего отца! – Сунь Цэ вытер слезы и пригласил его сесть.

– Вы нуждаетесь в войске и можете попросить его у Юань Шу, якобы для того, чтобы оказать помощь У Цзину. Тогда вы осуществите великое дело! – сказал Чжу Чжи. – Зачем вам изнывать под властью других людей?

В эту минуту вошел неизвестный человек и обратился к Сунь Цэ со словами:

– Я знаю, что вам нужно! У меня под командой есть сотня молодцов, готовых служить вам.

Это был советник Юань Шу, Люй Фань из Сияна. Сунь Цэ любезно пригласил его сесть, чтобы вместе обсудить план.

– Боюсь только, – продолжал Люй Фань, – что Юань Шу не согласится дать вам войско.

– У меня есть наследственная императорская печать, – сказал Сунь Цэ, – она досталась мне после погибшего отца. Это будет хорошим залогом.

– Юань Шу давно хочет раздобыть эту печать, – заметил Люй Фань. – Под такой залог он даст войско!

Все трое на том порешили. На другой день Сунь Цэ явился к Юань Шу, со слезами поклонился и сказал:

– Я все еще никак не соберусь отомстить за отца. Ныне яньчжоуский цы-ши Лю Яо вновь стал притеснять дядю моей матушки У Цзина. Моя престарелая мать, жена и дети находятся в Цюйа и подвергаются опасности. Осмелюсь попросить у вас несколько тысяч храбрых воинов, чтобы с их помощью выручить из беды моих близких. Если не верите мне, примите в залог императорскую печать, оставленную мне отцом.

– Мне ваша печать не нужна, – отвечал Юань Шу, в душе весьма обрадованный. – Но, впрочем, оставьте ее здесь. Я дам вам три тысячи воинов и пятьсот коней. Как только все уладите, сразу же возвращайтесь. Ваш чин не предоставляет вам большой власти, – я представляю вас к званию чжэ-чун сяо-вэй и титулу Истребителя разбойников. Выступайте в поход в ближайшие же дни.

Сунь Цэ поблагодарил его и в назначенный день выступил в поход вместе со своими прежними военачальниками Чэн Пу, Хуан Гаем и Хань Даном. Возле Лияна им повстречалось чье-то войско. При виде военачальника, человека с прекрасным лицом и изящной осанкой, Сунь Цэ соскочил с коня и поклонился. Он узнал в нем Чжоу Юйя. Еще во времена войны с Дун Чжо семья Чжоу Юйя переселилась в Шучэн. Будучи ровесниками, Чжоу Юй и Сунь Цэ подружились и поклялись стать братьями. Сунь Цэ был старше Чжоу Юйя на два месяца, а потому Чжоу Юй служил ему как старшему брату. Дядя Чжоу Юйя – Чжоу Шан был даньянским тай-шоу, и Чжоу Юй ехал повидаться с ним. Друзья обрадовались встрече, и Сунь Цэ посвятил Чжоу Юйя в свои планы.

– Я буду служить тебе так же верно, как служат человеку собака и конь, – заявил Чжоу Юй, – и отдам все свои силы для выполнения твоего великого замысла.

– Твоя дружба обеспечит успех дела! – воскликнул довольный Сунь Цэ.

Чжоу Юй был представлен Чжу Чжи, Люй Фаню и другим.

– Мой старший брат, – сказал Чжоу Юй, – тебе должно быть известно, что в Цзяндуне есть два Чжана?

– Какие два Чжана?

– Один – Чжан Чжао из Пынчэна, а другой – Чжан Хун из Гуанлина. Они обладают даром толкования знамений неба и земли. Они живут здесь, укрываясь от смут. Почему бы тебе, брат мой, не пригласить их?

Сунь Цэ приказал отправить обоим мудрецам дары и приглашение, но те не пришли. Тогда Сунь Цэ сам отправился к ним. Он остался весьма доволен их рассуждениями и сумел уговорить их служить ему. Сунь Цэ пожаловал Чжан Чжао звание и военную должность, а Чжан Хуна сделал своим советником. Затем они вместе обсудили план нападения на Лю Яо.

Этот Лю Яо происходил из Дунлая и был потомком Ханьского дома. Прежде он занимал должность цы-ши округа Яньчжоу и жил в Шоучуне, но, преследуемый Юань Шу, перешел в Цзяндун и поселился в городе Цюйа. Узнав, что приближаются войска Сунь Цэ, он поспешно созвал своих военачальников на совет. Один из них, Чжан Ин, предложил:

– Я с войском расположусь в Нючжу, и будь у врага хоть бесчисленная армия, все равно она не сможет приблизиться.

– Я хотел бы пойти впереди! – воскликнул стоявший у шатра Тайши Цы.

После того как Тайши Цы вырвался из окружения в Бэйхае, он приехал к Лю Яо, и тот оставил его при себе.

– Ты еще слишком молод и не сможешь командовать большим войском, – отвечал Лю Яо. – Оставайся-ка возле меня и повинуйся моим приказам.

Тайши Цы удалился удрученный. Чжан Ин с войском двинулся в Нючжу, оставив в Дигэ огромные запасы провианта. Когда приблизился Сунь Цэ, Чжан Ин двинулся навстречу. Про-

тивники встретились на отмели у Нючжу. На поединок с Чжан Ином выехал Хуан Гай, но тут в войсках Чжан Ина неожиданно возникло смятение – доложили, что кто-то поджег их лагерь. Чжан Ин отступил и, преследуемый Сунь Цэ, бежал в горы.

Как выяснилось потом, лагерь подожгли два могучих воина – Цзян Цинь и Чжоу Тай. Они провели, что Сунь Цэ, который был прославленным героем в Цзяндуне, нуждается в способных людях, и привели к нему под начало отряд из трехсот с лишним человек.

Сунь Цэ назначил их сяо-вэями головного отряда колесниц. Захватив оружие и провиант, оставленные противником в Нючжу и Дигэ, и взяв более четырех тысяч пленных, Сунь Цэ двинулся в Шэньтин.

Чжан Ин, потерпевший поражение, возвратился к Лю Яо, и тот собирался казнить его, но советники Чжай Юн и Се Ли уговорили Лю Яо простить виновного и послать его военачальником в Линлин. Лю Яо сам повел войска в Шэньтин и разбил лагерь у южного склона хребта. Сунь Цэ расположился у северного склона.

– Кажется, поблизости в горах есть храм ханьского Гуан-у? – спросил Сунь Цэ у местных жителей.

– Этот храм на вершине хребта, – отвечали ему.

– Мне снилось, что Гуан-у зовет меня повидаться с ним, – сказал Сунь Цэ своим советникам. – Я должен пойти и помолиться о счастье.

– Но ведь у южного склона лагерь Лю Яо, – напоминал ему Чжан Чжао, – что вы будете делать, если попадете там в засаду?

– Чего мне бояться? Дух Гуан-у поможет мне!

Сунь Цэ облачился в латы, вооружился копьем и в сопровождении тринадцати всадников выехал из лагеря. Поднявшись на гору и достигнув храма, он сошел с коня и воскурил благовония. Окончив обряд, он преклонил колена и стал молиться: «Если я, Сунь Цэ, добьюсь своей цели в Цзяндуне и восстановлю наследие моего отца, то я заново отстрою тебе храм и четырежды в год по праздникам буду совершать жертвоприношения».

После молитвы Сунь Цэ вышел из храма, сел на коня и обратился к своим военачальникам:

– Я желаю перейти хребет и разведать, где находится лагерь Лю Яо.

Военачальники считали, что этого делать нельзя, но Сунь Цэ не послушался их. Вместе они поднялись на вершину хребта. К югу виднелись деревушки и рощицы, где в засаде укрывались небольшие отряды.

Гонец тотчас же доложил Лю Яо о появлении Сунь Цэ.

– Сунь Цэ хитрит! Он хочет вовлечь нас в бой, – сказал Лю Яо, – не преследуйте его.

– Если сейчас не схватить Сунь Цэ, какого же еще случая ждать? – с жаром возразил Тайши Цы; не ожидая приказа Лю Яо, он облачился в латы, вскочил на коня и бросился из лагеря с громким криком: – Эй, храбрецы, за мной!

Никто не сдвинулся с места. Только один какой-то неизвестный воин восторженно крикнул:

– Тайши Цы действительно отважен! Ладно, помогу ему!

Это рассмешило военачальников.

Тем временем Сунь Цэ, хорошенько осмотрев всю местность вокруг, двинулся в обратный путь. Как раз в тот момент, когда он переваливал хребет, с вершины донесся громкий окрик:

– Сунь Цэ, стой!

Сунь Цэ обернулся и увидел двух скачущих всадников. Он развернул в ряд тринадцать своих спутников и сам с копьем на изготовку остановился в ожидании врага.

– Который тут Сунь Цэ? – крикнул Тайши Цы.

– А ты кто такой? – спросил Сунь Цэ.

– Я – Тайши Цы из Дунлая и хочу поймать Сунь Цэ!

– Он перед тобой, – со смехом ответил Сунь Цэ. – Вы двое явились к одному, но я вас не боюсь, иначе я не был бы Сунь Цэ.

– А я не испугаюсь, если ты и со всей своей шайкой пойдешь на меня!

Подняв копье, Тайши Цы помчался на Сунь Цэ. Всадники схватились. После пятидесяти схваток победа еще не определилась. Чэн Пу и другие втайне восхищались единоборством. Тайши Цы, видя, что искусство владения копьем Сунь Цэ безупречно, притворился побежденным и стал отступать. Сунь Цэ погнался за ним, огибая гору, и громко кричал ему вслед:

– Беглеца нельзя считать хорошим сыном Поднебесной!

«У этого негодяя за спиной двенадцать человек, а у меня один, – думал Тайши Цы. – Живым его не схватишь – остальные придут ему на помощь. Лучше завлечь его одного в такое место, где его люди не смогут нас найти, а там уж попытаться убить».

Тайши Цы то вступал в бой, то вновь обращался в бегство. Но разве мог Сунь Цэ упустить его! Так они достигли равнины, где протекала речка. Здесь Тайши Цы вдруг снова повернулся и вступил в поединок. Последовало еще пятьдесят схваток. Сунь Цэ занес копье, но Тайши Цы, отклонившись, ухватился за его копье. Тогда Сунь Цэ тоже ухватился за копье Тайши Цы, и они до тех пор тянули друг друга, пока оба не свалились с коней. Кони убежали. Они бросили копья и схватились на кулаки. Боевые халаты разорвались в клочья. Сунь Цэ уцепился за короткое копье, висевшее за спиной Тайши Цы, а Тайши Цы сорвал с его головы шлем. Сунь Цэ с копьем бросился на Тайши Цы, но тот закрылся шлемом. Вдруг позади послышался шум – это шло войско Лю Яо, около тысячи человек. Сунь Цэ растерялся. Но тут на помощь ему прискакали Чэн Пу и другие всадники.

Противники отпустили друг друга. Тайши Цы взял коня у воина, а Чэн Пу поймал коня Сунь Цэ. Воины Лю Яо ожесточенно набросились на Чэн Пу и стали с боем продвигаться наискось по Шэньтинскому хребту, как вдруг со всех сторон раздались оглушительные крики – это проходил Чжоу Юй с войском.

Уже наступили сумерки, поднялся свирепый ветер, полил дождь. Обе стороны вынуждены были отвести войска.

На другой день Сунь Цэ со своей армией подступил к лагерю Лю Яо. Оба войска заняли боевой порядок, расположились друг против друга в виде круга. Сунь Цэ прикрепил к своей алебарде маленькое копье, отобранное у Тайши Цы, и, стоя перед строем, приказал воинам кричать: «Если бы Тайши Цы не бежал столь поспешно, он был бы уже убит!» А Тайши Цы выставил перед строем шлем Сунь Цэ и тоже велел кричать: «Голова Сунь Цэ уже здесь!»

Оба войска подняли страшный шум: одна сторона хвасталась своими победами, другая – превозносила свою мощь. Тайши Цы выехал на коне, чтобы помериться силами с Сунь Цэ. Но Чэн Пу сказал Сунь Цэ:

– Вам не следует тратить свои силы. Я сам схвачу его, – и двинулся вперед.

– Подавайте сюда самого Сунь Цэ! – кричал Тайши Цы. – Что мне с тобой возиться!

Великий гнев охватил Чэн Пу, и он, взяв копье наперевес, понесся на Тайши Цы. Всадники скрестили оружие. Когда бой дошел до тридцати схваток, Лю Яо ударами гонгов велел отойти своим войскам.

– Я вот-вот схватил бы этого разбойника, – возмущался Тайши Цы. – Зачем вы приказали отвести войска?

– Мне донесли, что Чжоу Юй вместе с Чэнь У вступил в Цюйа и завладел городом. Я потерял семью и все имущество. Надо, не задерживаясь здесь, идти в Молин и вместе с войском Се Ли и Чжай Юна поспешить на помощь в Цюйа.

Тайши Цы ушел с отступающей армией Лю Яо. Сунь Цэ не преследовал их.

– Армия врага больше не желает сражаться, потому что Чжоу Юй взял Цюйя, – сказал Чжан Чжао. – Хорошо бы сегодня ночью захватить лагерь Лю Яо.

Сунь Цэ согласился с ним и, разделив войско на пять отрядов, двинулся вперед. Лю Яо потерпел новое поражение, воины его разбежались. Одному Тайши Цы удержаться было трудно, и он с несколькими десятками всадников бежал в Цзинсянь.

Так Чэнь У оказал еще одну услугу Сунь Цэ. Сунь Цэ очень любил и уважал его и, пожаловав ему звание сяо-вэй, послал во главе передового отряда против Се Ли. Чэнь У с двумя-тремя десятками всадников ворвался в строй врага и снес более пятидесяти голов. Се Ли заперся в лагере и не осмеливался выходить оттуда. В это время Сунь Цэ напал на Молин. Но вдруг ему сообщили, что Лю Яо с Чжай Юном захватили Нючжу. Сунь Цэ с большим войском поспешил туда. Лю Яо и Чжай Юн вышли ему навстречу.

– Я сам пришел сюда! Почему же вы не сдаетесь? – крикнул им Сунь Цэ.

Из-за спины Лю Яо выехал какой-то человек с копьем в руках. Это был Юй Ми. В третьей схватке Сунь Цэ захватил его живым в плен и галопом вернулся в строй. На выручку Юй Ми понесся Фань Нэн. Он уже занес было копье, собираясь ударить Сунь Цэ в спину, но воины Сунь Цэ закричали:

– На вас покушаются!

Сунь Цэ обернулся и, заметив приближающегося Фань Нэна, испустил громоподобный крик. Фань Нэн со страху упал с коня, сломал себе шею и умер. Сунь Цэ подъехал к знамени и сбросил Юй Ми на землю – тот был мертв, задохнувшись в объятиях Сунь Цэ.

С тех пор люди прозвали Сунь Цэ «Маленьким богатырем».

В тот день войска Лю Яо были разбиты наголову. Не менее половины их сдалось в плен. Сунь Цэ отрубил более десяти тысяч голов. Лю Яо и Чжай Юн бежали в Юйчжан к Лю Бяо, а неутомимый Сунь Цэ вернулся и снова напал на Молин. Он приблизился к городскому рву и приказал Се Ли сдаться. В этот момент со стены кто-то украдкой выпустил стрелу и попал Сунь Цэ в правую ляжку. Он упал с коня. Военачальники подняли его и увезли в лагерь. Там ему извлекли стрелу и смазали рану целебным настоем. Сунь Цэ приказал распространить среди воинов слух, что он скончался. Се Ли, прослышав о мнимой смерти Сунь Цэ, ночью поднял войска и вместе с Чжан Ином и Чэнь Хэном вышел из города. Вдруг со всех сторон выскочили скрывавшиеся в засаде воины; во главе их на коне выехал Сунь Цэ с громким возгласом:

– Сунь Цэ здесь!

Воины противника в испуге пали ниц, побросав копья. Сунь Цэ приказал прекратить бой. Чжан Ин попытался спастись бегством, но был сражен насмерть копьем Чэнь У. Чэнь Хэн был убит наповал стрелой Цзян Циня, Се Ли погиб в общей свалке.

Сунь Цэ вступил в Молин. Успокоив народ, он послал свои войска в Цзинсянь, чтобы изловить Тайши Цы.

Пока Тайши Цы собирал более двух тысяч молодцов, готовясь отомстить за Лю Яо, Сунь Цэ обдумывал с Чжоу Юйем, как взять Тайши Цы живым. Чжоу Юй предложил напасть на город с трех сторон, оставив свободными лишь восточные ворота, чтобы противник мог бежать, а в двадцати пяти ли от города на трех дорогах устроить засады и там захватить Тайши Цы в плен. Люди и кони его будут изнурены, к тому же войска, собранные Тайши Цы, более чем наполовину состоят из горцев, не привыкших к повиновению.

Стены Цзинсяня были не слишком высоки, и Сунь Цэ велел Чэнь У облечься в короткую одежду, взобраться ночью на стену и зажечь там огонь. Тайши Цы, увидев пламя, вскочил на коня и через восточные ворота бежал из города. Сунь Цэ с войском преследовал его. Они гнались за ним тридцать ли, но догнать не смогли. Когда же Тайши Цы промчался пятьдесят ли, из зарослей тростника раздались воинственные возгласы, и не успел Тайши Цы опомниться, как конь его был опутан веревками, а сам он взят в плен и доставлен в большой лагерь.

Сунь Цэ вышел навстречу и, отослав стражу, сам развязал пленнику путы, надел на него шелковый халат и пригласил в лагерь.

– Я знал, что вы доблестный муж, – говорил он. – Глупый Лю Яо не сумел воспользоваться таким превосходным военачальником, и потому он разбит!

Тайши Цы, обласканный Сунь Цэ, попросил принять изъявление его покорности.

– Ну а если бы вам в поединке у Шэньтина удалось захватить меня, вы бы меня убили? – с улыбкой спросил Сунь Цэ, беря Тайши Цы за руку.

– Не могу сказать, как бы я поступил.

Сунь Цэ рассмеялся и пригласил Тайши Цы в шатер, где усадил его на почетное место и устроил в честь его пир.

– Лю Яо недавно снова потерпел поражение, и воины его пали духом, – сказал Тайши Цы. – Я хотел бы собрать его войско и привести его к вам. Не знаю только, поверите вы мне или нет?

– Этого я как раз и желаю больше всего, – ответил Сунь Цэ, поднимаясь и выражая свою благодарность. – Только условимся, что завтра в полдень вы вернетесь.

Тайши Цы ушел. Военачальники уверяли Сунь Цэ, что он больше никогда не вернется, но Сунь Цэ не слушал их.

– Тайши Цы – честный человек и не изменит мне, – заявил он.

На другой день у ворот лагеря поставили бамбуковый шест, и когда тень его показала полдень, Тайши Цы во главе более тысячи воинов вернулся в лагерь. Сунь Цэ очень обрадовался, и все убедились в его способности распознавать людей.

Собрав таким образом несколько десятков тысяч воинов, Сунь Цэ пошел в Цзяндун успокаивать народ. Покорившихся было несчетное число. Люди называли Сунь Цэ ланом. Правда, сначала, слышав о приближении армии, население в страхе разбегалось, но, убедившись в том, что воины Сунь Цэ не издеваются над жителями, не отбирают имущество, они стали приходить в лагерь и охотно дарить быков и вино. Сунь Цэ в ответ одаривал людей золотом и тканями. Радость воцарилась в селах.

Часть воинов Лю Яо перешла к Сунь Цэ, а остальные были награждены и возвратились в родные деревни. Население Цзяннаня восхваляло Сунь Цэ, и благодаря этому выросла его военная мощь.

Сунь Цэ повидался с дядей своей матери и со своими братьями, а затем вернулся в Цюйя, приказав младшему брату Сунь Цюаню и военачальнику Чжоу Таю охранять Сюаньчэн.

Став во главе войск, Сунь Цэ повел своих воинов на юг, чтобы взять округ У. В то время там хозяйничал некий Янь Бо-ху, который самозванно величал себя князем Дэ из восточного княжества У. Узнав о приближении армии Сунь Цэ, Янь Бо-ху послал против нее своего брата Янь Юйя. Противники встретились у моста Фынцяо.

Янь Юй с мечом в руке стоял на мосту. Сунь Цэ хотел самолично сразиться с ним, но Чжан Хун сказал:

– Не подобает полководцу, повелевающему тремя армиями, вступать в драку с каким-то разбойником! Я хотел бы, чтобы вы знали себе цену.

– Ваши слова – золото и жемчуг! – поблагодарил его Сунь Цэ. – Но я боюсь, что, если сам не буду находиться под стрелами и камнями, воины перестанут повиноваться моим приказам.

В бой выехал Хань Дан. В то же время Цзян Цинь и Чэнь У отчаливали от берега в небольшой лодке. Осыпаемые стрелами, они все же добрались до противоположного берега и бросились в бой. Янь Юй бежал. Хань Дан с боем довел свой отряд до городских ворот. Разбойники укрылись за стенами. Сунь Цэ разделил войска и окружил Учэн с суши и со стороны реки. Три дня из города никто не выходил. Тогда Сунь Цэ подвел своих воинов к главным городским воротам, вызывая кого-либо на бой. На стену поднялся какой-то захудалый воена-

чальник. Опираясь левой рукой на ограду, он громко бранился. Тайши Цы схватил лук, наложил стрелу и, обращаясь к военачальникам, сказал:

– Смотрите, я попаду ему в левую руку!

Не умолк еще его голос, как зазвенела тетива и стрела пригвоздила к стене левую руку вражеского военачальника. Видевшие это пришли в восхищение от искусства стрелка, а Янь Бо-ху в сильном испуге воскликнул:

– Если у них все такие, то как можно противостоять им!

И он стал подумывать о мире.

На другой день Янь Бо-ху послал Янь Юйя переговорить с Сунь Цэ. Сунь Цэ пригласил посланца в шатер, угостил вином и, когда тот опьянел, спросил его:

– Что намеревается делать твой брат?

– Хочет поделить с вами Цзяндун поровну.

– Этакая крыса! – вскипел Сунь Цэ. – Как он смеет равняться со мной!

И он тут же приказал обезглавить Янь Юйя. Тот пытался схватиться за оружие, но сверкнул меч Сунь Цэ, и Янь Юй, взмахнув руками, рухнул на землю. Отрубленная голова его была послана в город. Янь Бо-ху понял, что ему не одолеть врага, и бежал, покинув Учэн. Сунь Цэ повел войска на преследование. Хуан Гай захватил Цзясин, а Тайши Цы – Учэн. Несколько округов было покорено. Янь Бо-ху ушел по направлению к Ханчжоу, но по дороге подвергся нападению местных жителей во главе с Лин Цао и, потерпев поражение, повернул в Хуэйцзи.

Лин Цао и его сын явились к Сунь Цэ, и тот взял их с собой в поход, назначив сяо-взями.

Янь Бо-ху, собрав разбойников, расположился у западного брода реки. Чэн Пу сражался с ним и снова разбил его, причем дошел до самого Хуэйцзи. Ван Лан, правитель округа Хуэйцзи, хотел выступить на помощь Янь Бо-ху, но его удержали:

– У Сунь Цэ войско организованное, а у Янь Бо-ху толпа свирепых разбойников. Наоборот, надо схватить Янь Бо-ху и выдать его Сунь Цэ!

Так говорил Юй Фань. Но Ван Лан не внял этому совету и, соединив свои силы с Янь Бо-ху, расположился лагерем на шаньиньских полях.

Когда две армии встретились, Сунь Цэ выехал на коне вперед и обратился к Ван Лану:

– Войско мое состоит из справедливых людей, я пришел установить мир в Чжэцзяне. Почему же вы помогаете разбойнику?

– Твоя жадность ненасытна! – грубо отвечал Ван Лан. – Ты только что захватил округ У, а теперь под предлогом отомстить роду Янь посягаешь на мои владения!

Началась битва. Тайши Цы выехал вперед. Ван Лан, размахивая мечом, двинулся ему навстречу. Не успели они обменяться и несколькими ударами, как на помощь Ван Лану выехал его военачальник Чжоу Синь. Тогда из строя войск Сунь Цэ навстречу Чжоу Синю вышел Хуан Гай. Как только они скрестили оружие, с обеих сторон загремели барабаны и обе армии вступили в ожесточенный бой.

Вдруг в тылу у войск Ван Лана произошло замешательство, вызванное нападением небольшого отряда. Ван Лан бросился туда, но наперерез ему ударили Чжоу Юй и Чэн Пу. У Ван Лана людей было мало, и он не мог противостоять Сунь Цэ. Прорубая себе кровавую дорогу, он вместе с Янь Бо-ху и Чжоу Синем бежал в город и укрепился там.

Армия Сунь Цэ подошла к городским стенам и стала штурмовать все ворота. Ван Лан решил выйти и снова вступить в смертельный бой, но Янь Бо-ху возразил:

– Силы Сунь Цэ громадны. Вам остается только сидеть за глубоким рвом и высокими стенами, стойко держаться и никуда не выходить. Не пройдет и месяца, как у них истощится провиант и они сами отступят. Вот тогда мы ударим на врага и одолеем его без боя.

Ван Лан послушался совета Янь Бо-ху. Сунь Цэ пытался ворваться в Хуэйцзи несколько дней подряд, но, не добившись успеха, стал совещаться со своими военачальниками.

– Ван Лан защищается стойко, нам трудно овладеть городом, – сказал Сунь Цзин. – Но более половины его казны и провианта находится в Чаду, в нескольких десятках ли отсюда. Лучше всего захватить это место – напасть на врага там, где он не ожидает, и сделать то, чего он не предполагает.

– План моего дяди великолепен! – воскликнул Сунь Цэ. – Этого достаточно, чтобы разбить мятежников.

Сунь Цэ приказал у каждых ворот зажечь огни и выставить флаги, чтобы отвлечь внимание противника, а сам снял осаду и отправился на юг.

Когда Ван Лан узнал, что армия Сунь Цэ отступила, он поднялся со своими людьми на сторожевую башню, но, увидев огни и флаги, развевающиеся по ветру, как обычно, заколебался.

– Сунь Цэ ушел, – сказал ему Чжоу Синь. – Он задумал какую-то хитрость, чтобы обмануть нас. Надо вывести войска и напасть на него.

– Если Сунь Цэ действительно ушел отсюда, – добавил Янь Бо-ху, – то не иначе как для того, чтобы взять Чаду. Мы с Чжоу Сином должны преследовать его.

– Надо во что бы то ни стало защищать Чаду – там все наши запасы провианта, – засуетился Ван Лан. – Отправляйтесь вперед, а я пойду следом, чтобы оказать вам помощь, если понадобится.

Янь Бо-ху и Чжоу Синь во главе пятитысячного отряда выступили из города. Ко времени первой стражи они отошли уже на двадцать с лишним ли, как вдруг в густом лесу загремели барабаны и вспыхнули огни. Все вокруг осветилось. Янь Бо-ху струсил и повернул вспять, но ему преградил путь воин. При вспышке огня Янь Бо-ху узнал Сунь Цэ. Чжоу Синь кинулся на него, но тут же пал под ударом копья Сунь Цэ. Все остальные сдались. Янь Бо-ху спасся бегством в Юйхан.

Ван Лан, узнав о поражении своего отряда, не посмел вернуться в Хуэйцзи и удрал с войсками в Хайюй. Сунь Цэ завладел городом и установил там спокойствие. Через несколько дней в его лагерь явился человек с отрубленной головой Янь Бо-ху. Человек этот был громадного роста, с квадратным лицом и большим ртом. Звали его Дун Си, родом он был из Юйяо. Сунь Цэ назначил его на должность сы-ма.

После того как был установлен мир, Сунь Цэ оставил своего дядю для охраны Хуэйцзи, назначил Чжу Чжи на должность правителя округа У, а сам собрал войска и вернулся в Цзяндун.

А теперь вернемся к Сунь Цюаню и Чжоу Таю, которые охраняли Сюаньчэн. Как-то ночью на них напали горные разбойники. Нападение было настолько неожиданным, что они не успели оказать сопротивления врагу. Чжоу Тай схватил Сунь Цюаня и посадил его на коня, а сам пеший и голый стал рубиться мечом. Он уже уложил более десятка разбойников, когда на него напал какой-то конный с булавой. Чжоу Тай схватил его за булаву, стащил с коня и, завладев оружием и конем, спас Сунь Цюаня. Остальные разбойники разбежались. На теле Чжоу Тая было двенадцать ран. Раны распухли, и жизнь воина была на волоске. Сунь Цэ, узнав об этом, очень встревожился.

– Раньше я сражался с морскими пиратами, – сказал ему Дун Си, – и сам несколько раз был ранен. Но один мудрый человек из Хуэйцзи, окружной чиновник Юй Фань, прислал мне лекаря, который за полмесяца исцелил меня.

– Тот Юй Фань, наверное, не кто иной, как Юй Чжун-сян? – обрадовался Сунь Цэ.

– Да, да, это он!

– Ведь он мудрец! Его надо привлечь на службу.

Сунь Цэ приказал Чжан Чжао и Дун Си отправиться за Юй Фанем. Тот явился. Сунь Цэ принял его ласково, пожаловал должность гун-цао⁷⁹ и стал расспрашивать о лекаре.

– Это Хуа То из округа Цяо, что в княжестве Пэй, – сказал ему Юй Фань. – Поистине это бог всех лекарей в наши дни! Я приведу его к вам.

Не прошло и дня, как лекарь был уже на месте. Это был человек с лицом юноши, бело-снежной бородой и степенными манерами старца. Его приняли как высокого гостя и просили осмотреть раны Чжоу Тая.

– Вылечить его совсем простое дело! – воскликнул Хуа То.

Он дал лекарство, и через полмесяца Чжоу Тай был здоров. Сунь Цэ горячо поблагодарил Хуа То.

Вскоре Сунь Цэ повел войска против горных разбойников и разбил их. Во всем Цзяннане водворилось спокойствие. Выделив военачальников для охраны проходов в горах, Сунь Цэ написал донесение двору, завязал дружбу с Цао Цао и, наконец, послал человека с письмом к Юань Шу за императорской печатью.

Юань Шу в глубине души таил мысль провозгласить себя императором. Поэтому он прислал ответное письмо, в котором под разными предлогами от возвращения печати уклонился. Созвав большой совет, он заявил:

– Сунь Цэ взял у меня войско и захватил весь Цзяндун. Но он и не думает выразить мне свою благодарность, а, наоборот, требует обратно печать! Вот невежа! Как мне наказать его?

– Сунь Цэ удерживает цзяндунские ущелья, у него отборные войска и много провианта, – заметил чжан-ши Ян Да-цзян. – Сейчас против него ничего не поделаешь. Прежде всего надо пойти походом на Лю Бэя и отплатить ему за ту обиду, которую он нам нанес своим нападением, а потом уж можно будет выступить и против Сунь Цэ. У меня есть план, как в кратчайший срок захватить Лю Бэя.

Вот уж поистине:

Он не пошел в Цзяндун, чтоб с тигром сразиться взъяренным,
Отправился он в Сюйцзюнь помериться силой с драконом.

Каков был этот план, вы узнаете из следующей главы.

---

⁷⁹ Гун-цао – должностное лицо, ведавшее учетом поощрений и наград чиновников и воинов.

Глава шестнадцатая, из которой читатель узнает о том, как Люй Бу стрелял в алебарду, и о том, как Цао Цао потерпел поражение на реке Юйшуй

– Какой же вы предлагаете план? – спросил Юань Шу, обращаясь к Ян Да-цзяну.

– Войско Лю Бэя расположено в Сяопэе. Сяопэй взять легко. Но Люй Бу, как тигр в своей пещере, засел в Сюйчжоу, и так как вы до сего дня не дали ему обещанного золота, тканей, провианта и лошадей, то, боюсь, он поможет Лю Бэю. Надо отправить ему провиант, чтобы задобрить его. Тогда он не выступит, а одного Лю Бэя одолеть нетрудно. Прежде покончим с ним, потом займемся Люй Бу и захватим Сюйчжоу.

План этот пришелся по душе Юань Шу. Заготовив двести тысяч ху проса для Люй Бу, он приказал Хань Иню снарядиться в путь и вручил ему секретное письмо.

Люй Бу весьма радушно принял Хань Иня, о чем тот по возвращении рассказал Юань Шу. Тогда Юань Шу послал на Сяопэй войско под началом Цзи Лина, а Лэй Бо и Чэнь Ланя назначил его помощниками.

Когда весть об этом дошла до Лю Бэя, он созвал совет. Чжан Фэй предлагал вступить в сражение, но Сунь Цянь запротестовал:

– У нас войск мало и провианта недостаточно. Как тут устоять? Надо уведомить Люй Бу об опасности.

– Да разве можно ждать помощи от этого негодяя? – возразил Чжан Фэй.

– Сунь Цянь хорошо придумал! – воскликнул Лю Бэй и написал Люй Бу такое письмо:

Смирненно осмелюсь напомнить вам, что вы повелели мне находиться в Сяопэе, удостоив милости, высокой, как облака в небе. Ныне Юань Шу хочет отомстить за свою личную обиду и послал Цзи Лина с войском против моего уезда. Мы погибнем не сегодня, так завтра, если вы не заступитесь за нас. Уповаю на то, что вы не замедлите прислать войска, дабы спасти нас от гибели, и наше счастье будет невыразимо.

Прочитав письмо, Люй Бу призвал Чэнь Гуна.

– Юань Шу прислал мне письмо, желая заручиться моей помощью, – сказал он. – Теперь о том же умоляет Лю Бэй. Я считаю, что Лю Бэй, находясь в Сяопэе, не может причинить нам вреда. Но если Юань Шу одолеет Лю Бэя, то северные и тайшаньские разбойники выступят против меня, это не дает мне спать спокойно. Надо помочь Лю Бэю.

И Люй Бу без промедления двинулся в поход.

За это время Цзи Лин, двигаясь ускоренным маршем, уже достиг юго-восточной окраины уезда Пэй и здесь разбил лагерь. Днем знамена и флаги покрывали реки и горы, ночью огни озаряли небо, грохот барабанов потрясал землю.

У Лю Бэя было всего пять тысяч воинов, и он счел за благо вывести их из города и расположиться там лагерем. Тут к нему пришла весть, что Люй Бу с войсками находится юго-восточнее Сяопэя. Когда об этом узнал Цзи Лин, он тотчас же послал Люй Бу письмо, упрекая его в вероломстве.

– Я нашел способ, как заставить Юань Шу и двух военачальников не сердиться на меня, – улыбаясь, сказал Люй Бу и отправил гонцов в лагерь Цзи Лина и Лю Бэя, приглашая их обоих на пир.

Гуань Юй и Чжан Фэй отговаривали Лю Бэя от этой поездки, опасаясь за жизнь старшего брата.

– Я ведь неплохо относился к Люй Бу, и он не станет вредить мне, – сказал Лю Бэй братьям и поехал.

Гуань Юй и Чжан Фэй последовали за ним.

Когда они прибыли, Люй Бу сказал Лю Бэю:

– Сегодня я избавлю вас от опасности, – обещайте мне, что вы не забудете этого.

Лю Бэй обещал. Люй Бу предложил ему сесть, а Гуань Юй и Чжан Фэй, опираясь на мечи, стали позади. В это время доложили о прибытии Цзи Лина. Встревоженный Лю Бэй хотел было скрыться, но Люй Бу успокоил его:

– Я пригласил вас обоих для переговоров, не истолкуйте это превратно.

Лю Бэй, не зная его истинных намерений, никак не мог успокоиться. Вскоре вошел Цзи Лин. Увидев Лю Бэя, сидящего в шатре, он тут же хотел удалиться, но окружающие помешали этому. Люй Бу втащил его в шатер, как младенца.

– Вы хотите убить меня? – спрашивал Цзи Лин у Люй Бу.

– Нет.

– Значит, вы собираетесь убить этого Большеухого?

– Тоже нет.

– Тогда что все это значит?

– Вы напали на Лю Бэя, а я пришел спасти его, ибо мы с ним братья, – сказал Люй Бу.

– Если так, убейте меня!

– В этом нет никакого смысла. Я никогда не любил ссор, я люблю творить мир. И теперь хочу прекратить вражду между вами.

– Позвольте спросить, каким образом вы собираетесь добиться этого? – осведомился Цзи Лин.

– У меня есть способ, указанный мне самим небом.

Лю Бэй и Цзи Лин насторожились. Люй Бу уселся в середине шатра, посадив Цзи Лина по левую сторону, а Лю Бэя по правую, и велел начинать пир. Когда вино обошло несколько кругов, Люй Бу сказал:

– Я хотел бы, чтобы вы из уважения ко мне прекратили войну.

Лю Бэй промолчал.

– Но ведь я получил повеление своего господина поднять сотысячное войско и схватить Лю Бэя, – возразил Цзи Лин. – Как же я могу прекратить войну?

Такое заявление привело в ярость Чжан Фэя.

– У нас хоть и небольшое войско, но мы смотрим на тебя как на детскую игрушку! Что ты в сравнении с бесчисленным множеством Желтых! И ты еще смеешь грубить моему старшему брату!

– Сначала послушаем, что предложит Люй Бу; мы и потом успеем вернуться в лагерь и вступить в бой, – сказал Гуань Юй.

– Еще раз прошу вас прекратить войну, – настаивал Люй Бу. – Я не могу допустить, чтобы вы дрались.

Цзи Лин явно был недоволен этим, а Чжан Фэй так и рвался в бой. Люй Бу разгневался и приказал принести ему алебарду. Цзи Лин и Лю Бэй побледнели.

– Я еще раз предлагаю вам не воевать – таково веление неба.

Люй Бу приказал приближенным воткнуть алебарду за воротами лагеря и обратился к Цзи Лину и Лю Бэю с такими словами:

– Отсюда до ворот сто пятьдесят шагов. Если я попаду стрелой в среднее острие алебарды, вы прекращаете войну. Если же я не попаду, возвращайтесь к себе и готовьтесь к битве. Не вздумайте противиться тому, что я сказал!

«Алебарда в ста пятидесяти шагах, – подумал Цзи Лин. – Как в нее попасть? Если я соглашусь на его условие и он не попадает, я смогу вступить в бой».

Цзи Лин согласился. Лю Бэй тоже не возражал. Люй Бу сделал всем знак сесть. Выпили еще по кубку вина, и затем Люй Бу приказал подать лук и стрелы.

«Только бы он попал!» – молился в душе Лю Бэй.

Он видел, как Люй Бу закатал рукава своего халата, наложил стрелу и натянул тетиву до отказа. Хоп! Лук изогнулся, словно осенний месяц, плывущий по небу, стрела взвилась

подобно звезде, падающей на землю, и точно вонзилась в цель. Военачальники и воины, находившиеся возле шатра, закричали от восторга, а потомки сложили об этом такие стихи:

Когда-то Хоу И подвело заходящее солнце,
И в битве с Ю Цзи он в помощь призвал Юань Чжи.
Люй Бу был стрелок, какого не сыщешь на свете,
Он выстрелил раз – и уже примирились мужи.
Едва тетива из тигровой жилы запела,
Орлиным пером оперенная взмыла стрела,
Качнулся бунчук – пробило насквозь алебарду,
И мощная рать боевые доспехи сняла.

Люй Бу рассмеялся и бросил лук на землю. Взяв Цзи Лина и Лю Бэя за руки, он сказал: – Небо повелело, чтобы вы прекратили войну!

Кубки вновь были наполнены вином. Лю Бэй был смущен, а Цзи Лин произнес после долгого раздумья:

– Я не смею ослушаться. Но согласится ли поверить этому мой господин?

– Я напишу ему, – успокоил его Люй Бу.

Вино обошло еще несколько кругов. Цзи Лин попросил письмо и удалился.

– Благодаря мне, – сказал Люй Бу, обращаясь к Лю Бэю, – вы сегодня избежали опасности.

Лю Бэй поблагодарил его и ушел вместе с Гуань Юйем и Чжан Фэем. На другой день все три армии разошлись.

Возвратившись в Хуайнань, Цзи Лин поведал Юань Шу о том, как Люй Бу стрелял в алебарду и установил мир, и в подтверждение показал письмо.

– Люй Бу получил от меня много провианта, а отблагодарил этой ребяческой забавой да еще спас Лю Бэя! – негодовал Юань Шу. – Теперь я сам поведу большую армию, покараю Лю Бэя и накажу Люй Бу.

– Господин мой, вы не должны поступать опрометчиво, – предупредил Цзи Лин. – Люй Бу по силе и храбрости превосходит многих да к тому же еще владеет землями Сюйчжоу. Если Люй Бу и Лю Бэй будут прикрывать друг друга, их нелегко одолеть. Но я слышал, что у жены Люй Бу, урожденной Янь, есть дочь, достигшая совершеннолетия. У вас же есть сын, и вы можете породниться с Люй Бу. Тогда он сам покончит с Лю Бэем, ибо известно, что «чужой не может стоять между родственниками».

Юань Шу послушался его и в тот же день послал Хань Иня к Люй Бу с подарками и с предложением породниться.

– Мой господин очень любит вас, – сказал Хань Инь, встретившись с Люй Бу, – и просит вас вступить с ним в вечный союз, как княжества Цинь и Цзинь.

Люй Бу удалился посоветоваться с женой, госпожой Янь. У него было две жены и одна наложница. Госпожа Янь была его первой и законной женой, а наложницей – Дяо Шань. Кроме того, в Сяопэе он взял в жены дочь Цао Бао. Госпожа Цао умерла, не оставив потомства, а госпожа Янь родила дочь, которую Люй Бу любил больше всего на свете.

– Я слышала, что Юань Шу давно властвует в Хуайнане, – сказала мужу госпожа Янь. – У него большое войско и много провианта. Рано или поздно он станет императором, и наша дочь со временем будет императрицей. Не знаю только, сколько у него сыновей?

– Один-единственный сын.

– Тогда соглашайтесь. Даже если дочь и не будет императрицей, о нашем Сюйчжоу все равно нечего жалеть.

Люй Бу решил согласиться и принял Хань Иня очень приветливо. Уладив дело, Хань Инь возвратился и доложил Юань Шу, что Люй Бу принял его предложение. Юань Шу приготовил новые подарки и опять отправил Хань Иня в Сюйчжоу.

В честь его прибытия Люй Бу устроил пир. Посол расположился отдыхать на подворье. На другой день его посетил Чэнь Гун. Когда после приветственных церемоний они уселись, Чэнь Гун приказал приближенным удалиться и задал Хань Иню такой вопрос:

– Кто это надоумил Юань Шу вступить с Люй Бу в родственный союз? Ведь цель в том, чтобы взять голову Лю Бэя, верно?

– Умоляю вас не выдавать тайны, – испугался Хань Инь.

– Я-то не выдам. Но если Люй Бу будет мешкать, об этом проведает другие, и все дело может расстроиться.

– В таком случае посоветуйте, как быть?

– Я увижу Люй Бу и уговорю его поторопиться с этим браком, – пообещал Чэнь Гун. – Пусть он отправит девушку немедленно.

– Юань Шу будет глубоко благодарен вам за вашу доброту, – обрадовался Хань Инь.

Вскоре Чэнь Гун, распрощавшись с Хань Инем, явился к Люй Бу и сказал:

– Я слышал, что ваша дочь должна выйти замуж за сына Юань Шу. Это великолепно! Интересно знать, на какой день назначено бракосочетание?

– Об этом еще надо подумать.

– Древними установлены следующие сроки от принятия даров до свадьбы, – продолжал Чэнь Гун, – для императора один год, для князей полгода, для высших чиновников три месяца, для простого народа один месяц.

– Небо послало в руки Юань Шу государственную печать – рано или поздно он будет императором. Я полагаю, что подойдет императорский срок.

– Нет, нет!

– Ну, тогда по княжескому обычаю.

– Тоже нельзя.

– В таком случае по обычаю высших чиновников?

– Нет!

– Уж не думаешь ли ты, что мне следует поступить по обычаю простолюдинов? – засмеялся Люй Бу.

– Конечно нет.

– Что же делать, по-твоему?

– Ныне все князья Поднебесной дерутся друг с другом, – сказал Чэнь Гун. – Если вы породнитесь с Юань Шу, разве они не будут завидовать вам? В этом деле нельзя упускать благоприятный момент, а то в одно прекрасное утро свадебный поезд попадет в засаду и невесту похитят. Что вы тогда будете делать? По-моему, самое лучшее было бы совсем отказаться от этого брака. Но раз уж вы согласились, действуйте сразу, пока об этом не знают князья: немедленно отправляйте девушку в Шоучунь. Вы найдете там убежище, а затем, выбрав счастливый день, отпразднуете свадьбу, и никаких неприятностей не произойдет.

– Вы правы, – обрадовался Люй Бу.

Рассказав обо всем госпоже Янь, он немедленно приготовил приданое, погрузил на повозки драгоценности и благовония и снарядил свою дочь в дорогу под охраной Сун Сяня, Вэй Сюя и Хань Иня.

Под музыку и барабанный бой поезд выехал из города. Отец Чэнь Дэна, глубокий старик Чэнь Гуй, постоянно сидевший дома, услышал этот шум и спросил слуг, что там происходит. Узнав, в чем дело, старик воскликнул:

– Это – план «чужой не может стоять между родственниками»! Лю Бэю угрожает опасность! – И, преодолев старческую слабость, Чэнь Гуй поспешил к Люй Бу.

– Что привело вас ко мне, почтенный муж? – спросил Люй Бу.

– Я слышал, что вы умерли, и пришел на похороны.

– Кто это говорит? – встревожился Люй Бу.

– Прежде Юань Шу прислал вам дары, собираясь погубить Лю Бэя, но метким выстрелом в алебарду вы предотвратили это. Теперь он вдруг решил породниться с вами! Он хочет получить вашу дочь как заложницу для того, чтобы вы не могли прийти на помощь Лю Бэю, а сам нападет на него и возьмет Сяопэй. Если же Сяопэй будет потерян, то и Сюй-чжоу окажется в опасности. И Юань Шу еще будет просить у вас то провиант, то людей. Помогая ему, вы ослабеете сами и тем вызовете недовольство среди ваших людей. Если же вы откажете Юань Шу, то тем самым нарушите родственные обязанности, и это послужит ему предлогом для нападения на вас. Кроме того, я слышал, что Юань Шу намеревается присвоить себе императорский титул. Это означает, что он поднимет мятеж, и вы будете принадлежать к семье преступника. Разве это потерпит Поднебесная?

– Чэнь Гун обманул меня! – спохватился Люй Бу и немедленно приказал Чжан Ляо догнать девушку и вернуть ее домой.

Хань Инь и его люди были брошены в темницу, а к Юань Шу был послан гонец с вестью, что приданое еще не готово и потому свадьба откладывается.

Мудрый Чэнь Гуй предлагал отправить и Хань Иня в Сюйчан, но Люй Бу колебался.

В это время Люй Бу доложили, что Лю Бэй в Сяопэе собирает войско и покупает лошадей неизвестно с какой целью.

– Он просто делает то, что полагается военачальнику, удивляться тут нечему, – сказал Люй Бу.

Но тут явились Сунь Сянь и Вэй Сюй с жалобой на Лю Бэя.

– По вашему повелению мы отправились в Шаньдун покупать лошадей, – говорили они. – Купили триста добрых коней, добрались до Пэйсяня, и здесь разбойники отняли у нас половину. Мы слышали, что под видом разбойников орудовали брат Лю Бэя, по имени Чжан Фэй, и его люди.

Люй Бу до того разгневался, что сейчас же собрал войско и отправился в Сяопэй. Лю Бэй, сильно встревоженный, вышел ему навстречу:

– Зачем вы, брат мой, привели сюда войско?

– Я стрелял в алебарду, чтобы спасти тебя, когда тебе грозила опасность, – гневался Люй Бу, – а ты теперь отбираешь у меня коней!

– У меня не хватает лошадей, и я послал людей купить их. Но у меня и в мыслях не было захватывать ваших!

– Твой Чжан Фэй забрал у меня сто пятьдесят лучших коней, и ты присвоил их! – не унимался Люй Бу.

– Да, это я увел твоих коней! – заявил Чжан Фэй, с копьем наперевес выезжая вперед. – Чего же ты теперь хочешь?

– Эй, ты, бесстыжий! Уже не первый раз ты оскорбляешь меня! – закричал Люй Бу.

– Я захватил твоих коней, и ты поднимаешь из-за этого шум. А ты захватил у моего брата Сюйчжоу, и он тебе не сказал ничего!

В ответ на эти слова Люй Бу вступил в бой с Чжан Фэем. Оба дрались с ожесточением, но победа не давалась ни тому ни другому. Лю Бэй ударами в гонг созвал своих воинов и возвратился в Сяопэй, а войска Люй Бу окружили город.

Лю Бэй призвал Чжан Фэя и стал упрекать его:

– Где же кони? Из-за них на нас обрушилась беда.

– Укрыты в храмах и по дворам.

Лю Бэй послал гонца в лагерь Люй Бу, предлагая вернуть коней и прекратить войну. Люй Бу было согласился, но Чэнь Гун остановил его:

– Если вы сейчас не избавитесь от Лю Бэя, то хватите еще много горя!

И Люй Бу, не вняв просьбе Лю Бэя, повел наступление на город. Лю Бэй призвал на совет Ми Чжу и Сунь Цяня.

– Люй Бу нанес обиду Цао Цао, – сказал Сунь Цянь. – И вам лучше всего поскорее уйти из города в Сюйчан к Цао Цао, взять у него войско и разбить Люй Бу.

– Мы осаждены. Надо проложить себе путь. Кто пойдет вперед?

– Ваш младший брат желает вступить в кровавый бой! – заявил Чжан Фэй.

Лю Бэй послал Чжан Фэя вперед; Гуань Юйя он поставил позади, а сам остался в центре, охраняя семью. Ночью, во время третьей стражи, при ярком свете луны они вышли из северных ворот и двинулись в путь. Чжан Фэй уже вел бой, прокладывая дорогу. Они столкнулись с Сун Сянем и Вэй Сюем, отступившими после сражения с Чжан Фэем. Осада была прорвана. Чжан Ляо бросился в погоню за Лю Бэем, но его отбил Гуань Юй. Люй Бу, узнав об уходе Лю Бэя, не стал преследовать его, а занял город и успокоил народ. Затем он поручил Гао Шуню охранять Сяопэй и вернулся в Сюйчжоу.

Лю Бэй подошел к Сюйчану и разбил лагерь у стен города. К Цао Цао был послан Сунь Цянь сообщить, что Лю Бэй пришел сюда, спасаясь от преследований Люй Бу.

– Мы с Лю Бэем братья, – сказал Цао Цао и пригласил его в город.

На другой день Лю Бэй, оставив в лагере Гуань Юйя и Чжан Фэя, в сопровождении Сунь Цяня и Ми Чжу явился к Цао Цао. Тот принял его с почетом, как высокого гостя. Выслушав рассказ Лю Бэя, Цао Цао сказал:

– Люй Бу – человек, не знающий справедливости, и мы с вами общими силами накажем его.

Лю Бэй поблагодарил, а Цао Цао устроил в честь его пир. Только к вечеру Лю Бэй удалился.

– Лю Бэй – забияка, – сказал Сюнь Юй. – Пора покончить с ним.

Цао Цао промолчал, и Сюнь Юй ушел. Затем явился Го Цзя, и Цао Цао спросил у него:

– Как мне поступить? Сюнь Юй уговаривает меня убить Лю Бэя.

– Этого делать нельзя! – отвечал Го Цзя. – Вы подняли армию справедливости против тиранов, чтобы избавить народ от бедствий. Только действуя справедливо, вы сумеете привлечь на свою сторону высокоодаренных людей. Ныне Лю Бэй приобрел славу героя, но затруднения и нужда привели его к вам. Если вы убьете его, то оттолкнете от себя мудрых людей. Все сановники империи, услышав об этом, отвернутся от вас. С чьей же помощью вы будете управлять Поднебесной? Уничтожить одного опасного человека – и лишиться доверия всей страны! Нет, вы не должны жертвовать возможностью избавить Поднебесную от смуты!

– Ваши слова вполне совпадают с моими мыслями.

На другой день Цао Цао упросил императора назначить Лю Бэя правителем округа Юйчжоу.

– Лю Бэй вовсе не такой человек, который будет подчиняться власти других, – заметил Чэн Юй. – Лучше было бы пораньше убрать его с дороги.

– Сейчас такое время, когда надо использовать героев, – возразил Цао Цао. – Нельзя убить одного человека и потерять любовь всего народа. В этом я согласен с Го Цзя.

Не слушая наговоров Чэн Юйя, Цао Цао отправил Лю Бэю в Юйчжоу десять тысяч ху провианта. Лю Бэй, прибыв в Юйчжоу, прежде всего должен был собрать своих разбежавшихся воинов. Он готовился выступить против Люй Бу, предварительно известив об этом Цао Цао.

Цао Цао в это время тоже хотел начать войну с Люй Бу, но неожиданно получил донесение, что Чжан Цзи, который хотел захватить Наньян, был ранен шальной стрелой и умер. Его племянник Чжан Сю, возглавив полчища своего дяди и имея советником Цзя Сюя, заключил союз с Лю Бяо и расположился с войсками в Ваньчэне, собираясь напасть на столицу и захватить самого императора.

Цао Цао твердо решил поднять войска и покарать дерзкого, но опасался, что Люй Бу нападет на Сюйчан, и потому вызвал на совет Сюнь Юйя.

– Люй Бу – человек непроницательный и расчетливый, – сказал Сюнь Юй. – Если вы дадите ему новый титул, преподнесете подарки и прикажете заключить мир с Лю Бэем, он обрадуется и не станет много раздумывать.

– Прекрасно! – согласился Цао Цао.

Он послал Ван Цзэ к Люй Бу с письмом и указом о пожаловании титула, а сам двинул в поход сто пятьдесят тысяч воинов на расправу с Чжан Сю. Разделив войско на три отряда, Цао Цао отправил вперед Сяхоу Дуня. Армия подошла к реке Юйшуй и разбила лагерь.

– Силы Цао Цао так велики, что противостоять им невозможно. Разумнее всего сдаться, – сказал Цзя Сюй, советник Чжан Сю.

Чжан Сю послушался и отправил Цзя Сюя в лагерь Цао Цао с повинной. Когда Цао Цао услышал речь Цзя Сюя, который говорил так плавно, словно ручей журчал, он проникся к нему уважением и пожелал взять его к себе в советники.

– Прежде я служил Ли Цзюэ и этим провинился перед Поднебесной, – отвечал ему Цзя Сюй. – Ныне я служу Чжан Сю, который принимает мои советы, и я не могу покинуть его.

На другой день Цзя Сюй привел к Цао Цао самого Чжан Сю, и Цао Цао беседовал с ним весьма приветливо. Уладив таким образом дело, Цао Цао с передовым отрядом въехал в Ваньчэн, расположив остальные войска за городом. Лагеря растянулись более чем на десять ли.

Прошло несколько дней. Чжан Сю ежедневно устраивал в честь Цао Цао пиры. Однажды Цао Цао пьяный вернулся в свою опочивальню и спросил приближенных:

– В этом городе есть девицы?

Его племянник Цао Ань-минь, догадываясь о желании дяди, шепнул ему:

– Вчера вечером возле кабачка ваш недостойный племянник видел одну женщину, совершенную красавицу. Я узнал, что это жена Чжан Цзи, дяди Чжан Сю.

Цао Цао велел привести ее. Вскоре женщина предстала пред ним. Это была действительно красавица. Цао Цао спросил ее имя.

– Я ваша служанка, жена Чжан Цзи, из рода Цзоу, – ответила красавица.

– Вы знаете меня?

– Я давно слышана о вашей славе, – отвечала госпожа Цзоу. – Счастлива видеть вас в этот вечер и поклониться вам.

– Только ради вас я принял повинную Чжан Сю и не уничтожил его род, – продолжал Цао Цао.

– Я поистине тронута вашей милостью, – прошептала красавица, склоняясь перед ним.

– Встреча с вами – величайшее счастье для меня, – уверял ее Цао Цао. – Я хочу, чтобы сегодня вы разделили со мной ложе, а когда я возвращусь в столицу, вы будете наслаждаться богатством и почетом.

Госпожа Цзоу снова поклонилась. Эту ночь она провела вместе с Цао Цао в его опочивальне.

– Боюсь, что мое длительное отсутствие покажется подозрительным Чжан Сю, – сказала она Цао Цао. – Да и люди осудят меня.

– Завтра мы уедем с вами в мой лагерь, – успокоил ее Цао Цао.

На другой день он перебрался за город и приказал Дянь Вэю охранять шатер. Никто не смел без разрешения входить туда. Цао Цао целыми днями веселился с госпожой Цзоу и не помышлял о возвращении домой. Слуги Чжан Сю донесли об этом своему господину.

– Злодей Цао Цао опозорил меня! – бесновался Чжан Сю и позвал на совет Цзя Сюя.

– Этого нельзя разглашать! – предупредил его Цзя Сюй. – Подождем, когда Цао Цао выйдет из шатра, и тогда...

На другой день к Цао Цао явился Чжан Сю и сказал:

– Многие из тех воинов, что сдались вам, разбегаются. Я просил бы расположить их среди ваших войск.

Цао Цао согласился. Чжан Сю привел свои войска и поставил их среди лагерей Цао Цао. Теперь ему оставалось ждать удобного момента для нападения на Цао Цао. Это было нелегким делом. Чжан Сю боялся силы Дянь Вэя и призвал на совет своего военачальника Ху Чэ-эра. Этот Ху Чэ-эр был человеком необыкновенным. Он обладал такой силой, что с грузом в пятьсот цзиней мог пройти за день семьсот ли.

– Самое страшное у Дянь Вэя – его алебарда, – сказал Ху Чэ-эр. – Пригласите его завтра к себе и напоите допьяна, а когда он будет возвращаться, я вместе с сопровождающими его проникну к нему в шатер и выкраду алебарду. Тогда этот человек будет неопасен.

Чжан Сю очень обрадовался. Он привел в готовность воинов, вооруженных луками и стрелами, и затем устроил все так, как советовал Ху Чэ-эр.

Цао Цао в ту ночь пьянствовал в своем шатре с госпожой Цзоу. Вдруг он услышал какие-то голоса и ржание коней. Он приказал узнать, в чем дело, и ему доложили, что это ночной дозор из войск Чжан Сю. Цао Цао ничего не заподозрил. Когда уже приближалось время второй стражи, в лагере снова поднялся сильный шум. Цао Цао донесли, что загорелись повозки с сеном.

– Кто-нибудь уронил искру, – промолвил он, – незачем поднимать тревогу.

Однако вскоре огонь вспыхнул со всех сторон. Цао Цао встревожился не на шутку и вызвал Дянь Вэя, но тот, пьяный, спал глубоким сном.

В это время войско Чжан Сю подошло к воротам того лагеря, где находился Цао Цао. Грохот гонгов и барабанов разбудил Дянь Вэя, он вскочил, но не нашел своей алебарды и выхватил у какого-то воина меч. Конные и пешие латники с длинными копьями наперевес ворвались в лагерь. Дянь Вэй отважно бросился вперед и зарубил более двадцати всадников. Конных воинов сменили пешие. Со всех сторон, как заросли тростника, поднялись копья. Дянь Вэй был без лат, и ему нанесли много ран. Он сражался отчаянно до тех пор, пока у него не сломался меч. Тогда он поднял правой и левой рукой двух врагов и бросился с ними на осаждающих его. Так он убил еще восемь-девять латников. Другие не смели приблизиться и только издали осыпали его стрелами.

Дянь Вэй упорно защищался, но враг уже ворвался в лагерь с другой стороны. Копье вонзилось в спину Дянь Вэя. Он несколько раз громко вскрикнул, на землю хлынула кровь, и он испустил дух. Но еще долгое время никто не осмеливался войти в передние ворота.

Пока Дянь Вэй удерживал врага, Цао Цао на коне бежал из лагеря через задние ворота. За ним пешком следовал его племянник Цао Ань-минь. Одна из вражеских стрел угодила Цао Цао в правую руку, в коня тоже вонзились три стрелы. К счастью, конь был великолепным скакуном из Даваня и вскоре вынес всадника на берег реки Юйшуй, но Цао Ань-миня настигли враги и изрубили в куски. Цао Цао с конем бросился в реку и добрался до противоположного берега. Тут вражеская стрела попала коню в глаз. Конь упал. Старший сын Цао Цао, по имени Цао Ан, отдал отцу своего коня. Цао Цао ускакал, а Цао Ан пал от шальной стрелы.

Так Цао Цао спасся. По дороге ему повстречались некоторые военачальники с остатками разбитых войск.

В это время часть цинчжоуских латников Сяхоу Дуня, воспользовавшись моментом, принялась грабить деревню. Защищая население, Юй Цзинь перебил многих грабителей. Те разбежались и принесли Цао Цао весть о том, что Юй Цзинь поднял мятеж и напал на них. Цао Цао охватило смятение.

Вскоре подросли Сяхоу Дунь, Сюй Чу, Ли Дянь и Ио Цзинь. Цао Цао рассказал им о мятеже Юй Цзиня и решил с войсками двинуться ему навстречу.

Юй Цзинь, узнав о приближении войска Цао Цао, приказал строить лагеря.

– Цинчжоуские воины обвинили вас в мятеже, – сказал ему кто-то. – Почему бы вам не объяснить Цао Цао, как было дело? Может быть, вам не пришлось бы строить укрепленные лагеря.

– Надо успеть хорошо подготовиться, чтобы устоять против врага, – отвечал Юй Цзинь. – Объяснить – дело маленькое, отбить врага – дело большое!

Едва только войска Юй Цзиня расположились в лагерях, как Чжан Сю напал на них с двух сторон. Юй Цзинь сам выехал вперед и завязал бой. За ним и его военачальники вступили в сражение. Армия Чжан Сю была разбита. Ее преследовали более ста ли. Силы Чжан Сю окончательно истощились, и он перешел к Лю Бяо.

Цао Цао делал смотр своим войскам, когда Юй Цзинь явился к нему и рассказал, как его оклеветали.

– Вы не испугались клеветы и, действуя смело, превратили поражение в победу! – восхищался Цао Цао. – Кто из древних полководцев может сравниться с вами?

Он подарил Юй Цзиню золотую чашу и пожаловал титул хоу, а Сяхоу Дуня порицал за отсутствие в его войсках повиновения.

В честь погибшего Дянь Вэя Цао Цао устроил жертвоприношения. Он сам оплакивал храброго воина и, обращаясь к военачальникам, говорил:

– Я потерял старшего сына и любимого племянника, но не скорблю о них так, как о Дянь Вэе!

Все были растроганы.

На другой день Цао Цао отдал приказ о возвращении в Сюйчан.

Когда Ван Цзэ прибыл в Сюйчжоу, Люй Бу пригласил его во дворец и прочитал императорский указ. Ему пожаловали титул Умиротворителя Востока и преподнесли печать с поясом. Ван Цзэ вручил ему также личное письмо Цао Цао. Люй Бу был очень польщен уважением, которое ему оказывал Цао Цао.

В это время в Сюйчжоу прибыл гонец с известием, что Юань Шу объявил себя императором, что он уже построил Восточный дворец и скоро прибудет в Хуайнань, чтобы выбрать императрицу и наложниц.

– Мятежник, как он посмел это сделать! – в гневе вскричал Люй Бу.

Он приказал казнить гонца, а Хань Иня заковать в цепи. Затем он послал Чэнь Дэна к Цао Цао передать благодарность за полученные милости и в специальном письме просил утвердить его, Люй Бу, в должности правителя Сюйчжоу. Хань Инь был отправлен в Сюйчан вместе с Ван Цзэ.

Цао Цао, узнав о том, что Люй Бу отказался породниться с Юань Шу, очень обрадовался. По его приказанию Хань Инь был казнен на базарной площади.

– Люй Бу – это жадный волк, – говорил Чэнь Дэн. – Он храбр, но глуп и непостоянен, его следовало бы поскорее убрать.

– Я знаю, что у него сердце хищного волка, – отвечал Цао Цао, – и его очень трудно насытить. Если бы не вы и не ваш батюшка, я не сумел бы распознать его так хорошо. Вы должны помочь мне избавиться от него.

– Если вы, чэн-сян, выступите против Люй Бу, я буду вашим сообщником в стане врага, – заверил Чэнь Дэн.

Обрадованный Цао Цао пожаловал Чэн Гую должность с жалованьем в две тысячи даней хлеба в год, а Чэнь Дэну – должность гуанлинского тай-шоу. Когда Чэнь Дэн прощался, Цао Цао взял его за руку и сказал:

– Восточные дела я поручаю вам.

Чэнь Дэн кивнул головой в знак согласия. Он вернулся в Сюйчжоу и на вопросы Люй Бу отвечал, что его отец получил должность, а сам он стал тай-шоу.

– Ты не добивался, чтобы меня утвердили правителем Сюйчжоу! Ты выпросил титулы и жалованье для себя! – в гневе закричал Люй Бу. – Твой отец уговорил меня пойти на соглашение с Цао Цао и расстроил родство с Юань Шу. Теперь мне ничего не досталось, а вы стали знатными! Ты и твой отец предали меня!

Выхватив меч, Люй Бу бросился на Чэнь Дэна, но тот только рассмеялся:

– О, как вы неразумны!

– Кто, Я неразумен?! – возмутился Люй Бу.

– Встретившись с Цао Цао, я сказал ему, что кормить вас – все равно что кормить тигра. Если тигр не будет есть мяса вдоволь, он станет пожирать людей. Цао Цао рассмеялся и ответил: «Вовсе не так, как вы говорите. Я обращаюсь с Вэньским хоу как с ястребом, который не бывает сыт, пока не съест лису или зайца. Когда он голоден, его можно использовать, а насытившись, он улетает». Я поинтересовался, кто же такие лисы и зайцы, и Цао Цао сказал: «Лисы и зайцы – это хуайнаньский Юань Шу, цзяндунский Сунь Цэ, цзинсянский Лю Бяо, ичжоуский Лю Чжан и ханьчжунский Чжан Лу».

– Цао Цао хорошо знает меня! – Люй Бу расхохотался и бросил меч.

Как раз во время этой беседы доложили, что войска Юань Шу идут на Сюйчжоу. Люй Бу перепугался.

Поистине:

Одни еще не примирились, как схватились Юэ и У.
Готовились к радостной свадьбе, а завязали войну.

О дальнейших событиях вы узнаете из следующей главы.

Глава семнадцатая, в которой повествуется о том, как Юань Шу выступил в поход с семью армиями, и о том, как Цао Цао связал союзом трех полководцев

Юань Шу находился в Хуайнане. Земли у него были обширные, провианта в изобилии, и к тому же он обладал государственной печатью, которую ему оставил в залог Сунь Цэ. Юань Шу стал подумывать о том, как бы присвоить себе императорский титул. Он созвал большой совет и обратился к нему с такими словами:

– В старину ханьский Гао-цзу был всего лишь смотрителем переправы на реке Сы, и все же он сделался властителем Поднебесной. Правление династии длилось четыреста лет, и ныне судьба ее свершилась. Страна клокочет, как кипящий котел. В четырех поколениях моего рода было три гуна. В Поднебесной уважают наш род. И я хочу в соответствии с волей неба и желанием людей занять престол. Что вы думаете об этом?

Чжу-бо Янь Сян возразил:

– Несмотря на то что в древности чжоуский род Хоу Цзи прославился своими добродетелями и совершил много подвигов, он продолжал верой служить династии Инь даже тогда, когда Вэнь-ван уже владел двумя третями Поднебесной. Ваш род хотя и пользуется почетом, но он не так славен, как род Чжоу. Ханьский дом ослабел, но император не так жесток, как иньский государь Чжоу-гун. Вот почему вам не следует помышлять об императорском троне.

– Наш род Юаней происходит от Чэнь, а Чэнь был потомком великого Шуня, – гневно возразил Юань Шу. – То, что земля наследует огню, как раз соответствует воле неба. К тому же по гаданию выходит: «Заменит Хань тот, кто возвышается над грязью». Мое прозвание Гун-лу, что означает «Большая дорога», согласуется с предсказанием. Ко всему этому я владею императорской печатью. Если я не стану императором, то сойду с пути, предначертанного небом. Мое решение неизменно. Всех, кто будет против меня, казню!

Юань Шу назвал первый период своего правления – Чжун-ши⁸⁰, желая подчеркнуть, что он является потомком Шуня, и пожаловал чиновникам титулы, даруемые только императором. Он выезжал в колеснице, украшенной драконами и фениксами, и устраивал жертвоприношения в северном и южном предместьях своей столицы. Он избрал императрицей дочь Фын Фана; поселил своего сына в Восточном дворце⁸¹ и стал торопиться с женитьбой его на дочери Люй Бу. Но когда ему стало известно, что Люй Бу отправил Хань Иня в Сюйчан, где Цао Цао казнил его, Юань Шу решил немедленно напасть на Сюйчжоу. Он поставил Чжан Сюня во главе двухсоттысячного войска, разделив его на семь армий. Полководцы и храбрые военачальники выступили в поход на Сюйчжоу.

Яньчжоускому цы-ши Цзинь Шану было приказано обеспечивать армии провиантом и казной, но Цзинь Шан воспротивился этому, и Юань Шу казнил его. На его место был поставлен Цзи Лин. Сам Юань Шу вел тридцатитысячную армию. Ли Фын, Лян Ган и Ио Цзю должны были постоянно проверять состояние всех семи армий, наблюдать, чтобы воины не отставали, и оказывать помощь там, где это необходимо.

Разведчики Люй Бу донесли, что войска Чжан Сюня по большой дороге двигаются прямо на Сюйчжоу, проходя в день по пятьдесят ли, и все грабят на своем пути.

Люй Бу срочно созвал совет. В числе прочих пришли и Чэнь Гуй с Чэнь Дэном.

---

⁸⁰ *Чжун-ши* – род, из которого, по преданию, происходил император Шунь (3-е тысячелетие до н. э.).

⁸¹ *Поселить сына в Восточном дворце* – образное выражение, обозначающее: сделать сына наследником престола.

– На Сюйчжоу беду навлекли Чэнь Гуй и Чэнь Дэн, – заявил Чэнь Гун. – Они лестью добыли себе при дворе награды и почести, а теперь все бедствия пали на нас. Надо отрубить им обоим головы и отправить их Юань Шу – тогда он сам уведет свое войско.

Люй Бу приказал схватить Чэнь Гуя и Чэнь Дэна. Но Чэнь Дэн весело рассмеялся и спросил:

– Откуда этот страх? Я смотрю на семь армий Юань Шу как на семь куч гнилого сена. Стоит ли на них обращать внимание?

– Если у тебя есть план, как разбить врага, ты избежишь смерти, – сказал Люй Бу.

– Если вы, господин, послушаете меня, старого дурака, – перебил сына Чэнь Гуй, – то сможете уберечь Сюйчжоу от опасности.

– Слушаю, что ты скажешь.

– Хотя войско Юань Шу многочисленно, но это лишь стая ворон, – продолжал Чэнь Гуй. – Они не верят друг другу; мы смогли бы удержать их даже силами простых лучников. Если же двинуть против них отборных воинов, победа будет полная. Я могу предложить и другой план, который позволит не только сохранить Сюйчжоу, но и захватить в плен самого Юань Шу.

– Какой же это план? – заинтересовался Люй Бу.

– Хань Сянь и Ян Фын – старые слуги Ханьской династии, – сказал Чэнь Гуй, – но они бежали в страхе перед Цао Цао. Теперь же, не имея пристанища, они перешли к Юань Шу. Он, конечно, презирает их, да и они без радости служат ему. Если взять с них обязательство, что они будут нашими сообщниками в стане врага, а Лю Бэя привлечь как внешнего союзника, то можно считать, что Юань Шу уже наш пленник.

– Если это так, вы сами должны отвезти письмо Хань Сяню и Ян Фыну.

Чэнь Дэн согласился.

Направив доклад в Сюйчан и письмо Лю Бэю в Юйчжоу, Люй Бу приказал Чэнь Дэну с несколькими десятками всадников ехать в Сяпи и на дороге ждать Хань Сяня, чтобы передать ему секретное письмо.

Вскоре подошел Хань Сянь со своими войсками, и, после того как он разбил лагерь, Чэнь Дэн явился к нему.

– Ты – посол Люй Бу, зачем же ты пришел ко мне? – удивился Хань Сянь.

– Я – сановник великого Хань, почему вы считаете меня прислужником Люй Бу? – улыбаясь, спросил Чэнь Дэн. – А вот вы были раньше подданным великого ханьского государя, ныне же – подданным мятежника. У вас были большие заслуги – вы защищали императора в Гуаньчжуне, но что осталось от этих заслуг? Будь я на вашем месте, я бы ни за что не перешел к мятежнику. К тому же Юань Шу слишком подозрителен, и вы впоследствии несомненно пострадаете от него. Если вы не подумаете об этом заранее, раскаиваться будет поздно.

– Я хотел бы возвратиться к государю, но, к сожалению, у меня нет туда пути, – со вздохом ответил Хань Сянь.

Чэнь Дэн вручил ему письмо Люй Бу. Прочитав его, Хань Сянь молвил:

– Да, все это правда. Вы можете возвращаться, а мы с Ян Фыном в нужный момент повернем копьё. Передайте Люй Бу, чтобы он по сигнальному огню двинул войска нам на помощь.

Чэнь Дэн, распрощавшись с Хань Сянем, поспешно возвратился к Люй Бу и сообщил ему о согласии Хань Сяня. Люй Бу разделил войско на пять отрядов, по десять тысяч человек в каждом. Остальные остались защищать город.

В тридцати ли от города Люй Бу разбил лагерь. К нему двинулась армия Чжан Сюня. Видя, что ему Люй Бу не одолеть, Чжан Сюнь остановился и стал стягивать подкрепления.

В ту же ночь, во время второй стражи, Хань Сянь и Ян Фын зажгли сигнальный огонь. По этому сигналу армия Люй Бу ворвалась во вражеский лагерь. Войска Чжан Сюня пришли в великое смятение, и Люй Бу, воспользовавшись этим, стремительным натиском разбил противника. Чжан Сюнь потерпел поражение и бежал. Люй Бу преследовал его и на рассвете столк-

нулся с Цзи Лином, пришедшим на помощь Чжан Сюню. Но в это время Хань Сянь и Ян Фын напали на вражескую армию с двух сторон. Цзи Лин бежал. Люй Бу бросился в погоню, но вскоре он увидел выступивших из-за гор пеших и конных воинов со знаменами, на которых были изображены драконы и фениксы, солнце и луна, увидел стяги с изображением четырех ковшей и пяти стран света, в руках императорских телохранителей были серебряные топоры и золотая тыква, желтые секиры и белые бунчуки. Под желтым парчовым зонтом, в золотых латах, с мечом в каждой руке восседал на коне Юань Шу. Он громко бранил Люй Бу, называя его рабом, изменившим хозяину. Люй Бу загорелся гневом и, склонив копье, бросился вперед. Один из военачальников Юань Шу, Ли Фын, с копьем наперевес двинулся ему навстречу. В третьей схватке Люй Бу ранил его в руку. Ли Фын бросил копье и обратился в бегство. Люй Бу подал войскам сигнал к нападению. Армия Юань Шу смешалась, и Люй Бу, преследуя ее, захватил одежду, доспехи и бесчисленное множество лошадей. Юань Шу бежал без оглядки несколько ли, как вдруг из-за гор вышел отряд и отрезал ему путь.

– Мятеежник! Тебя еще не убили? – раздался громовой голос Гуань Юйя.

Юань Шу в великом смятении повернул коня и ускакал. Остальные рассыпались кто куда, спасая свою жизнь. Многие были перебиты Гуань Юйем. Сам Юань Шу бежал в Хуайнань.

Одержав блестящую победу, Люй Бу пригласил Гуань Юйя, Ян Фына и Хань Сяня в Сюйчжоу на большой пир. Военачальники и даже простые воины получили награды. На другой день Гуань Юй распрощался и вернулся домой. Люй Бу назначил Хань Сяня правителем Иду, а Ян Фына правителем Ланье. Правда, сначала он хотел оставить их обоих в Сюйчжоу, но Чэнь Гуй запротестовал.

– А почему бы и в самом деле не оставить их в Сюйчжоу? – спросил Чэнь Дэн у своего отца. – Они послужили бы опорой против Люй Бу.

– Ну а если они вступят в соглашение с Люй Бу? – отвечал Чэнь Гуй. – Тогда у тигра удлинятся когти и клыки.

Чэнь Дэн только подивился предусмотрительности отца.

Тем временем Юань Шу, возвратившись в Хуайнань, послал гонца в Цзяндун к Сунь Цэ просить поддержки, чтобы отомстить.

– Не хочу помогать мятеежнику! – в гневе воскликнул Сунь Цэ. – Он воспользовался моей печатью и присвоил себе императорский титул, изменив Ханьской династии. Я пойду войной против него!

Получив от Сунь Цэ ответное письмо с отказом, Юань Шу в ярости закричал:

– Желторотый юнец! Да как он смеет!.. Я убью его.

Между тем Сунь Цэ, отправив письмо, привел в порядок свои войска и укрепился в Цзян-коу. От Цао Цао прибыл гонец, который привез ему назначение на должность тай-шоу области Хуэйцзи и приказ выступить в поход и покарать Юань Шу. Сунь Цэ начал собираться в поход, но Чжан Чжао стал отговаривать его:

– Хотя войска Юань Шу только что потерпели поражение, но они все же многочисленны, и провианта у них много. Умнее было бы посоветовать Цао Цао отправиться походом на юг, а мы бы служили ему подмогой с тыла. В этих условиях поражение армии Юань Шу неизбежно. А случись так, что нам будет угрожать неудача, мы обратимся за помощью к Цао Цао.

Сунь Цэ послушался его совета.

Цао Цао, находясь в Сюйчане, все время думал о Дянь Вэе. Он устраивал жертвоприношения, пожаловал его сыну Дянь Маню титул чжун-лана и взял к себе во дворец на воспитание.

Когда к Цао Цао одновременно прибыли два гонца – один с письмом от Сунь Цэ, а другой – с известием, что Юань Шу грабит Чэньлю, Цао Цао немедленно двинул войска на юг, оста-

вив Цао Жэня охранять Сюйчан. Пеших и конных воинов было у него сто семьдесят тысяч, провианта – более тысячи повозок. В то же время были отправлены посланцы заключить союз с Сунь Цэ, Лю Бэем и Люй Бу. Войска вышли на границы Юйчжана. Лю Бэй прибыл первым, и Цао Цао пригласил его в свой лагерь. После взаимных приветствий Лю Бэй положил перед ним две отрубленные головы.

– Чьи это головы? – удивился Цао Цао.

– Хань Сяня и Ян Фына.

– Как же это случилось?

– Люй Бу послал их управлять уездами Иду и Ланье, – объяснил Лю Бэй, – но они – этого от них никто не ожидал – стали грабить население. Народ возмутился. Тогда я устроил пир и хитростью завлек их к себе, якобы для того, чтобы обсудить некоторые дела. В разгар веселья я бросил на землю кубок, что послужило сигналом моим братьям Гуань Юйю и Чжан Фэю, и они убили их. Остальные сразу сдались. И вот теперь я пришел просить прощения за свою вину.

– Вы избавили государство от зла, это великая заслуга! Какая же здесь вина?

И Цао Цао щедро наградил Лю Бэя.

Объединенная армия подошла к границам Сюйчжоу. Люй Бу вышел навстречу. Цао Цао любезно поговорил с ним, успокоил, пожаловал ему чин полководца армии левой руки и по возвращении в столицу обещал вручить пояс с печатью. Люй Бу возликовал.

Юань Шу, узнав о приближении армии Цао Цао, повелел Тяо Жую принять командование над сорокатысячной армией. Противники встретились у Шоучуня. Тяо Жуй выехал на коне вперед. В третьей схватке с Сяхоу Дунем он был убит наповал, а его войско бежало в город. Тут донесли, что флот Сунь Цэ напал на западный берег реки; Люй Бу ведет свое войско с востока, Лю Бэй с Гуань Юйем и Чжан Фэем наступают с юга, и сам Цао Цао – с севера. Юань Шу, охваченный тревогой, созвал на совет чиновников.

– Шоучунь несколько лет подряд страдает от засухи, людям нечего есть, – сказал Ян Дациань. – Продолжать войну – значит разорять население. В народе поднимется ропот, и нам не одолеть врага. Самое правильное – засесть в городе и выждать, пока истощится провиант у противника, тогда у них непременно вспыхнет мятеж. А вы, государь, пока со своей армией уйдите за реку Хуайхэ и там выжидайте.

Юань Шу воспользовался этим советом, оставил Ли Фына, Ио Цзю, Лян Гана и Чэнь Цзи охранять Шоучунь, а остальные войска и все сокровища – золото, яшму, драгоценные камни – переправил за реку Хуайхэ и ушел туда сам.

Сто семьдесят тысяч войск Цао Цао ежедневно расходовали громадное количество провианта, и, поскольку во всех округах царил голод, продовольствие не успевали доставлять. Цао Цао стремился поскорее кончить войну, но Ли Фын затворился в городе и на бой не выходил. Осада длилась больше месяца. Провиант подходил к концу. Цао Цао обратился к Сунь Цэ с просьбой одолжить десять тысяч ху риса.

Когда запасы кончились, ведающий провиантом Жэнь Цзюнь и смотритель житниц Ван Хоу пришли с докладом:

– Что делать? Войск много, а провианта нет.

– Выдавайте малой мерой – это спасет нас на время, – сказал Цао Цао.

– А если в войсках поднимется ропот? – спросил Ван Хоу.

– Тогда я придумаю, что делать, – успокоил его Цао Цао.

Выполняя приказ, Ван Хоу стал выдавать провиант малой мерой. Прослышав, что среди воинов растет недовольство и ходят разговоры, что якобы чэн-сян обманывает их, Цао Цао вызвал к себе Ван Хоу и сказал так:

– Я хочу кое-что попросить у вас. Необходимо успокоить воинов... Не поскупитесь.

– Что желает господин чэн-сян?

– Вашу голову.

– Я ни в чем не виновен! – воскликнул перепуганный Ван Хоу.

– Я и сам знаю, что вы не виновны. Но если я не казню вас, поднимется бунт. Не беспокойтесь о семье, я обещаю вам обеспечить ее после вашей смерти.

Ван Хоу пытался что-то возразить, но Цао Цао кликнул палача; несчастного вытащили за ворота и обезглавили. Отрубленную голову выставили на высоком месте, а войскам зачитали приказ:

«Ван Хоу при выдаче провианта пользовался малой мерой и таким образом обкрадывал наших воинов; за это, согласно военным законам, он казнен...»

Волнение среди воинов улеглось. На другой день в лагерь был разослан приказ, гласящий, что, если в течение трех дней город не будет взят, все военачальники поплатятся головой.

Цао Цао лично руководил воинами, засыпавшими городской ров землей и камнями. Со стены дождем сыпались на них стрелы и камни. Двух младших военачальников, которые в страхе пытались бежать, Цао Цао собственноручно обезглавил тут же у стены. Затем он сошел с коня и стал наравне с другими таскать землю и засыпать ров. Воодушевленное этим примером, войско бросилось вперед. Проломив ворота, большой отряд воинов ворвался в город. Противник не смог удержаться. Ли Фын, Чэнь Цзи, Ио Цзю и Лян Ган попали в плен живыми. Цао Цао велел отрубить им головы на базарной площади. Все дома и дворцы, воздвигнутые лжеимператором, были сожжены, а также все дома других преступников. Город был разграблен дочиства. Однако на совете, где решался вопрос, двинуть ли войска за реку Хуайхэ на преследование Юань Шу, Сюнь Юй заявил:

– В последние годы здесь был неурожай – с провиантом трудно. Если двинуть войска дальше, это будет утомительно для армии и бедственно для народа. Лучше сейчас вернуться в Сюйчан и подождать, пока созреет озимая пшеница, а потом, заготовив достаточно провианта, можно двинуться за Хуайхэ.

Цао Цао пребывал в нерешительности, когда ему доложили, что Чжан Сю при поддержке Лю Бяо снова взялся за грабежи и насилия, что в Наньяне и Цзянлине вспыхнуло восстание и Цао Хун не может сдержать врага; он уже проиграл несколько сражений и теперь прислал гонца уведомить о своем тяжелом положении.

Цао Цао немедленно отправил Сунь Цэ приказ переправиться через реку для устрашения Лю Бяо, и сам в тот же день стал готовить армию к походу. Лю Бяо он велел расположить войска в Сяопэе и заключить с Люй Бу братский союз.

Когда Люй Бу уходил в округ Сюйчжоу, Цао Цао по секрету предупредил Лю Бя:

– Я приказал вам расположиться в Сяопэе для того, чтобы осуществить план, который называется «вырыть ров для поимки тигра». Советуйтесь только с Чэнь Гумем и его сыном – это избавит вас от неудач. Я буду служить вам подмогой извне.

Они распрощались.

Цао Цао возвратился в Сюйчан. Ему сообщили, что Дуань Вэй убил Ли Цзюэ, а У Си убил Го Сы и привезли их головы. Дуань Вэй захватил родственников Ли Цзюэ более двухсот человек и привез их в Сюйчан. Цао Цао велел всех обезглавить у городских ворот и выставить головы напоказ. Люди одобрили такое решение и радовались.

Сын неба собрал во дворце гражданских и военных чинов и устроил пир в честь установления спокойствия. Дуань Вэй был пожалован титул Истребителя разбойников, а У Си – Истребителя варваров, и обоих их отправили охранять Чанань.

Цао Цао представил императору доклад о том, что Чжан Сю наводит смуту и он, Цао Цао, вынужден пойти против него войной. Император лично в своей колеснице проводил Цао Цао за город – это было летом в четвертом месяце третьего года Цзянь-ань⁸².

Цао Цао оставил Сюнь Юйя в Сюйчане, а сам выступил в поход во главе большой армии. Повсюду, где проходили они, пшеница уже созрела, но народ при приближении войск разбежался, не смея приниматься за работу. Цао Цао послал людей объявить старикам в деревнях:

«Я получил повеление Сына неба покарать мятежников и избавить народ от зла. Ныне поспела пшеница, но я вынужден идти в поход. Старшие и младшие военачальники – все, кто позволит себе топтать пшеничные поля, – будут обезглавлены. Военные законы строги, и народу бояться нечего».

Люди радовались и восхваляли Цао Цао, глядели на пыльную дорогу и низко кланялись. Когда воины проходили среди пшеничных полей, они спешили и раздвигали руками колосья, боясь их потоптать.

Цао Цао ехал верхом. Вдруг посреди поля вспорхнул испуганный голубь. Конь от неожиданности шарахнулся в пшеницу и вытоптал значительный участок. Цао Цао немедленно вызвал к себе чжу-бо, чтобы выяснить, какая кара ждет его за потраву пшеницы.

– Разве можно судить чэн-сяна? – удивился чжу-бо.

– Я установил закон и сам же нарушил его, – заявил Цао Цао. – Народ не будет мне доверять.

Выхватив висевший у пояса меч, Цао Цао хотел заколоть себя, но люди его удержали.

– В древности, во времена Чуныцю, законы не применялись к знатым, – напомнил Го Цзя. – Вы не можете убить себя. Ведь вы предводитель огромной армии!

Цао Цао долго охал и вздыхал.

– Ну, раз уж в такой книге, как «Чуныцю», сказано об этом, я пока могу сохранить свою жизнь.

И тут он мечом отрезал себе волосы и, бросив их на землю, сказал:

– Вместо головы я снял с себя волосы.

Об этом были оповещены три армии, и воины, уstraшенные таким примером, с почтением выполняли приказы Цао Цао.

Когда Чжан Сю узнал о приближении войска Цао Цао, он обратился с письмом к Лю Бяо, прося его оказать помощь с тыла, а сам вместе со своими военачальниками Лэй Сюем и Чжан Сянем вышел навстречу врагу.

Обе армии стали друг против друга. Чжан Сю выехал вперед на коне и, указывая на Цао Цао, закричал:

– Гуманность твоя фальшива, ты бесчестный и бесстыдный человек! Чем ты отличаешься от дикого зверя?

По приказу полководцев с обеих сторон на поединок выехали Сюй Чу и Чжан Сянь. В третьей схватке Чжан Сянь был убит. Войска Чжан Сю понесли поражение. Цао Цао преследовал их до самых стен Наньяна. Чжан Сю заперся в городе. Цао Цао окружил Наньян, намереваясь взять его штурмом. Видя, что ров широк и вода в нем глубока, Цао Цао велел засыпать ров землей. По его приказу из мешков с песком соорудили высокий холм и, приставив к нему лестницу, наблюдали за происходящим в городе. Цао Цао сам объехал вокруг городских стен.

Прошло три дня. Цао Цао приказал собрать кучу хвороста у западных ворот и подтянуть туда войско, якобы для того, чтобы подняться на стену. Заметив эти приготовления, Цзя Сюй сказал Чжан Сю:

⁸² 198 г. н. э.

– Мне понятны намерения Цао Цао. На хитрость надо отвечать хитростью.
Вот уж правильно говорится:

На самых могучих людей могучая сила найдется.
Кто действует хитростью, сам на большую хитрость наткнется.

Каков был этот план, вы узнаете в следующей главе.

Глава восемнадцатая, в которой будет рассказано о том, как Цзя Сюй предрешил победу, и о том, как Сяхоу Дунь съел свой глаз

Итак, Цзя Сюй разгадал намерение Цао Цао и составил свой план.

– Я видел с городской стены, – сказал он, – как враг приблизился к городу, и три дня наблюдал за действиями Цао Цао. Он заметил, что на юго-восточном углу стены кирпич разного цвета и «оленьи рога»⁸³ полуразрушены. Вот он и задумал в этом месте нанести нам удар, но притворился, что отходит к северо-западу, и для отвода глаз стал запасать там хворост. Он хочет заставить нас оттянуть войска туда для защиты. Сам же он под покровом ночной темноты непременно поднимется на стену и ворвется в город с юго-восточного угла.

– Что же делать? – спросил Чжан Сю.

– Надо завтра получше накормить отборных воинов и спрятать их в домах на юго-восточной стороне. А население пусть перерядится воинами и делает вид, что готовится защищать северо-западную сторону. Когда враг через юго-восточный угол проникнет в город, по условному сигналу из засады выскочат наши воины. Так мы сможем взять в плен самого Цао Цао.

Чжан Сю пришел в восторг от этого плана.

Утром разведчики донесли Цао Цао, что юго-восточная часть города совершенно опустела: Чжан Сю собрал все войско на северо-западной стороне.

– Они попали в мою ловушку! – самодовольно заявил Цао Цао.

Он велел незаметно приготовить лопаты, крючья и все необходимое для того, чтобы взбираться на стены, и днем повел войско к северо-западной стене. Ночью же, во время второй стражи, Цао Цао перебросил отборные части на юго-восточный угол. Воины спустились в ров и разобрали «оленьи рога». В городе не было заметно никаких признаков движения. Когда же войско Цао Цао проникло в город, внезапно раздался треск хлопучек и со всех сторон выскочили воины, скрывавшиеся в засаде. Войско Цао Цао бросилось наутек, но Чжан Сю во главе храбрецов ударил противнику в спину. Армия Цао Цао без оглядки бежала несколько десятков ли. Чжан Сю гнал ее до самого рассвета, а затем остановил свое войско и возвратился в город.

Цао Цао собрал и привел в порядок свои разбитые войска. Он потерял более пятидесяти тысяч человек и много обозных повозок, Люй Цянь и Юй Цзинь были ранены.

Между тем Цзя Сюй уговорил Чжан Сю обратиться к Лю Бяо с просьбой, чтобы он отрезал Цао Цао путь к отступлению. Лю Бяо, получив письмо, решил немедленно выступить, но тут разведчики донесли, что Сунь Цэ с войском расположился лагерем в Хукоу.

– Сунь Цэ пустился на хитрость! – воскликнул Куай Лян. – Это не без участия Цао Цао! Он опять потерпел поражение, и теперь самый удобный момент ударить по нему.

Лю Бяо приказал Хуан Цзу стойко защищать вход в ущелье, а сам повел войска в Аньчжун, где условился встретиться с Чжан Сю, и отрезал Цао Цао путь к отступлению.

Войска Цао Цао двигались медленно и возле Сянчэна вышли к реке Юйшуй. Вдруг Цао Цао испустил громкий вопль, и все вопросительно посмотрели на него.

– Я вспомнил, как в прошлом году на этом месте погиб мой Дянь Вэй... Как же мне не плакать?

---

⁸³ «Оленьи рога» – рогатки, засеки, расставлявшиеся на дорогах, чтобы преградить путь врагу.

Он приказал войскам остановиться и устроил жертвоприношение. Принеся жертву душе умершего Дянь Вэя, Цао Цао своей рукой подкладывал в курильницу благовония и с рыданиями кланялся. Все воины растроганно вздыхали. Когда окончилась церемония, Цао Цао принес жертвы душе своего племянника Цао Ань-миня и душе старшего сына Цао Ана. Кроме того, он помянул души всех погибших воинов и даже коня, убитого стрелой.

На другой день прибыл гонец от Сюнь Юйя с известием, что Лю Бяо выступил на помощь Чжан Сю и расположился лагерем в Аньчжуне, отрезав путь к отступлению.

– Мы прошли за день слишком малое расстояние, – сказал Цао Цао. – Мне, конечно, было известно, что разбойники будут преследовать нас. У меня готов план действий. Можете не сомневаться – мы придем в Аньчжун, и Чжан Сю будет разбит.

Цао Цао торопил войска, пока не дошел до границ Аньчжуна, где стояла армия врага, запирая вход в ущелье. Чжан Сю вел войска за ним следом. Пользуясь ночной темнотой, Цао Цао велел по дороге устроить засаду.

На рассвете армии Чжан Сю и Лю Бяо соединились. Видя малочисленность войск Цао Цао, они решили, что противник отступает, и повели войска к ущелью. Неожиданно из засады ударили войска Цао Цао и разрезали силы наступающих на две части. После короткой битвы Цао Цао прошел через Аньчжунское ущелье и расположился лагерем у его входа.

Лю Бяо и Чжан Сю, восстановив порядок в своих разбитых войсках, стали держать совет.

– Кто мог предвидеть, что Цао Цао задумает такой коварный план? – воскликнул Лю Бяо.

– Надо еще раз попытаться остановить Цао Цао, – предложил Чжан Сю.

Обе армии вновь соединились в Аньчжуне.

В это время Сюнь Юй, разузнав через лазутчиков, что Юань Шао собирается напасть на Сюйчан, немедленно отправил донесение Цао Цао.

Получив письмо, Цао Цао взволновался и повернул войска обратно. Лазутчики донесли об этом Чжан Сю, и тот решил начать преследование.

– Преследовать врага сейчас – значит потерпеть поражение, – возражал Цзя Сюй.

– Не преследовать его – значит упустить благоприятный момент!

Лю Бяо поддержал Чжан Сю, и они выступили с десятитысячной армией. Вскоре они нагнали Цао Цао, и завязался бой. Воины Цао Цао сражались с великим мужеством и разбили врага.

– Я наказан за то, что не внял вашим словам! – сокрушенно говорил Чжан Сю, обращаясь к Цзя Сюю.

– А вот теперь быстрее приводите войска в порядок и снова нападайте на Цао Цао.

– Мы уже потерпели поражение, – возражали Чжан Сю и Лю Бяо. – Где тут думать о новом нападении!

– Надо догнать Цао Цао сегодня же, – настаивал Цзя Сюй, – и мы одержим полную победу. Если будет не так, отрубите мне голову!

Чжан Сю поверил ему, но Лю Бяо испугался и отказался выступить. Чжан Сю пошел один и вернулся с победой, причинив армии Цао Цао большой урон.

Тогда Лю Бяо обратился к Цзя Сюю с таким вопросом:

– Скажите, как это понять? Раньше вы говорили, что преследовать с отборными войсками отступающего противника – значит потерпеть поражение, а потом сказали, что преследовать с разбитыми войсками армию, одержавшую победу, – значит победить? И в конце концов вышло так, как вы предвидели!

– Вы очень искусные полководцы, но все же вам не сравниться с Цао Цао, – ответил Цзя Сюй. – Пусть даже армия Цао Цао была разбита, но у него, несомненно, есть способные военачальники, умеющие защитить тыловые отряды от врага. Хотя наши войска отважны, но противостоять врагу не смогли бы. Поэтому я и предсказал поражение. Ведь Цао Цао увел свою

армию только потому, что в Сюйчане что-то произошло. Разбив нашу армию, он не подумал о том, что мы можем опять напасть на него. Вот это и обеспечило нашу победу.

Лю Бяо и Чжан Сю внимательно выслушали его наставления. Цзя Сюй посоветовал Лю Бяо вернуться в Цзинчжоу, а Чжан Сю – расположиться в Сянчэне. Обе армии прикрывали друг друга подобно тому, как губы прикрывают зубы.

Пока оставим Чжан Сю и Лю Бяо и вернемся к Цао Цао. Когда ему донесли, что его отряды, идущие позади, подверглись нападению, он поспешил на помощь, но в это время армия Чжан Сю уже отошла. Воины из разбитых отрядов жаловались Цао Цао:

– Если бы не люди, из-за гор вышедшие нам на помощь, мы попали бы в плен к врагу.

– Какие люди?

Тогда один воин отбросил копье, спрыгнул с коня и поклонился Цао Цао. Это был знаменитый Ли Тун из Пинчуня. Цао Цао поинтересовался, зачем он пришел.

– Я стоял лагерем в Жунане, – отвечал Ли Тун, – но, когда узнал, что вы сражаетесь с Чжан Сю и Лю Бяо, поспешил вам на помощь.

Цао Цао наградил его и отправил охранять западную границу Жунаня от Лю Бяо и Чжан Сю.

Возвратившись в Сюйчан, Цао Цао доложил императору, что Сунь Цэ совершил подвиг и ему было пожаловано звание Истребителя мятежников и титул Уского хоу. Затем он отправил гонца к Сунь Цэ, повелевая покарать Лю Бяо.

Цао Цао прибыл во дворец и принял поздравления от чиновников. После церемоний Сунь Юй спросил:

– Господин мой, вы очень медленно двигались к Аньчжуну. Скажите, почему вы были уверены, что победите мятежников?

– Тот, у кого нет дороги для отступления, неизбежно должен вступить в смертельную схватку. Медленно завлекая врага, я действовал по своему плану и знал, что обязательно одержу победу.

Сунь Юй в восхищении поклонился ему.

Через некоторое время вошел Го Цзя, и Цао Цао спросил:

– Почему вы явились в такой поздний час?

– Юань Шао прислал к вам человека с письмом, – ответил Го Цзя, доставая письмо из рукава. – Гонец говорит, что Юань Шао хочет послать войска против Гунсунь Цзяня, просит вас дать ему провианта и подкрепление.

– А я слышал, что Юань Шао собирается напасть на Сюйчан. Видимо, мое возвращение изменило его намерения.

Прочитав текст письма, изложенный изысканным слогом, Цао Цао обратился за советом к Го Цзя:

– Юань Шао так дерзок, что мне хочется расправиться с ним. Но, к сожалению, для этого у меня сил не хватает. Что делать?

– Вам известно, что Лю Бан и Сян Юй не имели себе равных по силе, – сказал Го Цзя. – Но Лю Бан мудростью победил Сян Юйя и взял его в плен. Ныне выходит так, что у Юань Шао десять недостатков, а у вас десять достоинств. Хотя армия у него и велика, бояться его нечего. Юань Шао слишком любит церемонии, вы держитесь просто – в этом ваше достоинство. Юань Шао действует безрассудно, вы в поступках руководствуетесь разумом. В этом ваше преимущество. Во время правления Хуань-ди и Лин-ди власть многое теряла от своего мягкосердечия. Юань Шао свойственно слабование, вы преисполнены строгости. Для правителя это большое достоинство. Однако Юань Шао добродушен только внешне, а в душе завистлив. Те, кого он назначает на высокие должности, большей частью его родственники. Вы внешне просты и внутренне чисты. Вы используете людей по их способностям. Умение разбираться в людях –

ваше достоинство. Юань Шао строит много планов, но редко их выполняет. Вы составляете план и всегда выполняете его. Решительность – ваше достоинство. Юань Шао любит собирать вокруг себя людей знаменитых, вы собираете верных. Эта добродетель – ваше достоинство. Юань Шао милостив к тем, кто близок к нему, и не обращает внимания на тех, кто далек от него. Вы заботитесь обо всех окружающих. Гуманность – ваше достоинство. Юань Шао слушает только льстецов и подозревает всех в крамоле, вы на лесть не поддаетесь. Прозорливость – ваше достоинство. Юань Шао не различает добро и зло, а ваши же законы ясны и строги. Умение управлять – ваше достоинство. Юань Шао любит казаться могущественным, а сам не знает даже военного искусства. Вы малыми силами одолеваете большие – ведете войны как мудрец. Мастерство полководца – ваше достоинство. Вы обладаете десятью достоинствами, и победить Юань Шао вам нетрудно.

– Откуда же у меня столько достоинств? – улыбнулся Цао Цао.

– То, что Го Цзя говорил о десяти достоинствах и десяти недостатках, полностью совпадает с моими мыслями, – вставил Сюнь Юй. – Хотя армия Юань Шао и многочисленна, ей все же не запугать нас.

– Самый опасный наш враг – суйчжоуский Люй Бу, – сказал Го Цзя. – Юань Шао пойдет на север против Гунсунь Цзяня. Сначала мы должны уничтожить Люй Бу, чтобы избавиться от опасности на юго-востоке, а потом можно будет заняться и Юань Шао. Это наилучший план. Иначе мы не сможем напасть на Юань Шао, так как Люй Бу непременно обрушится на Суйчан, что будет немалой бедой.

Цао Цао согласился с его словами.

– Прежде следовало бы послать человека договориться с Лю Бэем, – посоветовал Сюнь Юй. – Только тогда можно двинуть войска.

Цао Цао принял во внимание и этот совет. Он отправил письмо Лю Бэю и щедро одарил гонца Юань Шао. Цао Цао пожаловал Юань Шао чин полководца, назначил его главнокомандующим войсками четырех округов – Цзи, Цин, Ю и Бин – и написал ему:

Можете покарать Гунсунь Цзяня, я сочту своим долгом помочь вам.

Юань Шао, получив письменное разрешение от Цао Цао, с радостью выступил в поход.

А тем временем Люй Бу, находясь в Суйчжоу, каждый день задавал пиры. Чэнь Гуй и его сын неизменно присутствовали на них и превозносили его добродетели. Чэнь Гун был крайне недоволен этим и часто говорил Люй Бу:

– Чэнь Гуй и его сын слишком льстят вам, а что у них на уме, разгадать невозможно. Вам бы следовало их остерегаться.

– Ты без причины клеветешь на добрых людей и хочешь повредить им, – напустился на него Люй Бу.

Чэнь Гун тяжело вздохнул:

– Напрасно вы не обращаете внимания на искренние слова. Мы попадем в беду...

Он стал подумывать о том, чтобы покинуть Люй Бу, но не решался на это, опасаясь, что люди засмеют его. Дни проходили для Чэнь Гуна в тоске и печали; чтобы разогнать тоску, он с несколькими всадниками отправился на охоту в окрестности Сяопэя. Вдруг он увидел на дороге во весь опор скачущего гонца. Подозрение закралось в душу Чэнь Гуна. Он оставил охоту и бросился по тропинке наперерез гонцу.

– Откуда ты и кто тебя послал? – крикнул он.

Гонец знал, что это один из приближенных Люй Бу, и смутился, не зная, что ответить. Чэнь Гун велел обыскать его и обнаружил секретный ответ Лю Бэя на письмо Цао Цао. На допросе гонец сказал:

– Цао Цао приказал мне доставить письмо Лю Бэю. Теперь я везу от него ответ, но что в нем содержится, не знаю.

Люй Бу, которому было вручено письмо, вскрыл его и внимательно прочел.

Получив ваше повеление убить Люй Бу, смею ли я не думать об этом беспрестанно! Но войска мои малочисленны, и я не решаюсь действовать легкомысленно. Если вы, господин чэн-сян, также пошлете против Люй Бу большую армию, я поспею выполнить вашу волю. Мои войска и оружие в скором времени будут готовы, и тогда я отдам себя в ваше распоряжение.

Люй Бу сначала охватил страх, но потом он впал в ярость и велел обезглавить гонца.

Прежде всего Люй Бу послал Чэнь Гуна и Цзан Ба заручиться поддержкой тайшаньских разбойников Сунь Гуаня, У Дуня, Инь Ли и Чан Си и затем на востоке в области Шаньдун взять Яньчжоу. Гао Шуню и Чжан Ляо было приказано напасть на Сяопэй, а Сун Сяню и Вэй Сюю отправиться на запад. Сам Люй Бу возглавил большой отряд, чтобы помогать на всех трех направлениях, где это будет необходимо.

О надвигающейся опасности известили Лю Бэя, и он созвал военный совет.

– Надо дать знать Цао Цао, – посоветовал Сунь Цянь.

– Кто же осмелится поехать сейчас в Сюйчан? – спросил Лю Бэй.

– Я поеду, – вызвался Цзянь Юн, подходя к крыльцу.

Цзянь Юн был земляком Лю Бэя и занимал при нем должность чжу-бо. Лю Бэй вручил ему письмо и велел без задержки мчаться в Сюйчан. В Сяопэе были сделаны все приготовления к обороне.

Когда подошла армия Гао Шуня, Лю Бэй поднялся на сторожевую башню над воротами.

– Зачем ты привел сюда войска? Я ведь не ссорился с твоим господином, – обратился он к Гао Шуню.

– Ты связался с Цао Цао и замышлял убить моего господина. Ныне это раскрылось. Как же мне не воевать с тобой?

Гао Шунь дал войску сигнал начинать бой. Лю Бэй закрыл ворота и не показывался.

На другой день Чжан Ляо повел воинов к западным воротам. Гуань Юй с городской стены крикнул ему:

– Вы – воплощение справедливости, а не пороков, почему же вы расточаете силы ради мятежников?

Чжан Ляо молча потупил голову. Гуань Юй знал, что у этого человека честная душа, и добавил еще несколько ласковых слов. Боя Гуань Юй не принял.

Тогда Чжан Ляо пошел к восточным воротам. Навстречу ему вышел Чжан Фэй. Узнав об этом, Гуань Юй поспешил к восточным воротам, нагнал Чжан Фэя и велел ему немедленно вернуться в город.

– Почему же не преследовать Чжан Ляо? – изумился Чжан Фэй. – Ведь он отступает с перепугу!

– Как воин он не ниже нас с тобой, – продолжал настаивать Гуань Юй. – Но я взволновал его правдивыми словами, он раскаялся и не хочет с нами воевать.

Чжан Фэй понял и больше в бой не выходил.

Тем временем Цзянь Юн добрался до Сюйчана и обо всем рассказал Цао Цао. Тот созвал советников.

– Я хочу напасть на Люй Бу, – сказал он. – Юань Шао нам не опасен, но Лю Бяо и Чжан Сю могут ударить в спину.

– Двое последних недавно разбиты и никак не дерзнут на это, – успокоил его Сюнь Юй. – Но Люй Бу храбр. И если он еще вступит в союз с Юань Шу, они завоюют земли по рекам Хуай и Сы. Тогда дело осложнится.

– Надо воспользоваться тем, что Люй Бу выступил против нас первым, – перебил его Го Цзя. – На поддержку народа полагаться нельзя, надо действовать быстро.

Цао Цао послушался его и приказал Сяхоу Дуню, Сяхоу Юаню, Люй Цяню и Ли Дяню двинуться вперед во главе пятидесяти тысяч воинов. Затем выступил в поход и сам Цао Цао; его сопровождал Цзянь Юн.

Вскоре разведчики донесли об этом Гао Шуню, который тут же помчался к Люй Бу, и тот велел ему отступить на тридцать ли от Сяопэя, чтобы вместе с всадниками Хоу Чэна, Хао Мына и Цао Сина встретить войска Цао Цао.

Когда Лю Бэй увидел, что Гао Шунь отступил, он понял, что войска Цао Цао близко, и, оставив Сунь Цяня охранять город, пошел сам с Гуань Юйем и Чжан Фэем на помощь Цао Цао.

Сяхоу Дунь, командовавший передовыми частями, встретился с войском противника и вступил с Гао Шунем в единоборство. Гао Шунь дрался долго и упорно, но устоять не смог и бежал. Сяхоу Дунь преследовал его по пятам. Тогда Цао Син, находившийся в строю, украдкой выстрелил из лука и попал Сяхоу Дуню в левый глаз. Сяхоу Дунь взревел от боли и выдернул стрелу, а вместе с нею и глаз. «Отцовская плоть, материнская кровь – бросить нельзя», – подумал он и проглотил глаз.

Подняв копье, Сяхоу Дунь бросился на Цао Сина, и не успел тот опомниться, как получил удар копьем прямо в лоб и замертво рухнул с коня. Отомстив Цао Сину, Сяхоу Дунь вернулся в строй. Гао Шунь подал сигнал к бою. Войска Цао Цао потерпели поражение. Сяхоу Дунь спас своего брата и бежал вместе с ним. Люй Цянь и Ли Дянь, собрав разбитые войска, отступили в Цзибэй и разбили там лагерь.

Гао Шунь, одержав победу, направил свои силы против Лю Бэя. Как раз в это время подошел и Люй Бу с большим войском.

Поистине:

Свой глаз проглотил он и силу обрел на мгновенье.
Но может ли долго держаться, кто ранен в сраженье?

О судьбе Лю Бэя вы узнаете в следующей главе.

Глава девятнадцатая, о том, как Цао Цао сражался у стен Сяпэй, и о том, как Люй Бу погиб на башне Белых ворот

Объединенными силами Люй Бу ударил на Лю Бэя с трех сторон и обратил противника в бегство. Лю Бэй с несколькими десятками всадников бросился в Сяопэй, и Люй Бу, преследуя его по пятам, ворвался в город. Удалось ему это потому, что воины, находившиеся на стене, не успели убрать подъемный мост, а стрелять из луков не решались, опасаясь попасть в своих.

Положение было безнадежным, и Лю Бэй вынужден был покинуть свою семью на произвол судьбы. Он бежал из города через противоположные ворота. Когда Люй Бу добрался до дома Лю Бэя, ему навстречу вышел Ми Чжу.

– Настоящий герой не убивает беззащитных жен и детей – так слышал я, – обратился он к Люй Бу. – Цао Цао из-за власти борется с вами, а Лю Бэй помнит вашу услугу, которую вы ему оказали, когда выстрелили в алебарду у ворот лагеря, и не посмеет вам изменить. Сейчас он был вынужден стать на сторону Цао Цао, и я рассчитываю на вашу снисходительность.

– Мы с Лю Бэем старые друзья, – успокоил его Люй Бу. – Как же я посмею причинить вред его семье?

По приказанию Люй Бу Ми Чжу перевез семью Лю Бэя в Сюйчжоу. Сам же Люй Бу повел войска в Шаньдун к границам Яньчжоу, оставив Гао Шуня и Чжан Ляо охранять Сяопэй.

Одному только Сунь Цяню удалось скрыться из города, а Гуань Юй и Чжан Фэй собрали воинов и бежали в горы.

Когда Лю Бэй бежал, спасаясь от опасности, он заметил, что кто-то следует за ним. Это оказался Сунь Цянь.

– Семейку я потерял и не знаю, живы ли мои братья, – сказал ему Лю Бэй. – Как мне теперь быть?

– Поедьте к Цао Цао, а там подумаем, – предложил Сунь Цянь.

Лю Бэй согласился. По узкой тропинке они направились в Сюйчан. Запасов пищи у них не было, и им приходилось питаться подаянием. Но жители, как только узнавали, что проезжает Лю Бэй, наперебой угощали его. По дороге они остановились на ночлег в доме охотника. Навстречу им вышел юноша по имени Лю Ань и низко поклонился. Узнав, что перед ним правитель округа Юйчжоу, юноша загорелся желанием угостить Лю Бэя дичью, но подстрелить ему ничего не удалось. Тогда он убил свою жену и приготовил кушанье.

– Что это за мясо? – поинтересовался Лю Бэй.

– Волчье.

Лю Бэй ничего не заподозрил и съел изрядный кусок. Было уже поздно, и он улегся спать. На рассвете он вышел на задний двор седлать коня и увидел на кухне труп женщины, с руки которой было срезано все мясо. И тут он понял, какое жаркое ел вчера! Лю Бэй был глубоко потрясен. Слезы бежали у него ручьем, когда он садился на коня. Лю Ань говорил ему:

– Сначала я решил было последовать за вами, но у меня дома старая мать, я не смею уезжать далеко.

Лю Бэй поблагодарил его и распрощался. Когда они выехали из Лянчэна, то вдруг увидели облако пыли, закрывшее небо: приближалось большое войско. Это была армия Цао Цао, и Лю Бэй в сопровождении Сунь Цяня направился к нему. Он рассказал Цао Цао о том, как потерял Сяопэй, как растерял братьев, жен и детей, и из сострадания к нему Цао Цао проливал слезы. Лю Бэй поведал ему и о том, как Лю Ань убил свою жену, чтобы накормить его. Цао Цао велел Сунь Цяню вернуться и подарить Лю Бэю сто лян золота.

Войска подошли к Цзибэю. Сяхоу Юань и другие военачальники выехали навстречу и все вместе прибыли в лагерь. Когда Сяхоу Юань рассказал, что его брат Сяхоу Дунь лишился глаза и лежит больной, Цао Цао сразу же отправился повидать пострадавшего и приказал отвезти его в Сюйчан на излечение. В то же время были посланы разведчики разузнать, где теперь находятся войска Люй Бу. Вскоре пришло донесение, что Люй Бу, Чэнь Гун и Цзан Ба заключили союз с тайшаньскими разбойниками и они вместе грабят яньчжоуские области. Цао Цао велел Цао Жэню с трехтысячным отрядом напасть на Сяопэй, а сам поднял большое войско и вместе с Лю Бэем двинулся в поход против Люй Бу. Когда они приблизились к Сяогуаню, тайшаньские разбойники Сунь Гуань, У Дунь, Инь Ли и Чан Си с тридцатитысячным войском преградили им путь. Цао Цао приказал Сюй Чу вступить в бой. Против него выехали четыре вражеских военачальника. Сюй Чу отважно ринулся на них и обратил в бегство всех четырех. Цао Цао, воспользовавшись этим, преследовал противника до самого Сяогуаня. Конные разведчики донесли об этом Люй Бу, который к тому времени уже успел возвратиться в Сюйчжоу и, оставив Чэнь Гуя охранять город, собирался идти на помощь Сяопэю.

Незадолго до выступления Люй Бу Чэнь Гуй сказал Чэнь Дэну:

– Помнишь, Цао Цао заявил мне: «Восточные дела поручаю тебе»? Так вот, я уверен, Люй Бу потерпит поражение, и нам выгодно содействовать этому.

– С внешними делами управляюсь я сам, – заверил его Чэнь Дэн. – Если Люй Бу будет разбит и вернется сюда, вы с Ми Чжу не впускайте его в город, а у меня уже готов план, как избавиться от него.

– Но как же быть? Здесь находятся жены и дети Люй Бу, да к тому же у него много друзей.

– Об этом я тоже подумал, – сказал Чэнь Дэн.

Он отправился к Люй Бу и предложил ему следующее:

– Сюйчжоу окружен множеством врагов, и Цао Цао, конечно, предпримет яростное нападение. Возможно, придется отступить. Разумнее было бы перевезти в Сяпи деньги и провиант. Если Сюйчжоу будет окружен, но запасы в Сяпи сохранятся, мы сможем еще спастись. Вам, господин, следовало бы заранее позаботиться об этом.

– Вы говорите мудро! Мне надо перебраться туда с женами и детьми, – решил Люй Бу.

Он велел Сун Сяню и Вэй Сюю переправить в Сяпи семью, провиант и казну, а сам с войском, взяв с собой Чэнь Дэна, двинулся к Сяогуаню. Когда они прошли половину пути, Чэнь Дэн сказал:

– Разрешите мне поехать вперед к перевалу и разузнать, нет ли там войск Цао Цао.

С согласия Люй Бу Чэнь Дэн первым поднялся на перевал, где его встретили Чэнь Гун и другие военачальники.

– Люй Бу поражен, почему вы не хотите двигаться вперед, – упрекнул их Чэнь Дэн. – Он собирается покарать вас за это!

– Силы Цао Цао слишком велики, – возразил Чэнь Гун, – бороться с ним трудно. Мы будем стойко защищать перевал, а вы постарайтесь уговорить господина, чтобы он охранял Сяопэй. Так будет лучше.

Чэнь Дэн скромно поддакивал, а вечером, заметив вдали войско Цао Цао, он написал три письма, прикрепил их к стрелам и выпустил вниз с перевала.

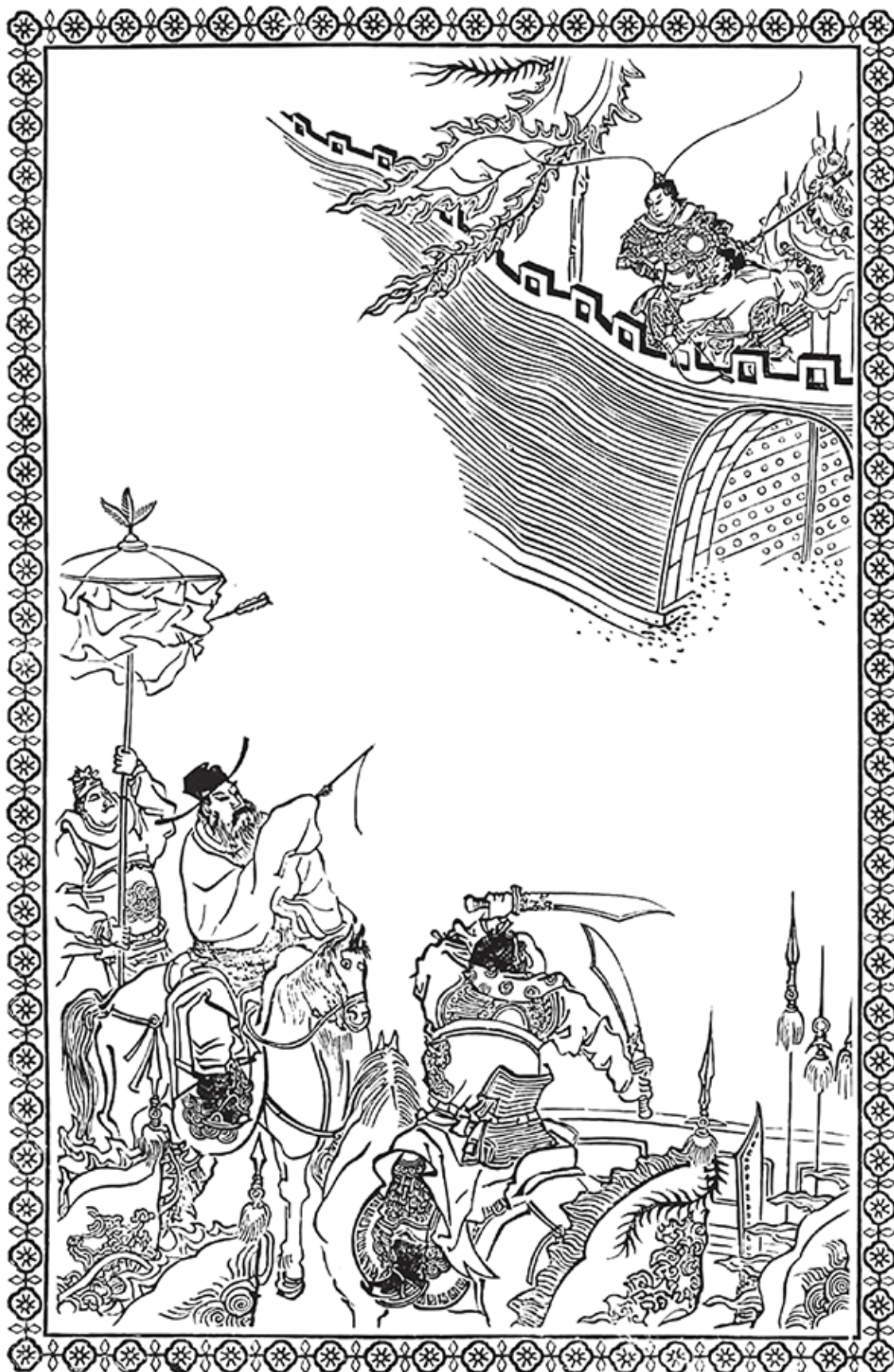
На другой день, распрощавшись с Чэнь Гуном, он вскочил на коня и, примчавшись к Люй Бу, сказал:

– Сунь Гуань и его приспешники хотят сдать перевал! Я там оставил для обороны Чэнь Гуна. В сумерки вам надо бы предпринять внезапное нападение, чтобы помочь Чэнь Гуна.

– Если бы не вы, перевал уже был бы потерян! – воскликнул Люй Бу и велел Чэнь Дэну скакать вперед и договориться с Чэнь Гуном о том, чтобы на перевале зажгли сигнальные огни и тем облегчили наступление.

Чэнь Дэн приехал к Чэнь Гуна и заявил:

– Войска Цао Цао обошли перевал по тропинке. Боюсь, что мы потеряем Сюйчжоу. Возвращайтесь скорее!

Чэнь Гун со своими людьми ушел с перевала. Чэнь Дэн зажег условный огонь. Люй Бу ночью приблизился к перевалу, и войска Чэнь Гуна, не разобравшись в темноте, набросились на них. Цао Цао же, увидев сигнал, двинулся вперед и захватил перевал. Сунь Гуань и другие разбежались во все стороны, спасая свою жизнь.

Люй Бу сражался до рассвета и только тогда понял свою ошибку. Вместе с Чэнь Гуном они поспешили в Сюйчжоу, но ворота были заперты, и со стены на них посыпались стрелы. Ми Чжу со сторожевой башни кричал:

– Ты захватил город у нашего господина, а теперь мы хотим возвратить его! Больше ты не войдешь сюда!

– Где Чэнь Гуй? – в бешенстве закричал Люй Бу.

– Я уже убил его!

– А где Чэнь Дэн? – спросил Люй Бу, обращаясь к Чэнь Гуноу.

– Неужели вы все еще пребываете в заблуждении и беспокоитесь об этом злодее? – вскричал тот.

Люй Бу приказал повсюду искать Чэнь Дэна, но его нигде не было. Уступая уговорам Чэнь Гуна, Люй Бу заторопился в Сяопэй, но на полпути встретил войска Гао Шуня и Чжан Ляо.

На расспросы Люй Бу они отвечали:

– Чэнь Дэн пришел и объявил, что вы окружены, и велел идти вам на помощь!

– Это опять коварство злодея! – воскликнул Чэнь Гун.

– Ну, попадись мне этот разбойник! Убью! – кричал Люй Бу.

Они поскакали в Сяопэй. На городских стенах развевались знамена войск Цао Цао: Цао Жэнь уже успел захватить город. Люй Бу, стоя у городских стен, проклинал Чэнь Дэна, а тот со стены издевался над ним:

– Я – подданный Хань! Могу ли я служить тебе, мятежнику?

Люй Бу решил окружить город. Но в это время приблизился отряд пеших и конных воинов во главе с Чжан Фэем. Гао Шунь попытался сразиться с ним, но победы не добился. В бой вступил сам Люй Бу. И тогда большая армия Цао Цао ударила с тыла. Войска Люй Бу бежали до полного изнеможения в восточном направлении, и тут новый отряд преградил им дорогу.

– Стой! – кричал военачальник, с мечом в руке скакавший на коне впереди. – Гуань Юй здесь!

Люй Бу вынужден был принять бой. Сзади его настигал Чжан Фэй. Люй Бу ничего не оставалось, как только бежать в Сяпи. Хоу Чэн уже вел войска ему на помощь.

Так встретились Гуань Юй и Чжан Фэй. Оба, проливая слезы, повели друг другу, что произошло с ними за время разлуки. Покончив с воспоминаниями, они повели свои войска к Лю Бэю и, увидав его, со слезами поклонились до земли. Лю Бэй и горевал и радовался. Он представил братьев Цао Цао, и они вместе направились в Сюйчжоу. Ми Чжу встретил их и прежде всего сообщил, что семья Лю Бэя невредима, чем доставил ему большую радость. Чэнь Гуй и его сын пришли к Цао Цао.

Чэн-сян устроил большой пир и наградил военачальников. Сам Цао Цао восседал в середине, справа от него сидел Чэнь Гуй, слева – Лю Бэй. Остальные военачальники и воины пировали за другими столами. Цао Цао восхвалял заслуги Чэнь Гуя. Он пожаловал ему во владение десять уездов, а Чэнь Дэну – титул Покорителя волн.

Цао Цао был весьма доволен своими успехами и на совете заговорил о нападении на Сяпи. Однако Чэн Юй возразил:

– У Люй Бу сейчас осталось единственное пристанище – Сяпи. Если слишком сильно нажать на него, он вступит в борьбу насмерть или постарается перейти к Юань Шу. Если же Люй Бу помирится с Юань Шу, одолеть их будет трудно. Надо сейчас же послать отважного военачальника перерезать Хуайнаньскую дорогу, чтобы задержать здесь Люй Бу и всячески

противодействовать попыткам Юань Шу помочь ему. Кроме того, есть еще в Шаньдуне приспешники Сунь Гуаня и Цзан Ба. Привести их к повиновению – это такое дело, которым пренебрегать нельзя.

– Я сам буду держать Шаньдун, – сказал Цао Цао, – а Хуайнаньскую дорогу попрошу занять Лю Бэя.

– Если вы приказываете, осмелюсь ли я не повиноваться? – ответил Лю Бэй.

На другой день, оставив в Сюйчжоу Ми Чжу и Цзянь Юна, он вместе с Сунь Цянем, Гуань Юйем и Чжан Фзем повел войска на Хуайнаньскую дорогу. Цао Цао выступил в поход на Сяпи.

Люй Бу заготовил в Сяпи достаточное количество провианта и, защищенный неприступной рекой Сышуй, мог спокойно обороняться.

– Враг только что подошел и еще не успел раскинуть лагерь, – сказал ему Чэнь Гун. – Если со свежими силами обрушиться на утомленное войско, победа обеспечена.

– Не стоит рисковать, я уже проиграл одну битву, – возразил Люй Бу. – Пусть сначала нападут они, а потом я стремительным ударом сброшу их в Сышуй.

Прошло несколько дней. Цао Цао соорудил лагерь и, подъехав к городским стенам, стал вызывать Люй Бу. Тот поднялся на стену.

– Я слышал, что ты собирався породниться с Юань Шу, – сказал ему Цао Цао, – вот поэтому я и пришел сюда. Юань Шу обвинен в мятеже, а ты снискал себе славу тем, что покарал Дун Чжо. Почему ты, позабыв свои прежние заслуги, служишь мятежнику? Когда город падет, раскаиваться будет поздно! Покорись и помоги поддержать правящий дом, тогда ты сохранишь титул хоу.

– Отведите войска, и тогда мы все обсудим, – отвечал Люй Бу.

А стоящий рядом с ним Чэнь Гун принялся всячески поносить Цао Цао и, выпустив стрелу, попал в перья, украшавшие его шлем.

– Клянусь, я убью тебя! – в бешенстве крикнул Цао Цао и отдал приказ войскам готовиться к бою.

– Цао Цао пришел издалека, и сил у него хватит ненадолго, – сказал Чэнь Гун, обращаясь к Люй Бу. – Вы, господин, расположитесь с конным и пешим войском за городскими стенами и оставьте меня в городе. Когда Цао Цао нападет на вас, я ударю ему с тыла. Такое построение называется «бычьи рога»⁸⁴.

– Ваше предложение совершенно правильно.

Люй Бу начал готовиться к выступлению. Стояли уже зимние холода, и он приказал своим людям одеться в ватную одежду.

– Куда это вы, господин мой? – спросила Люй Бу жена, госпожа Янь, заслышав про сборы.

Люй Бу рассказал ей о замысле Чэнь Гуна.

– Вы оставляете город, покидаете семью и уходите с малочисленным войском, – молвила госпожа Янь. – А если вдруг что-либо случится, встречу ли я вновь с вами?

Люй Бу заколебался и три дня бездействовал. Чэнь Гун предупреждал его:

– Войска Цао Цао окружили город с четырех сторон. Мы попадем в затруднительное положение, если не двинем войско немедленно.

– Я думаю, что лучше далеко не уходить и защищать город.

– Недавно мне стало известно, что в армии Цао Цао мало провианта и он отправил за ним людей в Сюйчан, – продолжал Чэнь Гун. – Скоро они должны вернуться. Вы можете с отборными воинами перерезать им путь. Разве плох этот план?

Люй Бу согласился с ним и рассказал об этом госпоже Янь.

– Боюсь, что без вас Чэнь Гун и Гао Шу-нь не смогут защищать город, – расплакалась госпожа Янь. – Если они что-нибудь прозевают, потом уж беде не поможешь. Когда вы оставили

---

⁸⁴ «Бычьи рога» – расположение войск треугольником, наподобие бычьих рогов.

меня в Чанане, только благодаря доброте Пан Шу мне удалось укрыться от врагов. Кто думал, что вашей служанке вновь придется расставаться с вами? Хотите уйти – уходите хоть за десять тысяч ли, но обо мне не вспоминайте!

Госпожа Янь залилась слезами. Смущенный Люй Бу пошел прощаться с Дяо Шань.

– Берегите себя, господин мой, – умоляла его Дяо Шань, – не выезжайте один!

– Тебе нечего бояться! – успокаивал ее Люй Бу. – Со мной моя алебарда и Красный Заяц.

Кто посмеет приблизиться ко мне?

Однако, выйдя от Дяо Шань, он сказал Чэнь Гуну:

– То, что к Цао Цао идет провиант, – ложь. Цао Цао очень хитер, и я не хочу выходить из города.

– Мы все погибнем, и у нас не будет даже места для погребения! – вздохнул Чэнь Гун.

Весь этот день Люй Бу пил вино с госпожой Янь и Дяо Шань, стараясь рассеять свою грусть.

Советники Сюй Сы и Ван Цзе предложили ему новый план:

– Юань Шу находится в Хуайнане. Слава о нем гремит. Вы прежде собирались породниться с ним. Почему же вы теперь не обратитесь к нему? С его помощью нетрудно разбить Цао Цао.

Люй Бу тотчас написал письмо и поручил им доставить Юань Шу.

– Нам нужен отряд войск, чтобы проложить путь, – сказал Сюй Сы.

Люй Бу приказал Чжан Ляо и Хао Мыну с отрядом в тысячу воинов довести их до входа в ущелье. В ту ночь, во время второй стражи, Сюй Сы и Ван Цзе под охраной Чжан Ляо и Хао Мына промчались мимо лагеря Лю Бэя так стремительно, что их не успели задержать.

Сюй Сы и Ван Цзе благополучно добрались до Шоучуня и вручили Юань Шу письмо.

– Как же это так? – недоумевал Юань Шу. – Он убил моего посла и отказался от брака наших детей, а теперь опять обращается ко мне с просьбой!

– Всею виной коварство Цао Цао, – горячо уверял Сюй Сы. – Прошу вас, господин, хорошенько подумать над этим.

– А разве твой господин согласился бы отдать свою дочь за моего сына, когда бы не был прижат войсками Цао Цао?

– Если вы, князь, сейчас не поможете, то, боюсь, когда будут потеряны губы, зубы тоже пострадают, – перебил его Ван Цзе. – Для вас это не будет счастьем.

– Люй Бу – человек ненадежный. Пусть он сначала пришлет дочь, а потом я отправлю войска.

Послам ничего не оставалось, как вернуться обратно. Недалеко от лагеря Лю Бэя Сюй Сы сказал:

– Днем нам не пройти, это можно сделать только ночью. Мы пойдем впереди, а Хао Мын будет прикрывать нас.

Они подробно обсудили, как миновать опасное место. Но предосторожность не спасла их – путь им преградил Чжан Фэй со своим отрядом. Хао Мын вступил с ним в поединок, но в первой же схватке был живым взят в плен. Часть воинов была зарублена, остальные разбежались. Чжан Фэй доставил Хао Мына к Лю Бэю, и тот под стражей отправил пленника в большой лагерь к Цао Цао. На его расспросы Хао Мын выложил все, что знал. Цао Цао в сильном гневе велел обезглавить Хао Мына у ворот и затем разослал по лагерям приказ соблюдать осторожность; с теми, кто нарушит приказ, будут поступать по военным законам.

Все начальники лагерей трепетали, и Лю Бэй сказал братьям:

– Мы с вами находимся на самой трудной дороге в Хуайнань и должны быть особенно осторожны.

– Да мы ведь только что захватили одного из предводителей мятежников, – ворчал Чжан Фэй, – а Цао Цао даже не наградил нас и еще запугивает.

– Неправда! – возразил Лю Бэй. – Цао Цао командует большой армией, приказами он заставляет людей повиноваться. Мы обязаны выполнять их.

Гуань Юй и Чжан Фэй должны были согласиться с ним.

Тем временем Ван Цзе и Сюй Сы доложили Люй Бу, что Юань Шу не окажет никакой помощи, прежде чем ему не доставят невесту.

– Как же ее отправить? – спросил озадаченный Люй Бу.

– Хао Мын попал в плен, – сказал Сюй Сы. – Теперь Цао Цао узнает о наших планах и, конечно, примет меры. Без вашего участия никто не сможет прорвать окружение.

– А что, если мы отправим мою дочь сегодня же?

– Сегодня день встречи злого духа, – запротестовал Сюй Сы. – Вот завтра – день счастливый, и лучше всего тронуться в путь вечером.

На следующую ночь, во время второй стражи, Люй Бу надел на дочь поверх парчового платья латы, вооружился алебардой, сел на коня, а дочь посадил себе за спину. Ворота раскрылись, и Люй Бу первый выехал из города. Чжан Ляо и Гао Шунь следовали за ним с трехтысячным отрядом. Так добрались они до лагеря Лю Бэя. Раздался грохот барабанов, и Чжан Фэй с Гуань Юйем преградили им путь. Люй Бу не хотел ввязываться в сражение и двинулся вперед. Тогда в бой вступил сам Лю Бэй. Началась жестокая битва. Хотя Люй Бу был храбр, но сейчас, боясь за свою дочь, он не решался пойти на прорыв окружения. Кроме того, сзади наседали Сюй Хуан и Сюй Чу. Оставалось одно – отступить в город. Лю Бэй тоже отвел свое войско. Сюй Хуан и Сюй Чу вернулись в свои лагеря в хорошем настроении. Они были очень довольны тем, что никому не удалось ускользнуть. Но Люй Бу воротился в город с тоской на сердце и стал заливать свою досаду вином.

Цао Цао бился у стен города в течение двух месяцев, но не мог овладеть им. Он созвал своих военачальников и сказал так:

– На севере нам грозит Юань Шао, на востоке – Лю Бяо и Чжан Сю. Чтобы взять Сяпи, еще потребуется много времени. Я хочу вернуться в Сюйчан и сделать передышку.

– Этого делать нельзя, – прервал его Сюнь Юй. – Люй Бу потерпел несколько поражений, и его дух подорван. Воины считают полководца своим повелителем, и, если он пребывает в подавленном состоянии, у них нет желания сражаться. Чэнь Гун умен, но упускает время. Пока Люй Бу не воспрянул духом и Чэнь Гун не принял определенного решения, надо напасть на них. Люй Бу можно захватить в плен.

– У меня есть план, как разгромить Сяпи и одержать победу над двухсоттысячной армией, – заявил Го Цзя.

– Уж не думаете ли вы поднять воды рек И и Сы? – с насмешкой спросил Сюй Юй.

– Именно это я имею в виду.

Цао Цао пришел в восторг от этого плана и приказал запрудить воду в обеих реках. Воины Цао Цао стояли на возвышенности и наблюдали, как вода заливают Сяпи. Все городские ворота были затоплены, за исключением восточных. Об этом доложили Люй Бу, но он беспечно махнул рукой:

– Чего мне бояться? У меня есть Красный Заяц, на котором я переберусь через реку, как по ровному месту.

Он весь день наслаждался вином вместе со своей женой и наложницей. От пьянства он похудел, лицо стало изнуренным, как у больного. Увидев себя однажды в зеркале, он испугался:

– От вина у меня стал плохой цвет лица. Отныне надо воздерживаться от него.

И Люй Бу издал приказ отсекал голову всем, кто пьет вино.

Но случилось так, что Хоу Цао украл у Хоу Чэна пятьдесят коней, намереваясь передать их Лю Бэю. Хоу Чэн узнал об этом, бросился по следам Хоу Цао, отбил у него коней и вернулся обратно. Военачальники пришли его поздравлять. Хоу Чэн приготовил пять-шесть мер вина

и хотел устроить пир, но, боясь, что Люй Бу проведает об этом и покарает его, отправил во дворец пять кувшинов вина и обратился к Люй Бу с просьбой:

– Благодаря вашей военной славе мне удалось вернуть потерянных коней. Военачальники явились поздравить меня, и я приготовил немного вина, но пить самовольно не осмеливаюсь и прошу вашего разрешения.

– Я только что запретил пить вино, а ты устраиваешь пиры! – в гневе закричал Люй Бу. – Уж не собираетесь ли вы убить меня!

Он приказал обезглавить Хоу Чэна, но Сун Сянь и Вэй Сюй вступились за него.

– Ты нарушил мой приказ, и следовало бы отрубить тебе голову, – сказал Люй Бу. – Ну уж ладно, уступаю просьбе моих друзей и казнь отменяю. Ты получишь сто ударов палкой по спине.

Военачальники снова долго упрашивали его, и Хоу Чэну дали только пятьдесят ударов, после чего разрешили вернуться домой. Военачальники пали духом. Сун Сянь и Вэй Сюй навестили Хоу Чэна, и тот со слезами сказал им:

– Если бы не вы, меня бы уже не было на свете!

– Люй Бу любит только своих жен и детей, а на нас смотрит как на сорную траву, – возмущался Сун Сянь.

– Город в осаде, вода перелилась через ров, – добавил Вэй Сюй. – Не пройдет и дня, как все мы погибнем.

– Люй Бу – человек негуманный и несправедливый. Что, если мы покинем его и убежим? – предложил Сун Сянь.

– Он не настоящий муж. Надо схватить его и выдать Цао Цао, – предложил Вэй Сюй.

– Я наказан за то, что вернул коней, – вмешался Хоу Чэн. – Люй Бу надеется только на своего Красного Зайца. Если вы действительно можете овладеть воротами и схватить Люй Бу, я выкраду его коня и поеду к Цао Цао.

На том они и порешили. В ту же ночь Хоу Чэн пробрался на конюшню, вывел коня и помчался к восточным воротам. Там Вэй Сюй пропустил его, а стража лишь сделала вид, что пытается остановить его. Хоу Чэн прибыл в лагерь Цао Цао, подарил ему коня и сообщил, что Сун Сянь и Вэй Сюй должны вывесить белый флаг и открыть ворота. Цао Цао тут же написал предупреждение и на стрелах забросил его в город:

Великий полководец Цао Цао получил повеление покарать Люй Бу. Если кто-нибудь посмеет оказывать сопротивление великой армии, то в тот день, когда город падет, все население, от военачальников до простого народа, будет уничтожено! Тот, кто поможет схватить Люй Бу и выдаст его, получит щедрую награду. Пусть об этом повелении знают все.

Как только рассвело, крики за городскими стенами потрясли землю. Люй Бу схватил свою алебарду и поднялся на стену. Осмотрев ворота, он стал бранить Вэй Сюя за то, что он дал возможность Хоу Чэну бежать и увести его боевого коня.

Войска Цао Цао, заметив на башне белый флаг, ринулись к городу. Люй Бу пришлось самому с рассвета до полудня отражать натиск. Затем войска Цао Цао отступили.

Люй Бу отдыхал на башне и незаметно заснул, сидя в своем кресле. Сун Сянь, отослав его приближенных, похитил у него алебарду и вместе с Вэй Сюем связал спящего веревками. Очнувшись ото сна, Люй Бу стал звать своих людей, но они были либо перебиты, либо разбежались. Над воротами был поднят белый флаг. Когда воины Цао Цао ровными рядами приблизились к стенам города, Вэй Сюй крикнул, что ему удалось схватить Люй Бу живым. Сяхоу Юань не поверил. Тогда Сун Сянь сбросил со стены алебарду Люй Бу.

Ворота широко распахнулись, и войска Цао Цао вступили в город. Гао Шунь и Чжан Ляо находились у западных ворот. Их окружала вода. Выйти было невозможно, и они были

захвачены воинами Цао Цао. Чэнь Гун бежал к южным воротам, но там его перехватил Сюй Хуан. Цао Цао, войдя в город, тотчас же приказал отвести воду и успокоить народ.

Цао Цао и Лю Бэй сидели на башне Белых ворот, Гуань Юй и Чжан Фэй стояли по сторонам. Привели пленных. Люй Бу хотя и был высокого роста, но, опутанный веревками, представлял собой клубок.

– Веревки затянуты слишком туго, нельзя ли ослабить? – спросил Люй Бу.

– Тигра всегда надо связывать туго! – отвечал Цао Цао.

Люй Бу увидел Хоу Чэна, Вэй Сюя и Сун Сяня, стоявших рядом.

– Я неплохо относился к вам, почему вы ушли от меня? – обратился он к ним.

– Ты слушался свою жену да наложницу и пренебрегал советами военачальников, – ответил за всех Сун Сянь. – Разве этого мало?

Люй Бу промолчал. Стража ввела Гао Шуня.

– А ты что скажешь? – обратился к нему Цао Цао.

Гао Шунь не отвечал. Цао Цао разгневался и велел его обезглавить.

Сюй Хуан подвел Чэнь Гуна.

– Надеюсь, вы не хворали с тех пор, как мы расстались? – насмешливо спросил Цао Цао.

– Ты всегда был нечестен, поэтому я и ушел от тебя! – гневно вскричал Чэнь Гун.

– Вы утверждаете, что я нечестен, – продолжал Цао Цао. – А какой толк от вашей службы Люй Бу?

– Люй Бу хоть и не проницателен, но не так коварен и хитер, как ты!

– Но ведь вы достаточно умны и способны, не так ли? Почему же вы попали в такое положение?

– К сожалению, этот человек не слушался меня. – Чэнь Гун кивнул головой в сторону Люй Бу. – Если бы он следовал моим советам, вы не поймали бы его!

– Что же мне делать с вами?

– Сегодня – день моей смерти, и только, – заключил Чэнь Гун.

– Для вас это так, но как быть с вашей матушкой и женой?

– Я слышал, что тот, кто управляет Поднебесной, соблюдая долг сыновнего послушания, не причиняет вреда неповинным родственникам. Тот, кто вершит дела гуманно и справедливо, не мешает совершать жертвоприношения на могилах других. Жизнь моей матушки и жены зависит от вас... Раз уж я попался, убейте меня, но не мучайте воспоминаниями о близких!

Цао Цао был уже склонен помиловать Чэнь Гуна, но тот повернулся и спустился с башни. Приближенные не могли удержать его.

– Проводите матушку и жену Чэнь Гуна в Сюйчан, пусть они живут там до старости! А того, кто осмелится нерадиво выполнять это повеление, казнь! – крикнул вдогонку Цао Цао. На глаза его навернулись слезы. Но Чэнь Гун даже не обернулся. Он подставил шею и был обезглавлен. Цао Цао положил его тело в гроб и похоронил в Сюйчане. Потомки, оплакивая Чэнь Гуна, сложили такие стихи:

Он о жизни не думал и к смерти был равнодушен.
Он воистину мудрым и доблестным воином был!
Но никто не склонялся к советам его многоумным,
И талант полководца в себе он без пользы таил.
Уваженья достойно, что рядом он стал с господином,
Сожаленья достойно, что в горе оставил сирот.
Все же кто не хотел бы хоть раз походить на Чэнь Гуна,
Чтобы так умереть, как он умер у Белых ворот!

Когда Цао Цао вслед за Чэнь Гуном спустился с башни, Люй Бу обернулся к Лю Бэю:

– Вы сидите здесь как почетный гость, а я связанным брошен у ступеней. Не можете ли вы замолвить словечко, чтобы ко мне были более снисходительны?

Лю Бэй покачал головой. Вскоре вернулся Цао Цао.

– Я был главной причиной вашего беспокойства, – обратился к нему Люй Бу. – Я покоряюсь вам. Вы великий полководец, и, если вы сделаете меня своим помощником, мы без труда завоюем Поднебесную.

– Каково! – Цао Цао повернулся к Лю Бэю.

– А разве вы забыли о Дин Юане и Дун Чжо? – усмехнулся Лю Бэй.

– Вот уж кому никак нельзя доверять! – воскликнул Люй Бу, глядя на Лю Бэя.

Цао Цао велел увести пленника с башни и задушить.

– Эй, длинноухий! Ты забыл, как я у ворот лагеря стрелял в алебарду?

– Люй Бу, глупец! – слышался чей-то возглас. – Умирать так умирать, тут нечего бояться!

Все посмотрели на этого человека – то был Чжан Ляо, которого тащил палач. Люй Бу задушили. Голова его была отрублена. Потомки об этом сложили такие стихи:

Люй Бу в тот скорбный день был схвачен палачами,
Когда Сяпи залил разлившийся поток.
Не помогли Люй Бу ни меч, ни алебарда,
И Красный Заяц – конь в несчастье не помог.
Самоуверен был он, словно ястреб сытый,
Сейчас же присмирел, как тигр, что в сеть попал.
Любя жену свою, отверг совет Чэнь Гуна
И парня длинноухого напрасно обругал.

Когда стража привела Чжан Ляо, Цао Цао, указывая на него, промолвил:

– А это лицо мне знакомо!

– Как же его не знать? Встречались в Пуяне.

– Так ты тоже об этом помнишь?

– И очень сожалею.

– О чем же?

– О том, что огонь тогда был недостаточно силен, чтобы сжечь тебя, разбойника! – выпалил Чжан Ляо.

– Ах ты, битый вояка! Как ты смеешь меня оскорблять! – задышавшись от гнева, крикнул Цао Цао и обнажил меч.

Чжан Ляо не проявил никаких признаков страха и сам подставил шею для удара. Но вдруг один из тех, кто стоял за спиной Цао Цао, поспешно удержал его руку, а другой упал перед ним на колени:

– О чэн-сян, умоляю вас, не поднимайте руку!

Вот уж поистине:

Люй Бу о пощаде молил, но спасся ли он от могилы?
Чжан Ляо злодея ругал, судьба ж ему жизнь подарила.

Кто спас Чжан Ляо, об этом вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцатая, рассказывающая о том, как Цао Цао устроил большую охоту, и о том, как Дун Чэн получил халат и пояс

Итак, Цао Цао выхватил меч и хотел убить Чжан Ляо, Лю Бэй удержал его руку, а Гуань Юй пал перед ним на колени.

– Это человек с открытой душой, его надо пощадить, – сказал Лю Бэй.

– Я знаю Чжан Ляо как честного и справедливого человека, – повторил Гуань Юй, – своей жизнью ручаюсь за него!

– Я тоже знаю его таким, я только пошутил над ним!

Цао Цао отбросил меч. Он дал пленнику новое платье и усадил на почетное место. Чжан Ляо был тронут и заявил, что покоряется. Цао Цао пожаловал ему высокое звание и поручил призвать к миру Цзан Ба. Но Цзан Ба сам привел свои войска и сдался, как только узнал, что Люй Бу погиб, а Чжан Ляо покорился. В свою очередь Цзан Ба призвал к покорности Сунь Гуаня, У Дуня и Инь Ли. Только Чан Си отказался покориться. Цао Цао назначил Цзан Ба начальником уезда Ланье. Сунь Гуань и другие тоже получили должности с повелением охранять земли Цин и Ци. Жена и дочь Люй Бу были отправлены в Сюйчан. Три армии были щедро награждены и получили приказ о возвращении.

Путь их лежал через Сюйчжоу. Народ толпился у дороги и зажигал благовония в честь победителей. Население просило оставить Лю Бэя их правителем.

– Лю Бэй совершил великий подвиг, – говорил Цао Цао, – сам Сын неба должен принять и наградить его, а потом он вернется.

Вместо Лю Бэя правителем Сюйчжоу был назначен начальник конницы и колесниц Чэ Чжоу.

Войска Цао Цао возвратились в Сюйчан. Лю Бэя поместили на отдых в доме, расположенном рядом с дворцом Цао Цао. На другой день император Сянь-ди принял победителей. Цао Цао подал доклад о военных подвигах Лю Бэя и представил его самого императору. Лю Бэй, одетый в придворное платье, склонился у ступеней красного крыльца. Император пригласил его в зал и спросил:

– Кто ваши предки?

– Ваш слуга – потомок чжуншаньского вана Лю Шэна, праправнук благочестивого императора Цзин-ди⁸⁵, внук Лю Сюна и сын Лю Хуна, – с почтением отвечал Лю Бэй.

Император велел принести родословную книгу и проверить по ней.

«У благочестивого императора Цзин-ди было четырнадцать сыновей, – стал читать цзун-чжэн. – Седьмым сыном был чжуншаньский цзин-ван Лю Шэн. Лю Шэн родил Лю Чжэна, Лучэнского хоу. Лю Чжэн родил Лю Ана, Пэйского хоу. Лю Ан родил Лю Лу, Чжанского хоу. Лю Лу родил Лю Ляня, Ишуйского хоу. Лю Лянь родил Лю Ина, Циньянского хоу. Лю Ин родил Лю Цзяня, Аньгоского хоу. Лю Цзянь родил Лю Айя, Гуанлинского хоу. Лю Ай родил Лю Сяня, Цзяошуйского хоу. Лю Сянь родил Лю Шу, Цзуиского хоу. Лю Шу родил Лю И, Циянского хоу. Лю И родил Лю Би, Юаньцзэского хоу. Лю Би родил Лю Да, Инчуаньского хоу. Лю Да родил Лю Бу-и, Фынлинского хоу. Лю Бу-и родил Лю Хуэя, Цигуаньского хоу. Лю Хуэй родил Лю Сюна, начальника

⁸⁵ Цзин-ди (158–143 до н. э.) – император Ханьской династии.

уезда Фань, в Дунцзюне. Лю Сюн родил Лю Хуна, который не занимал никакой должности. Лю Бэй – сын Лю Хуна».

Сличив родословные записи, император установил, что Лю Бэй приходится ему дядей. Тогда он попросил Лю Бэя войти в один из боковых залов, чтобы совершить церемонии, предписанные при встрече дяди с племянником. Император про себя думал: «Цао Цао правит всеми государственными делами, и мы не властны решать что-либо. Теперь же новообретенный дядюшка будет нашим помощником».

Он пожаловал Лю Бэю чин полководца левой руки и титул Ичэнтинского хоу.

После окончания торжественного пира Лю Бэй поблагодарил императора и покинул дворец. С тех пор люди стали величать его Лю Хуан-шу – императорский дядюшка Лю.

Когда Цао Цао вернулся домой, к нему пришли советники во главе с Сюнь Юйем:

– Сын неба признал Лю Бэя своим дядей. Пожалуй, это нам невыгодно.

– Да, он признал его дядей, – спокойно сказал Цао Цао, – но я буду повелевать им посредством императорских указов. Он не посмеет не повиноваться. К тому же я оставлю его в Сюйчане. Хотя он и близок к государю, но я буду держать его в своих руках. Чего мне бояться? Беспокойство причиняет мне не он, а тай-вэй Ян Бяо, который состоит в близком родстве с Юань Шу. Его надо немедленно убрать, а то, если он станет союзником Юаней, беды не оберешься.

По указанию Цао Цао люди состряпали ложный донос, обвинив Ян Бяо в тайных сношениях с Юань Шу. После этого Ян Бяо бросили в тюрьму, и Мань Чун получил приказание прикончить его.

Бэйхайский тай-шоу Кун Юн находился в это время в Сюйчане. Он и принялся уговаривать Цао Цао:

– Можно ли из-за Юаней обвинять Ян Бяо? Ведь он происходит из рода, четыре поколения которого известны своими добродетелями!

– На то воля императора, – возразил Цао Цао.

– Когда Чэн-ван убил Чжао-гуна, мог ли Чжоу-гун сказать, что он непричастен к этому?

Цао Цао вынужден был отказаться от своего намерения. Однако он лишил Ян Бяо всех должностей и сослал в деревню.

И-лан Чжао Янь позволил себе выразить возмущение таким самоуправством, за что был схвачен и казнен по приказу Цао Цао. Этим Цао Цао навел страх на всех чиновников.

– Ваша слава растет с каждым днем, – желая угодить Цао Цао, сказал советник Чэн Юй. – Почему бы вам не принять титул баван?⁸⁶

– У династии еще много сторонников, и я не хочу действовать опрометчиво, – сказал Цао Цао. – Я уговорю Сына неба поехать на охоту, а там посмотрим.

Приказав выбрать лучших коней, ястребов и гончих собак, приготовив лук и стрелы и собрав за городом воинов, Цао Цао явился просить императора принять участие в охоте.

– Боюсь, что охота не совсем пристойная вещь, – сказал император.

– Древние императоры и князья четыре раза в год выезжали на охоту, чтобы показать Поднебесной свое могущество, – напомнил Цао Цао. – Сейчас вся страна пребывает в состоянии беспорядка, и потому как раз время на торжественной охоте поупражняться в военном деле.

Император не решился возражать. Он прицепил к поясу драгоценный резной лук, наполнил колчан стрелами с золотыми наконечниками, сел на коня и в сопровождении свиты покинул город.

Лю Бэй и его братья, вооруженные кривыми луками, вместе с несколькими десятками всадников присоединились к императорскому выезду.

---

⁸⁶ Баван – глава союза князей, гегемон.

Цао Цао ехал на своем рыжем коне, которого звали Летающая Молния, в сопровождении многотысячной свиты. Охота предполагалась в Сюйтяне, и воины должны были оцепить это место на двести ли в окружности.

Цао Цао ехал рядом с Сыном неба, отставая от него лишь на голову коня. Позади следовали только близкие Цао Цао военачальники. Гражданские и военные чины отстали далеко позади – никто из них не осмеливался приблизиться.

Не доезжая Сюйтяня, император заметил стоявшего у обочины дороги Лю Бэя.

– Мы хотели бы сегодня посмотреть охотничье мастерство нашего дядюшки, – сказал император.

Лю Бэй, выполняя повеление, вскочил на коня. И как раз в этот момент из травы выскочил заяц. Лю Бэй метким выстрелом сразил его на бегу. Император вскрикнул от изумления. Обогнув склон горы, они заметили, как из зарослей терновника выбежал большой олень. Император выстрелил три раза, но промахнулся.

– Стреляйте вы! – обратился он к Цао Цао.

Цао Цао взял у императора лук и стрелу с золотым наконечником и выстрелил. Стрела вонзилась оленю в спину, и тот упал.

«Вань суй!» – раздались крики. Окружающие, увидев стрелу с золотым наконечником, решили, что стрелял император, и бросились его поздравлять. Цао Цао выехал вперед и стал принимать поздравления. Все побледнели.

Гуань Юй, стоявший за спиной у Лю Бэя, нахмурил свои шелковистые брови и, сверкая налитыми кровью глазами, выхватил меч и бросился было к Цао Цао. Но Лю Бэй метнул на брата такой грозный взгляд, что у того руки опустились. Лю Бэй поклонился Цао Цао и произнес:

– Вы бесподобно стреляете, господин чэн-сян! В целом мире не найти другого такого стрелка!

– Это счастливая удача Сына неба! – улыбнулся Цао Цао и, повернувшись к императору, стал поздравлять его. Однако лук он императору не возвратил, а повесил себе на пояс.

По окончании охоты в Сюйтяне был устроен большой пир, после чего все возвратились в Сюйчан и разъехались по домам.

Гуань Юй в негодовании говорил Лю Бэю:

– Злодей Цао Цао обижает государя и унижает знатных! Почему вы, брат мой, не дали мне убить его, дабы избавить государство от зла?

– Когда бросаешь камнем в крысу, смотри не разбей вазу! – наставительно заметил Лю Бэй. – Цао Цао находился на расстоянии одной конской головы от Сына неба, вокруг толпились его приближенные. А если бы ты в своем необузданном гневе бросился на Цао Цао и случайно ранил императора? Вся вина пала бы на нас.

– Пора разделаться с этим злодеем, не то в дальнейшем не миновать беды!

– Это следует держать в строжайшей тайне, – добавил Лю Бэй. – Не болтай легкомысленно!

Вернувшись во дворец, император Сянь-ди со слезами жаловался императрице Фу:

– Не успели мы вступить на престол, как появились коварные люди. Сначала мы подвергались нападкам со стороны Дун Чжо, потом терпели бедствия от Ли Цзюэ и Го Сы. Простые люди не знают таких страданий, какие познали мы! Мы призвали Цао Цао быть хранителем трона, а он, против наших ожиданий, своевольничает ради своей славы. Всякий раз, когда я вижу его, мне в спину словно вонзаются шипы. Вот и сейчас на охоте он бесцеремонно выехал вперед принимать поздравления! Рано или поздно он против нас что-либо замыслит. О супруга наша! Мы не знаем, где умрем!

– Все чиновники кормятся щедростью Ханьского двора, – заметила императрица Фу. – Неужели не найдется человека, который спас бы государство?

Не успели отзвучать ее слова, как вошел человек и молвил:

– Не печальтесь, государь и государыня! Я найду такого человека! – Это был отец императрицы Фу Вань.

– Вам тоже известно о недостойном поступке Цао Цао? – со слезами спросил император.

– Выстрел в Сюйтяне, кто не знает об этом! – воскликнул Фу Вань. – Однако большинство при дворе если не родственники, то приспешники Цао Цао. Кто же, кроме ваших родных, согласится быть верным до конца и наказать злодея? Мне такое дело выполнить трудно, ибо у меня нет влияния, но на вашего дядюшку Дун Чэна можно положиться.

– Да, дядюшка Дун хорошо разбирается в затруднениях государства и стремится их устранить, мы это знаем. Велите пригласить его для обсуждения великого дела.

– Не забывайте, что ваши приближенные – все приспешники злодея Цао Цао, – заметил Фу Вань. – Если это раскроется, мы пострадаем.

– Как же нам быть?

– Я думаю так: император тайно подарит Дун Чэну халат и яшмовый пояс, а в пояс будет зашит секретный указ. Обнаружив императорское повеление, Дун Чэн будет у себя дома днем и ночью обдумывать план, и ни духи, ни демоны не проведут об этом.

Император одобрил соображения Фу Ваня, тот поклонился и удалился в свои покои. Сын неба прокусил себе палец, кровью написал на шелке указ и попросил императрицу Фу зашить его под шелковую подкладку пояса. Затем он надел парчовый халат, подпоясался яшмовым поясом и повелел позвать Дун Чэна. Когда окончились церемонии, предписанные при встрече с императором, Сянь-ди сказал:

– Прошлой ночью мы говорили с императрицей о наших страданиях в Бахэ и, вспомнив о ваших заслугах, призвали вас, чтобы наградить.

Дун Чэн наклонил голову в знак благодарности. Император проследовал за ним из главного зала в храм предков, а оттуда в галерею заслуженных сановников. Воскурив благовония и совершив положенные обряды, Сын неба повел Дун Чэна обозревать портреты, среди которых был и портрет ханьского Гао-цзу.

– Откуда происходил наш император Гао-цзу и как он основал династию? – спросил Сянь-ди.

– Вы изволите шутить, государь! – На лице Дун Чэна выразилось недоумение. – Как же не знать деяний божественного предка? Император Гао-цзу начал свою деятельность смотрителем пристани на реке Сы. Именно там он и поднял свой меч и, убив Белую змею, встал на борьбу за справедливость. Император Гао прошел из конца в конец всю страну, за три года уничтожил Цинь, за пять лет разгромил Чу и стал повелителем Поднебесной, основав династию, которая стоит вечно.

– Вот какими героями были наши великие предки и как слабы их потомки! – Император тяжело вздохнул. – Как тут не горевать?

Указывая на портреты сподвижников Гао-цзу, Сын неба продолжал:

– Это Люский хоу Чжан Лян и Цуаньский хоу Сяо Хэ, не так ли?

– Да, основывая династию, Гао-цзу полагался на силу этих двух мужей.

Император оглянулся – свита была далеко – и шепнул Дун Чэну:

– Вы должны стоять возле меня так же, как эти двое стояли возле Гао-цзу.

– Смею ли я? Мои заслуги столь ничтожны...

– Мы помним, как вы спасли нас в западной столице, и никогда не забудем вашей услуги, – произнес император. – Тогда мы не могли наградить вас, но теперь вы должны надеть наш халат и подпоясаться нашим поясом: это будет означать, что вы всегда находитесь возле нас.

Дун Чэн поклонился. Император снял с себя халат и пояс и отдал Дун Чэну, добавив вполголоса:

– Вернетесь домой – тщательно осмотрите наш дар и выполните нашу волю.

Дун Чэн надел императорский халат и покинул зал. Но сообщники Цао Цао уже успели донести ему, что император беседует с Дун Чэном в галерее знаменитых людей.

Цао Цао поспешил во дворец, и в дворцовых воротах Дун Чэн столкнулся с ним. Скрыться было невозможно. Оставалось только уступить дорогу и поклониться.

– Откуда идет императорский дядюшка? – спросил Цао Цао.

– Я удостоился приглашения Сына неба и получил дар – халат и яшмовый пояс.

– А по какому поводу Сын неба решил одарить вас? – поинтересовался Цао Цао.

– Император наградил меня за то, что я спас его особу в западной столице.

– Снимите-ка пояс, я посмотрю.

Дун Чэн помедлил было, но Цао Цао кликнул слуг, и он поспешил снять пояс.

Цао Цао долго разглядывал его и затем сказал:

– Да, пояс действительно замечательный... А теперь дайте-ка полюбоваться халатом.

Дун Чэн трепетал в душе, но, не смея противиться, снял халат. Цао Цао взял его в руки и стал внимательно рассматривать против солнца. Покончив с этим, Цао Цао нарядился в халат, подпоясался поясом и спросил приближенных:

– Ну как, подходит мне эта одежда?

– Великолепно! – хором ответили те.

– Не подарите ли вы этот халат и пояс мне? – обратился Цао Цао к Дун Чэну.

– То, что пожаловано милостью Сына неба, я отдавать не смею. Разрешите мне подарить вам что-нибудь другое.

– Почему вы получили подарки? Нет ли тут какого-нибудь заговора?

– Что вы, что вы! Дерзну ли я? – в испуге воскликнул Дун Чэн. – Если хотите, возьмите эти вещи себе.

– Как же я могу отобрать подарок государя? Я просто пошутил.

Цао Цао снял халат и пояс и возвратил их Дун Чэну.

В ту ночь, сидя в своем кабинете, Дун Чэн долго со всех сторон разглядывал халат, но ничего не обнаружил. «Раз Сын неба приказал мне хорошенько осмотреть подарок, значит в нем что-то есть, – рассуждал Дун Чэн. – В чем же дело? Почему я ничего не нахожу?»

Он стал прощупывать пояс. Пластинки из белой яшмы были вырезаны в виде драконов среди цветов. Подкладка из пурпурного шелка была заделана так тщательно, что и здесь ничего не удавалось обнаружить. Сильно озадаченный, Дун Чэн разложил пояс на столе и вновь начал внимательно рассматривать его. Это занятие очень утомило Дун Чэна, он облокотился на стол и слегка вздремнул. В это время нагар от светильника упал на пояс и прожег подкладку пояса. В прогоревшем месте виднелось что-то белое с таинственными кровавыми знаками. Дун Чэн тотчас же ножом вспорол подкладку и извлек оттуда секретный указ императора. Указ гласил:

«Нам известно, что в отношениях между людьми отношения между отцом и сыном стоят на первом месте, а в отношениях между высшими и низшими на главном месте – отношения между государем и подданными.

Но злодей Цао Цао ныне захватил власть, обманывает и притесняет своего государя. При помощи приспешников он попрали основы управления, жалует награды и наказывает, не считаясь с нашей волей. Дни и ночи мы скорбим о том, что Поднебесная в опасности. Вы ближайший наш родственник и высший сановник в государстве и, памятуя о трудностях, с какими была основана династия, должны собрать всех верных и справедливых людей, дабы уничтожить тирана и его приспешников и восстановить алтарь династии. Наши предки возрадутся!

Мы, прокусив себе палец, кровью написали сей указ, повелевая вам быть вдвойне осторожным и не отступать перед препятствиями в выполнении нашей воли.

Писано весной, в третий месяц четвертого года Цзянь-ань»⁸⁷.

Слезы потоком полились из глаз Дун Чэна. Всю ночь он не мог уснуть. Утром, положив указ на столе в кабинете, он погрузился в размышления о том, как уничтожить Цао Цао. Дун Чэн думал долго, но ничего не мог решить и, сидя, заснул.

Случилось так, что в этот час явился ши-лан⁸⁸ Ван Цзы-фу. Привратник, зная, что Ван Цзы-фу друг Дун Чэна, не посмел остановить его, и тот прошел в кабинет. Ван Цзы-фу увидел, что Дун Чэн спит, облокотившись на стол и прикрывая рукавом кусок шелка, на котором виднелся иероглиф «Чжэнь»⁸⁹. Ван Цзы-фу потихоньку вытащил указ, прочитал его и спрятал в рукава, потом окликнул Дун Чэна:

– Как вы себя чувствуете, дядюшка императора? Почему вы уснули, сидя за столом?

Дун Чэн открыл глаза и, не найдя на столе указа, позабыл о всяких церемониях; руки и ноги у него задрожали.

Ван Цзы-фу продолжал:

– Вы замышляете убийство Цао Цао. Я обязан об этом донести!

– Если вы это сделаете, Ханьский дом прекратит свое существование, – со слезами молвил Дун Чэн.

– Я пошутил, – успокоил его Ван Цзы-фу. – Могу ли я изменить Ханьскому дому? Ведь еще мои предки пользовались его милостями! Я хочу всеми силами помочь вам, брат мой, уничтожить злодея.

– Это было бы счастьем для Поднебесной! – с облегчением вздохнул Дун Чэн.

– Давайте все обсудим. Я не пожалею свой род, чтобы послужить ханьскому государю.

Дун Чэн взял кусок белого шелка, написал на нем свое имя и прозвание; Ван Цзы-фу сделал то же и сказал:

– У Цзы-лань – мой большой друг, надо с ним посоветоваться.

– Из придворных чинов только чаншуйский сяо-вэй Чун Цзи да и-лан⁹⁰ У Ши – мои близкие друзья. Несомненно, они будут с нами заодно, – произнес Дун Чэн.

И тут, словно на зов, пришли Чун Цзи и У Ши.

– Небо помогает нам! – воскликнул Дун Чэн и попросил Ван Цзы-фу спрятаться за ширмой. Он сам ввел гостей в кабинет и усадил.

Выпив чаю, Чун Цзи спросил:

– Вас не возмущает случай на охоте в Сюйтяне?

– Да, конечно, но что же можно сделать? – ответил Дун Чэн, стараясь казаться равнодушным.

– Я поклялся убить злодея, да некому помочь мне, – признался У Ши.

– Уничтожить злодея на пользу государству – за это и умереть не обидно! – присоединил свой голос Чун Цзи.

– Вы, я слышу, собираетесь убить Цао Цао? Я должен донести! – пригрозил Ван Цзы-фу, выходя из-за ширмы. – И дядюшка императора это подтвердит!

– Преданному слуге императора смерть не страшна! – гневно заявил Чун Цзи. – Если мы умрем, то станем духами-хранителями династии Хань. Это лучше, чем прислуживать государственному преступнику, как это делаете вы!

– Вот как раз по этому делу мы и хотели пригласить вас. Мой друг просто пошутил...

С этими словами Дун Чэн вытащил из рукава указ и показал его Чун Цзи и У Ши. Те безудержно зарыдали. Тогда Дун Чэн попросил их вписать свои имена, а Ван Цзы-фу сказал:

---

⁸⁷ 199 г. н. э.

⁸⁸ Ши-лан – почетное чиновничье звание.

⁸⁹ «Чжэнь» – я, мы – местоимение первого лица, употребление которого являлось исключительным правом императора.

⁹⁰ И-лан – звание, присваивавшееся чиновнику за хорошее исполнение долга.

– Погодите, я приведу У Цзы-ланя.

Вскоре он вернулся вместе с У Цзы-ланем, и тот тоже приписал свое имя. После этого они перешли во внутренние покои отдохнуть и выпить вина. Но тут доложили, что Дун Чэна спрашивает сянянский тай-шоу Ма Тэн.

– Скажите, что я заболел и не могу принять его.

– Я видел, как он выходил из ворот дворца в парчовом халате с яшмовым поясом! – обиженно воскликнул Ма Тэн. – Зачем он притворяется больным, ведь я не без дела явился к нему!

Привратник передал эти слова Дун Чэну, тот извинился перед гостями и вышел в приемную к Ма Тэну. После взаимных приветствий они уселись, и Ма Тэн сказал:

– Я был принят государем и теперь возвращаюсь домой. Вот зашел к вам проститься, а вы почему-то отказались меня видеть.

– Я, недостойный, захворал, – пожаловался Дун Чэн, – моя вина перед вами велика.

– По вашему лицу не заметно, что вы больны...

Дун Чэн промолчал. Ма Тэн встал, негодуя встряхнул рукавами халата и со вздохом направился к крыльцу.

– Нет, такие люди не спасут государства! – как бы про себя пробормотал он.

– Каких людей вы имеете в виду? – остановил его Дун Чэн, задетый этими словами.

– Случай на охоте в Сюйтяне наполнил грудь мою гневом! – промолвил Ма Тэн. – И уж если вы, близкий родственник государя, можете проводить время за вином и не думать, как наказать злодея, то где же найти таких людей, которые помогли бы династии в беде и поддержали ее в несчастьях?

– Чэн-сян Цао Цао – великий государственный муж и пользуется доверием императорского двора! Как вы решаетесь на такое дело? – притворился изумленным Дун Чэн.

– Вы все еще считаете злодея Цао Цао благородным человеком! – возмутился Ма Тэн. – Люди, которые цепляются за жизнь и боятся смерти, недостойны решать великие дела!

– Потихе, поблизости много глаз и ушей! – прервал его Дун Чэн.

Убедившись в том, что Ма Тэн честный и справедливый человек, Дун Чэн показал ему указ. От волнения волосы зашевелились на голове Ма Тэна, и он до крови закусил губы.

– Когда вы приступите к делу, мои сянянские войска помогут вам, – решительно заявил Ма Тэн.

Дун Чэн познакомил его с остальными и попросил вписать свое имя в список. В знак клятвы Дун Чэн смазал кровью уголки рта.

– Все мы должны дать клятву, что скорей умрем, чем изменим нашему союзу! – воскликнул он, обводя взглядом присутствующих. – Если найдется хоть десяток верных людей, великое дело будет доведено до конца! Преданных и справедливых людей немного, а связываться с дурными – значит причинить себе вред, – закончил Дун Чэн.

Ма Тэн попросил список чиновников и, читая его, вдруг всплеснул руками:

– Но почему же вы не посоветуетесь с ним?

Все захотели узнать, о ком вспомнил Ма Тэн, и он не торопясь начал свой рассказ.

Правильно говорится:

Лишь потому, что Дун Чэну вручили суровый указ,
Помочь династии Ханьской потомок нашелся тотчас.

О ком рассказал Ма Тэн, вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцать первая, из которой читатель узнает о том, как Цао Цао отзывался о героях, и о том, как Гуань Юй убил Чэ Чжоу

– Здесь находится юйчжоуский правитель Лю Бэй, – сказал Ма Тэн, отвечая на вопрос Дун Чэна, кого тот имеет в виду. – Почему бы вам не обратиться к нему за помощью?

– Он сейчас придерживается Цао Цао и не возьмется за это дело, – неуверенно ответил Дун Чэн.

– На охоте я заметил, как Гуань Юй, стоявший за спиной Лю Бэя, собирался броситься на Цао Цао с мечом, когда тот выехал принимать поздравления, и как Лю Бэй взглядом остановил его, – сказал Ма Тэн. – Он давно бы выступил против Цао Цао, да боится, что у него не хватит сил. Поговорите с ним; я думаю, он согласится.

– С таким делом спешить не следует, – заметил У Ши. – Сначала надо все хорошенько обдумать.

На этом разговор закончился, и все разошлись. На другой день вечером Дун Чэн спрятал указ на груди и пошел к Лю Бэю на подворье. Лю Бэй пригласил его войти и усадил рядом с собой. Гуань Юй и Чжан Фэй стали по сторонам.

– Раз уж вы пришли ночью, значит по какому-то важному делу, – начал Лю Бэй.

– Если бы я приехал днем на коне, у Цао Цао возникли бы подозрения, – произнес Дун Чэн. – Вот почему я предпочел поздний час.

Принесли вино, и Лю Бэй угостил Дун Чэна.

– Почему во время охоты вы остановили Гуань Юя, когда он хотел убить Цао Цао? – задал вопрос Дун Чэн.

– Как вы узнали об этом?

– Кроме меня, этого никто не заметил, – успокоил его Дун Чэн.

– Гуань Юй не смог сдержать гнева, когда увидел, до чего дошла наглость Цао Цао.

– Если бы все сановники были такие, как Гуань Юй, – со слезами в голосе произнес Дун Чэн, – в государстве было бы спокойно!

Лю Бэй подумал, что Дун Чэна подослал Цао Цао, и, притворившись изумленным, сказал:

– Разве есть какие-либо основания жаловаться на недостаток спокойствия? Ведь чэн-сян Цао Цао повелевает государством.

– Я говорю с вами откровенно, как с дядей ханьского государя, – сказал Дун Чэн, невольно бледнея. – Зачем вы притворяетесь?

– Я хотел проверить, не хитрите ли вы.

Дун Чэн дал ему прочесть указ. Лю Бэй не мог скрыть глубокого волнения. Затем гость извлек бумагу, где под торжественной клятвой стояло шесть подписей.

– Ведь вы получили указ самого императора, могу ли я остаться в стороне? – воскликнул Лю Бэй, подписывая свое имя и возвращая бумагу Дун Чэну.

– Я попытаюсь привлечь еще троих, и когда нас будет десять, мы сможем приступить к делу, – заключил Дун Чэн.

Они совещались до часа пятой стражи и только тогда разошлись.

Чтобы отвести подозрения Цао Цао, Лю Бэй занялся разведением овощей у себя в саду. Гуань Юй и Чжан Фэй недоумевали:

– Зачем вы занимаетесь делом, достойным маленьких людей, и не обращаете внимания на дела Поднебесной?

– Этого вам не понять, – отвечал Лю Бэй.

Больше братья об этом не заговаривали. Однажды Лю Бэй в саду поливал овощи. Гуань Юйя и Чжан Фэя не было дома. Неожиданно появились Сюй Чу и Чжан Ляо в сопровождении нескольких десятков воинов.

– Чэн-сян просит вас явиться немедленно.

– Есть какое-нибудь важное дело? – встревожился Лю Бэй.

– Не знаем. Он приказал позвать вас, – отвечал Сюй Чу.

Лю Бэй последовал за ними во дворец Цао Цао.

– Вы, кажется, у себя дома занимаетесь великими делами? – улыбаясь, спросил его Цао Цао.

Лицо Лю Бэя стало серым от испуга. Цао Цао взял его под руку и повел в сад.

– Нелегкое это дело – выращивание овощей!

У Лю Бэя немного отлегло от сердца.

– Какое же это дело! Пустое времяпрепровождение...

Цао Цао продолжал:

– Вот взглянул я на спелые сливы, и мне припомнился прошлогодний поход против Чжан Сю. В пути не хватало воды; люди страдали от жажды. И вдруг у меня родилась мысль; указывая плетью в пространство, я воскликнул: «Глядите, перед нами сливовая роща!» Эти слова у всех вызвали слюну, и люди избавились от жажды. И теперь я не могу не отдать должное этим плодам! Я велел подогреть вино и прошу вас в беседку.

Лю Бэй успокоился и последовал за Цао Цао в беседку, где уже были расставлены кубки, блюда с черными сливами и сосуд для подогревания вина. Хозяин и гость уселись друг против друга и с наслаждением пили вино.

На небе сгустились тучи. Собирался дождь. Опершись на ограду, Цао Цао и Лю Бэй смотрели на темное небо, где словно повис дракон.

– Вам знакомы превращения дракона? – неожиданно спросил Цао Цао.

– Не знаю подробностей.

– Дракон может увеличиваться и уменьшаться, может взлетать в сиянии и скрываться в поднебесье, – принялся объяснять Цао Цао. – Увеличиваясь, дракон раздвигает облака и изрыгает туман, уменьшаясь – теряет форму и становится невидимым. Поднимаясь, он носится во вселенной, опускаясь – прячется в глубинах вод. Сейчас весна в разгаре, и дракон в поре превращений. Подобно человеку, стремящемуся к цели, он пересекает Поднебесную вдоль и поперек. В мире животных дракона можно сравнить с героем в мире людей. Вы долго странствовали по свету и должны знать героев нашего века. Я хотел бы, чтоб вы их назвали.

– Откуда мне знать героев?

– Перестаньте скромничать.

– Я добился должности при дворе благодаря вашей милости и покровительству, – уверял Лю Бэй. – Но героев Поднебесной я, право, не знаю.

– Если не знаете лично, то, наверно, слышали их имена, – настаивал Цао Цао.

– Ну, вот, например, у хуайнаньского Юань Шу сильное войско, изобилие провианта... Можно назвать его героем?

– Это гнилая кость из могилы. Рано или поздно я его поймаю!

– Тогда хэбэйский Юань Шао... Из четырех поколений его рода вышло три гуна, у него много приверженцев. Ныне он, как тигр, засел в цзичжоуских землях, многие пошли служить под его начало. Он-то уж наверно герой!

– Он только с виду свиреп, а в душе труслив. Он любит строить планы, но не обладает решимостью, замышляет великие дела, но не любит трудиться. Ради маленькой выгоды он забывает обо всем на свете – это не герой!

– Есть еще человек, о совершенстве которого слава гремит в девяти округах. Это Лю Бяо. Можно ли назвать его героем?

– Нет! Это только видимость славы, а на самом деле ее нет! Какой же Лю Бяо герой!

– Ну, тогда цзяндунский вождь Сунь Цэ. Он крепок и телом и духом.

– Сунь Цэ живет заслугами отца. Он сам не герой!

– А ичжоуский Лю Чжан?

– Нет! Пусть даже он и из императорского рода, но Лю Чжан всего только дворовый пес!

Разве этого достаточно для того, чтобы считаться героем?

Цао Цао всплеснул руками и расхохотался.

– Да ведь это жалкие людишки! Стоит ли о них упоминать?

– Кроме этих, я поистине никого не знаю.

– Герои – это люди, преисполненные великих устремлений и прекрасных планов. Они обладают секретом, как объять всю вселенную, и ненасытной волей, способной поглотить и небо и землю.

– А где найти таких героев?

– Герои Поднебесной – только вы да я! – Цао Цао рукой указал на Лю Бэя и потом на себя.

Лю Бэй был так поражен, что выронил палочки для еды. Как раз в этот момент хлынул дождь, грянул гром.

– Ударило где-то совсем рядом! – сказал Лю Бэй, наклоняясь, чтобы поднять палочки.

– Великий муж боится грома? – насмешливо спросил Цао Цао.

– Как же не бояться? Даже мудрые люди бледнели от неожиданного раската грома и свирепого порыва ветра.

Лю Бэю легко удалось скрыть истинную причину своего волнения, и Цао Цао ничего не заподозрил.

Как только дождь прекратился, два вооруженных мечами человека ворвались в сад и бросились к беседке. Слуги не смогли их удержать. Цао Цао узнал Гуань Юя и Чжан Фэя.

Оба они были за городом, где упражнялись в стрельбе из лука, и, вернувшись домой, узнали, что Сюй Чу и Чжан Ляо увели Лю Бэя. Не медля ни минуты, они помчались во дворец и проникли в сад. Увидев, что Лю Бэй и Цао Цао пьют вино, братья остановились.

– А вы зачем здесь? – спросил Цао Цао.

– Мы пришли, чтобы развлечь вас пляской с мечами, – нашелся Гуань Юй.

– Нам пляски Сян Чжуана и Сян Бо не нужны, это не праздник в Хунмынь! – ответил Цао Цао.

Лю Бэй улыбнулся. Цао Цао велел налить вина и поднести обоим Фань Куаям. Гуань Юй и Чжан Фэй поблагодарили. Вскоре Лю Бэй распрощался с Цао Цао и вместе с братьями вернулся домой.

– Вы нас просто убиваете своей неосторожностью! – укорял его Гуань Юй.

На другой день Цао Цао опять пригласил Лю Бэя. Во время пира пришла весть, что вернулся Мань Чун, который ездил разведать о действиях Юань Шао. Цао Цао позвал его и стал расспрашивать.

– Юань Шао разбил Гунсунь Цзяня, – сообщил Мань Чун.

– Я хотел бы слышать подробности, – живо откликнулся Лю Бэй.

– Гунсунь Цзянь воевал с Юань Шао, но без успеха. Тогда он соорудил высокую башню, где собрал запас провианта на триста тысяч воинов, и стал обороняться. Военачальники Гунсунь Цзяня непрерывно делали вылазки, и однажды Юань Шао кого-то из них окружил. Гунсунь Цзянь не пошел на выручку, заявив, что, если помочь одному, другие не захотят держаться до конца и будут надеяться на подмогу. Поэтому, когда подошли войска Юань Шао, многие воины Гунсунь Цзяня сдались. Гунсунь Цзянь послал человека за помощью в Сюйчан, но гонец попал в руки воинов Юань Шао. Тогда Гунсунь Цзянь решил договориться с Чжан Янем о

нападении на Юань Шао изнутри и извне. Но и этот гонец был схвачен. Юань Шао подошел к лагерю Гунсунь Цзяня и подал условный сигнал, введя тем самым противника в заблуждение. Гунсунь Цзянь вышел в бой, но наткнулся на засаду. Потеряв более половины людей, он вновь укрылся за стенами. Юань Шао сделал подкоп под башню и поджег ее. Не находя пути к спасению, Гунсунь Цзянь сначала убил жену и детей, а затем повесился сам. Трупы их сгорели в огне. А Юань Шао привлек на свою сторону войска Гунсунь Цзяня и стал еще сильнее. Его младший брат, Юань Шу, своей чрезмерной надменностью восстановил против себя все население Хуайнаня и вынужден был известить Юань Шао, что уступает ему право на императорский трон. Юань Шао потребовал печать, но Юань Шу обещал привезти ее сам. Теперь он покинул Хуайнань и хочет уйти в Хэбэй. Займитесь ими, господин чэн-сян, если они соединят силы, с ними трудно будет сладить.

Лю Бэй охватила печаль. Он припомнил милости, которые ему оказывал Гунсунь Цзянь, вспомнил о Чжао Юне. Где-то он теперь?

«Я сейчас же должен бежать отсюда, и ждать больше нечего», – подумал он про себя и, поднимаясь, обратился к Цао Цао:

– Если Юань Шу пойдет к Юань Шао, ему не миновать Сюйчжоу. Прошу вас, дайте мне войско; я ударю на Юань Шу и возьму его в плен. Это вполне возможно.

– Хорошо. Я доложу Сыну неба, – улыбнувшись, пообещал Цао Цао.

На следующий день Лю Бэй предстал перед императором. Цао Цао выделил ему пятьдесят тысяч пешего и конного войска и послал вместе с ним Чжу Лина и Лу Чжао.

Прощаясь с Лю Бэем, император проливал слезы. Вернувшись домой, Лю Бэй взял оружие, оседлал коня и двинулся в путь. Дун Чэн проводил его до первого чантина⁹¹.

– Вы уж как-нибудь потерпите, – на прощанье сказал ему Лю Бэй. – Этот поход поможет нашим планам.

– Помните, вы должны сосредоточить все свои помыслы на выполнении воли нашего государя, – сказал ему Дун Чэн, и они расстались.

– Почему вы так спешите в этот поход? – поинтересовались Гуань Юй и Чжан Фэй.

– Я был как птица в клетке, как рыба в сети, – ответил Лю Бэй. – Этот поход для меня все равно что океан для рыбы и голубое небо для птицы.

Он велел братьям торопить войска Чжу Лина и Лу Чжао.

К этому времени Го Цзя и Чэн Юй вернулись из поездки по проверке провианта и казны и, узнав обо всем, сейчас же поспешили к Цао Цао.

– Господин чэн-сян, почему вы назначили командующим Лю Бэя?

– Он собирается отрезать путь Юань Шу, – ответил Цао Цао.

– Прежде, когда Лю Бэй был правителем Юйчжоу, мы советовали вам убить его, но вы не послушались, – прервал его Чэн Юй. – Теперь вы дали ему войско, а это все равно что отпустить дракона в море или тигра в горы. Больше уж вам не повелевать им, если бы даже вы и захотели.

– Можно было не убивать Лю Бэя, но во всяком случае не следовало отпускать его, – присоединился Го Цзя. – Ведь у древних сказано: «Врагу дай на один день поблажку, а беды тебе хватит на десять тысяч веков». Согласитесь, что это справедливые слова.

И Цао Цао приказал Сюй Чу с отрядом в пятьсот воинов вернуть Лю Бэя. Сюй Чу бросился выполнять приказание.

В пути Лю Бэй заметил позади облако пыли и сказал Гуань Юйю и Чжан Фэю:

– Нас догоняют люди Цао Цао.

---

⁹¹ Чантин – павильон, расположенный в десяти ли от города, где обычно провожающие расставались с уезжающими и устраивали прощальные пиры.

Лю Бэй велел стать лагерем и приказал Гуань Юйю и Чжан Фэю быть в полной готовности. Вскоре в лагерь явился Сюй Чу.

– Зачем вы прибыли сюда? – спросил его Лю Бэй.

– Господин чэн-сян просит вас вернуться. Он хочет посоветоваться с вами по какому-то делу.

– Когда полководец выступил в поход, он не повинует даже повелению государя, – возразил Лю Бэй. – Я был допущен к Сыну неба и получил приказ чэн-сяна. Больше об этом говорить не будем! Так и доложите Цао Цао.

«Между Лю Бэем и Цао Цао существуют дружеские отношения, – размышлял Сюй Чу. – Приказания убить его я не получал. Надо вернуться и ждать других указаний».

Он попрощался с Лю Бэем и, возвратившись обратно, передал Цао Цао все, что сказал Лю Бэй. Цао Цао колебался, не зная, как поступить.

– Лю Бэй не захотел вернуться, значит он что-то задумал, – сказали Го Цзя и Чэн Юй.

– При нем мои люди, Чжу Лин и Лу Чжао, – промолвил Цао Цао. – Вряд ли он пойдет на измену. И я сам его послал, теперь раскаиваться поздно!

Вскоре под предлогом спешных дел ушел из Сюйчана и Ма Тэн.

Тем временем Лю Бэй прибыл в Сюйчжоу, где его встретил цы-ши Чэ Чжоу. После торжественного пира к нему пришли Сунь Цянь, Ми Чжу и другие военачальники. Потом Лю Бэй навел свою семью.

В скором времени вернулись разведчики, посланные разузнать, что делается у Юань Шу, и донесли, что тот расточительствует сверх всякой меры; Лэй Бо и Чэнь Лань ушли в Суншань; силы Юань Шу растаяли.

Лю Бэй решил, не теряя времени, во главе пятидесяти тысяч воинов двинуться ему навстречу. Когда подошел Юань Шу со своей армией, Лю Бэй, стоя под знаменем, крикнул ему:

– Ты мятежник и беззаконник! Вели связать себя и сдавайся, дабы искупить свою вину!

– Циновщик! Башмачник! – бранью отвечал Юань Шу. – Жалкое создание! У тебя еще хватает наглости оскорблять меня!

Юань Шу подал сигнал к нападению. Лю Бэй немного отошел, и его армия, ударив с двух сторон, так разбила войско Юань Шу, что трупами покрылось все поле и кровь лилась рекой. Множество воинов разбежалось, спасая свою жизнь. Суншаньские разбойники Лэй Бо и Чэнь Лань разграбили провиант и все запасы Юань Шу, который хотел вернуться в Шоучунь, но снова подвергся нападению разбойников. С ничтожными остатками войска ему пришлось взять с собой свою семью и слуг и уйти в Цзянтин.

Стояло знойное лето. Оставшиеся тридцать ху пшеницы Юань Шу велел разделить между воинами; семья и слуги его голодали, и многие из них умерли. Юань Шу не мог есть грубую пищу и велел повару принести медовой воды, чтобы утолить жажду.

– Откуда я возьму медовую воду? Осталась только кровавая, – ответил повар.

Сидевший на ложе Юань Шу внезапно с диким воплем повалился на пол. У него началась кровавая рвота, и вскоре он испустил дух.

Случилось это в шестом месяце четвертого года периода Цзянь-ань⁹². Потомки сложили о Юань Шу такие стихи:

В конце династии Хань оружие гремело повсюду,
Безумствовал Юань Шу, но знал ли он сам почему?
Он предков своих позабыл, прославленных гунов и сянов,
Мечтал императором стать, и трон уже снился ему.
Печатью бахвалился он, которую взял вероломством,

⁹² 199 г. н. э.

И знаки небес презирал, с развратом сроднив произвол.
Когда он воды попросил и не было даже росинки,
Со стоном на землю упал и кровью, злодей, изошел.

Племянник Юань Шу перевез гроб с телом умершего и его семью в Луцзян, где всех их перебил Сюй Цю. Сюй Цю забрал печать и отправил ее в Сюйчан для передачи Цао Цао. Тот на радостях пожаловал ему должность гаолинского тай-шоу. Так печать попала в руки Цао Цао.

Между тем Лю Бэй, узнав о гибели Юань Шу, написал донесение двору и отправил письмо Цао Цао. Чжу Лина и Лу Чжао он вернул в Сюйчан, а сам, оставив войска охранять Сюйчжоу, выехал из города, чтобы призвать разбежавшееся население приниматься за свои дела.

Когда Чжу Лин и Лу Чжао доложили обо всем Цао Цао, тот пришел в великий гнев и хотел казнить их, но его отговорил Сюнь Юй.

– Напишите лучше письмо Чэ Чжоу, чтобы он устроил Лю Бэю ловушку, – посоветовал он.

Цао Цао так и сделал. Чэ Чжоу, получив повеление, призвал на совет Чэнь Дэна.

– Все это очень просто, – сказал Чэнь Дэн. – Лю Бэй поехал созывать народ, не пройдет и дня, как он вернется. Устройте у городских ворот засаду и подождите его. Когда он подъедет, с ним можно будет покончить одним ударом. Я сам с городской стены стрелами перебью его стражу.

Чэ Чжоу принял этот совет.

Придя домой, Чэнь Дэн все рассказал отцу, и тот велел ему тотчас же уведомить Лю Бэя. Чэнь Дэн отправился в путь и вблизи Сюйчжоу встретил Гуань Юйя и Чжан Фэя.

Выслушав рассказ Чэнь Дэна, Чжан Фэй хотел сразу же перебить стражу у городских ворот, но Гуань Юй удержал его:

– Они нас ожидают. Действовать надо наверняка. Мы воспользуемся ночной темнотой и сделаем вид, будто в Сюйчжоу прибыли войска Цао Цао. Чэ Чжоу выйдет из города, тогда мы его и пристукнем.

Чжан Фэй согласился с Гуань Юйем. У воинов, находившихся под их командой, было такое же вооружение, как и у войска Цао Цао. Ночью они подошли к городу, окликнули стражу и на вопрос, кто они такие, ответили, что это отряд Чжан Ляо, посланный чэн-сяном Цао Цао. Об этом доложили Чэ Чжоу. Тот вызвал Чэнь Дэна и сказал ему в нерешительности:

– Если я их не встречу, моя преданность окажется под сомнением, а выйти боюсь, чтобы не попасть в ловушку.

В конце концов он поднялся на стену и сказал, что ночью трудно разглядеть прибывших и что лучше подождать до рассвета.

– Открывайте ворота, пока нас не настиг Лю Бэй! – закричали внизу.

Чэ Чжоу ничего не оставалось, как сесть на коня и выехать за ворота города.

– Где Чжан Ляо? – спросил он, но при свете огня распознал Гуань Юйя, который с поднятым мечом во весь опор несся ему навстречу.

– Презренный мятежник! Ты хотел убить моего брата! – кричал он.

Чэ Чжоу в страхе повернул обратно. У подъемного моста Чэнь Дэн со стены осыпал его стрелами. Чэ Чжоу поскакал вдоль стены, Гуань Юй за ним. Поднялась его рука, опустился меч, и мертвый Чэ Чжоу упал на землю. Гуань Юй отрубил ему голову и вернулся с победным криком:

– Мятежник Чэ Чжоу убит! Остальные не виновны! Сдавайтесь, и вы избежите смерти!

Воины опустили копья. Когда возбуждение улеглось, Гуань Юй с отрубленной головой Чэ Чжоу поскакал навстречу Лю Бэю и рассказал ему, как было дело. Лю Бэй заволновался:

– Что мы будем делать, если придет Цао Цао?

– Мы с Чжан Фэем встретим его! – ответил Гуань Юй.

Лю Бэй въехал в Сюйчжоу крайне встревоженный. Почтенные старейшины города падали ниц на дороге, приветствуя его. Во дворце брата встретил Чжан Фэй, он уже перебил всю семью Чэ Чжоу.

– Ты убил одного из приближенных Цао Цао! – воскликнул Лю Бэй. – Как чэн-сян стерпит это?

– Я знаю, как заставить Цао Цао отступить, – заявил Чэнь Дэн.

Вот уж поистине:

И от тигра ушел, из логова выбравшись ловко,

И злодея убил, обманув его хитрой уловкой.

Какой план предложил Чэнь Дэн, раскроет следующая глава.

Глава двадцать вторая, повествующая о том, как Юань Шао и Цао Цао выступили в поход с тремя армиями, и о том, как Гуань Юй и Чжан Фэй взяли в плен Ван Чжуна и Лю Дая

– Юань Шао – вот кого боится Цао Цао, – сказал Чэнь Дэн, предлагая свой план. – Он, как тигр, засел в землях Цзи, Цин и Ю. Почему бы не обратиться к нему с просьбой о помощи?

– Но мы с ним никогда не имели связей, – возразил Лю Бэй. – Да и захочет ли он помочь? Ведь я недавно разбил его брата.

– Здесь у нас есть человек, который был близок к трем поколениям семьи Юань Шао. Если послать его с письмом к нему, Юань Шао непременно откликнется.

– Уж не Чжэн Сюань ли это? – спросил Лю Бэй.

– Да.

Чжэн Сюань был большим ученым и обладал многими талантами. Долгое время он учился у Ма Юна⁹³, который во время занятий опускал прозрачную красивую занавеску и сажал перед ней своих учеников, а по ту сторону полукругом располагал девушек-певиц. Чжэн Сюань три года слушал его учение и ни разу не взглянул на занавес. Ма Юн только диву давался, и, когда Чжэн Сюань, закончив ученье, собирался домой, учитель сказал:

– Вы единственный, кто постиг смысл моего учения.

В семье Чжэн Сюаня даже все служанки знали наизусть «Стихи Мао». Однажды одна из служанок ослушалась Чжэн Сюаня, и тот заставил ее стоять на коленях перед крыльцом. Другая шутя спросила ее словами из стихотворения Мао:

Почему ты стоишь в грязи?

Провинившаяся отвечала, продолжая стихотворение:

Ему я просто словечко сказала
И гнев его на себе испытала.

Такова была обстановка, в которой рос Чжэн Сюань.

В годы правления императора Хуань-ди Чжэн Сюань был чиновником и дослужился до чина шан-шу. Потом начались поднятые евнухами смуты. Он покинул свой пост и вернулся в деревню, а теперь жил в Сюйчжоу.

Лю Бэй, в бытность свою в Чжоцзюне, учился у Чжэн Сюаня, а когда стал правителем Сюйчжоу, время от времени посещал его дом, просил у него наставлений и очень уважал его. Вот почему сейчас, услышав имя этого человека, Лю Бэй так обрадовался и вместе с Чэнь Дэном отправился к Чжэн Сюаню просить его написать письмо Юань Шао. Чжэн Сюань охотно согласился.

Лю Бэй тут же велел Сунь Цяню снарядиться в путь и доставить письмо на место.

Прочитав письмо, Юань Шао подумал: «Лю Бэй помогать не следовало бы – он разбил моего брата. Но из уважения к шан-шу Чжэн Сюаню я отказать не могу». И он созвал совет, чтобы обсудить поход против Цао Цао.

---

⁹³ Ма Юн – один из известных в Китае проповедников конфуцианства, живший во II веке н. э.

Советник Тянь Фын выступил первым:

– Уже несколько лет длится война, народ истощен, в житницах нет запасов. Большую армию поднимать нельзя. Пошлите сначала донесение Сыну неба о победе над Гунсунь Цзанем. Если оно до Сына неба не дойдет, объявите, что Цао Цао препятствует управлению, поднимите войска и захватите Лиян. Кроме того, соберите большой флот в Хэнэе, заготовьте оружие, отборными войсками займите пограничные города, и через три года великое дело будет завершено.

– Нет, с этим я не согласен, – заявил Шэнь Пэй. – Благодаря своему военному таланту князь Юань Шао одолел дикие орды в Хэбэе. А покарать Цао Цао так же легко, как махнуть рукой! Зачем затягивать это на месяцы?

– Победа не всегда на стороне того, у кого много войск, – возразил Цзюй Шоу. – У Цао Цао войска отборные, и действует он на основании законов. Он не станет, как Гунсунь Цзань, сидеть и ждать, пока попадет в беду. Не советую вам поднимать войска, не послав предварительно императору донесения о победе.

– А разве для похода на Цао Цао нет предлога? – спросил Го Ту. – Если князь, последовав совету шан-шу Чжэн Сюаня, вместе с Лю Бэем выступит за справедливость, это будет соответствовать воле неба и желаниям народа. Поистине это была бы великая радость!

Четыре советника так и не могли прийти к общему решению, и Юань Шао не знал, что предпринять. В этот момент прибыли Сюй Ю и Сюнь Шэнь.

– Вот у кого большой опыт! Послушаем, что они скажут, – решил Юань Шао.

После приветственных церемоний он обратился к ним:

– Пришло письмо от Лю Бэя. Шан-шу Чжэн Сюань советует мне помочь Лю Бэю в войне против Цао Цао. Как вы думаете, послать ли мне армию?

– О князь! – в один голос вскричали оба. – Своими многочисленными войсками вы одолеете малочисленные, сильными – разобьете слабых, покараете злодея и поддержите правящий дом. Правильно, правильно, посылайте войска!

– Ваше мнение совпадает с моими мыслями, – сказал Юань Шао и перешел к обсуждению плана похода.

Прежде всего он поручил Сун Сяню известить о своем решении Чжэн Сюаня и передать Лю Бэю, чтобы он двигался навстречу. Во главе армий Юань Шао поставил Шэнь Пэя и Фын Цзи. Тянь Фына, Сюнь Шэня и Сюй Ю он назначил советниками и повелел выступить к Лияну.

Когда все обязанности были распределены, Го Ту обратился к Юань Шао:

– Вам, князь, перед походом следовало бы перечислить все злодеяния Цао Цао и возвестить о них по всем округам, требуя наказания злодею. Тогда вещи будут названы своими именами.

Юань Шао послушался его и велел шу-цзи⁹⁴ Чэнь Линю, который в свое время подвергся гонениям со стороны Дун Чжо и скрылся от опасности в Цзичжоу, сочинить воззвание. Оно гласило:

«Известно, что проницательный правитель предвидит опасности и благодаря этому избегает превратностей судьбы; преданный сановник предвидит трудности и благодаря этому укрепляет власть. Это значит, что если есть выдающиеся люди, то есть и выдающиеся дела, а если есть выдающиеся дела, то есть и выдающиеся подвиги. Ведь необычайно то, что свершается необычайными людьми. В древности, когда император могучей Циньской династии ослабел, Чжао Гао захватил власть. Подданные терпели невероятные притеснения, никто не смел открыто сказать слова. И наконец, в храме

---

⁹⁴ Шу-цзи – должностное лицо вроде секретаря при высших военных и гражданских чиновниках.

Вань⁹⁵ произошло позорное событие; там были сожжены таблички с именами предков. Позор этот послужит уроком навеки, из поколения в поколение.

Позже, в годы правления императрицы Люй-хоу, ее братья Люй Чань и Люй Лу присвоили себе власть. В столице они держали две армии и правили княжествами Лян и Чжао. Они самовластно вмешивались в управление Поднебесной, решали дела в палатах дворца, понижали высших и возвышали низших, так что вскоре сердце народа охладело к ним. Тогда Цзянский хоу Чжоу Бо и чжусуйский Лю Чжан подняли против них войска. Неудержимые в своем гневе, они перебили злодеев и восстановили в правах великого предка – ханьского императора Вэнь-ди⁹⁶. Так великим подвигом Чжоу Бо и Лю Чжан вернули империю на путь процветания и славы. Вот достойный пример тому, как мудрые сановники укрепляют власть!

Евнух Цао Тэн, усыновивший Цао Суна – отца Цао Цао, – вступил в союз с Цзо Гуанем и Сюй Хуаном. Они вместе творили зло, были алчны, совершали насилия, мешали развитию просвещения и жестоко обращались с народом. Целые повозки золота и яшмы дарил Цао Сун могущественным людям и тем купил себе высокое положение и добился высоких чинов. Цао Цао получил в наследство все богатства евнуха. Не обладая добродетелями, Цао Цао действует коварно и хитро, он любит смуты и радуется чужим несчастьям.

Я сам стану во главе своих отважных воинов, уничтожу злодея, как это уже было с Дун Чжо, который притеснял чиновников и грабил народ.

Я поднимаю меч и бью в барабан, дабы навести порядок в Восточном Ся⁹⁷. Я призываю героев и беру их к себе на службу.

Прежде я думал, что у Цао Цао способности сокола и собаки, что его когти и зубы могут служить великому делу, и вступил с ним в союз. Я дал ему войско. Но глупое легкомыслие и недальновидность Цао Цао довели его до опрометчивых нападений и поспешных отступлений, до тяжелых потерь и поражений. Он не раз губил армии, но я снова давал ему войско, награждал за храбрость и оказывал знаки уважения. Я представил доклад императору, и его назначили яньчжоуским цы-ши.

Я облек его большой властью и укрепил его влияние в надежде, что он оправдает себя, хоть раз одержав победу, подобную победам циньского войска.

Но Цао Цао воспользовался властью, как свинья. Он выскочил из запруды, как большая рыба, стал разнузданным и жестоким. Он губит простой народ, бесчеловечно обращается с мудрыми и причиняет зло добродетельным. Так, цзюцзянский тай-шоу Бянь Жан, человек выдающихся талантов, имя которого знала вся Поднебесная, был казнен деспотом Цао Цао за прямоту и честность в своих речах. Голова Бянь Жана была выставлена напоказ; вся его семья уничтожена. Люди ученые возмущены, народ негодует. Некий храбрый муж в гневе своем поднял на тирана руку, и весь округ поддержал его.

Цао Цао был разбит в Сюйчжоу, и земли его захватил Люй Бу. Цао Цао бежал на восток, не имея пристанища и не зная, где приклонить голову. Я стою за могучий ствол и слабые ветви⁹⁸, я не из тех, кто возмущает спокойствие народа. Поэтому я еще раз развернул знамена, облачился в латы и

⁹⁵ Вань – храм, где циньский канцлер Чжао Гао убил циньского императора Эр-ши-хуана.

⁹⁶ Вэнь-ди (179–157 до н. э.) – ханьский император, сын Гао-цзу.

⁹⁷ Восточное Ся – восточная часть Китая.

⁹⁸ Образное выражение, символизирующее сильную центральную власть и ограниченную власть удельных князей.

выступил на помощь Цао Цао. Когда загремели мои боевые барабаны, полчища Люй Бу бежали без оглядки. Спасая Цао Цао от смертельной опасности и восстанавливая его власть, я помогал не населению Яньчжоу, а оказывал услугу лично ему.

Потом случилось так, что на императорский поезд в пути напали орды разбойников, и я, не имея возможности покинуть Цзичжоу, которому угрожала опасность со стороны северных границ, послал чжун-лана⁹⁹ Сюй Сюня к Цао Цао призвать его отстроить храмы предков династии и защищать молодого правителя. Цао Цао дал волю своим дурным наклонностям и стал действовать незаконно. Он оскорблял правящий дом, нарушал порядки. Он занял должности трех гунов и присвоил всю власть. Он своей волей награждал и миловал. По одному его слову людей наказывали и казнили. Своих любимцев он прославлял на пять поколений, а тех, кого ненавидел, уничтожал в трех поколениях. Если его осуждали простые люди – их казнили открыто; если знатные – казнили тайно. Чиновники не открывали рта, путники обменивались лишь молчаливыми взглядами. По заранее составленным спискам он разделил на классы всех правительственных чиновников.

Тай-вэй Ян Бяо, вызвавший неприязнь Цао Цао, был неповинно избит палками, но он готов был претерпеть пять видов наказаний и принять на себя гнев и подозрения, только бы не обращаться к законам.

И-лан Чжао Янь также был неподкупно честен и справедлив, своей мудростью он заслужил уважение при императорском дворе. А Цао Цао среди бела дня осмелился схватить его и самовластно предал казни, даже не выслушав его оправданий!

К могиле брата прежнего императора, князя Лян Сяо, следует относиться с благоговением и всячески оберегать растущие на ней тутовые и сандаловые деревья, сосны и кипарисы. Но воины Цао Цао в его присутствии разрыли могилу, взломали гроб, сняли одежды с умершего, украли золото и драгоценности. До сего дня Сын неба проливает слезы, и все окружающие скорбят! Для тех, кто раскапывает могилы и грабит трупы, Цао Цао учредил особые должности.

Сам Цао Цао, занимающий посты трех гунов, ведет себя как разбойник, обижает государя, вредит народу. Он – проклятие для людей и духов. К ничтожеству своему он добавил тиранию и жестокость.

Ныне препятствия и запреты расставлены повсюду, силки и сети заполняют все тропинки, рвы и волчьи ямы преграждают дороги. Поднимешь руку – попадешь в сеть, двинешь ногой – угодишь в западню. Вот почему среди населения округов Янь и Юй растет отчаяние, а в столице усиливается ропот. Если просмотреть все книги по истории, то и среди самых безнравственных сановников не найдешь ни одного, кто был бы более алчен, жесток и похотлив, чем Цао Цао.

Мы здесь только перечисляем его грехи. Мы не исправляли Цао Цао в надежде, что он исправится сам. Но у Цао Цао оказалось сердце волка. Он вынашивает злые замыслы и хочет расшатать столпы государства. Он стремится ослабить Ханьский дом, уничтожить честных и преданных и стать незаконным основателем династии.

⁹⁹ Чжун-лан – чиновник, ведавший ночной стражей и дежурствами во дворце императора.

Когда мы пошли на север воевать с Гунсунь Цзанем, этот сильный и упорный разбойник задержал там нас на целый год. И Цао Цао тайно предлагал ему свою помощь, но гонец был схвачен, заговор был раскрыт и Гунсунь Цзань уничтожен. Острые коварства сломалось, предательский план Цао Цао провалился. Ныне Цао Цао расположился в Аоцане, где его положение укрепляет река, и собирается, как кузнечик своими ножками, преградить путь грохочущим колесницам.

Вдохновленные духом предков великого Хань, мы готовы смести все препятствия! У нас великое множество копьеносцев и всадников – воинов, отважных, как Чжун Хуан, Ся Юй и У Хо¹⁰⁰. Мы призываем умелых лучников. В Бинчжоу наши войска перешли Тайхан¹⁰¹, в Цинчжоу – переправились через реки Цзи и Та¹⁰². Наша великая армия идет по течению Хуанхэ, чтобы сразиться с головными отрядами неприятеля, и от Цзинчжоу двигается к Ванье, чтобы отрезать вражеский тыл. Громоподобна поступь наших воинов, их сила подобна языкам пламени, охватившим сухую траву, и голубому океану, хлынувшему на пылающие угли. Встретится ли на их пути преграда, которая остановит их?

Лучшие воины Цао Цао набраны в селениях округов Ю и Цзи. Все они ропщут и стремятся домой, проливают слезы и ищут случая уйти от него. Остальное войско – люди из округов Янь и Юй да остатки армий Люй Бу и Чжан Яна. Нужда придавила их и заставила временно пойти на службу к Цао Цао. Они повинуются ему, пока у него есть власть, но все чувствуют себя на чужбине и враждуют друг с другом.

Как только я поднимусь на вершину горы, разверну знамя, ударю в барабаны и вскину белое полотнище, призывая их сдаться, они рассыплются, как песок, развалятся, как кучи черепицы, и нам не надо будет проливать кровь.

Ныне династия Хань клонится к упадку, нити, связывающие империю, ослабли. У священной династии нет ни одного защитника, на которого можно было бы положиться. Все высшие сановники в столице опустили головы и беспомощно сложили крылья – им не на кого опереться. Жестокий тиран угнетает верных и преданных, и они не могут выполнить своего долга.

Цао Цао держит семьсот отборных воинов якобы для охраны дворца, а на самом деле император у него в плену.

Я опасаюсь, что это начало полного захвата власти, и более не могу бездействовать! В эти тяжелые времена преданные династии сановники должны быть готовы пожертвовать своей жизнью! Непокоримым защитникам Поднебесной открывается путь к свершению подвига. Да и надо ли убеждать героев!

Мы доводим до всеобщего сведения, что Цао Цао подделал императорский указ, повелевающий отправить войска в поход. Мы опасаемся, как бы дальние пограничные округа не поверили этому и не послали помощь мятежнику, ибо тогда они погубят себя и станут посмешищем для Поднебесной!

Эта опасность должна быть предотвращена!

¹⁰⁰ Чжун Хуан, Ся Юй, У Хо – три знаменитых силача в Древнем Китае.

¹⁰¹ Тайхан – название горного хребта в провинциях Хэнань, Хэбэй и Шаньси.

¹⁰² Цзи – река в провинции Хэнань; Та – река в провинции Шаньдун.

Ныне войска округов Ючжоу, Бинчжоу, Цинчжоу и Цзинчжоу уже выступили на защиту Поднебесной. Когда это воззвание получат в Цзинчжоу, вы увидите, какие огромные силы соединятся с войсками Чжан Сю. Если все остальные округа также соберут войска и выставят их вдоль границ, показывая этим свою мощь и готовность поддержать династию, это будет великим подвигом!

Герой, который добудет голову Цао Цао, получит титул хоу с правом владения пятью тысячами дворов и крупную денежную награду. Сдавшихся воинов и военачальников ни о чем допрашивать не будут.

Мы обращаемся с этим возванием ко всей Поднебесной и извещаем, что священная династия в опасности!»

Просмотрев воззвание, Юань Шао остался очень доволен. Он приказал переписать его и разослать во все округа и уезды, вывесить на заставах, на перекрестках дорог и переправах.

Воззвание попало и в Сюйчан. Цао Цао, страдавший от головной боли, лежал на своем ложе. При виде возвания он задрожал всем телом и покрылся холодной испариной. Забыв о своих недугах, он одним прыжком вскочил с постели и крикнул Цао Хуну:

– Кто писал воззвание?

– Это, как я слышал, кисть Чэнь Линя, – ответил тот.

– Тот, кто обладает литературным талантом, должен подкреплять его военным искусством! – рассмеялся Цао Цао. – Бесспорно, Чэнь Линь пишет прекрасно, но что толку в этом, если у Юань Шао нет военных способностей!

Цао Цао немедленно собрал совет, чтобы обсудить план похода против врага. На совет пришел и Кун Юн.

– С Юань Шао возможен только мир, воевать с ним нельзя – слишком велики его силы, – сказал он.

– Какой смысл договариваться с ним о мире? – отмахнулся Сюнь Юй. – Это нестоящий человек.

– Земли Юань Шао обширны, народ там сильный, – не сдавался Кун Юн. – У него такие мудрые советники, как Сюй Ю, Го Ту, Шэнь Пэй и Фын Цзи, такие верные сановники, как Тянь Фын и Цзюй Шоу. У него три славных полководца – Янь Лян, Вэнь Чоу и Юн Гуань, да и военачальники Гао Лань, Шуньюй Цюн и Чжан Хэ тоже пользуются широкой известностью. Можно ли называть его нестоящим человеком?

– У Юань Шао много войск, но в них нет порядка, – перебил его Сюнь Юй. – Тянь Фын смел, но ненадежен, Сюй Ю жаден, но неумен, Шэнь Пэй усерден, но непроницателен, Фын Цзи храбр и решителен, но никакой пользы не приносит! Люди эти ненавидят друг друга, можете не сомневаться, у них начнется междоусобица. Янь Лян и Вэнь Чоу храбры животной храбростью, и в первом же бою их нетрудно взять живьем. Остальные – грубы и неотесанны. Будь их хоть тысяча, они ничего не могут сделать!

Кун Юн молчал. Цао Цао громко рассмеялся:

– Да, Сюнь Юй очень верно изобразил их!

Итак, поход был решен. Во главе передовых отрядов был поставлен Лю Дай; войском, прикрывающим тыл, командовал Ван Чжун. Пятьдесят тысяч воинов двинулись к Сюйчжоу против Лю Бэя. Сам Цао Цао возглавил двести тысяч воинов и повел их к Лияну, чтобы одновременно напасть и на Юань Шао.

– Боюсь, что Лю Даю и Ван Чжуну не справиться с такой задачей, – заметил Чэн Юй.

– Я и сам знаю, – сказал Цао Цао. – Это простая уловка: я не собираюсь посылать их сражаться с Лю Бэем. Пусть стоят там, пока я не разгромлю Юань Шао, потом я подтяну войска и разобью Лю Бэя сам.

Армия Цао Цао подошла к Лияну. Войска Юань Шао стояли в восьмидесяти ли от города. Противники обнесли места своих стоянок глубокими рвами, насыпали высокие валы, но в бой не вступали. Оборона длилась с восьмого месяца до десятого.

Сюй Ю был недоволен тем, что войсками командует Шэнь Пэй, а Цзюй Шоу – тем, что Юань Шао не пользуется его советами. Согласия между ними не было, они даже не помышляли о нападении. Юань Шао, охваченный сомнениями, тоже не думал о решительных действиях. Тогда Цао Цао приказал Цзан Ба, прежде служившему у Люй Бу, охранять Цинской, Ио Цзиню и Ли Дяню расположиться на реке Хуанхэ, Цао Жэню с главными силами разместиться в Гуаньду, а сам с отрядом возвратился в Сюйчан.

Лю Дай и Ван Чжун стояли лагерем в ста ли от Сюйчжоу. Над лагерем развевалось знамя Цао Цао, но военачальники наступления не предпринимали, ограничиваясь разведкой к северу от реки. Лю Бэй, не зная намерений противника, не решался нападать первым и также довольствовался разведкой.

Неожиданно от Цао Цао прискакал к Лю Даю и Ван Чжуну гонец с приказом немедленно начать военные действия.

– Чэн-сян торопит нас со взятием города, – сказал Лю Дай. – Вы двинетесь первым.

– Нет, чэн-сян приказал вам.

– Как же мне идти впереди – я главнокомандующий!

– Что ж, поведем войска вместе, – предложил Ван Чжун.

– Нет, лучше потянем жребий.

Жребий пал на Ван Чжуна, и он с половиной войск отправился на штурм Сюйчжоу.

Об этом стало известно Лю Бэю. Он позвал Чэнь Дэна и сказал:

– Юань Шао расположился в Лияне; его советники и сановники ссорятся, и он не двигается с места. Кроме того, я слышал, что в лиянской армии нет знамени Цао Цао. Что будет, если он появится здесь?

– Цао Цао всегда хитрит, – заметил Чэнь Дэн. – Он считает наиболее важным местом Хэбэй и внимательно следит за ним, но нарочно поднял знамя не там, а здесь, чтобы ввести нас в заблуждение. Я уверен, что самого Цао Цао тут нет.

– Братья мои, – обратился Лю Бэй, – кто из вас может разузнать, так ли это?

– Я готов! – вызвался Чжан Фэй.

– Тебе нельзя, ты слишком вспыльчив.

– Если Цао Цао здесь, я притащу его к вам! – горячился Чжан Фэй.

– Разрешите мне разведать, – вмешался Гуань Юй.

– Если поедет Гуань Юй, я буду спокоен, – заключил Лю Бэй.

Гуань Юй с тремя тысячами конных и пеших воинов выступил из Сюйчжоу. Начиналась зима. Черные тучи заволокли небо, в воздухе кружились снежные вихри. Люди и кони были запорошены снегом. Гуань Юй, размахивая мечом, выехал вперед, вызывая Ван Чжуна на переговоры.

– Чэн-сян здесь, почему вы не сдаетесь? – спросил Ван Чжун, также выезжая вперед.

– Пусть выйдет, я хочу поговорить с ним!

– Да разве он захочет смотреть на тебя? – воскликнул Ван Чжун.

Гуань Юй, придя в ярость, стремительно кинулся на Ван Чжуна, и тот, струсив, повернул коня. Гуань Юй нагнал его и, переложив меч в левую руку, правой ухватился за ремень, скрепляющий латы противника, стянул его с коня, перекинул поперек своего седла и вернулся в строй. Армия Ван Чжуна разбежалась.

Связанного Ван Чжуна Гуань Юй доставил к Лю Бэю.

– Кто ты такой? Как ты посмел выставить знамя чэн-сяна? – спросил его Лю Бэй.

– Сам бы я ни за что не осмелился, если бы не получил приказа ввести вас в заблуждение, – ответил Ван Чжун, – чэн-сяна на самом деле здесь нет.

Лю Бэй велел дать ему одежду, напоить и накормить, но держать в темнице, пока не будет пойман Лю Дай. Затем он созвал второй совет.

– Мой брат захватил Ван Чжуна, а я возьму Лю Дая, – сказал Чжан Фэй.

– Лю Дай когда-то был яньчжоуским цы-ши и одним из первых пришел к перевалу Хулао сражаться против Дун Чжо, – заметил Лю Бэй. – С ним надо быть осторожным.

– Не так уж он силен, чтобы о нем столько говорить! – заявил Чжан Фэй. – Я возьму его живым, и делу конец!

– Но если ты убьешь его, расстроится великое дело, – предупредил Лю Бэй.

– Ручаюсь своей жизнью! – заверил Чжан Фэй.

Лю Бэй дал ему три тысячи воинов, и Чжан Фэй тронулся в путь. Однако после поимки Ван Чжуна взять Лю Дая оказалось не так-то просто. Несколько дней Чжан Фэй подстерегал его, подъезжал к лагерю противника, бранился, вызывал его в бой, но Лю Дай не выходил.

Тогда у Чжан Фэя зародился новый план. Притворившись пьяным, он придрался к нарушениям порядка и избил одного воина. Провинившегося связали и положили посреди лагеря.

– Погоди у меня! – пригрозил ему Чжан Фэй. – Сегодня ночью перед выступлением принесу тебя в жертву знамени!

Вечером по приказанию Чжан Фэя воина тайно освободили, а тот бежал к Лю Даю и рассказал о готовящемся нападении на его лагерь. Перебежчик был сильно избит, и Лю Дай ему поверил. Он велел своим воинам уйти из лагеря и устроить засаду в стороне.

Ночью Чжан Фэй, разделив войско на три отряда, послал десятка три воинов поджечь лагерь врага, а остальные должны были обойти противника с тыла и напасть на него, как только будет дан сигнальный огонь.

Тридцать воинов проникли в лагерь врага и подожгли его. Лю Дай напал на них, но тут подоспели два отряда Чжан Фэя. Воины Лю Дая не знали, как велики силы противника, и обратились в бегство. Лю Дай вырвался на дорогу, и тут его встретил Чжан Фэй. Враги всегда сходятся на узкой тропинке! Положение было безвыходное. В первой же схватке Лю Дай попал в плен, остальные сдались сами. Чжан Фэй отправил донесение в Суйчжоу.

– Я доволен Чжан Фэем! – заявил Лю Бэй. – Прежде он был неистов и груб, а на этот раз действовал мудро!

– Ну, каково? – спрашивал Чжан Фэй брата, когда тот вместе с Гуань Юйем выехал из города встречать его. – Вы же говорили, что я вспыльчив и груб!

– А стал бы ты придумывать хитрость, если бы я не поумерил твой пыл? – спросил Лю Бэй.

Чжан Фэй рассмеялся. Подвели связанного Лю Дая. Лю Бэй соскочил с коня, развязал его и обратился к нему с такими словами:

– Мой младший брат обидел вас. Надеюсь, что вы простите его?

Ван Чжун тоже был освобожден. С пленниками обходились очень милостиво. Лю Бэй объяснил им:

– Я убил Чэ Чжоу потому, что он хотел причинить мне вред, а чэн-сян Цао Цао заподозрил меня в бунте и решил наказать. Да разве я дерзну бунтовать! Я желал оказать ему услугу в знак благодарности за большие милости. Надеюсь, вы замолвите за меня доброе словечко, когда вернетесь в Суйчан? Для меня это было бы великим счастьем.

– Мы глубоко благодарны вам за то, что вы сохранили нам жизнь, – отвечали Лю Дай и Ван Чжун. – Мы не пожалеем даже своих семей, но будем защищать вас перед чэн-сяном!

Лю Бэй поблагодарил. На другой день пленникам возвратили их войско и проводили за город. Но не успели Лю Дай и Ван Чжун пройти и десяти ли, как раздался грохот барабанов. Чжан Фэй преградил им путь.

– Стойте! Мой старший брат ошибся! – кричал Чжан Фэй. – Он не распознал, что вы мятежники! Зачем он отпустил вас?

Лю Дай и Ван Чжун задрожали от страха, когда Чжан Фэй, округлив глаза, с копьем наперевес устремился на них.

– погоди! – раздался предостерегающий возглас.

Это был Гуань Юй. При виде его Лю Дай и Ван Чжун успокоились.

– Раз старший брат отпустил их, как ты смеешь нарушать его приказ? – укорял брата Гуань Юй.

– Отпусти их сегодня, а завтра они опять придут, – проворчал Чжан Фэй.

– Подожди, когда они еще раз придут, тогда и убьешь, – спокойно возразил Гуань Юй.

– Пусть даже чэн-сян уничтожит три наших поколения, все равно мы больше не придем! – в один голос воскликнули Лю Дай и Ван Чжун. – Простите нас!

– Если бы здесь появился сам Цао Цао, я убил бы и его! – продолжал горячиться Чжан Фэй. – И ни одной пластинки от лат не вернул бы! Ну ладно уж, дарю вам ваши головы!

Лю Дай и Ван Чжун умчались, в ужасе обхватив головы руками, а Гуань Юй и Чжан Фэй вернулись к Лю Бэю и уверенно сказали:

– Цао Цао, конечно, придет опять.

– Если он нападет, нам в Сюйчжоу долго не удержаться, – сказал Сунь Цянь. – Разумнее будет разделить войска и расположить их в Сяопэе и Сяпи, создав положение «бычьих рогов».

Лю Бэй принял этот совет.

Когда Лю Дай и Ван Чжун передали Цао Цао слова Лю Бэя, он в негодовании воскликнул:

– Что мне с вами делать, негодяи? Вы позорите государство!

Он велел увести несчастных и обезглавить.

Поистине правильно сказано:

Кто слышал, чтоб тигр бежал от свиньи иль собаки?

Сражаться с драконом не могут ни рыбы, ни раки.

Какова судьба этих двух людей, об этом вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцать третья, в которой будет идти речь о том, как Ни Хэн бранил злодеев, и о том, как великий лекарь Цзи Пин был казнен за отравление

За Лю Дая и Ван Чжуна вступился Кун Юн.

– Ну как им было соперничать с Лю Бэем? – сказал он. – А убьете их – потеряете сочувствие своих воинов.

Цао Цао отменил казнь, но лишил их всех должностей и жалованья. Он сам хотел вести войско против Лю Бэя, но Кун Юн стал отговаривать его:

– Сейчас зима, трещат морозы, в поход выступать невозможно. Обождите до весны: раньше следует призвать к миру Чжан Сю и Лю Бяо, а потом можно подумать и о Суйчжоу.

Цао Цао послал Лю Е на переговоры к Чжан Сю. Прибыв в Сянчэн, Лю Е прежде всего повиделся с Цзя Сюем и в беседе с ним всячески восхвалял добродетели Цао Цао. Цзя Сюй предложил послу отдохнуть в его доме, а сам отправился к Чжан Сю. В это же время прибыл гонец и от Юань Шао с предложением заключить мир.

– Ну, как идут дела с Цао Цао? – спросил у гонца Цзя Сюй. – Вы, кажется, собирались разбить его?

– Нам помешали зимние холода, – отвечал тот. – Вы и Лю Бяо – люди наиболее прославленные в стране, и я послан к вам просить помощи.

Цзя Сюй усмехнулся:

– Возвращайтесь лучше к Юань Шао да скажите ему, что если уж он не мог терпеть соперничества со стороны родного брата, как же он потерпит его от других?

Письмо он уничтожил на глазах гонца, а его самого прогнал.

– Что вы наделали? Зачем вы порвали письмо? – взволновался Чжан Сю. – Юань Шао сейчас силен, а Цао Цао слаб...

– Лучше пойти служить Цао Цао, – заявил Цзя Сюй.

– Мы враждуем, он меня не примет.

– В службе Цао Цао есть три преимущества, – продолжал Цзя Сюй. – Он получил повеление Сына неба навести порядок в Поднебесной – это во-первых. Юань Шао, конечно, силен, и наша ничтожная помощь не заставит его уважать нас, а Цао Цао хоть и слаб, но, заручившись нашей поддержкой, будет доволен – это во-вторых. Кроме того, Цао Цао намерен стать главой пяти могущественных князей, ради чего он, безусловно, забудет о личной вражде и пожелает показать миру свое великодушие – это в-третьих. Во всем этом можете не сомневаться.

Чжан Сю велел пригласить Лю Е. Тот явился и на все лады принялся расхваливать Цао Цао:

– Разве чэн-сян послал бы меня завязать дружбу с вами, если бы он помнил старое зло?

Чжан Сю очень обрадовался и в сопровождении Цзя Сюя отправился в Суйчан принести покорность. Он низко поклонился Цао Цао у ступеней возвышения, на котором тот сидел. Но Цао Цао поспешно поддержал его и, взяв за руку, молвил:

– Прошу вас, забудьте мои маленькие ошибки.

Цао Цао пожаловал Чжан Сю и Цзя Сюю высокие чины и просил их призвать к миру Лю Бяо. Цзя Сюй сказал:

– Лю Бяо любит водить дружбу с людьми знаменитыми. Пошлите к нему на переговоры прославленного ученого, и он покорится.

– Кому бы поручить это? – спросил Цао Цао, обращаясь к Сюнь Ю.

– Можно Кун Юну, – предложил тот.

По поручению Цао Цао Сюнь Ю повидался с Кун Юном:

– Чэн-сяну нужен знаменитый ученый, чтобы выполнить роль государственного посла. Вы не возьметесь за это?

– Сам я не возьмусь, но у меня есть друг Ни Хэн, – ответил Кун Юн. – Таланты его в десять раз превосходят мои. Этот человек мог бы быть среди приближенных Сына неба, а не только послом! Я позволю себе привлечь к нему внимание государя.

Не теряя времени, Кун Юн обратился к императору со следующим посланием:

«Ваш слуга слышал, что, когда разлились реки и император задумал укротить их, он со всех сторон созывал мудрецов.

В старину, когда ваш великий предок¹⁰³ унаследовал престол и решил расширить границы своих владений, он призывал к себе помощников, и толпы ученых откликнулись на его призыв.

Ваш слуга знает Ни Хэна, ученого из Пинъюаня, еще не поступившего на службу. Ему двадцать четыре года. Его чистая натура – прекрасна, таланты – замечательны. В юном возрасте, едва лишь одолев грамоту, он вступил в храм науки и познал всю мудрость небесных знамений и земных законов. То, что он хоть раз видел своими глазами, он может повторить своими устами. То, что мимолетно вошло в его уши, он навсегда сохраняет в своем сердце. Его характер соответствует жизненному пути, его мысли обладают чудодейственной силой. Изобретательностью и прозорливостью своей он превосходит Сан Хун-яна и Чжан Ань-ши. Он предан, решителен и честен, стремления его чисты, как иней и снег. Он относится к добру с трепетом благоговения, а к злу – с непреклонной ненавистью. Жэнь Цзо в непреклонной прямоте своей, Ши Юй в высокой своей нравственности, пожалуй, никогда не превосходили его.

Сто хищных птиц не стоят одного коршуна-рыболова. Если Ни Хэн будет состоять при дворе, советы его, несомненно, будут заслуживать внимания. Он изворотлив в спорах, остроумен в выражениях, его преисполненная умом энергия бьет ключом. В разрешении сомнений и объяснении запутанного ему нет равных.

В древности Цзя И¹⁰⁴ вызвался отправиться в зависимое государство и хитростью вошел в доверие к шань-юю¹⁰⁵, а Чжун Цзюнь изъявил готовность конскими поводьями связать князя Наньюэ. Поведение этих юношей достойно великого восхищения.

В недавнее время Лу Цзуй и Янь Сян, также обладающие необыкновенными талантами, получили должности тай-ланов¹⁰⁶. Ни Хэн не хуже их. Если вы призовете его к себе, дракон от радости взмоет к созвездиям и, распластав крылья, будет парить вдоль Млечного Пути. Слава Ни Хэна расцветет, как роза, засияет, словно радуга. Он заслуживает того, чтобы ученые нашего века гордились им, он способен умножить величие Четырех врат¹⁰⁷. Ни Хэн будет украшением столицы, и императорский дворец

---

¹⁰³ Имеется в виду ханьский император У-ди (140–88 до н. э.).

¹⁰⁴ Цзя И – ученый, живший в начале Ханьской династии (II в. до н. э.).

¹⁰⁵ Шань-юй – княжеский титул у племен сюнну (гуннов).

¹⁰⁶ Тай-лан – придворная должность, соответствующая должности шан-шу (см. сноску на с. 29).

¹⁰⁷ В Древнем Китае ученые проповедовали свое учение у четырех ворот столицы.

приобретет необыкновенное сокровище. Не много найдется людей, подобных Ни Хэну.

Своим искусством исполнять „Цзи-чу“ и „Ян-а“¹⁰⁸ он может вызвать зависть у лучших актеров, своим умением ездить на быстрых конях, подобных Фэй-ту и Яо-мяо¹⁰⁹, он мог бы привести в ярость даже Ван Ляна и Бо Лэ¹¹⁰. Вы, государь, выбирающий себе слуг с величайшим тщанием, должны испытать Ни Хэна. Прикажите ему в простой одежде предстать перед вашими очами, и, если у него не окажется должных достоинств, пусть я буду наказан как наглый обманщик».

Император передал послание Цао Цао, и тот распорядился вызвать Ни Хэна. После ответственных церемоний Цао Цао пригласил его сесть. Ни Хэн обратился к небу и со вздохом сказал:

– Хотя и необъятен мир, но нет в нем людей!

– Как это – нет людей? – изумился Цао Цао. – У меня под началом несколько десятков человек, и все они герои!

– Хотел бы я знать, кто они?

– Сюнь Юй, Сюнь Ю, Го Цзя, Чэн Юй – все люди дальновидного ума и на редкость искусные. Даже Сяо Хэ и Чэн Пину далеко до них! Чжан Ляо, Сюй Чу, Ли Дянь, Ио Цзинь – храбрейшие из храбрых. Ни Цинь Пэну, ни Ма У не сравниться с ними! А мои помощники Люй Цянь и Мань Чун! А мои военачальники Юй Цзинь и Сюй Хуан! Сяхоу Дунь – один из удивительных талантов Поднебесной, Цао Жэнь – самый ловкий военачальник в наше время! Как же вы говорите, что в мире нет людей?

– Вы ошибаетесь, – возразил Ни Хэн со спокойной улыбкой. – Этих я знаю. Сюнь Юйя можно послать плакальщиком на похороны или навеститься к больному. Сюнь Ю годен ухаживать за могилами, Чэн Юйю можно поручать закрывать окна и двери, Го Цзя пригоден для чтения стихов, Чжан Ляо способен бить в барабаны и гонги, Сюй Чу – пасти коров да ходить за лошадьми, Ио Цзинь может писать да читать указы, Ли Дянь – развозить письма да депеши, Люй Цянь пригоден на то, чтобы точить ножи да ковать мечи, Мань Чун – чтобы пить да есть, а Сюй Хуан – резать собак да колоть свиней. Сяхоу Дуня следовало бы именовать полководцем «Неповрежденной головы», а Цао Жэня – «тай-шоу Люблю денежки». Все остальные – вешалки для платья, мешки для риса, бочки для вина да корзины для мяса!

– А какими способностями обладаешь ты сам? – едва сдерживая гнев, спросил Цао Цао.

– Из небесных знамений и земных законов нет таких, которых я не постиг бы. В трех учениях и девяти течениях¹¹¹ нет ничего неведомого мне. Я мог бы сделать Сына неба равным Яо и Шуню, а сам я в добродетелях могу сравниться с Куном и Янем!¹¹² Да что мне рассуждать с безграмотными людьми! – воскликнул Ни Хэн и спокойно направился к выходу.

Стоявший рядом с Цао Цао Чжан Ляо схватился было за меч, но Цао Цао удержал его и сказал:

– Мне не хватает барабанщика, который играл бы во время пиров и представлений при дворе. Я хочу на эту должность поставить Ни Хэна.

– Почему вы не казните этого наглеца? – спросил Чжан Ляо.

¹⁰⁸ «Цзи-чу» – стихи древнего поэта Цюй Юаня (IV в. до н. э.), «Ян-а» – народные песни.

¹⁰⁹ Фэй-ту и Яо-мяо – легендарные кони, славившиеся своей быстротой.

¹¹⁰ Ван Лян и Бо Лэ – знаменитые знатоки коней, жившие при династии Чжоу.

¹¹¹ Три учения – конфуцианство, даосизм, буддизм; девять течений – девять прикладных наук.

¹¹² Кун – Конфуций; Янь – Янь Хуэй, ученик Конфуция, почитаемый конфуцианцами за мудрость.

– Он широко известен, люди вблизи и вдали прислушиваются к нему, – возразил Цао Цао. – Поднебесная не простила бы мне его смерти. Раз уж он считает себя таким талантливым, так я и сделаю его барабанщиком и этим опозорю его.

На следующий день Цао Цао устроил во дворце большой пир. Все барабанщики явились в праздничных одеждах, и только Ни Хэн пришел в старом платье. Заиграли «Юй-ян»¹¹³. Звуки музыки были прекрасны и мощны, напоминая удары камня о металл. Гости, растроганные, проливали слезы.

– А почему ты не переоделся? – спросил Ни Хэна один из приближенных Цао Цао.

И вдруг Ни Хэн перед всеми снял свое старое платье и остался совершенно голым. Гости закрыли лица руками.

– Стыда у тебя нет! – закричал Цао Цао. – Не забывай, что ты в императорском храме предков!

– Обманывать Сына неба и высших – вот бесстыдство, – невозмутимо отвечал Ни Хэн. – Я обнажил формы, данные мне отцом и матерью, и хочу показать свое чистое тело!

– Это ты-то чист? – съязвил Цао Цао. – А кто же, по-твоему, грязен?

– Ты не отличаешь мудрости от глупости, значит у тебя грязные глаза. Ты не читаешь книг и стихов, значит грязен твой рот. Ты не выносишь правдивых слов, значит грязны твои уши. Ты не отличаешь старого от нового, значит ты грязен телом. Ты мечтаешь о захвате власти, значит ты грязен душой. Я – самый знаменитый ученый в Поднебесной, а ты сделал меня барабанщиком, подобно тому как Ян Хо унизил Чжун-ни, а Цзан Цан оскорбил Мын Цзы¹¹⁴. Ты хочешь стать ба-ваном, а сам презираешь людей!

– Ни Хэн, разумеется, виноват, но он слишком ничтожен, чтобы его слова могли нарушить ваш сон, – вмешался Кун Юн, трепетавший за жизнь Ни Хэна.

– Ты поедешь моим послом в Цзинчжоу, – сказал Цао Цао, обращаясь к Ни Хэну. – Если Лю Бяо покорится, я сделаю тебя сановником.

Ни Хэн отказался. Но Цао Цао все же велел приготовить трех коней, чтобы два всадника могли сопровождать Ни Хэна, придерживая его за руки, и в честь его отъезда распорядился устроить пир за восточными воротами.

– Не вставайте, когда появится Ни Хэн, – предупредил присутствующих Сюнь Юй.

---

¹¹³ «Юй-ян» – «Рыбная ловля», название песенки.

¹¹⁴ Мын Цзы – конфуцианский философ, живший в IV веке до н. э.

Ни Хэн вошел. Все сидели. Он испустил громкий вопль.
– Почему вы плачете? – спросил его Сюнь Юй.
– Как же мне не плакать? Я вхожу в могилу...

– Если мы мертвецы, то ты безголовый дух! – возмутились все.

– Я подданный ханьского императора, а не приспешник Цао Цао, – отвечал Ни Хэн. – Поэтому я не безголовый!

– Стойте! – остановил гостей Сюнь Юй, когда те хотели наброситься на Ни Хэна с мечами. – Это такое же жалкое существо, как воробей или мышь, стоит ли пачкать о него мечи?

– Хорошо, пусть я воробей, мышь, кто угодно, но зато у меня человеческая душа! Вы же только черви и осы!

Охваченные негодованием, гости разошлись.

Ни Хэн прибыл в Цзинчжоу и предстал перед Лю Бяо. Произнося хвалебные речи, он лишь высмеивал Лю Бяо. Это не укрылось от последнего, и он приказал Ни Хэну ехать в Цзянься к Хуан Цзу.

– Ни Хэн смеялся над вами. Почему вы не казнили его? – спросил кто-то у Лю Бяо.

– Ни Хэн опозорил Цао Цао, но тот не убил его, боясь лишиться сочувствия народа. Он спровадил его ко мне, чтобы покончить с ним моими руками и нанести этим ущерб моему доброму имени. А я отослал Ни Хэна к Хуан Цзу, давая понять Цао Цао, что я не глупее, чем он.

Как раз в это время прибыл посол от Юань Шао. Озадаченный Лю Бяо обратился к своим советникам:

– Какого же посла мне слушать?

– Двое сильных схватились друг с другом; если вы пожелаете действовать, то можете воспользоваться этим случаем и разбить своих врагов, – сказал Хань Сун. – А коль не хотите, изберите лучшего и служите ему. Цао Цао – прославленный полководец. Похоже на то, что раньше он захватит Юань Шао, а потом двинет войска на Цзяндун, и тогда вам, пожалуй, не удержаться. Примкните к Цао Цао; он, я уверен, примет вас с уважением.

– Поезжайте-ка вы в Сюйчан и посмотрите, каково там положение дел, а потом мы еще посоветуемся, – произнес Лю Бяо.

– У государя и у подданного есть своя определенная судьба, – сказал Хань Сун. – Я служу вам и по вашему приказу готов идти в огонь и в воду. Хотите ли вы принести покорность Сыну неба или же служить Цао Цао – в любом случае я буду вашим послом. Но если вы не принимаете моих советов, а в столице Сын неба пожалует мне должность, я стану служить ему и не отдам за вас свою голову.

– Поезжайте в Сюйчан, у меня есть свои соображения.

Хань Сун приехал к Цао Цао, и тот принял его весьма ласково, пожаловал высокое звание и отпустил обратно.

Вернувшись, Хань Сун стал всячески расхваливать Цао Цао и уговаривать Лю Бяо перейти на его сторону.

– У тебя есть какие-то задние мысли! – разгневался Лю Бяо и хотел казнить Хань Суна.

– Вы обидели меня, а не я вас! – вскричал Хань Сун.

– Ведь Хань Сун советовал вам это еще перед поездкой, – вмешался Куай Лян, и Лю Бяо пощадил Хань Суна.

Лю Бяо сообщили, что Хуан Цзу обезглавил Ни Хэна, и он пожелал узнать, как это случилось. Вот что ему рассказали.

Хуан Цзу и Ни Хэн пили вино, и Хуан Цзу спросил своего собеседника:

– Скажите, кого бы вы могли назвать достойным человеком?

– Старшего сына Кун Юна и младшего сына Ян Дэ-цзу, и больше никого.

– А кто же я такой? – спросил Хуан Цзу.

– Ты похож на бога в храме, который принимает жертвоприношения, но, к сожалению, не обладает умом, – ответил Ни Хэн.

– Значит, ты считаешь меня деревянным идиолом! – в гневе закричал Хуан Цзу и обезглавил Ни Хэна. Ни Хэн, не закрывая рта, поносил его до последней минуты своей жизни.

Лю Бяо пожалел о Ни Хэне и велел похоронить его возле острова Попугаев. Потомки сложили стихи, в которых оплакивают погибшего:

Врага ни умом, ни сноровкой не мог одолеть Хуан Цзу,
Но с жизнью Ни Хэн распростился – погиб от злодейской руки.
Доселе, когда проезжаешь у острова Попугаев,
Текут равнодушные воды лазурно-зеленой реки.

Цао Цао, узнав о смерти Ни Хэна, со смехом воскликнул:

– Негодный школяр погубил себя своим языком!

Убедившись, что Лю Бяо не собирается приносить покорность, Цао Цао решил двинуть против него войска.

– Юань Шао не спокоен, и Лю Бэй не уничтожен, – заметил Сюнь Юй. – Идти в этот поход – все равно что вырвать у себя сердце и желудок и заботиться о руках и ногах. Уничтожьте прежде Юань Шао и Лю Бэя, а потом Цзянхань можно будет покорить одним ударом.

Цао Цао послушался совета Сюнь Юйя.

После отъезда Лю Бэя Дун Чэн день и ночь совещался с Ван Цзы-фу и другими единомышленниками, но придумать ничего не мог. В первый день пятого года периода Цзяньань¹¹⁵ во дворце был прием. Цао Цао держал себя вызывающе. Дун Чэн от негодования заболел. Император, прослышав о болезни своего дядюшки, послал к нему придворного лекаря Цзи Тая. Он был родом из Лояна и имел прозвище Цзи Чэн-пин, но называли его просто Цзи Пин. Он был знаменитым лекарем того времени. Цзи Пин стал лечить Дун Чэна настоями трав и не отходил от его ложа. Он часто замечал, что Дун Чэн сокрушенно вздыхает, но спрашивать ни о чем не смел.

Однажды вечером, когда Цзи Пин отклонялся, собираясь уходить, Дун Чэн попросил его остаться поужинать. Они пили вино до часа первой стражи, и Дун Чэн от утомления задремал. Вдруг доложили, что пришел Ван Цзы-фу со своими друзьями. Дун Чэн вышел встречать их.

– Великое дело улажено, – сообщил ему Ван Цзы-фу.

– Каким образом? – живо заинтересовался Дун Чэн.

– Лю Бяо объединился с Юань Шао, и они ведут сюда по десяти направлениям пятьсот тысяч воинов. Ма Тэн, соединившись с Хань Суем, идет с севера во главе сялянской армии численностью в семьсот тысяч человек. Цао Цао послал им навстречу все войска, которые были в Сюйчане. В городе пусто. Если собрать слуг и рабов пяти наших семей – а их наберется более тысячи, – можно нынешней же ночью ворваться во дворец, где будет новогодний пир, и там убить Цао Цао. Нельзя терять такой случай!

Обрадованный Дун Чэн тут же собрал своих слуг и рабов, вооружил их, сам облачился в латы и сел на коня. Пять единомышленников условились встретиться у внутренних ворот дворца и действовать сообща. Когда наступил вечер, по сигналу барабана все они привели своих людей. Дун Чэн с мечом в руке вошел во дворец. Цао Цао сидел за столом во внутреннем зале.

– Ни с места, злодей! – закричал Дун Чэн и тут же одним ударом поверг его наземь.

В этот миг Дун Чэн проснулся и понял, что все это лишь сон, столь же невероятный, как сон о муравьином царстве Нань-гэ. Во сне Дун Чэн громко поносил Цао Цао.

– Вы хотите нанести вред Цао Цао? – воскликнул Цзи Пин.

---

¹¹⁵ 200 г. н. э.

Дун Чэн онемел от испуга.

– Не пугайтесь, дядюшка! – сказал Цзи Пин. – Я хоть и простой лекарь, но никогда не забываю о ханьском императоре. Много дней подряд я замечал, что вы охаете и вздыхаете, но не осмеливался расспрашивать, и только слова, сказанные вами во сне, открыли мне ваши истинные чувства. Не будем обманывать друг друга. Если я могу быть чем-нибудь полезен, пусть уничтожат девять колен моего рода, я все равно не раскаюсь!

– Боюсь, что вы не чистосердечны! – Дун Чэн закрыл лицо руками и заплакал.

Цзи Пин прокусил себе палец в знак клятвы. Тогда Дун Чэн вынул указ и велел Цзи Пину прочесть его.

– Боюсь, что наши нынешние планы не увенчаются успехом! – добавил он. – С тех пор как уехали Лю Бэй и Ма Тэн, мы ничего не можем предпринять. Я заболел от волнения.

– Не беспокойте князей: судьба Цао Цао в моих руках! – заявил Цзи Пин.

Дун Чэн заинтересовался.

– Цао Цао часто страдает головными болями, – пояснил Цзи Пин. – Он всегда зовет меня, и я даю ему лекарство. Достаточно напоить его зельем, и войска не надо будет поднимать!

– Спасение Ханьской династии зависит от вас! – воскликнул Дун Чэн.

Цзи Пин распрощался и ушел, а Дун Чэн направился во внутренние покои и вдруг увидел, что его домашний раб Цинь Цин-тун шепчется с прислужницей Юнь-инь. Сильно разгневанный, Дун Чэн хотел предать раба смерти, но, поддавшись уговорам жены, передумал и велел дать обоим влюбленным по сорок ударов палкой. Потом Цинь Цин-туна заперли в погребе. Затаив злобу, он ночью сломал железный запор, перепрыгнул через стену и бежал. Явившись во дворец Цао Цао, он сообщил ему о заговоре. Цао Цао увел его в потайную комнату и расспросил все подробности.

– Ван Цзы-фу, У Цзы-лань, У Ши и Ма Тэн в доме моего хозяина замышляют что-то против вас. Хозяин показывал им кусок белого шелка, но что на нем написано, я не знаю. А недавно я видел, как Цзи Пин прокусил себе палец в знак клятвы.

Цао Цао укрыл Цинь Цин-туна во дворце, а Дун Чэн, зная лишь, что тот бежал, даже не стал его разыскивать.

На другой день Цао Цао притворился, что страдает головной болью, и вызвал Цзи Пина. «Теперь злодею конец», – подумал лекарь и, захватив с собой зелье, отправился во дворец. Цао Цао лежал на своем ложе и велел Цзи Пину приготовить лекарство.

– Один глоток, и боль пройдет, – сказал Цзи Пин.

Он велел принести сосуд и тут же на глазах стал готовить питье. Когда оно закипало, Цзи Пин тайно подлил яду и поднес Цао Цао. Тот медлил.

– Пейте, пока горячее! – уговаривал Цзи Пин. – Несколько глотков, и сразу поправитесь.

– Вы читаете ученые книги и должны знать этикет, – возразил Цао Цао. – Когда заболевшему государю предлагают лекарство, его сначала пробуют сановники. Если лекарство должен выпить отец, его сначала пробует сын. Вы для меня самый близкий человек, почему же вы не пробуете прежде, чем дать мне?

– Лекарство делается для больных. Зачем его пробовать здоровому?

Цзи Пин понял, что заговор раскрыт, и, бросившись на Цао Цао, силой пытался влить ему в рот отраву. Цао Цао отшвырнул чашу, она разбилась вдребезги. Слуги тотчас же схватили лекаря.

– Я не болен! Я испытывал тебя! – вскричал Цао Цао. – А ты и в самом деле пытался отравить меня.

Двадцать здоровенных тюремщиков поволокли Цзи Пина в сад на допрос. Цао Цао восседал в беседке, а Цзи Пин связанный лежал на земле. На лице его не отражалось ни тени страха.

– Я считал тебя лекарем! Как ты смел подсыпать мне яду? – начал Цао Цао. – Тебя кто-то подослал. Назови их, и я прощу тебя.

– Ты – злодей! Ты обижаешь государя и обманываешь знатных! – выкрикнул Цзи Пин. – Не я один – вся Поднебесная ждет твоей смерти!

Цао Цао трижды настойчиво повторил вопрос, но Цзи Пин твердил:

– Я сам хотел тебя убить! Меня никто не подсылал! Замысел мой не удался, ну что ж, я умру, и только.

Цао Цао приказал бить его. В течение двух часов стража избивала несчастного лекаря. Кожа его повисла клочьями, кровь заливала ступени беседки. Опасаясь, что Цзи Пина забудут до смерти, так и не добившись у него признания, Цао Цао велел дать ему передохнуть.

На следующий день Цао Цао устроил пиршество и пригласил всех сановников. Не пришел лишь Дун Чэн, сославшись на болезнь. После того как вино обошло несколько кругов, Цао Цао сказал:

– Что-то невесело у нас на пиру! Но у меня есть человек, который всех нас развеселит! – И он крикнул страже: – Введите его!

К ступеням подтащили закованного в кангу¹¹⁶ Цзи Пина.

– Известно вам, что этот человек был связан с шайкой злодеев, которая собиралась изменить двору и убить меня? Небо разрушило их планы. Вот послушайте, что он засвидетельствует!

Цао Цао велел бить Цзи Пина, и тот в беспамятстве упал. Бедняге брызнули в лицо водой, и он снова пришел в себя.

– Цао Цао, злодей! – простонал Цзи Пин, широко раскрывая глаза и стискивая зубы. – Убей меня! Чего ты ждешь?

– Соумышленников было шесть, а вместе с тобой семь, – спокойно произнес Цао Цао.

Цзи Пин отвечал бранью. Ван Цзы-фу и его сообщники сидели словно на иголках. Цзи Пина попеременно то били, то обливали водой, но не могли вырвать у него мольбы о пощаде. Цао Цао понял, что ничего не добьется, и велел увести лекаря.

Все сановники разошлись. Цао Цао оставил только Ван Цзы-фу и еще троих на ночной пир. У них душа ушла в пятки, но им ничего не оставалось, как только ждать.

– Я бы не стал вас задерживать, если бы мне не хотелось узнать, о чем вы совещались с Дун Чэном, – произнес Цао Цао.

– Мы с ним ни о чем не совещались, – заявил Ван Цзы-фу.

– А что было написано на белом шелке?

Все утверждали, что ничего не знают. Цао Цао велел привести Цинь Цин-туна.

– Где и что ты видел? – спросил его Ван Цзы-фу.

– Вы вшестером, укрывшись от людей, что-то писали, – сказал Цинь Цин-тун. – Вы не можете это отрицать!

– Этот негодяй развратничал с прислужницей Дун Чэна, а теперь еще клеветает на своего господина! – вскипел Ван Цзы-фу. – Как можно его слушать?

– Но кто же, если не Дун Чэн, подослал Цзи Пина подсыпать мне яду? – спросил Цао Цао. Все ответили в один голос, что это им неизвестно.

– Сегодня же вечером вы принесете повинную, – потребовал Цао Цао. – Я еще могу простить вас. А если затынете признание, вам же будет хуже!

Ван Цзы-фу и его сообщники упорно твердили, что никакого заговора нет. Цао Цао кликнул стражу и велел посадить их в темницу.

Наутро Цао Цао с толпой сопровождающих отправился навестить Дун Чэна. Дун Чэну пришлось выйти им навстречу.

---

¹¹⁶ *Канга* – колодка, надевавшаяся на шею преступников.

– Почему вы не были вчера на пиру? – спросил Цао Цао.

– Занемог, боялся выходить.

– Недуг от несчастий страны? – испытующе спросил Цао Цао.

Дун Чэн остолбенел. Цао Цао продолжал:

– Вы знаете о намерениях Цзи Пина?

– Нет.

– Как это – нет? – Цао Цао усмехнулся и, продолжая беседовать с императорским дядюшкой, велел привести узника. Вскоре стражники ввели Цзи Пина и бросили к ступеням. Цзи Пин проклинал Цао Цао, называя его узурпатором.

– Этот человек потащил за собой Ван Цзы-фу и еще троих, они уже в темнице. Остается изловить последнего, – сказал Цао Цао и обратился к Цзи Пину: – Говори, кто тебя послал поднести мне яд?

– Небо послало меня убить злодея!

Цао Цао снова велел бить его. На теле несчастного уже не было живого места. От такого зрелища сердце Дун Чэна разрывалось от боли.

– Почему у тебя девять пальцев, а где десятый? – продолжал допрашивать Цао Цао.

– Откусил, дабы поклясться, что убью злодея!

Цао Цао велел отрубить ему остальные пальцы, приговаривая при этом:

– Теперь ты будешь знать, как давать клятвы!

– У меня еще есть рот, чтобы проглотить злодея, и язык, чтобы проклинать его! – не унимался Цзи Пин.

Цао Цао приказал отрезать ему язык.

– Не делайте этого! – воскликнул Цзи Пин. – Я больше не могу терпеть пыток! Я признаюсь во всем! Развяжите мне путы!

– Развяжите его, это нам не помешает.

Когда Цзи Пина освободили, он поднялся и, обратившись к воротам дворца, поклонился:

– На то воля неба, что слуге не удалось послужить государству.

С этими словами он упал на ступени и умер. Цао Цао велел четвертовать его тело и выставить напоказ.

Потомки сложили стихи о Цзи Пине:

Династии Ханьской уже угрожала гибель,
Лечить государство взялся отважный Цзи Пин.
Он жизнью пожертвовал, чтоб послужить государю,
Врагов уничтожить поклялся, как матери сын.
Под пыткой жестокой промолвил он гневное слово,
Текла по ступеням из пальцев раздавленных кровь.
Он умер героем, как прожил героем на свете,
А слава героя не меркнет во веки веков.

Затем Цао Цао приказал телохранителям привести Цинь Цин-туна.

– Вы узнаете этого человека? – спросил Цао Цао.

– Это беглый раб, его надо казнить! – воскликнул Дун Чэн.

– Он рассказал о вашем заговоре и сейчас это подтвердит. Кто же посмеет казнить его?

– Зачем вы слушаете беглого раба, господин чэн-сян?

– Ван Цзы-фу и другие уже сознались. Лишь вы один упорствуете.

Телохранители по знаку Цао Цао схватили Дун Чэна, а слуги бросились в спальню искать указ и письменную клятву заговорщиков. Под стражу были взяты семья Дун Чэна и все его домочадцы. С указом императора и клятвой, написанной на шелке, Цао Цао вернулся к себе

во дворец и стал обдумывать план свержения Сянь-ди и возведения на престол другого императора.

Поистине:

Порой ни к чему не вели императорские указы,
Но клятву одну подписал – все беды обрушились сразу.

О судьбе императора Сянь-ди вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцать четвертая, из которой читатель узнает о том, как злодеи убили Дун Гуй-фэй, и о том, как Лю Бэй потерпел поражение и бежал к Юань Шао

Когда Цао Цао заговорил о свержении императора Сянь-ди, Чэн Юй стал отговаривать его:

– Вы можете заставить трепетать всех и повелевать Поднебесной лишь потому, что действуете от имени ханьского императора. Сейчас князья еще не успокоились, и такой шаг, как свержение государя, обязательно послужит поводом к войне.

Цао Цао вынужден был отказаться от своего намерения. Он ограничился лишь тем, что приказал казнить пятерых заговорщиков с их семьями у четырех ворот столицы, не щадя при этом ни старых, ни малых. Всего было казнено более семисот человек. Все жители и чиновники, видевшие это, проливали слезы. Потомки сложили стихи, в которых оплакивали Дун Чэна:

Опять удостоен большого почета
Кто раз императорский поезд спасал,
Слова Сына неба ушли за ворота.
Был в поясе послан секретный указ.
Душою болел он за счастье страны,
И в снах своих даже свергал он злодея.
Зато его верность и ныне живет
И в тысячелетья войдет не тускнея.

Есть и другие стихи, в которых оплакиваются Ван Цзы-фу и его единомышленники:

Собою пожертвовать, чтоб послужить государю,
Они присягали и стойко сдержали обет.
И верности ради семей своих не пожалели,
За это их слава гремит уже тысячи лет.

Казнь Дун Чэна и других заговорщиков не умерила гнева Цао Цао. Он отправился во дворец, чтобы убить Дун Гуй-фэй, младшую сестру Дун Чэна и любимую наложницу императора. Сянь-ди осчастливил ее – она была беременна на пятом месяце.

В тот день император пребывал во внутренних покоях и беседовал с императрицей Фу, сокрушаясь о том, что до сих пор от Дун Чэна нет никаких вестей. Неожиданно к ним ворвался Цао Цао с искаженным от гнева лицом и с мечом в руках. Император побледнел.

– Государю известно, что Дун Чэн замыслил мятеж? – без всяких предисловий начал Цао Цао.

– Но ведь Дун Чжо убит! – удивился император.

– Не Дун Чжо, а Дун Чэн!

– Нет, нам ничего не известно.

– Забыли о прокушенном пальце и кровью написанном указе? – гремел Цао Цао.

Император молчал. Цао Цао распорядился привести Дун Гуй-фэй.

– Она на пятом месяце, пожалейте ее! – молил император.

– Я сам уже был бы мертв, если бы небо не разбило их планы! – не унимался Цао Цао. – Оставить эту женщину, чтобы она потом натворила мне бед?

– Заточите ее до родов во дворец. Убить ее вы и после успеете, – просила императрица Фу.

– Сохранить ее выродка, чтобы он мстил за свою мать! – упорствовал Цао Цао.

– Умоляю, не выставляйте на позор мое тело, когда я умру, – рыдала Дун Гуй-фэй.

Цао Цао велел подать ей белый шелковый шнур. Император со слезами говорил несчастной:

– Не сердись на нас, когда будешь в стране Девяти источников¹¹⁷.

И у него ручьем покатались слезы. Императрица Фу тоже заплакала.

– Вы ведете себя как дети! – разгневался Цао Цао и приказал задушить Дун Гуй-фэй за воротами дворца.

Потомки сложили об этом такие стихи:

Напрасно правителя милость снискала прекрасная дева!
Погибла несчастная! В жертву принесено семя дракона.
Не в силах отвести ее гибель, руками лицо закрывая,
Безмолвно рыдал император, печалью своей удрученный.

– Казнить всех, кто из родственников императора по женской линии войдет во дворец без моего разрешения! – заявил Цао Цао дворцовой страже. – А тех, кто проявит попустительство, рассматривать как соучастников!

После этого Цао Цао набрал три тысячи верных ему телохранителей и поставил во главе их Цао Хуна.

– Я расправился с Дун Чэном и его сообщниками, – сказал Цао Цао Чэн Юйю, – но ведь Ма Тэн и Лю Бэй тоже из их числа. Оставить их в живых невозможно!

– Ма Тэн в Силяне, тут надо быть осторожным, – ответил Чэн Юй. – Мне думается, что следовало бы в письме поблагодарить его за труды, чтобы у него не возникло никаких подозрений, а потом завлечь в столицу и здесь убить... И Лю Бэя в Сюйчжоу тоже нелегко одолеть – его войско расположено «бычьими рогами». Нельзя забывать, что Юань Шао из Гуаньду замышляет нападение на столицу. Стоит нам напасть на Лю Бэя, как он обратится за помощью к Юань Шао, и тот не пропустит случая напасть на нас врасплох. Что тогда будет?

– Лю Бэй храбрец, это бесспорно, – возразил Цао Цао. – Тем более ударить на него надо теперь же, а не ждать, пока у него вырастут крылья, тогда с ним трудно будет бороться. Юань Шао нам бояться нечего – он хоть и силен, но нерешителен.

В эту минуту вошел Го Цзя, и Цао Цао обратился к нему:

– Я хочу идти в поход на Лю Бэя. Скажите, следует ли мне в этом случае опасаться Юань Шао?

– Юань Шао непостоянен и недоверчив; советники его соперничают между собой. Одним словом, он нам не страшен, – заявил Го Цзя. – Что же касается Лю Бэя, то он не успел еще завоевать сердца своих новых воинов. Можете идти на восток и решить все в одной битве.

– Я тоже так думаю, – заявил Цао Цао.

Вскоре двести тысяч воинов пятью отрядами двинулись на Сюйчжоу. Это стало известно Сунь Цяню, который поспешил донести о положении дел Гуань Юйю в Сяпи и Лю Бэю в Сяопэе.

– Надо обратиться за помощью к Юань Шао, – сказал ему Лю Бэй, – иначе придется туго.

¹¹⁷ В стране Девяти источников – т. е. когда умрешь.

Он послал Сунь Цяня с письмом в Хэбэй. Сунь Цянь сначала повидался с Тянь Фыном, чтобы заручиться его поддержкой, и тот представил его Юань Шао.

Юань Шао выглядел изнуренным, одежда его была в беспорядке.

– Почему вы, господин, в таком унынии? – спросил Тянь Фын.

– Я скоро умру.

– К чему такие речи? – изумился Тянь Фын.

– У меня пять сыновей, – ответил Юань Шао, – и самый младший из них наиболее умный. Только он может понять мои стремления. Но он болен, его мучают язвы, судьба его предreshена, и у меня нет никакого желания вникать в другие дела.

– Цао Цао выступил в поход против Лю Бэя. Сюйчан опустел. Если собрать людей и ворваться туда, можно защитить Сына неба и спасти народ. Не упускайте случая, князь!

– Я это знаю, – промолвил Юань Шао. – На душе у меня очень беспокойно – боюсь, что нас постигнет неудача.

– Что же вас смущает?

– Из пяти моих сыновей только один – незаурядный человек. Случись с ним несчастье, и моя жизнь кончена.

Решительно отказавшись двинуть войска, Юань Шао заявил Сунь Цяню:

– В случае затруднений пусть Лю Бэй переходит ко мне, я найду средство ему помочь.

Тянь Фын, ударив посохом о землю, горестно заметил:

– Из-за болезни ребенка потерять такой случай в великом деле жаль, очень жаль!

Тянь Фын вышел, еле волоча ноги и тяжело вздыхая. Сунь Цяню ничего не оставалось, как только вернуться в Сяопэй и обо всем рассказать Лю Бэю.

– Что же делать? – взволновался тот.

– Не печальтесь! – успокоил его Чжан Фэй. – Войска Цао Цао утомлены после долгого похода. Надо напасть на них и разбить, прежде чем они раскинут лагерь.

– Тебя считали только храбрецом, но, захватив Лю Дая, ты доказал, что умеешь прибегать к хитрости. И то, что ты мне сейчас предлагаешь, вполне соответствует тому, что написано в «Законах войны»¹¹⁸.

Лю Бэй восхищался своим младшим братом и выделил ему войско для разгрома вражеского лагеря.

В то время, когда Цао Цао вел свои войска к Сяопэю, подул сильный ветер. С треском сломалось древко одного из знамен. Цао Цао остановился и созвал советников, чтобы выяснить у них, к счастью это или к несчастью.

– С какой стороны налетел ветер и какого цвета было знамя? – спросил Сюнь Юй.

– Ветер юго-восточный, знамя красно-синее, в форме зуба, – отвечал Цао Цао.

– Это значит, что ныне ночью нападут на наш лагерь, – заключил Сюнь Юй.

Цао Цао кивнул головой. Вскоре подошел Мао Цзе:

– Только что юго-восточный ветер сломал красно-синее знамя. Как вы считаете, господин чэн-сян, к счастью это или к несчастью?

– А как вы полагаете? – поинтересовался Цао Цао.

– Думаю, что ночью будет нападение на наш лагерь!

– Само небо предупреждает меня! Надо принять меры! – воскликнул Цао Цао.

Он разделил войско на девять отрядов; один отряд остался устраивать лагерь, а остальные сели в засаду в разных местах.

---

¹¹⁸ «Законы войны» – общее название канонических книг по военному искусству, куда входили сочинения китайских военных теоретиков древности.

Луна в ту ночь светила слабо. Лю Бэй и Чжан Фэй выступили в поход. Сунь Цянь остался охранять Сяопэй.

Чжан Фэй решил действовать самостоятельно. Он повел вперед легкую конницу и внезапно ворвался в лагерь Цао Цао. Там почти никого не было, за исключением нескольких пеших и конных воинов. И вдруг со всех сторон вспыхнули огни, раздались крики. Чжан Фэй понял, что попал в ловушку, и повернул обратно. На него ударили сразу с нескольких сторон. Чжан Фэй бросился вправо, наносил удары влево, прорвался вперед, но воины его, прежде служившие под началом Цао Цао, быстро сдались в плен.

Чжан Фэй схватился с Сюй Хуаном, но на его войско напал Ио Цзинь. Вырвавшись из кольца, Чжан Фэй обратился в бегство. За ним следовало всего лишь несколько десятков всадников. Дорога в Сяопэй была отрезана. В Сюйчжоу или Сяни он идти боялся. Оставалось только двинуться к Манданским горам.

Лю Бэя постигла такая же участь. Вырвавшись из окружения, он бежал в Сяопэй, но еще издали заметил, что в городе полыхает пламя. Он решил повернуть на Сюйчжоу и Сяпи, но неприятельские войска, словно поток, разлились по полям и городам и отрезали ему путь.

В поисках выхода Лю Бэй вспомнил о предложении Юань Шао и двинулся на Цинчжоускую дорогу, но тут же столкнулся с Ли Дянем. Тогда он повернул на север, чтобы уйти пустынными местами, а Ли Дянь захватил следовавших за ним всадников.

Лю Бэй мчался в Цинчжоу, покрывая за день по триста ли. Подъехав к городским воротам, он назвал свое имя. Стража доложила о нем окружному цы-ши Юань Таню, старшему сыну Юань Шао. Юань Тань всегда уважал Лю Бэя и теперь выехал ему навстречу.

Лю Бэй рассказал ему о своем поражении и бегстве. Юань Тань, поместив его на подворье, написал письмо своему отцу и выделил отряд проводить Лю Бэя до границ Пинъюаня.

Юань Шао с большой свитой встретил его в тридцати ли от города Ецзюня и сердечно приветствовал. Лю Бэй в свою очередь поклонился ему.

– Из-за болезни сына я не мог прийти вам на помощь, – сказал Юань Шао. – Но я рад вас видеть у себя. Я мечтал об этом всю жизнь!

– Я давно хотел приехать к вам, но не представлялось случая, – ответил Лю Бэй. – И вот теперь, подвергшись нападению Цао Цао и потеряв семью, я, не скрывая своего стыда, пришел к вам. Я был уверен, что встречу хороший прием, и клянусь достойно отблагодарить за него!

Юань Шао был доволен и поселил гостя у себя в Цичжоу.

На этом мы оставим Лю Бэя и вернемся к Цао Цао. Захватив в ту ночь Сяопэй, он двинул войска против Сюйчжоу. Ми Чжу и Цзянь Юн удержаться не смогли и вынуждены были бежать. Чэнь Дэн сдал Сюйчжоу, и войска Цао Цао вступили в город. Успокоив народ, Цао Цао созвал советников, чтобы обсудить, как поскорей взять Сяпи.

– Гуань Юй охраняет семью Лю Бэя и будет драться до последнего, – сказал Сюнь Юй. – А если мы не возьмем город быстро, его захватит Юань Шао.

Цао Цао призадумался.

– Я всегда любил Гуань Юйя за военные способности и ум, – после долгого молчания заговорил он, – мне хотелось бы использовать его в своих интересах. Нельзя ли уговорить его покориться?

– Гуань Юй – человек долга, – возразил Го Цзя. – Сдаться он не захочет. Боюсь, что тому, кто станет его уговаривать, плохо придется.

– Я лично дружу с Гуань Юйем и могу попытаться уговорить его, – вызвался один из стоявших у шатра.

Взоры всех присутствующих обратились на него. Это был Чжан Ляо.

– Я хорошо знаю Гуань Юйя, – сказал Чэн Юй. – Словами его не уговорить. У меня есть план: поставим его прежде в безвыходное положение, а потом начнем с ним переговоры. Можете быть уверены, господин чэн-сян, что тогда он сам перейдет к вам!

Вот уж поистине говорится:

Он яму и лук приготовил, чтоб тигра поймать и убить,
Он в воду бросил приманку, чтобы кита приманить.

Каков был план Чэн Юйя, вам раскроет следующая глава.

Глава двадцать пятая, повествующая о том, как Гуань Юй договорился о трех условиях, и о том, как Цао Цао прорвал окружение

– Один Гуань Юй стоит десяти тысяч врагов, – сказал Чэн Юй, предлагая свой план. – Только хитростью можно его победить. Пошлите пленных воинов Лю Бэя в Сяпи к Гуань Юю, и пусть они скажут, что им удалось бежать. Они укроются в городе и станут нашими лазутчиками. Потом мы вызовем Гуань Юя на бой, завлечем его подальше,отрежем путь к отступлению и предложим сдаться.

Цао Цао так и поступил. А Гуань Юй принял вернувшихся воинов, ничего не заподозрив.

На другой же день Сяхоу Дунь во главе пятидесяти тысяч войска подступил к городским стенам Сяпи и после длительной перебранки заставил Гуань Юя выйти на бой. Десять схваток, и Сяхоу Дунь обратился в бегство. Гуань Юй погнался за ним. Сяхоу Дунь то сражался, то опять отступал. Гуань Юй прошел так около двадцати ли, но, боясь потерять Сяпи, созвал своих воинов и двинулся обратно.

Вдруг затрещали хлопушки: слева Сюй Хуан, справа Сюй Чу с двумя отрядами преградили ему дорогу. Гуань Юю удалось прорваться, но тут из засады на него, словно саранча, посыпались стрелы. Он повернул свой отряд и успешно отразил нападение Сюй Хуана и Сюй Чу. Однако путь на Сяпи уже отрезал Сяхоу Дунь. Гуань Юй сражался до самого заката солнца и, не имея иного выхода, поднялся на гору, где разрешил воинам немного отдохнуть.

Войска Цао Цао окружили гору. Гуань Юй с высоты видел, как в Сяпи вспыхнуло пламя и поднялось к небу. Это перебежчики предательски открыли ворота, и Цао Цао, с огромной армией ворвавшись в город, приказал зажечь огонь, чтобы смутить сердце Гуань Юя.

Гуань Юй потерял присутствие духа. Ночью он несколько раз пытался прорваться, но всякий раз его останавливали тучи стрел. На рассвете он заметил всадника, поднимавшегося на гору, и узнал в нем Чжан Ляо.

– Вы желаете сразиться со мной? – издал крикнул ему Гуань Юй.

– Нет, я приехал повидаться, вспомнив нашу старую дружбу.

Чжан Ляо соскочил с коня, отбросил клинок и приветствовал Гуань Юя. Они уселись на вершине горы, и Гуань Юй спросил:

– Значит, вы прибыли уговаривать меня сдаться?

– Нет, нет! Просто я хочу спасти вас, как вы когда-то спасли меня.

– Так вы намерены помочь мне?

– Тоже нет.

– Тогда зачем вы приехали?

– Неизвестно, жив ли Лю Бэй или погиб; судьба Чжан Фэя тоже никому неизвестна, – начал Чжан Ляо. – Прошлой ночью Цао Цао завладел Сяпи. Правда, он не причинил вреда ни воинам, ни народу, даже распорядился охранять семью Лю Бэя. Беспокоиться вам не о чем. Об этом я и хотел вам сообщить.

– А все же вы решили уговаривать меня! – гневно воскликнул Гуань Юй. – Из этого ничего не выйдет! Пусть я отрезан – смерти я не боюсь! Я смотрю на нее как на возвращение домой. Поживей убирайтесь отсюда! Я иду в бой!

– Над вашими словами будет смеяться вся Поднебесная, – расхохотался Чжан Ляо.

– Кто будет смеяться, если я умру во имя долга и справедливости?

– Если вы погибнете, будете виноваты втрое!

– В чем?

– Лю Бэй, вступая с вами в союз, поклялся жить и умереть вместе с названными братьями. Он только что потерпел поражение, а вы вступаете в смертельную схватку. Возможно, Лю Бэй жив и ему еще потребуется ваша помощь, а вы ее не сможете оказать! Вот вам первое нарушение клятвы. Затем Лю Бэй поручил вам охранять свою семью. Погибнете вы, и обе его жены останутся беззащитными. Отступление от долга, возложенного на вас старшим братом, – вторая вина. И наконец, вы обладаете необыкновенными военными способностями, которые достойны войти в историю. Вы же отказываетесь спасти Ханьский дом и предпочитаете броситься в кипяток или прыгнуть в огонь – такое деяние недостойно благородного мужа! В этом ваша третья вина.

Гуань Юй погрузился в размышления.

– Чего же вы хотите от меня? – проговорил он.

– Вы окружены войсками Цао Цао, – сказал Чжан Ляо. – В бессмысленной смерти нет никакой пользы. Послушайтесь меня, сдавайтесь Цао Цао, а потом уйдете, когда узнаете, где Лю Бэй. Вы спасете жизнь двум женщинам, не нарушите клятву, данную в персиковом саду, и сохраните свою жизнь, которая еще принесет пользу. Вот об этих трех выгодах вам и следует подумать.

– На ваши три довода у меня есть три условия, – сказал Гуань Юй. – Если чэн-сян их примет, я снимаю латы, если нет, я беру все три вины на себя.

– Чэн-сян щедр и великодушен, – заверил Чжан Ляо, – он согласится на все. Я хотел бы знать ваши условия.

– Во-первых, мы с Лю Бэем поклялись поддерживать Ханьский дом, и потому я покоряюсь ханьскому императору, а не Цао Цао. Во-вторых, прошу снабдить жен моего старшего брата деньгами и продовольствием и распорядиться, чтобы ни высокопоставленные лица, ни люди низкого происхождения не смели приближаться к их дверям. И в-третьих, мне должны разрешить уйти к Лю Бэю, как только я узнаю, где он, будь то хоть в десяти тысячах ли отсюда. Если одно из трех этих условий не будет принято, я не сдаюсь. Надеюсь, что вы все передадите чэн-сяну?

Чжан Ляо известил Цао Цао, что Гуань Юй согласен покориться только ханьскому императору.

– Я ханьский чэн-сян, – с самодовольной улыбкой заявил Цао Цао, – Хань – это я! Следовательно, можно принять его первое условие.

Выслушав второе требование Гуань Юйя, Цао Цао воскликнул:

– Да я дам вдвое больше, чем полагается женам императорского родственника! А что касается запрета входить в покои женщин, так это закон каждого дома. Кто тут может его нарушить!

Только третье условие вызвало у Цао Цао некоторые сомнения. Он покачал головой и произнес:

– Значит, его придется кормить даром? Какая же мне от этого польза? Нет, на это согласиться я не могу.

– А разве вам не известны рассуждения Юй Жана о людях простых и благородных? – вмешался Чжан Ляо. – Лю Бэй обращался с Гуань Юйем милостиво, по-дружески, и, если вы сумеете щедростью и добротой привлечь его сердце, вам нечего будет бояться его неповиновения.

– Вы правы. Я принимаю все три условия, – заключил Цао Цао.

Чжан Ляо вновь поднялся на гору и сообщил Гуань Юйю о согласии Цао Цао. Гуань Юй сказал:

– Это все хорошо, но все же, прежде чем я сдамся, прошу чэн-сяна временно отвести войска и разрешить мне съездить в город повидаться с женами моего старшего брата.

Цао Цао дал согласие и на это и велел войскам отойти на десять ли.

– Не делайте этого! – предостерегал его Сюнь Юй. – Здесь, наверно, кроется какая-то хитрость!

– Гуань Юй не подведет, он человек правдивый! – уверенно возразил Цао Цао.

Войска были отведены. Гуань Юй ушел в Сяпи. Народ в городе был спокоен. Жены Лю Бэя, узнав о приезде Гуань Юйя, вышли его встречать. Гуань Юй склонился у ступеней:

– Я заставил вас натерпеться страху, простите меня!

– А где сейчас наш господин? – спросили женщины.

– Еще не знаю.

– Что вы теперь намерены делать?

– Я вышел из города с намерением вступить в смертельный бой, но попал в безвыходное положение на горе, и Чжан Ляо уговорил меня сдаться. Цао Цао принял мои условия и пропустил меня в город. Не смею действовать самовольно, не зная вашего мнения.

Женщины поинтересовались условиями, и Гуань Юй рассказал подробности.

– Вчера, когда армия Цао Цао вступила в город, мы уже считали себя погибшими, – призналась госпожа Гань. – Кто бы мог подумать, что ни единый волос не упадет у нас с головы! Ни один воин не посмел войти в нашу дверь! Но зачем вы спрашиваете нас, если уже дали свое согласие? Мы опасаемся только одного: может быть, завтра Цао Цао уже не захочет отпустить вас искать брата.

– Не беспокойтесь. На этот счет у меня есть свои соображения! – заверил обеих женщин Гуань Юй.

Вскоре в сопровождении нескольких десятков всадников он отправился к Цао Цао. Тот лично встречал его у ворот лагеря и приветствовал с нескрываемым радушием. Гуань Юй спешился и поклонился.

– Как военачальник разбитого войска, я благодарен, что вы сохранили мне жизнь, – промолвил он.

– Я глубоко восхищен вашей преданностью и честностью, – отвечал Цао Цао. – Одного сознания, что вы у меня, достаточно, чтобы удовлетворить желания всей моей жизни!

– Чжан Ляо передал мне, что вы согласны на мои условия. Полагаю, что вы их не нарушите?

– Раз я сказал, от своего слова не отступлюсь! – заявил Цао Цао.

– Как только я узнаю, где мой старший брат, я уйду к нему, хоть бы мне пришлось пройти сквозь огонь и воду, – продолжал Гуань Юй. – Может статься, что тогда я не смогу проститься с вами, и поэтому, надеюсь, вы заранее поймете меня.

– Конечно, если Лю Бэй жив, вы уйдете к нему. Но сдаюсь мне, что он погиб, – ответил Цао Цао. – Не беспокойтесь пока и предоставьте мне это разузнать.

Гуань Юй поклонился. Цао Цао устроил в честь его пир, а на другой день отдал распоряжение войскам возвращаться в Сюйчан.

Гуань Юй приготовил две коляски, усадил в них обеих невесток, и они тронулись в путь под его охраной. Дорогой остановились отдыхать на подворье. Цао Цао, желая «внести разлад в отношения господина и слуги», отвел для Гуань Юйя и двух женщин одну комнату. Но Гуань Юй с зажженным факелом в руке простоял у двери с вечера до утра, не обнаруживая никаких признаков усталости.

За это Цао Цао проникся к нему еще большим уважением. По прибытии в Сюйчан Цао Цао отвел Гуань Юйю целый дворец. Гуань Юй поделил его на два двора и поставил десять воинов охранять вход на женскую половину.

Цао Цао представил Гуань Юйя императору, и тот удостоил его высоким назначением.

Вскоре Цао Цао задал большой пир, на который собрались все гражданские и военные чиновники. Гуань Юйя встретили с изысканными церемониями и усадили на почетное место. Ему были вручены дары: шелка, парча, золотая и серебряная утварь. Все это он отослал невесткам.

Со дня прибытия в Сюйчан Цао Цао осыпал Гуань Юйя милостями. По пять дней длились большие пиры, по три дня малые. Кроме того, он подарил Гуань Юйю десять красавиц, но тот отдал их для услужения своим невесткам.

Раз в три дня Гуань Юй являлся к внутренним воротам и спрашивал женщин о здоровье. Те в ответ справлялись, нет ли новостей о Лю Бэе, и под конец говорили:

– Мы чувствуем себя прекрасно. Можете удалиться, если желаете.

Лишь после этого Гуань Юй осмеливался уйти.

Цао Цао безгранично восхищался Гуань Юйем. Заметив однажды, что его парчовый военный халат износился, он велел снять с Гуань Юйя мерку и сшить ему новый из такой же парчи. Гуань Юй подарок принял, но носил его под старым халатом.

– Разве вы так бережливы? – как-то спросил его Цао Цао.

– Я вовсе не бережлив. Но старый халат подарен мне моим старшим братом, и, надевая его, я будто вижу лицо своего брата, – пояснил Гуань Юй. – Вот почему я не смею отдать предпочтение вашему подарку.

– Вот поистине преданный человек! – вздохнул Цао Цао.

Но, восхищаясь Гуань Юйем, он не мог подавить в себе некоторого недовольства.

В один прекрасный день за Гуань Юйем прибежал слуга с такими словами:

– Обе госпожи плачут во внутреннем дворце и просят вас прийти поскорей.

Гуань Юй привел в порядок свою одежду, подошел к внутренним воротам и, преклонив колена, осведомился:

– Что опечалило вас, госпожи?

– Мне приснилось, что наш господин провалился в яму, – сказала госпожа Гань. – Я проснулась и поделилась тревогой с госпожой Ми. Нам кажется, что он уже в стране Девяти источников.

– Не горюйте, – успокоил их Гуань Юй. – Снам верить нельзя. Он приснился вам потому, что вы о нем думали.

Во время этой беседы явился посланный от Цао Цао и пригласил Гуань Юйя на пир. Гуань Юй попрощался с невестками и пошел к Цао Цао. Тот заметил слезы на глазах Гуань Юйя и пожелал узнать, что случилось.

– Жены моего старшего брата убиваются о нем, и я тоже не могу не скорбеть, – объявил Гуань Юй.

Цао Цао улыбнулся и попытался утешить его, предложив вина. Гуань Юй опьянел и стал поглаживать бороду, говоря:

– Какой же я бесполезный человек! Я не оказал ни одной услуги государству и вдобавок изменил старшему брату.

– Сколько волос в вашей бороде? – неожиданно спросил Цао Цао.

– Примерно несколько сот, – ответил Гуань Юй. – Осенью выпадает по три-пять волосков в месяц, а зимой помногу, и тогда я прячу бороду в шелковый мешочек, чтобы она совсем не вылезла.

Цао Цао заказал шелковый мешочек и подарил его Гуань Юйю, чтобы тот сохранил свою бороду. На другой день Гуань Юй предстал перед императором, и тот поинтересовался, что это за мешочек у него на груди.

– Моя борода очень длинна, и чэн-сян подарил мне мешочек, чтобы я прятал ее, – сказал Гуань Юй.

Император велел ему снять мешочек, и борода рассыпалась по животу Гуань Юйя.

– Поистине вы гун Прекрасной бороды! – воскликнул император.

С тех пор это имя закрепилось за Гуань Юйем.

Как-то, провожая Гуань Юйя из дворца, Цао Цао обратил внимание на то, что его конь слишком худ.

– Почему так тощ ваш конь? – спросил он.

– Слишком тяжело мое нестоящее тело, коню не по силам носить его на себе.

Цао Цао отдал слугам какое-то приказание, и через мгновение они привели красавца-коня огненно-рыжей масти.

– Узнаёте коня? – спросил Цао Цао.

– Не иначе как это Красный Заяц, конь Люй Бу!

– Он самый! – подтвердил Цао Цао и подарил Гуань Юйю еще седло и сбрую.

Гуань Юй дважды поклонился в знак благодарности.

– Что это вы так низко кланяетесь? – удивленно заметил Цао Цао. – Вы меня так не благодарили, когда я дарил вам шелка, золото и девушек. Неужто вы так низко цените людей и так высоко животное?

– Этот конь за день пробегает тысячу ли, – сказал Гуань Юй. – Я счастлив потому, что, имея такого коня, я в тот же день смогу увидеть своего старшего брата, как только узнаю, где он.

Цао Цао ужаснулся и стал раскаиваться в своем поступке. Гуань Юй попрощался с ним и удалился. Цао Цао пожаловался Чжан Ляо:

– На что же это похоже? Я неплохо обращаюсь с Гуань Юйем, а он все думает, как бы уйти.

– Разрешите мне разузнать его намерения, – предложил Чжан Ляо и тут же отправился к Гуань Юйю.

– Я хорошо отозвался о вас чэн-сяну, и он к вам очень внимателен, – сказал Чжан Ляо после приветственных церемоний.

– Я глубоко тронут добротой чэн-сяна, – ответил Гуань Юй. – Хотя сам я здесь, но сердце мое было, есть и будет со старшим братом.

– Вы не правы, – заметил Чжан Ляо. – Не может быть достойным мужем тот, кто не умеет отличить презрения от уважения. Почему вы стремитесь уйти от чэн-сяна? Ведь в обращении с вами его не превзошел даже Лю Бэй!

– Цао Цао добр ко мне, это верно. Но старший брат мой тоже оказывал мне немало милостей. Кроме того, мы поклялись жить и умереть с ним вместе, а клятве изменить нельзя. Здесь я не останусь, но, прежде чем уйти, постараюсь оказать услугу чэн-сяну в благодарность за его внимание.

– А если Лю Бэй покинул этот мир, куда вы уйдете?

– Буду служить ему в мире подземном! – с жаром воскликнул Гуань Юй.

Чжан Ляо понял, что всякие уговоры бесполезны, и сказал об этом Цао Цао. Тот вздохнул:

– Быть верным господину и не забывать клятву – черты человека высокочестного, самого великого во всей Поднебесной!

– А ведь он обещал, что не уйдет, пока не окажет вам услугу. Не давайте ему такой возможности, и он останется, – заметил Сюнь Юй, и Цао Цао с ним согласился.

Все это время Лю Бэй жил у Юань Шао, и его постоянно терзали тяжелые думы.

– Что с вами? Почему вы так печальны? – спросил его Юань Шао.

– Как же мне не горевать? Нет вестей ни от семьи, ни от братьев. Государству помочь я не смог, семью защитить не сумел.

– Я давно хочу напасть на Сюйчан. Вот придет весна, и я подниму войско, – успокоил его Юань Шао и тут же стал советоваться, как разгромить Цао Цао.

– Мы прозевали момент, – сказал Тянь Фын. – Когда Цао Цао собирался в поход на Сюйчжоу, Сюйчан был пуст. А теперь Цао Цао одолеть нелегко, его войска воодушевлены победой: Сюйчжоу взят. Придется ждать другого случая.

– Об этом еще следует подумать.

Своими сомнениями Юань Шао поделился с Лю Бэем.

– Как вы относитесь к совету Тянь Фына? – спросил он.

– Цао Цао – злодей, обижающий Сына неба, – ответил Лю Бэй, – и, если вы не покараете его, боюсь, вы не исполните великого долга перед Поднебесной.

– Вы сказали прекрасно! – воскликнул Юань Шао и окончательно решил выступить против Цао Цао.

Тянь Фын возражал, но Юань Шао на него прикрикнул:

– Вы цените дела гражданские, а военные презираете и хотите, чтобы я не выполнил своего долга!

– Если вы не послушаетесь искренних слов вашего слуги, успеха у вас не будет! – Тянь Фын потупил голову.

Юань Шао охватил гнев, он хотел предать казни строптивого советника, и Лю Бэю насилу удалось отговорить его. Тянь Фына заточили в тюрьму.

Весть о том, что Юань Шао собирается в поход против Цао Цао, дошла до Цзюй Шоу. Он раздал все свое имущество и дал обет:

– Я последую за армией. Победим – всем нам достанется слава; потерпим поражение – и мне не сносить своей головы.

Провожая его, люди плакали.

Да-цзян¹¹⁹ Янь Лян получил приказ напасть на Байма.

– Янь Лян хитрец и похваляется своей храбростью, это бесспорно. Но с такой задачей ему одному не справиться, – заметил Цзюй Шоу.

– Он мой лучший военачальник, и не вам о нем судить! – отрезал Юань Шао.

Огромная армия стекалась к Лияну. Дунцзюньский тай-шоу Лю Янь донес в Сюйчан об опасности, и Цао Цао двинул свое войско, чтобы остановить врага.

– Мне хотелось бы быть впереди, – обратился к Цао Цао Гуань Юй, едва слышав о походе.

– Не смею пока вас беспокоить, но как только понадобится, я сам попрошу вас об этом.

Цао Цао, разделив на три отряда сто пятьдесят тысяч воинов, выступил в поход. В пути он получил донесение от Лю Яня о том, что положение создалось тяжелое. Войско подошло к Байма и заняло позиции, опираясь на холмы. Вдали на широкой равнине, перерезанной потоком, расположился Янь Лян с сотней тысяч отборных воинов.

Цао Цао был встревожен.

– Вы, кажется, были самым храбрым военачальником у Люй Бу, – обратился он к Сун Сяню. – Могли бы вы сразиться с Янь Ляном?

Сун Сянь кивнул утвердительно. Вооружившись копьем, он выехал вперед.

Янь Лян с мечом в руке восседал на коне под двойным знаменем. Увидев Сун Сяня, он с громким криком устремился ему навстречу. В третьей схватке он занес руку, опустил меч, и обезглавленный Сун Сянь пал перед строем.

– Вот храбрый воин! – воскликнул изумленный Цао Цао.

– Он убил моего друга! Я отомщу ему! – выкрикнул Вэй Сюй.

Цао Цао дал свое согласие. Вооруженный секирой, Вэй Сюй выехал вперед, осыпая Янь Ляна бранью. Тот ничего не отвечал, но, когда кони их сблизились, он первым же ударом меча зарубил Вэй Сюя.

– Кто теперь осмелится выйти против него? – спросил Цао Цао.

На вызов откликнулся Сюй Хуан, но и ему не удалось победить Янь Ляна и пришлось вернуться в строй. Военачальники дрожали от страха. Цао Цао отвел свое войско. Янь Лян тоже отошел. Гибель двух военачальников крайне печалила Цао Цао.

– Я знаю, кто может сразиться с Янь Ляном! – сказал ему Чэн Юй.

– Кто же?

– Гуань Юй!

– Боюсь, что, оказав мне услугу, он покинет меня.

– Не думаю, – ответил Чэн Юй. – Лю Бэю, если он жив, негде быть, кроме как у Юань Шао. Появление Гуань Юя вызовет у него подозрение, и он убьет Лю Бэя. Тогда Гуань Юй не уйдет от вас.

Довод показался Цао Цао весьма убедительным, и он послал за Гуань Юйем. Распровавшись с невестками, которые просили его разузнать, жив ли их господин, Гуань Юй вооружился мечом Черного дракона, вскочил на Красного Зайца и в сопровождении нескольких воинов поскакал в Байма.

Цао Цао рассказал ему, как погибли два военачальника, и описал храбрость Янь Ляна, которого никто не мог одолеть.

– Разрешите мне самому взглянуть на его войско, – попросил Гуань Юй.

Они поднялись на холм. Военачальники стояли вокруг них.

– Как грозны эти хэбэйские воины! – сказал Цао Цао, указывая на войско Янь Ляна, на знамена, развевающиеся над лесом копий и мечей, являвших боевую готовность и силу врага.

---

¹¹⁹ Да-цзян – высшее воинское звание, генерал.

– Это не больше как куча глиняных кур и собак! – махнул рукой Гуань Юй.

– А вон тот, в расшитом халате, Янь Лян, – продолжал Цао Цао.

– Сдается мне, что он выставил свою голову на продажу! – произнес Гуань Юй, бросив взгляд в указанном направлении.

– Не хвалитесь преждевременно! – предупредил его Цао Цао.

– Пусть я бездарен, но я хочу перед всем войском срубить ему голову и преподнести ее вам, – заявил Гуань Юй.

– В армии словами не шутят, не забывайте об этом! – предостерег его Чжан Ляо.

Гуань Юй вскочил на коня, выхватил меч и помчался вниз с холма. Налившиеся кровью глаза его округлились, нахмурились шелковистые брови. Прославленные хэбэйские воины расступились, словно волны, и Гуань Юй устремился к Янь Ляну. Тот не успел и пальцем шевельнуть, как Гуань Юй оказался возле него. Сверкнул меч, и доселе непобедимый воин рухнул с коня.

Гуань Юй соскочил на землю, отрубил голову врага, повесил ее на шею своего коня и снова вскочил в седло. Все это произошло как будто в безлюдном месте.

Хэбэйские воины впали в смятение. Воспользовавшись этим, Цао Цао ударил на них. Убитых невозможно было счесть. В руки Цао Цао попало множество коней и оружия.

Гуань Юй поднялся на холм и положил перед Цао Цао голову Янь Ляна. Военачальники были в восторге.

– Да это же чудо-герой! – восклицал Цао Цао.

– Ну что я такого сделал, о чем стоило бы говорить? – удивился Гуань Юй. – Вот мой младший брат Чжан Фэй перед сотысячной армией отрубил голову одному военачальнику так быстро и легко, словно полез в свой мешок и что-то вынул оттуда!

– Если придется встретиться с Чжан Фэем, будьте осторожны! – предупредил окружающих Цао Цао и, чтобы не забывать об этом, велел им сделать метку на своих одеждах.

Тем временем воины, бежавшие в страхе из разбитой армии Янь Ляна, встретили по пути Юань Шао и рассказали ему о поражении, которое нанес им воин с красным лицом и длинной бородой, ворвавшийся в строй и убивший Янь Ляна.

– Кто бы это мог быть? – встревожился Юань Шао.

– Несомненно, Гуань Юй, младший брат Лю Бэя! – уверенно сказал Цзюй Шоу.

Юань Шао, задыхаясь от гнева и тыча пальцем на Лю Бэя, кричал:

– Я казню тебя! Твой брат убил моего любимого военачальника! Ты его сообщник, это мне ясно!

Юань Шао позвал палача, чтобы тот увел и обезглавил Лю Бэя.

Вот уж поистине:

Сперва, как гость, он был у нас в почете,
Сейчас злодей – стоит на эшафоте.

О дальнейшей судьбе Лю Бэя вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцать шестая, из которой читатель узнает о том, как Юань Шао потерпел поражение, и о том, как Гуань Юй возвратил дары

– Князь, вы выслушали только одну сторону и уже готовы порвать дружбу прежних дней, – спокойно произнес Лю Бэй, когда Юань Шао приказал казнить его. – После суйчжоуского поражения я не знаю, остался ли в живых мой брат Гуань Юй. Ведь в Поднебесной много похожих друг на друга людей. Почему вы не проверите? Неужто вы думаете, что краснолицым и длиннорылым может быть только Гуань Юй?

Будучи человеком неустойчивым, Юань Шао тут же принялся укорять Цзюй Шоу:

– Я послушался тебя и едва не убил невинного!

Обратившись к Лю Бэю, он попросил его войти в шатер, чтобы обсудить, как отомстить за смерть Янь Ляна.

– Могу ли я позволить другому мстить за Янь Ляна? – послышался суровый голос одного из воинов, стоявших у шатра. – Он был мне близок, словно брат...

Эти слова принадлежали знаменитому хэбэйскому военачальнику Вэнь Чоу.

– Кто же лучше вас сможет это сделать? – поспешно поддержал его Юань Шао, весьма обрадованный. – Я сам со сотысячной армией перейду Хуанхэ и нападу на злодея Цао Цао.

– Не делайте этого! – предостерег его Цзюй Шоу. – Ныне необходимо удерживать Яньцзинь и отрядить войско в Гуаньду. А переправитесь вы через реку да случись там что-либо – никому назад не вернуться.

– Такие, как ты, всегда медлят, затягивают войны на месяцы и чинят препятствия великому делу! – напустился на него разгневанный Юань Шао. – Тебе разве не известно, что в войне самое главное – быстрота?

– Неукротима река Хуанхэ! Стремительная в верховьях своих, она сокрушает все в нижнем течении. Нам ли перейти через нее? – вздохнул Цзюй Шоу и с тех пор не появлялся больше на военных советах, ссылаясь на недуг.

А Лю Бэй сказал Юань Шао:

– Я столько милостей получил от вас, что не знаю, как и отблагодарить. Мне хотелось бы отправиться вместе с Вэнь Чоу, чтобы хоть чем-нибудь отплатить вам за добро и, кроме того, узнать правду о Гуань Юйе.

Юань Шао охотно разрешил ему вместе с Вэнь Чоу вести передовой отряд, но Вэнь Чоу запротестовал:

– Лю Бэй – битый военачальник, доверием воинов он не пользуется. Коль скоро мой господин желает, чтобы и он шел, я выделю ему тридцать тысяч воинов, и пусть двигается за мной.

Цао Цао после победы Гуань Юйя над Янь Ляном проникся к герою еще большим уважением. Он испросил у императора для Гуань Юйя титул Ханьшоутинского хоу. Для него была отлита печать.

Как только Цао Цао стало известно, что Юань Шао намерен переправиться через Хуанхэ, а Вэнь Чоу уже занял переправу у Яньцзиня, он прежде всего распорядился переселить местных жителей в Сихэ. Затем он повел свое войско навстречу врагу, причем провиант был отправлен вперед, а войско шло позади.

– Какой смысл в таком построении? – спросил Люй Цянь.

– Провиант часто грабят, и я послал его вперед, – объяснил Цао Цао.

– Ну а если враг захватит обоз? – спросил Люй Цянь.

– Подождем врага, а там видно будет.

Так Люй Цяню и не удалось разрешить своих сомнений. А Цао Цао велел обозу двигаться к Яньцзиню. Вскоре прискакал гонец:

– Как быть? Подошел Вэнь Чоу, наши воины бросают провиант и бегут...

– Мы укроемся вон там! – сказал Цао Цао, указывая плетью на цепь холмов, расположенных к югу.

Воинам было разрешено снять доспехи и расположиться на отдых, отпустив коней пастись.

– Мятажники приближаются! – донесли военачальники. – Скорее ловите коней и уйдем в Байма!

– К чему отступать? Ведь мы устроили приманку для врага, – возразил Сюнь Ю.

Цао Цао бросил на него быстрый взгляд и улыбнулся. Сюнь Ю понимал его мысли без слов. Воины Вэнь Чоу, завладев повозками с провиантом, погнались теперь за конями. Это уже была не армия, а толпы грабителей – строй и порядок были нарушены. Цао Цао велел своим воинам спуститься с холмов и напасть на врага. В армии Вэнь Чоу произошло замешательство: сражался только сам Вэнь Чоу, а его воины топтали друг друга.

– Кто схватит знаменитого Вэнь Чоу? – спросил Цао Цао, обращаясь к своим приближенным.

Чжан Ляо и Сюй Хуан тотчас же выехали вперед, призывая Вэнь Чоу остановиться. Тот обернулся и, отбросив копье, натянул тетиву лука и выстрелил в Чжан Ляо.

– Не стреляй, разбойник! – крикнул Сюй Хуан.

Чжан Ляо успел уклониться, стрела попала ему в пучок перьев на шлеме. Но Вэнь Чоу не успокоился, он выпустил вторую стрелу, и она попала в голову боевому коню Чжан Ляо. Конь припал на передние ноги, всадник рухнул на землю. Вэнь Чоу бросился к нему, Сюй Хуан, размахивая огромной секирой, преградил ему путь. Но устоять он долго не мог: за Вэнь Чоу следовали его воины. Сюй Хуан помчался вдоль реки, враг следовал за ним.

– Стой, разбойник! – На Вэнь Чоу с поднятым мечом во главе десятка всадников с развевающимся знаменем несся Гуань Юй.

Три схватки, и Вэнь Чоу обратился в бегство. Быстроногий конь Гуань Юйя мгновенно настиг врага. Один взмах меча, и обезглавленный Вэнь Чоу лежал на земле.

За боем с холма наблюдал Цао Цао. Он поторопил свое войско вступить в сражение. Более половины хэбэйской армии было сброшено в реку.

В разгар схватки подоспел с тридцатитысячным отрядом Лю Бэй.

– Краснолицый воин с длинной бородой убил Вэнь Чоу! – донесли ему из передового отряда.

На другом берегу реки Лю Бэй заметил всадников, мчавшихся как ветер. Над их головами развевалось знамя. «Ханьшоутинский хоу Гуань Юй» – было написано на нем.

«Значит, мой брат действительно у Цао Цао!» – подумал Лю Бэй, возблагодарив в душе землю и небо. Он хотел окликнуть его, но тут на него набросился большой отряд войск Цао Цао, и ему пришлось отступить.

В это время Го Ту и Шэнь Пэй докладывали Юань Шао, который уже расположился лагерем у Гуаньду:

– Гуань Юй только что убил Вэнь Чоу! Лю Бэй притворяется, что не узнает его!

– Ах, длинноухий злодей! – разозлился Юань Шао и приказал схватить только что бывшего Лю Бэя.

– В чем моя вина? – спросил тот.

– Ты подослал своего брата убить моего военачальника! – гремел Юань Шао.

– Разрешите, я все объясню перед смертью. Цао Цао ненавидит меня. Он знает, что я нахожусь у вас, и боится, что я вам помогаю. Он нарочно послал Гуань Юйя, полагая, вероятно, что вы об этом узнаете и убьете меня. Подумайте об этом, князь!

– Пожалуй, Лю Бэй прав, – согласился Юань Шао и набросился на Го Ту и Шэнь Пэя. – А вы дважды толкали на то, чтобы я погубил свое доброе имя!

Он прогнал своих приближенных и увел Лю Бэя к себе в шатер. Лю Бэй стал благодарить его:

– Я столь многим обязан вам, что не знаю, как отплатить за все ваши милости! Разрешите мне письмом сообщить Гуань Юйю о моем местонахождении. Он придет немедля и поможет вам разбить врага. Этим он искупит зло, причиненное убийством Янь Ляна и Вэнь Чоу!

– О, Гуань Юй для меня дороже, чем десять Янь Лянов и Вэнь Чоу! – воскликнул Юань Шао.

Лю Бэй приготовил письмо. Но с кем его отослать?

Юань Шао отступил к Уяну и построил большой лагерь. Цао Цао послал Сяхоу Дуня охранять вход в ущелье у Гуаньду, а сам вернулся в Сюйчан, где устроил торжественный пир в честь подвигов Гуань Юйя.

В момент всеобщего веселья пришла весть, что в Жунане восстали Желтые во главе с Лю Би и Гун Ду; Цао Хун ожесточенно сражался с ними, но успеха не добился и просит помощи.

– Разрешите мне пойти на жунаньских разбойников! – попросил Гуань Юй. – Я послужу вам верно, как собака и конь.

– Не смею вновь утруждать вас, – ответил Цао Цао. – Я еще даже не успел отблагодарить вас за недавно свершенный подвиг!

– А мне все же хотелось бы пойти, – настаивал Гуань Юй. – Я могу заболеть от безделья.

Цао Цао выделил ему пятьдесят тысяч воинов и назначил его помощником Юй Цзиня и Ио Цзиня.

– Не отпускайте Гуань Юйя в поход, – советовал Сюнь Юй. – Он уйдет, как только узнает, где находится Лю Бэй. Он думает об этом постоянно.

– Пусть он еще совершит подвиг, а потом уж я больше не пущу его сражаться с врагом, – заявил Цао Цао.

Между тем Гуань Юй подошел к Жунаню и разбил лагерь. Ночью ему привели двух лазутчиков. В одном из них Гуань Юй признал Сунь Цянь.

– У кого вы теперь? – спросил он, отослав приближенных. – Я не слышал о вас ни слова с тех пор, как мы потеряли друг друга из виду.

– Я скитался, пока не попал в Жунань, – ответил Сунь Цянь. – Тут мне повезло: Лю Би оставил меня у себя на службе. А как вы оказались у Цао Цао? Как поживают госпожи Гань и Ми?

Гуань Юй поведал ему о своих приключениях.

– Недавно мне довелось узнать, что Лю Бэй находится у Юань Шао, – сказал Сунь Цянь. – Но мне не представлялось удобного случая уйти к нему. Какое счастье, что вы пришли! Лю Би и Гун Ду покорились Юань Шао, а меня послали с небольшим отрядом, чтобы переговорить с вами. Завтра оба военачальника притворятся разбитыми, и вы сможете перейти на ту сторону и повидаться с Лю Бэем.

– Ехать мне надо обязательно, но вот несчастье – я убил двух военачальников Юань Шао. Пожалуй, это помешает мне...

– Да, это так. Давайте сначала поеду я и разузнаю положение дел, – предложил Сунь Цянь.

– Я еще должен вернуться в Сюйчан и проститься с Цао Цао. Нет, пусть хоть десять тысяч смертей угрожает мне, а от своего намерения встретиться с братом я не откажусь! – решительно заявил Гуань Юй.

Он отпустил Сунь Цяня и наутро вывел войско в бой. Навстречу ему в полном вооружении выехал из строя Гун Ду.

– Эй, люди! Почему вы изменили государю? – крикнул Гуань Юй.

– Это ты изменил своему господину! – отвечал Гун Ду. – А еще нас попрекаешь!

– Это я-то!

– Как же это называется? Лю Бэй находится у Юань Шао, а ты служишь Цао Цао!

Гуань Юй, не промолвив ни слова, обнажил меч и бросился вперед. Гун Ду повернул коня и, обернувшись, на скаку бросил:

– Я не забыл милостей нашего господина... Скорее нападайте. Я сдам вам Жунань...

Гуань Юй понял его. Лю Би и Гун Ду притворились разбитыми и обратились в бегство. Гуань Юй занял город, успокоил народ и вернулся в Сюйчан. Цао Цао встречал его за городом. Воины были щедро награждены за боевые труды.

Гуань Юй пошел повидаться с невестками.

– Вы дважды ходили в поход. Узнали ли вы что-либо о нашем господине? – таков был первый вопрос госпожи Гань.

– Нет, – ответил Гуань Юй, низко кланяясь.

– Он умер, но брат скрывает это от нас. Он не хочет, чтобы мы горевали, – услышал Гуань Юй за воротами разговор женщин.

– Не печальтесь, госпожи, – не выдержал один из старых воинов, стоявший у ворот. – Наш господин находится в Хэбэе у Юань Шао.

– А тебе откуда известно? – спросили женщины.

– Мне сказал один из воинов полководца Гуань Юйя.

Женщины позвали Гуань Юйя и стали попрекать его:

– Почему вы обманываете нас? Наш господин никогда не говорил нам неправду... Вы променяли его на милости Цао Цао!

Гуань Юй потупил голову:

– Да, мой старший брат действительно в Хэбэе. Я просто боялся сказать, чтобы тайна не стала известна другим. Я буду действовать, но поступать опрометчиво нельзя.

– И все же надо спешить, – сказали женщины.

Местопребывание Лю Бэя стало известно Юй Цзиню, и он доложил об этом Цао Цао. Тот послал Чжан Ляо выведать намерения Гуань Юйя. Гуань Юй сидел дома опечаленный.

– Вы, кажется, на поле битвы узнали новости о Лю Бэе? Поздравляю вас, – сказал Чжан Ляо, приветствуя его.

– С чем меня поздравлять? Правда, мой брат жив, но я его не видел, – ответил Гуань Юй.

– У вас с Лю Бэем отношения как между старшим и младшим братьями, не так ли?

– Мы с ним друзья. Вернее, друзья и братья. К тому же он мой господин, а я его слуга. Тут всего словами не выразишь!

– Вы уедете к нему? – осведомился Чжан Ляо.

– Я не изменю своему слову! Вы уж как-нибудь объясните чэн-сяну...

Выслушав от Чжан Ляо ответ Гуань Юйя, Цао Цао сказал:

– Я знаю, как удержать его.

Между тем к Гуань Юйю явился незнакомый человек.

– Кто вы такой? – спросил Гуань Юй.

– Я – Чэнь Чэн из Наньяна, служу у Юань Шао, – ответил незнакомец.

– Должно быть, вас привело сюда важное дело?

Чэнь Чэн вручил Гуань Юйю письмо Лю Бэя, которое начиналось так:

Мы с тобой заключили союз в персиковом саду, мы поклялись в один и тот же день умереть. Почему ты нарушил клятву, позабыв о любви и

долге? Наверно, ты гонишься за славой, мечтаешь о богатстве и хочешь моей гибелью увенчать свои подвиги? В письме всего не скажешь, и я с нетерпением буду ждать твоих объяснений.

Прочитав письмо, Гуань Юй зарыдал:

– Мог ли я думать об измене? Я просто не знал, где искать брата...

– Лю Бэй очень надеется на вас, – сказал Чэнь Чэн. – Если вы не изменили долгу, немедленно отправляйтесь к нему!

– Человек, родившийся между небом и землей и не соблюдающий последовательности в своих действиях, не может быть совершенным. Я пришел сюда открыто и уйду также открыто, – заявил Гуань Юй. – Сейчас я напишу письмо, передайте его моему брату. Сам я приеду к нему с обеими невестками, как только попрощаюсь с Цао Цао.

– А если Цао Цао не отпустит вас? – спросил Чэнь Чэн.

– Тогда я умру, но здесь не останусь!

– В таком случае пишите ответ и избавьте брата от томительного ожидания.

В ответном письме Гуань Юйя говорилось:

Мне, недостойному, известно, что человек долга никогда не обманывает, а верный – презирает смерть. В детстве я учился и кое-как разбираюсь и в этикете, и в долге. Я не могу не вздохнуть, вспоминая о Ян Цзюэ-айе и Цзо Бо-тао.

Защищая Сяпи, я был исполнен решимости держаться до смерти. Но в городе не было припасов, и не приходила военная помощь извне. Кроме того, на мне лежала ответственность за безопасность двух женщин. Я не смел рисковать жизнью и предпочел поступиться доверием, оказанным мне. Вот почему я стал пленником, не теряя надежды на возможность встретиться с вами. Недавно я узнал, что вы в Жунане, но не пришел: решил прежде проститься с Цао Цао и доставить вам ваших жен.

Я говорю от чистого сердца. Если у меня иные намерения, пусть меня покарают люди и духи! Кистью на бумаге не изложит всего, и я надеюсь, что скоро паду ниц перед вами, и тогда все скрытое прояснится.

Чэнь Чэн удалился, унося с собой письмо, а Гуань Юй отправился к Цао Цао. Цао Цао, узнав о цели его прихода, вывесил на воротах дощечку с надписью, что никого не принимает. Пришлось вернуться ни с чем. Такой прием повторялся несколько дней подряд. Тогда Гуань Юй пошел к Чжан Ляо, но и тот уклонился от встречи с ним, сказавшись больным.

«Цао Цао пустился на хитрость, чтобы не дать мне уйти! – подумал Гуань Юй. – Но я здесь больше не останусь!»

Он велел приготовить коляски для женщин и написал Цао Цао прощальное письмо:

С молодых лет я служу Лю Бэю, дяде императора, и поклялся жить и умереть с ним вместе. Эту клятву слышали царь Небо и царица Земля.

Вы милостиво приняли условия, поставленные мною в Сяпи. И вот я узнал, что господин мой находится в войсках Юань Шао. Помня о союзе, я не смею изменить ему. Велики милости ваши, но нельзя забывать старый долг. Я пишу вам прощальное послание и смиренно прошу подождать иных дней, когда я смогу отблагодарить вас за милости, еще не оплаченные.

Отправив человека с письмом во дворец Цао Цао, Гуань Юй собрал в связки все золото и серебро, полученное в подарок, разложил их в кладовой, повесил свою печать в приемном зале и затем попросил женщин занять места в колясках. Сам он вскочил на Красного Зайца,

взял в руку меч Черного дракона и в сопровождении верных людей, уже давно служивших ему, направился к северным воротам.

Стража пыталась задержать его, но Гуань Юй замахнулся мечом и закричал так грозно, что те разбежались.

– Охраняйте коляски и идите вперед. Если нас будут преследовать, я один сумею задержать погоню. Главное – не тревожьте женщин! – наказывал Гуань Юй, когда они миновали ворота.

Слуги покатали коляски по дороге.

Цао Цао размышлял, как поступить с Гуань Юйем, когда неожиданно ему подали письмо.

– Гуань Юй уходит! – заволновался он, пробежав письмо глазами.

Прискакал с донесением начальник стражи городских ворот:

– Гуань Юй ушел на север со своими невестками в сопровождении двадцати слуг.

Из дома Гуань Юйя прибежал человек:

– Гуань Юй оставил все вещи и служанок во внутренних покоях, повесил печать в приемном зале и ушел из города, не взяв с собой никого из слуг, присланных ему чэн-сяном.

Военачальники ужаснулись.

– Дайте мне три тысячи закованных в броню всадников, и я доставлю Гуань Юйя живым! – воскликнул один из них.

Взоры всех обратились к нему – это был Цай Ян.

Вот уж поистине:

Пещеру большого дракона едва лишь покинул он,
Как встретил свирепое войско, что было страшней, чем дракон.

О том, как Цай Ян собирался преследовать Гуань Юйя и что из этого получилось, вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцать седьмая, в которой будет идти речь о том, как «гун Прекрасной бороды» совершил путешествие за тысячу ли и у пяти застав убил шесть военачальников

Из всех военачальников Цао Цао только один Цай Ян терпеть не мог Гуань Юйя – вот почему он и вызвался его преследовать.

– Уход Гуань Юйя вполне понятен: он не забыл своего прежнего господина, – сказал Цао Цао. – Вот достойный муж, и все вы должны подражать ему!

Цай Яну преследовать Гуань Юйя он запретил.

– Вы, господин чэн-сян, обращались с Гуань Юйем милостиво, а он ушел, даже не попрощавшись с вами, – заметил Чэн Юй. – Да еще своими сумасбродными речами и этой писулькой унизил ваше достоинство! Это преступление! Надо убить его, чтобы предотвратить дальнейшие бедствия, ибо позволить ему уйти к Юань Шао – значит дать крылья тигру!

– Нет, не преследуйте его! У каждого есть свой господин. Я дал согласие на его уход, как же я могу нарушить свое слово? – ответил Цао Цао. Однако Чжан Ляо он потом говорил: – Гуань Юй вернул золото и повесил печать – богатство не тронуло его сердце, титулов оказалось недостаточно, чтобы заставить его изменить долгу. Таких людей я глубоко уважаю. Думаю, что он ушел еще не очень далеко, и хочу попытаться вызвать у него чувство привязанности ко мне. Догоните его и попросите подождать, пока я приду проводить его. Подарите ему денег на дорогу и военную одежду – пусть он вспоминает обо мне.

Быстроногий конь Гуань Юйя, Красный Заяц, за день мог пробежать тысячу ли. Но сейчас Гуань Юйю приходилось ехать медленно, так как он должен был сопровождать коляски с женами Лю Бэя.

– Не торопитесь, Гуань Юй! – слышалось сзади.

Гуань Юй обернулся и увидел скакавшего к нему Чжан Ляо.

Велев слугам, катившим экипажи, поторапливаться, Гуань Юй, обнажив меч Черного дракона, остановился на дороге.

– Неужели вы намерены заставить меня вернуться? – спросил он.

– Нет. Чэн-сян пожелал проводить вас и просит его подождать, – ответил Чжан Ляо. – Других намерений у него нет.

Гуань Юй выехал на мост и стал следить за приближающимся Цао Цао. Тот ехал в сопровождении нескольких десятков всадников и своих приближенных. Заметив меч в руке Гуань Юйя, Цао Цао велел своим людям остановиться. У них не было оружия, и Гуань Юй немного успокоился.

– Почему вы так спешите? – спросил Цао Цао.

– Я уже сообщил вам, что мой господин находится в Хэбэе, – ответил Гуань Юй, не сходя с коня. – Мне медлить нельзя. Несколько раз я приходил к вам во дворец, но увидеться с вами мне не удалось. Я отправил вам прощальное письмо, оставил золото и повесил печать. Надеюсь, вы не забыли обещания?

– Как же я могу нарушить слово, если желаю заслужить доверие Поднебесной! Просто я хочу дать вам немного денег, чтобы вы не терпели лишений в дороге.

– Очень обязан вам за милости! – ответил Гуань Юй. – Но деньги у меня есть. Отдайте лучше это золото воинам.

– Почему вы отказываетесь? Ведь это же малое вознаграждение за великие услуги!

– Прошу вас, не упоминайте о моих заслугах – они слишком ничтожны!

– Тогда примите этот парчовый халат в знак моей благодарности, – сказал Цао Цао. – Вы самый честный человек во всей Поднебесной! Жаль, что мне не удалось привлечь вас на свою сторону!

Один из военачальников подал халат. Гуань Юй не спешил, опасаясь подвоха, принял халат на острие меча и облекся в него.

– Благодарю за подарок, господин чэн-сян. Надеюсь, что мы еще встретимся! – Гуань Юй повернул коня и во весь опор ускакал в северном направлении.

– Почему вы не схватили его? – возмутился Сюй Чу. – Этот человек обнаглел сверх всякой меры!

– Он был один, а нас много. Как тут было ему не заподозрить подвоха? Я уже сказал: не преследовать!

Цао Цао вернулся в город, по дороге с грустью размышляя о Гуань Юйе.

Проехав тридцать ли по дороге, Гуань Юй не нашел колясок и сильно встревожился. Погоняя коня и рыская по сторонам в тщетных поисках, он вдруг услышал оклик:

– Остановитесь, Гуань Юй!

Гуань Юй поднял глаза и увидел верхового – юношу с желтой повязкой на голове. В руках его было копье, на шее коня висела отрубленная голова. Несколько сот пеших воинов следовало за ним.

– Кто ты? – спросил Гуань Юй.

Юноша отбросил копье, соскочил с коня и пал ниц. Опасаясь обмана, Гуань Юй взял меч на изготовку и повторил вопрос:

– Храбрец, я хотел бы знать твое имя!

– Я – Ляо Хуа из Сяньяна, – ответил юноша. – С тех пор как в стране началась смута, я долго бродил изгнанником по рекам и озерам, собрал более пятисот человек и промышлял грабежом. Мой товарищ Ду Юань спустился с гор дозорным и захватил двух женщин. Из расспросов я узнал, что это жены дядюшки великого ханьского государя Лю Бэя и что вы сопровождаете их. Я убил Ду Юаня, и вот вам его голова. Умоляю простить меня!

– А где женщины? – вскричал Гуань Юй.

– Они в горах.

– Везите их сюда!

Сотня людей подкатила коляски, Гуань Юй, спешившись, встал перед ними, скрестив руки на груди.

– Натерпелись вы страху, наверно, сестры мои? – воскликнул Гуань Юй.

– Если бы нас не спас Ляо Хуа, мы были бы опозорены Ду Юанем, – молвили обе женщины.

– Действительно Ляо Хуа спас женщин? – обратился Гуань Юй к окружающим.

Услышав рассказ, подтверждающий слова юноши, Гуань Юй поблагодарил его. Ляо Хуа со своими людьми хотел сопровождать Гуань Юйя, но тот, узнав, что все они из отрядов Желтых, отказался от их услуг.

Юноша пытался поднести ему золото, но Гуань Юй не принял подарка. Тогда Ляо Хуа попрощался и ушел со своими людьми в горное ущелье. Гуань Юй, рассказав невесткам о подарке Цао Цао, двинулся дальше.

Приближался вечер. Путешественники заметили усадьбу и направились туда отдохнуть. Их встретил убежденный сединами старик и спросил:

– Кто вы и к какому роду вы принадлежите?

– Я – младший брат Лю Бэя по имени Гуань Юй, – ответил тот с поклоном.

– Так это вы сразили Янь Ляна и Вэнь Чоу?

– Да, я, – ответил Гуань Юй.

Старик обрадовался встрече и пригласил его в дом.

– В колясках едут еще две женщины, – предупредил его Гуань Юй.

Хозяин вызвал жену и дочь, и жен Лю Бэя с почетом ввели в зал. Гуань Юй, скрестив руки, стал рядом с ними. Хозяин пригласил его сесть.

– Не смею это сделать в присутствии высокопочитаемых жен моего старшего брата.

Старик велел жене и дочери провести женщин во внутренние покои, а сам принялся потчевать Гуань Юйя.

– Как ваше имя? – спросил гость.

– Зовут меня Ху Хуа, – ответил старик. – Во времена императора Хуань-ди я был иланом, но отказался от должности и уехал в деревню. Сын мой Ху Бань служит у жунъянского тай-шоу Ван Чжи. Может быть, вам случится проходить это место, будьте добры, передайте ему письмо.

Гуань Юй не отказал старику в просьбе.

После утренней еды женщины заняли места в колясках, и отряд Гуань Юйя двинулся дальше, взяв направление на Лоян. Путь их лежал через перевал Дунлин, охраняемый военачальником Кун Сю и его пятьюстами воинами. Уведомленный о приближении Гуань Юйя, Кун Сю вышел ему навстречу. Гуань Юй сошел с коня и приветствовал его.

– Куда вы направляетесь? – осведомился Кун Сю.

– Я распрощался с чэн-сяном и еду в Хэбэй отыскивать брата, – ответил Гуань Юй.

– Хэбэйский Юань Шао – враг чэн-сяна, и, чтобы туда проехать, у вас должно быть письменное разрешение, – заявил Кун Сю.

– Я очень торопился с отъездом и не успел его получить.

– В таком случае подождите, пока я пошлю человека к чэн-сяну за указаниями.

– Это слишком задержит меня.

– Иначе я поступить не могу – я следую закону!

– Значит, вы не разрешите мне пройти через заставу? – спросил Гуань Юй.

– Оставьте в залог семью, а сами проходите, – предложил Кун Сю.

Гуань Юй в гневе схватился за меч. Кун Сю бросился на перевал и ударил в барабан, собирая воинов. Те быстро вскочили на коней и помчались вниз с громкими криками:

– Попробуй-ка пройди!

Гуань Юй отвел коляски в сторону, а сам схватился с Кун Сю. Один удар стального меча – и труп Кун Сю лежал на земле. Воины бросились врассыпную, но Гуань Юй крикнул им:

– Вернитесь, воины! Против вас я ничего не имею! Передайте чэн-сяну Цао Цао, что я вынужден был убить Кун Сю, потому что он хотел причинить мне вред!

Все воины склонились перед его конем. Гуань Юй прошел через заставу и продолжал свой путь к Лояну.

Но о случившемся уже стало известно лоянскому тай-шоу Хань Фу, и тот созвал военачальников на совет.

– Раз у него нет письменного разрешения чэн-сяна, значит едет он самовольно. Пропустим его – и мы же будем виноваты, – сказал я-цзян¹²⁰ Мын Тань.

– Гуань Юй храбр и свиреп, – возразил Хань Фу. – Силой с ним не сладить. Ведь это он убил Янь Ляна и Вэнь Чоу! Нет, действовать тут надо только хитростью!

– Тогда мы «оленьими рогами» преградим путь к заставе, и когда Гуань Юй придет, я вступлю с ним в бой, – предложил Мын Тань. – Он погонится за мной, а вы стрелой из засады убьете его. Потом мы отправим его труп в Сюйчан, и награда нам обеспечена!

Хань Фу с тысячей воинов укрылся в засаде по обеим сторонам дороги и, когда Гуань Юй уже был близко, крикнул:

---

¹²⁰ Я-цзян – низший воинский чин.

– Пришелец, кто ты такой?

– Я – Ханьшоутинский хоу Гуань Юй, хочу пройти по этой дороге! – ответил тот.

– А у тебя есть письменное разрешение чэн-сяна Цао Цао?

– Не успел взять.

– Я получил приказ чэн-сяна охранять эту землю и вылавливать лазутчиков. Если у тебя нет документа, значит ты беглый!

– К востоку от хребта Кун Сю уже нашел свою смерть, и ты хочешь того же! – вскипел Гуань Юй.

– А ну, кто его схватит? – закричал Хань Фу.

Мын Тань, размахивая мечом, устремился на Гуань Юйя, но после третьей схватки обратился в бегство. Гуань Юй погнался за ним. Стараясь завлечь противника, Мын Тань не подумал о быстроте бега его коня. Гуань Юй в мгновение ока настиг его и разрубил пополам. В этот момент Хань Фу, укрывшись за воротами, выстрелил из лука. Стрела угодила Гуань Юйю в руку. Он зубами вытащил стрелу. Из раны ручьем лилась кровь, но Гуань Юй во весь дух мчался вперед. Воины Хань Фу расступились. Рука Гуань Юйя поднялась, опустился меч, и голова Хань Фу, снесенная вместе с плечом, покатила по земле.

Гуань Юй возвратился к коляскам, оторвал кусок шелка и перевязал рану. Не желая показывать никаких признаков слабости, он ночью приказал двигаться к Ишуйской заставе.

Охранял эту заставу военачальник Бянь Си, и оружием ему служила булава. Родом он был из Бинчжоу, когда-то служил у Желтых, потом перешел к Цао Цао. Он решил пойти на хитрость, когда узнал о приближении Гуань Юйя. Посадив в засаду в кумирне Хранителя страны двести человек с мечами, он выехал встречать путешественников.

– Имя ваше гремит по всей Поднебесной, – сказал он Гуань Юйю. – Кто не восхищается вами! Возвращение к брату доказывает ваше благородство и преданность.

Гуань Юй был доволен такой встречей. Он и его люди миновали Ишуйскую заставу и подъехали к кумирне Хранителя страны. Монахи при колокольном звоне вышли им навстречу.

Когда-то в этой кумирне воскуривал благовония ханьский император Мин-ди¹²¹, а теперь здесь обитало около тридцати монахов. Один из них, носивший в монашестве имя Пу Цзин, оказался земляком Гуань Юйя. Проведав о коварном плане Бянь Си, он вступил в беседу с Гуань Юйем.

– Сколько лет прошло с тех пор, как вы покинули Пудун! – воскликнул он.

– Уже почти двадцать! – ответил Гуань Юй.

– Узнаете ли вы бедного монаха?

– Нет, не узнаю – слишком давно я покинул родину!

– А ведь наш дом от вашего отделяла только речка!

– Прошу господина пожаловать к столу! – оборвал эту беседу Бянь Си. – Ты, монах, слишком разболтался!

– Нет, нет! – торопливо воскликнул Гуань Юй, вступаясь за монаха. – Когда земляки встречаются, они всегда вспоминают былое.

Пу Цзин пригласил Гуань Юйя в кумирню выпить чаю.

– Здесь в колясках две женщины; сначала предложите им войти, – сказал Гуань Юй.

Монах разливал чай. И тут Гуань Юй заметил, как он рукой притронулся к висевшему на поясе ножу и бросил многозначительный взгляд на Бянь Си. Гуань Юй понял этот взгляд и велел своим людям с оружием следовать за ним. Бянь Си усадил его на циновке в зале покаяний.

– С добрым или злым намерением пригласили вы меня сюда? – обратился к нему Гуань Юй.

Бянь Си еще ничего не успел ответить, как Гуань Юй заметил за ширмами вооруженных людей.

– Как ты посмел? А я считал тебя честным человеком! – воскликнул Гуань Юй.

– Бейте его! – закричал Бянь Си.

Воины, рискнувшие выполнить это приказание, пали от меча Гуань Юйя. Бянь Си бежал в боковую галерею. Гуань Юй бросил в него короткий меч и побежал вслед за ним. Бянь Си хотел метнуть в него свою булаву, но Гуань Юй ударом длинного меча разрубил ее надвое. Затем он настиг Бянь Си и зарубил его.

Расправившись с коварным врагом, Гуань Юй поспешил на помощь женщинам. Их уже окружали воины. При виде его они все рассеялись.

Гуань Юй поблагодарил Пу Цзина:

– Не будь вас, эти злодеи убили бы меня! Спасибо вам!

– Мне тоже нельзя здесь оставаться, – сказал монах. – Возьму я свою чашу для милостыни да пойду бродить по земле, как облако по небу! Мы еще встретимся с вами, берегите себя!

Гуань Юй двинулся дальше, в направлении Жунъяна. Жунъянский тай-шоу Ван Чжи, приходившийся родственником Хань Фу, стал придумывать, как погубить Гуань Юйя.

Послав людей охранять заставу, он выехал навстречу Гуань Юйю и с улыбкой молвил:

– Вы, господин, очень спешите, и женщины в колясках, должно быть, притомились. Прошу вас в город, отдохнете на подворье, а завтра поедете дальше.

Видя почтительность Ван Чжи, Гуань Юй согласился сделать остановку. Все расположились на подворье. Ван Чжи приглашал Гуань Юйя на пир, но тот отказался. Тогда Ван Чжи прислал ему угощение на дом. Откушав, женщины по просьбе Гуань Юйя удалились отдыхать, а слуги, накормив коней, тоже легли спать. Гуань Юй снял латы.

В это время Ван Чжи тайно вызвал своего приближенного Ху Баня и сказал ему так:

– Гуань Юй бежал, изменив чэн-сяну. По дороге он убивал начальников застав, тяжки его преступления. Но он храбр, и в единоборстве противостоять ему невозможно. Подготовьте

---

¹²¹ Мин-ди (56–74 н. э.)

тысячу воинов с факелами и во время третьей стражи подожгите подворье. Пусть сгорят все! Я приду туда с войском.

Выслушав приказание, Ху Бань подумал:

«Много раз я слышал имя Гуань Юйя, но никогда его не видел. Попытаюсь-ка я посмотреть на него».

– Где полководец Гуань Юй? – спросил он у смотрителя подворья.

– А вон читает в комнате, – ответил тот.

Ху Бань украдкой заглянул в комнату. Гуань Юй, опершись правой рукой о низенький столик, левой поглаживал бороду и читал при свечке.

– Поистине небесный человек! – прошептал Ху Бань.

– Кто там? – окликнул Гуань Юй.

– Чиновник жунъянского тай-шоу Ху Бань, – ответил тот, входя и кланяясь.

– Так вы сын Ху Хуа, который живет возле Сюйчана?

– Именно так, – ответил Ху Бань.

Гуань Юй передал ему письмо отца. Прочитав письмо, Ху Бань вздохнул.

– По ошибке я едва не погубил замечательного человека! – тихо произнес он и добавил: – Ван Чжи хочет вас убить, он велел окружить подворье и во время третьей стражи поджечь его. Я сейчас открою городские ворота, а вы поскорей собирайтесь и уезжайте.

Гуань Юй поспешно собрался, попросил невесток сесть в коляски и двинулся к окраине города. Ворота были уже открыты. Они успели пройти только несколько ли, как вдали замелькали факелы: их преследовал отряд воинов.

– Гуань Юй, стой! – кричал скакавший впереди Ван Чжи.

Гуань Юй остановился и гневно воскликнул:

– Негодяй! Подлец! Я с тобой не враждовал, а ты хотел сжечь меня!

Ван Чжи с копьем наперевес бросился на противника, но тут же был разрублен надвое коротким мечом Гуань Юйя. Преследователи разбежались. Гуань Юй двинулся дальше, мысленно благословляя Ху Баня.

Путешественники добрались до границ Хуачжоу, где их встретил Лю Янь.

– Как вы себя чувствуете, тай-шоу? – спросил Гуань Юй, кланяясь, сидя на коне.

– А вы куда направляетесь? – осведомился Лю Янь.

– Еду искать брата.

– Но ведь Лю Бэй у Юань Шао, а Юань Шао – враг чэн-сяна. Как это он разрешил вам ехать?

– Мы с ним об этом прежде уговорились.

– Въезд на переправу через Хуанхэ охраняет Цинь Ци, подчиненный Сяхоу Дуня, – предупредил Лю-Янь. – Пожалуй, он вам не даст переправиться.

– А вы не одолжите мне лодку? – спросил Гуань Юй.

– Лодки есть, но сделать этого я не могу.

– Почему? Я спас вас от смерти, убив Янь Ляна и Вэн Чоу, а вы отказываете мне!

– Я боюсь, что, если это станет известно Сяхоу Дуню, он обвинит меня в измене.

Гуань Юй понял, что Лю Янь человек ничтожный, и заторопился вперед. У переправы навстречу путешественникам выехал с войском Цинь Ци, чтобы узнать, кто едет.

– Ханьшоутинский хоу Гуань Юй, – ответил тот.

– А куда вы направляетесь?

– В Хэбэй, искать старшего брата Лю Бэя, – ответил Гуань Юй. – Хочу переправиться через реку.

– А письменное разрешение чэн-сяна у вас есть?

– Зачем оно мне? Я чэн-сяну неподвластен.

– Я получил приказ Сяхоу Дуня охранять переправу, и пусть у вас хоть крылья вырастут, вы все равно не пролетите! – воскликнул Цинь Ци.

– А слышал ты, что я по пути убивал всех, кто смел мне противиться? – крикнул Гуань Юй, приходя в ярость.

– Других-то вы убивали, а вот попробуйте убить меня! – похвалялся Цинь Ци.

– Кто ты по сравнению с Янь Ляном и Вэнь Чоу! – ответил Гуань Юй.

Цинь Ци подхлестнул коня и, подняв меч, бросился на Гуань Юйя. Всадники сошлись, и в первой же схватке пала на землю голова Цинь Ци.

Гуань Юй крикнул его воинам:

– Я убрал с дороги того, кто посмел мне дерзить! Вам бояться нечего! Поживей приготовьте мне лодку и перевезите через реку!

Воины подогнали к берегу лодку. Путешественники спокойно переправились и вступили в земли Юань Шао.

Так Гуань Юй прошел пять застав и сразил шестерых военачальников! В честь этого потомки сложили стихи:

Оставив богатство, печать и ханьского кинув чэн-сяна,
Он в дальний отправился путь, ревнуя о брате своем.
На неумолимом коне он тысячи ли пролетает,
Заставы одну за другой своим открывает мечом.
Отвага и честность его, как дух, во вселенной витают,
И слава его, как и встарь, земной наполняет простор.
Он храбро прошел пять застав, сразил шестерых полководцев,
И все это темою служит для кисти и туши с тех пор.

– Не хотелось мне убивать людей, но пришлось! – вздохнул Гуань Юй. – Цао Цао, наверно, сочтет меня неблагодарным человеком.

– Гуань Юй, остановись! – послышался возглас.

С севера мчался всадник. Гуань Юй узнал Сунь Цяня.

– Что нового с тех пор, как мы расстались в Жунане? – спросил его Гуань Юй.

– Когда вы ушли, Лю Би и Гун Ду снова завладели городом, – ответил Сунь Цянь. – Меня послали в Хэбэй для переговоров с Юань Шао, а он пригласил на совет Лю Бэя, чтобы обсудить, как разбить Цао Цао. Но они не учли, что хэбэйские военачальники враждуют друг с другом. Тянь Фын – в темнице, Цзюй Шоу – в изгнании, Шэнь Пэй и Го Ту борются за власть. Юань Шао колеблется. Мы посоветовались с Лю Бэем и решили, что он поедет в Жунань к Лю Би, а я – встречать вас, чтобы вы не попали к Юань Шао. Спешите в Жунань, там вы увидите с вашим братом.

Гуань Юй попросил Сунь Цяня поклониться госпоже Гань и госпоже Ми. Они заинтересовались его приключениями. Сунь Цянь рассказал о том, как Юань Шао дважды собирался казнить Лю Бэя и как Лю Бэй спасся в Жунань. Сунь Цянь посоветовал Гуань Юю тотчас отправляться туда. Женщины плакали, закрыв лица руками.

Гуань Юй повернул в сторону Жунаня, но в пути их настигла погоня.

– Стой, Гуань Юй! – во весь голос кричал скакавший впереди своего войска Сяхоу Дунь. Вот уж поистине:

Сразил он шесть полководцев – и вот сметена преграда,
Но армию новую встретил, и снова сражаться надо.

О том, как спасся Гуань Юй, рассказывает следующая глава.

Глава двадцать восьмая, повествующая о том, как братья разрешили сомнения, и о том, как Гуань Юй и Чжан Фэй встретились с Лю Бэем в Гучэне

Заметив погоню, Гуань Юй придержал коня и, сжимая в руке меч, крикнул:

– Ты преследуешь меня, нарушая этим великодушное обещание, данное мне господином чэн-сяном!

– Чэн-сян мне никаких указаний не давал, а ты по пути убивал людей и лишил жизни одного из моих военачальников! – ответил Сяхоу Дунь. – Это слишком большая дерзость! Я выдам тебя чэн-сяну, пусть он сам разбирается!

Сяхоу Дунь взял копье на изготовку, но тут он заметил всадника, мчавшегося к нему с громким возгласом:

– Не деритесь с Гуань Юйем!

Гуань Юй остановился. Подоспевший гонец вынул из-за пазухи бумагу и сказал Сяхоу Дуню:

– Чэн-сян любит и уважает полководца Гуань Юйя за его верность и справедливость. Опасаясь, что в дороге его будут останавливать на заставах, чэн-сян велел мне передать ему охранную грамоту с разрешением ездить повсюду!

– А известно чэн-сяну, что Гуань Юй успел убить нескольких начальников застав? – спросил Сяхоу Дунь.

– Пока еще нет, – ответил гонец.

– Ну так я схвачу его и отправлю к чэн-сяну, пусть он решит сам, отпустить ли его.

– Уж не воображаешь ли ты, что я тебя боюсь? – бросил вызов Гуань Юй и, хлестнув коня, поскакал на Сяхоу Дуня.

Последовало десять схваток.

– Полководцы, погодите! – Это кричал новый гонец.

Сяхоу Дунь опустил копье и спросил:

– Чэн-сян велел схватить Гуань Юйя?

– Нет. Он прислал ему охранную грамоту.

– А известно чэн-сяну, что Гуань Юй убивал людей?

– Нет.

– Тогда я его не отпущу!

Сяхоу Дунь подал знак своим воинам окружить Гуань Юйя. Сильно разгневанный, Гуань Юй бросился в бой, размахивая мечом. Только противники собирались скрестить оружие, как еще примчался один человек.

– Гуань Юй, Сяхоу Дунь! Прекратите бой! – Это был Чжан Ляо.

Всадники придержали коней.

– Чэн-сян узнал, что Гуань Юй убил начальников пяти застав, и, опасаясь, что его будут преследовать в пути, велел мне передать, чтобы его нигде не задерживали! – сказал Чжан Ляо.

– Цай Ян оставил на мое попечение своего племянника Цинь Ци, а Гуань Юй убил его! – горячился Сяхоу Дунь. – Я никогда этого не забуду!

– Цай Яну я все объясню сам. А что касается Гуань Юйя, то его чэн-сян отпускает, и вы не смеееете ослушаться его приказа! – заявил Чжан Ляо.

Сяхоу Дуню пришлось отступить.

– Куда вы сейчас направляетесь, Гуань Юй? – спросил его Чжан Ляо.

– Я слышал, что мой брат ушел к Юань Шао, и теперь буду искать его по всей Поднебесной, – ответил Гуань Юй.

– А почему бы вам не вернуться к чэн-сяну, пока вы не знаете, где нашел пристанище Лю Бэй?

– Разве в этом есть смысл? Нет, уж вы лучше попросите у чэн-сяна за меня прощение!

С этими словами Гуань Юй поклонился Чжан Ляо, и они расстались.

Гуань Юй догнал коляски, и бок о бок с Сунь Цянем они двинулись дальше, беседуя о происшедшем.

Они были уже несколько дней в пути, когда неожиданно хлынул ливень, и весь их багаж промок. Завидев впереди у подножия горной цепи одинокую усадьбу, Гуань Юй направился туда, чтобы устроиться на ночлег. Их встретил старик-хозяин. Гуань Юй назвал себя и рассказал о цели своего путешествия.

– Меня зовут Го Чан, – представился старик. – Живем мы здесь с незапамятных времен. Давно я слышал ваше славное имя! Как я счастлив, что могу поклониться и лицеизреть вас!

В честь такого события он заколол барана и приготовил вино. Женщины прошли во внутренние покои отдыхать, а Го Чан, Гуань Юй и Сунь Цянь остались пировать в зале для гостей.

Багаж разложили сушить, коней накормили.

В сумерки в комнату вошел какой-то юноша. Старик сказал:

– Это мой недостойный сын, – и добавил, обращаясь к юноше: – Подойди, поклонись полководцу!

– Откуда он пришел? – спросил Гуань Юй.

– С охоты, – ответил старик.

Юноша окинул Гуань Юйя взглядом и покинул зал.

– Вот наказание для семьи! – пожаловался старик. – В роду нашем из поколения в поколение были либо ученые, либо земледельцы. И вот только мой единственный сын забросил труд и занялся охотой!

– В нынешнее смутное время он может стяжать себе славу, если овладеет военным искусством, – сказал Гуань Юй. – Какое же тут, говорите вы, несчастье?

– Да если бы он хотел этим заняться – у него хоть цель в жизни была бы! – воскликнул старик. – Ведь он бродяжничает и делает то, чего не следует! Вот о чем я скорблю!

Гуань Юй посочувствовал ему, и на том они расстались.

Была уже глубокая ночь. Гуань Юй и Сунь Цянь собирались ложиться спать, как вдруг услышали крики и ржание коней на заднем дворе. Гуань Юй окликнул слуг. Никто не отозвался. С мечами в руках они вышли разузнать, в чем дело, и увидели, что их слуги дерутся с какими-то людьми, а сын Го Чана лежит на земле и кричит.

– Этот мальчишка хотел похитить Красного Зайца, но конь его так лягнул, что сбил с ног, – сказали Гуань Юйю слуги. – Мы выбежали на шум, а люди из усадьбы набросились на нас!

– Негодяй! Как ты смел тронуть моего коня? – вскипел Гуань Юй.

Тут прибежал Го Чан и запричитал:

– Ах, дрянной мальчишка! За такое скверное дело ты заслуживаешь десять тысяч смертей! Но будьте милосердны, господин мой, моя старуха любит мальчишку больше всего на свете! Простите его!

– Мальчишка и впрямь дрянной! – сказал Гуань Юй. – По вашим словам я вижу, что он недостоин своего родителя. Но ради вас я прощаю его.

Гуань Юй поручил людям хорошенько смотреть за лошадьми, а сам с Сунь Цянем вернулся в зал отдыхать.

Наутро Го Чан с женой вошли в зал и, поклонившись, сказали:

– Наш щенок оскорбил достоинство тигра! Мы глубоко тронуты милосердием вашим!

– Приведите-ка мальчишку ко мне, я его вразумлю! – сказал Гуань Юй.

– Он еще во время четвертой стражи убежал со своей шайкой неизвестно куда, – признался Го Чан.

Распроставшись с Го Чаном, Гуань Юй усадил женщин в коляски и покинул усадьбу. Вместе с Сунь Цянем, охраняя женщин, они двинулись дальше по горной дороге. Но не проехали они и тридцати ли, как из-за гор вышло более сотни людей с двумя всадниками во главе. У ехавшего впереди голова была повязана желтой повязкой, и был он одет в военный халат. За ним следовал сын Го Чана.

– Я военачальник Чжан Цзяо, полководца князя неба! – объявил человек в желтой повязке. – Пришелец, слезай с коня и можешь проходить!

Гуань Юй разразился громким хохотом:

– Глупец! Если ты был у Чжан Цзяо, то, должно быть, ты знаешь имена трех братьев: Лю Бя, Гуань Юйя и Чжан Фэя?

– Я слышал, что Гуань Юй краснолицый, с длинной бородой, но видеть его мне не приходилось! – ответил человек в желтой повязке. – А ты кто такой?

Вместо ответа Гуань Юй отложил в сторону меч и освободил свою бороду из мешочка. В ту же минуту всадник спешился, стащил с коня сына Го Чана и заставил преклонить колени перед Гуань Юйем.

– Меня зовут Пэй Юань-шао, – ответил он на вопрос Гуань Юйя. – С тех пор как погиб Чжан Цзяо, у меня не было господина, и я, собрав людей, подобных себе, укрывался в здешних горах. Нынче прибежал этот негодник и сказал, что в их доме остановился на ночлег пришелец, обладающий быстроногим скакуном, и уговорил меня отобрать у вас этого коня. Да разве мог я подумать, что встречу с вами!

Сын Го Чана пал ниц, умоляя о пощаде.

– Я прощаю тебя ради твоего отца! – сказал Гуань Юй, и мальчишка убежал, в страхе обхватив голову руками.

– А откуда ты знаешь мое имя, если не видел меня? – спросил Гуань Юй, обращаясь к Пэй Юань-шао.

– В тридцати ли отсюда есть гора Спящего быка, на которой живет человек по имени Чжоу Цан. Сила его такова, что обеими руками он поднимает тысячу цзиней! У него длинная выющаяся борода и грозная наружность. Прежде он был военачальником у Чжан Бао, а когда Чжан Бао погиб, Чжоу Цан собрал шайку. Много раз в разговоре со мной упоминал он ваше славное имя, но мне, к сожалению, не представлялось случая видеть вас.

– Зеленые леса – не такое место, куда надлежит ступать ноге героя! – сказал Гуань Юй. – Не губите самих себя, бросьте ложный путь и вступите на путь истинный!

Беседуя так, они заметили небольшой отряд, приближающийся к ним под предводительством смуглолицего человека высокого роста.

– Это Чжоу Цан! – сказал Пэй Юань-шао.

– Полководец Гуань Юй! – Чжоу Цан мгновенно соскочил с коня и опустился на колени у края дороги. – Чжоу Цан преклоняется перед вами!

– Храбрец, откуда ты знаешь меня? – спросил Гуань Юй.

– Я видел вас, когда служил у Чжан Бао. Я так жалел, что не мог бросить разбойников и присоединиться к вам! – воскликнул он. – Не отвергайте меня, прошу вас. Возьмите к себе пешим воином, я всегда буду держать вашу плеть и следовать у вашего стремени! Я готов умереть за вас!

– А куда денутся твои люди, если ты уйдешь со мной? – спросил Гуань Юй, видя искренность его.

– Пусть желающие идут со мной, а остальные делают, что им заблагорассудится.

– Мы все хотим служить вам! – послышался хор голосов.

Гуань Юй подошел к коляскам посоветоваться с женщинами.

– Вы покинули Сюйчан и дошли до этих мест, преодолев столько трудностей и не нуждаясь в посторонней помощи, – сказала госпожа Гань. – Вы отвергли предложение Ляо Хуа перейти к вам, зачем же теперь принимать шайку Чжоу Цана? Впрочем, решайте сами, это всего лишь мнение глупых женщин.

– Ваши слова справедливы, – согласился Гуань Юй и, обращаясь к Чжоу Цану, сказал: – На то не моя воля – госпожи не соглашаются. Возвращайтесь в горы и подождите, пока я разыщу брата, тогда я вас призову.

– Я, грубый и неотесанный человек, опустился до того, что стал разбойником. Встретив вас, я словно увидел сияющее солнце в небе! Нет, я вас не покину! Если уж вы не хотите брать всех, то пусть они остаются с Пэй Юань-шао, а я пойду за вами пешком хоть тысячу ли!

Чжоу Цан опустил голову. Гуань Юй снова обратился к невесткам.

– Один-два человека, пожалуй, не помешают, – согласилась госпожа Гань.

И Гуань Юй велел Чжоу Цану отпустить людей с Пэй Юань-шао.

– Я тоже хочу уйти за полководцем, – сказал Пэй Юань-шао.

– Люди разбредутся, если ты уйдешь, – возразил Чжоу Цан. – Возьми их под свою команду, а когда мы обоснуемся в определенном месте, я вас всех заберу.

Путешественники направились дальше в Жунань и через несколько дней издали увидели город на горе.

– Как этот городок называется? – спросил Гуань Юй у местных жителей.

– Гучэн, – ответили ему. – Не так давно военачальник по имени Чжан Фэй пришел сюда с отрядом и, прогнав уездного начальника, овладел городом. Сейчас он покупает коней, запасается провиантом и набирает воинов. У него уже около пяти тысяч человек, и никто вокруг не смеет ему противиться.

– Кто бы мог подумать, что мой брат здесь! Я о нем ничего не слышал с тех пор, как он потерял Сюйчжоу! – радостно воскликнул Гуань Юй.

Сунь Цяню было приказано поспешить в город и известить Чжан Фэя об их прибытии.

На этом мы пока оставим путешественников и обратимся к Чжан Фэю. Вырвавшись из Сюйчжоу, он более месяца прожил в Манданских горах. Затем, отправившись на поиски Лю Бэя, он проходил через Гучэн и обратился к начальнику уезда с просьбой одолжить ему провиант. Тот отказал. Чжан Фэй разгневался, прогнал начальника уезда, отобрал у него печать и овладел городом. Он решил устроить здесь для себя убежище.

Когда к нему явился Сунь Цянь и рассказал, что Лю Бэй, покинув Юань Шао, отправился в Жунань и что ныне Гуань Юй везет к нему из Сюйчана обеих жен и просит брата выйти встречать его, Чжан Фэй, не проронив ни слова, облачился в доспехи, схватил копье и во главе тысячного отряда выехал из города. Сунь Цянь был изумлен, но расспрашивать не решился.

Завидев приближающегося Чжан Фэя, Гуань Юй, не будучи в силах скрыть своей радости, передал свой меч Чжоу Цану и сам двинулся навстречу брату. Но он заметил, что у того глаза засверкали гневом и тигровые усы ошетинились. Гуань Юй в испуге отпрянул.

– Брат мой, что это значит? Неужели ты забыл клятву, данную в персиковом саду? – воскликнул он.

– Ты замарал свою честь! С каким лицом ты явился ко мне? – негодуяще закричал Чжан Фэй.

– Опомнись, брат мой, что ты говоришь?

– Ты изменил старшему брату и покорился Цао Цао, – в гнев продолжал тот. – Ты получал от него титулы и подарки, а теперь явился обманывать нас! Я буду биться с тобой насмерть!

– Ничего ты не знаешь, а мне объяснить трудно, – возразил Гуань Юй. – Расспроси-ка жен старшего брата, они здесь.

Услышав перебранку, женщины раздвинули занавески колясок:

– Почему третий брат так странно ведет себя?

– Госпожи мои, смотрите, как я убью этого изменника! – крикнул Чжан Фэй. – А затем милости прошу в город!

– Вы заблуждаетесь, брат! – молвила госпожа Гань. – Ваш второй брат временно нашел приют у Цао Цао, потому что он не знал, где вы находитесь. Как только ему стало известно, что старший брат в Жунане, он повез нас к нему, преодолев все препятствия!

– Гуань Юй ушел в Сюйчан только потому, что у него не было другого выхода! – добавила госпожа Ми.

– Сестры мои, не позволяйте ему ослеплять вас! – воскликнул Чжан Фэй. – Верный слуга предпочтет смерть позору! Разве достойный муж станет служить двум хозяевам?

– Не обижай меня! – перебил брата Гуань Юй.

– Гуань Юй спешил повидаться с вами! – вставил свое слово Сунь Цянь.

– И ты еще болтаешь вздор! – вскипел Чжан Фэй. – Откуда у него могут быть хорошие намерения? Он пришел навредить мне!

– Тогда я привел бы войска! – убеждал его Гуань Юй.

– А это что, не войска? – воскликнул Чжан Фэй, указывая рукой вдаль.

Гуань Юй обернулся. Действительно, там поднималось облако пыли. Шел отряд пеших и конных воинов, ветер колыхал знамена. Это была армия Цао Цао.

– Ты и теперь посмеешь обманывать меня! – закричал Чжан Фэй и снова вскинул свое длинное копье.

– Стой! – крикнул ему Гуань Юй. – Смотри, я убью их военачальника, чтобы доказать мою искренность!

– Ладно! Я поверю тебе, если ты его убьешь, пока я трижды ударю в дорожный барабан!¹²²

– Пусть будет так! – согласился Гуань Юй.

Отряд войск Цао Цао приблизился. Его вел Цай Ян, который на всем скаку кричал:

– Ты убил моего племянника Цинь Ци и бежал сюда! Чэн-сян велел мне схватить тебя!

Гуань Юй не стал с ним разговаривать, поднял меч и устремился вперед. Чжан Фэй ударил в барабан. И не успел еще отзвучать первый удар, как голова Цай Яна слетела с плеч. Его воины бросились в разные стороны. Гуань Юй захватил в плен молодого знаменосца. На допросе тот показал:

– Когда Цай Ян узнал, что вы убили его племянника, он пришел в неопределимую ярость и хотел идти в Хэбэй воевать с вами. Чэн-сян разрешения на то не дал и послал его в Жунань против Лю Би. Он вовсе не думал встретить вас здесь!

Гуань Юй заставил воина повторить свой рассказ Чжан Фэю. Лишь подробно расспросив пленного о поведении Гуань Юя в Сюйчане, он поверил брату.

Вдруг из города примчался воин с вестью, что к южным воротам скачут два неизвестных всадника. В душу Чжан Фэя вновь закралось подозрение. Всадники были вооружены легкими луками и короткими стрелами. Подлетев к Чжан Фэю, они кубарем скатились с седел, и все узнали в них братьев Ми Чжу и Ми Фана. Чжан Фэй тоже спешил, чтобы приветствовать их.

– После падения Сюйчжоу мы с превеликим трудом бежали в родную деревню, – начал рассказ Ми Чжу. – До нас дошли вести, что Гуань Юй сдался Цао Цао, а наш господин находится в Хэбэе. Слышали мы, что и Цзянь Юн ушел в Хэбэй, и только ничего не знали о вас. Вчера по дороге некий торговец сказал нам, что какой-то полководец Чжан владеет Гучэном. Он описал нам вашу внешность, и мы сразу решили, что это вы. Оказалось, что это действительно так.

---

¹²² *Дорожный барабан* – барабан на колесах. Колеса были соединены особым механизмом с колотушкой, которая ударяла в барабан после каждого пройденного ли.

– Гуань Юй с Сунь Цянем только что привезли невесток. Им известно, где обрел приют старший брат, – сказал им Чжан Фэй.

Братья Ми поклонились женщинам, а те рассказали о дорожных злоключениях. Чжан Фэй горько заплакал и поклонился Гуань Юйю. Потом он им рассказал о своих приключениях, и все вместе въехали в город, где на радостях задали пир.

На другой день Чжан Фэй решил вместе с Гуань Юйем ехать в Жунань к Лю Бэю. Гуань Юй возражал:

– Дорогой брат, тебе следует остаться в городе, охранять невесток; а мы с Сунь Цянем поедem к старшему брату.

Так и сделали. Гуань Юй и Сунь Цянь прибыли в Жунань и осведомились у Лю Би и Гун Ду, где находится Лю Бэй.

– Он пробыл тут несколько дней и уехал в Хэбэй посоветоваться с Юань Шао. Очень уж мало у нас войск, – сказал Лю Би.

Гуань Юй сразу приуныл.

– Не печальтесь! – утешал его Сунь Цянь. – Мы найдем Лю Бэя и вместе с ним приедем в Гучэн.

Гуань Юй вернулся к Чжан Фэю. Тот опять собрался вместе с братом ехать в Хэбэй.

– Нет, дорогой брат, охраняйте город – это ведь наше убежище, – сказал Гуань Юй. – Покидать Гучэн неразумно. Уж мы с Сунь Цянем сами разыщем старшего брата и все вместе приедем сюда.

– Но как тебе ехать в Хэбэй? Ты же убил Янь Ляна и Вэнь Чоу!

– Это делу не помешает. На месте виднее, как действовать!

Гуань Юй вызвал Чжоу Цана и спросил:

– Сколько воинов у Пэй Юань-шао на горе Спящего быка?

– Человек четырехста-пятьсот, – ответил тот.

– Я кратчайшим путем поеду искать старшего брата, а ты отправляйся к Пэй Юань-шао, собери там людей и по большой дороге иди нам на помощь.

Чжоу Цан отправился выполнять приказание, а Гуань Юй с Сунь Цянем, захватив с собой десятка два всадников, двинулись в Хэбэй.

На границе владений Юань Шао Сунь Цянь сказал Гуань Юйю:

– Было бы благоразумней вам здесь отдохнуть. Я один разыщу дядюшку императора и поговорю с ним.

Сунь Цянь уехал. Гуань Юй остановился на ночлег в какой-то деревенской усадьбе. Его встретил древний старик, опиравшийся на посох, и с надлежащими церемониями приветствовал гостя.

– Меня зовут Гуань Дин, – представился он. – Давно я слышал ваше славное имя и рад видеть вас у себя!

Вышли два сына старца и поклонились Гуань Юйю. Воинов его тоже разместили в усадьбе.

Сунь Цянь разыскал Лю Бэя и рассказал ему, зачем он приехал.

– Надо посоветоваться с Цзянь Юном, он ведь тоже здесь, – сказал Лю Бэй.

Вскоре пришел Цзянь Юн, и после приветственных поклонов они втроем стали обсуждать план бегства.

– Скажите завтра Юань Шао, что вам нужно поехать в Цзинчжоу поговорить с Лю Бяо о совместном нападении на Цао Цао, – предложил Цзянь Юн.

– Прекрасно! – согласился Лю Бэй. – Но как выберетесь отсюда вы сами?

– Об этом я уже подумал.

На другой день Лю Бэй предстал перед Юань Шао и сказал ему:

– Лю Бяо владеет девятью областями Цзинчжоу и Сяньяна, войско у него отборное, провианта много. Хорошо бы уговорить его вместе с нами напасть на Цао Цао.

– Он об этом и слышать не хочет, я уже посылал к нему гонца, – ответил Юань Шао.

– Я с Лю Бяо сумею договориться! – заверил Лю Бэй. – Мы с ним из одного рода!

– Да! – согласился Юань Шао. – Помощь Лю Бяо куда ценней, чем помощь Лю Би!

Разрешение на поездку было дано. На прощанье Юань Шао обратился к Лю Бэю с такими словами:

– Я слышал, что Гуань Юй покинул Цао Цао и направляется в Хэбэй! Вот кого мне следовало бы казнить, чтобы отомстить за Янь Ляна и Вэнь Чоу!

– Но почему? – удивленно спросил Лю Бэй. – Прежде вы выражали желание пользоваться услугами Гуань Юйя, и я призвал его. К тому же Янь Лян и Вэнь Чоу по сравнению с ним – олени. Гуань Юй – настоящий тигр! Так ли уж плохо променять двух оленей на тигра?

– Пусть он приезжает скорей, я просто пошутил! Ведь я люблю его! – Юань Шао улыбнулся.

– Разрешите послать за ним Сунь Цзяня?

– Пусть едет.

Лю Бэй удалился, и вошел Цзянь Юн.

– Лю Бэй не вернется! – предупредил он. – Мне следовало бы поехать вместе с ним; тогда бы я мог, во-первых, переговорить с Лю Бяо и, во-вторых, следить за Лю Бэем.

– Хорошо, поезжайте, – согласился Юань Шао, и Цзянь Юн отправился в путь.

– Лю Бэй уже ездил на переговоры с Лю Бяо, но вернулся ни с чем, – недовольно заметил Го Ту. – А вы опять его посылаете, да еще с Цзянь Юном! Оба они не вернутся, можете быть уверены!

– Не будьте столь подозрительны! У Цзянь Юна есть свой ум, – оборвал советника Юань Шао.

Го Ту заохал и вышел.

Тем временем Лю Бэй послал Сунь Цзяня предупредить Гуань Юйя и следом за ним выехал сам вместе с Цзянь Юном. В условленном месте они встретились и отправились в усадьбу Гуань Дина. Гуань Юй вышел встречать их за ворота. Он держал брата за руки и рыдал. У входа в дом гостей приветствовали старик-хозяин и оба его сына.

– Это мой однофамилец, – пояснил Лю Бэю Гуань Юй. – Старшего его сына зовут Гуань Нин, он учится по гражданской части, а младший, Гуань Пин, – по военной.

– Сколько лет младшему? – поинтересовался Лю Бэй.

– Восемнадцать, – ответил Гуань Дин. – Не согласится ли господин Гуань Юй взять его с собой?

– Что ж, у моего брата нет сыновей, пусть юноша будет его сыном, если вы пожелаете, – предложил Лю Бэй.

Гуань Дин обрадовался, велел Гуань Пину поклониться Гуань Юйю как своему отцу, а Лю Бэя называть дядей.

Опасаясь преследования, Лю Бэй заторопился в дорогу. Гуань Юй и Гуань Пин последовали за ним к горе Спящего быка. Гуань Дин проводил их недалеко.

В пути им повстречался Чжоу Цан, весь избитый и израненный, и с ним еще несколько человек. Гуань Юй представил его Лю Бэю, и последний спросил, кто его ранил.

– Я еще не успел добраться до горы Спящего быка, как меня опередил какой-то воин, – начал свое повествование Чжоу Цан. – Он убил Пэй Юань-шао, заставил его людей покориться и завладел горным лагерем. Я приехал и стал созывать людей обратно, но вернулось лишь несколько человек, остальные побоялись. Я вступил в бой с тем воином, но одолеть его не смог; он ранил меня копьем три раза.

– А что это за воин? Как его звать? – спросил Лю Бэй.

– Силу его я изведаль, а имени не знаю, – ответил Чжоу Цан.

Путешественники переменились местами: Гуань Юй поехал вперед, Лю Бэй следовал за ним. У горы Спящего быка Чжоу Цан стал громко браниться, вызывая на поединок неизвестного воина, и тот вскоре появился в полном боевом облачении. С копьем в руке он мчался на коне с горы во главе толпы людей.

– Да это ведь Чжао Юнь! – воскликнул Лю Бэй, указывая на воина плетью.

Это был действительно он. Чжао Юнь соскочил с коня и распростерся ниц у края дороги. Лю Бэй и Гуань Юй сошли с коня, чтобы приветствовать его, и спросили, как он сюда попал.

– Расставаясь с вами, не думал я, что Гунсунь Цзань не будет прислушиваться к мудрым советам! – воскликнул Чжао Юнь. – Этим он довел свое войско до поражения и сам погиб в пламени. Меня неоднократно приглашал Юань Шао, но он тоже не умеет прислушиваться к добрым советам, и потому я стремился к вам в Сюйчжоу. Но Сюйчжоу пал, Гуань Юй покорился Цао Цао, вы ушли к Юань Шао. Гнев Юань Шао страшил меня, и я к нему не пошел. Я скитался по миру, не зная, где найти себе приют, и случайно в этих местах столкнулся с Пэй Юань-шао, который спустился с горы и хотел отнять у меня коня. Я его убил и собирался отправиться к Чжан Фэю в Гучэн. Недавно я узнал, что он там. Вот уж не ожидал, что встречу вас здесь!

– Рад видеть вас! – воскликнул Лю Бэй. – Еще после первой встречи я не хотел вас отпускать.

– А я еще никогда не видел человека, подобного вам! – ответил Чжао Юнь. – Теперь пусть меня хоть изотрут в порошок – я не расстанусь с вами!

На следующий день они сожгли горный лагерь и, захватив с собой всех людей, двинулись в Гучэн. Чжан Фэй, Ми Чжу и Ми Фан вышли их встречать. Разговорам не было конца. Жены Лю Бэя поведали ему о подвигах Гуань Юйя. Лю Бэй растроганно вздыхал.

Братья зарезали быка и лошадь и принесли жертвы земле и небу. Все воины были награждены. В помощниках теперь не было недостатка, Лю Бэй приблизил к себе Чжао Юня, а Гуань Юй – Гуань Пина и Чжоу Цана. Радости не было предела; пировали несколько дней.

Потомки об этом событии сложили стихи:

Братья были в разлуке, как части разрезанной тыквы,
Письма не доходили, терялись устные вести.
Ныне ж, как тигр с драконом, как ветер с облаками,
Слуги опять с господином шумно пируют вместе.

Лю Бэй решил покинуть Гучэн и занять оборону в Жунане – слишком уж мало у них было войск, всего четыре тысячи пеших и конных воинов.

Мы еще поведем речь о том, как они жили в Жунане, как набирали войско и какие у них были планы, а пока поговорим о Юань Шао.

Лю Бэй не вернулся к нему. Юань Шао несколько раз порывался поднять войско и идти на беглеца войной, но его отговаривал Го Ту.

– Лю Бэя бояться нечего, – убеждал он. – Самый сильный наш враг – Цао Цао, и его надо уничтожить! Лю Бэю не так уж силен, хотя и владеет Цзинчжоу. А вот цзяндунский Сунь Цэ держит в руках земли шести округов, расположенные по трем рекам. У него большое войско и советников много. Вот с кем полезно заключить союз!

Юань Шао послушался его и послал Чэнь Чжэня с письмом к Сунь Цэ.

Вот уж поистине правильно сказано:

Едва ушел из Хэбэя один могучий герой,

На место его из Цзяндуна уже появился другой.

О том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей главы.

Глава двадцать девятая, из которой читатель узнает о том, как «Маленький богатырь» казнил Юй Цзи, и о том, как «Голубоглазый отрок» покори́л Цзяндун

С тех пор как Сунь Цэ завладел Цзяндуном, его могущество неизмеримо возросло. В четвертом году периода Цзянь-ань¹²³ он захватил Люцзян, разбив войска Лю Сяня. Покорился ему и Хуа Синь, тай-шоу округа Юйчжан. Слава о Сунь Цэ загремела повсюду. Он послал донесение о своих победах в Сюнчан. Зная о его могуществе, Цао Цао со вздохом говорил:

– Это – лев! С ним трудно бороться...

Он строил планы выдать замуж дочь Цао Жэня за младшего брата Сунь Цэ, по имени Сунь Цюань, связав семьи брачными узами. Оставив гонца Сунь Цэ Чжан Хуна в Сюйчане, Цао Цао раздумывал, что предпринять.

Сунь Цэ требовал звания да-сы-ма; Цао Цао не соглашался. Сунь Цэ негодовал и думал о нападении на Сюйчан.

В это время Сюй Гун, тай-шоу округа У, отправил Цао Цао письмо:

*Сунь Цэ храбр, как Сян Юй. Почему бы не оказать ему почести и не
вызвать в столицу, где он представлял бы меньшую опасность, чем в своих
владениях?*

К несчастью, стража схватила гонца на переправе через Янцзы и доставила к Сунь Цэ. Тот страшно разгневался и велел казнить гонца. Сюй Гуна он вызвал к себе якобы для обсуждения дел. Тот явился, ни о чем не подозревая.

– Значит, ты хотел спровадить меня в страну смерти? – напустился на него Сунь Цэ, размахивая письмом. – Эй, стража, задушите его!

Сюй Гуна умертвили. Семья его разбежалась, спасая свою жизнь. Однако нашлись три преданных друга, готовые за него отомстить. Они ждали лишь удобного случая.

И вот однажды Сунь Цэ с отрядом войск отправился на охоту в горы западнее Даньту. Увлечшись преследованием оленя, он ускакал далеко и тут заметил трех человек, вооруженных копьями и луками.

– Кто вы такие? – спросил он, придерживая коня.

– Воины Хань Дана; охотимся здесь на оленей, – ответили вооруженные люди.

Сунь Цэ тронул коня. Неожиданно один из них ударил его копьем в левую ногу. Сунь Цэ выхватил меч и бросился вперед, но клинок упал на землю, в руках у него осталась одна рукоятка. Другой воин выстрелил из лука и попал Сунь Цэ в скулу. Он выдернул стрелу и в свою очередь выстрелил в противника из лука. Тот упал. Двое других с копьями бросились на Сунь Цэ.

– Мы – слуги Сюй Гуна, мстим за нашего господина.

И Сунь Цэ остался без оружия. Он обратился в бегство, отбиваясь своим луком. Противники наседали. Сунь Цэ уже несколько раз был ранен копьями. К счастью, в самый опасный момент появился Чэн Пу.

– Бейте их! – еще издали закричал ему Сунь Цэ.

Чэн Пу быстро расправился с нападавшими.

---

¹²³ 199 г. н. э.

Лицо Сунь Цэ было залито кровью. Разрезав халат, ему перевязали раны и увезли лечить в Ухуэй.

Потомки сложили стихи, восхваляющие друзей Сюй Гуна:

Тот муж, что в долине Янцзы затмил всех умом и силой,
Однажды, охотясь в горах, попался во вражий капкан.
Три друга Сюй Гуна пришли, готовые к смерти и славе,
И отдали жизни свои за правду, как верный Юй Жан¹²⁴.

Сунь Цэ велел пригласить лекаря Хуа То, но его не оказалось на месте – он отправился в Чжунъюань, а здесь остался один из его учеников.

– Наконечник стрелы был отравлен, яд уже проник в кости, – сказал он, осмотрев больного. – Надо в течение ста дней соблюдать полный покой, пока не минует опасность. Но если вы будете гневаться и волноваться, язвы не залечить!

Сунь Цэ – человек вспыльчивый – был очень недоволен, что не может выздороветь в тот же день. Все же он сохранял покой более двадцати дней. В это время из Сюйчана вернулся его гонец Чжан Хун. Сун Цэ стал его расспрашивать.

– Цао Цао вас очень боится, – рассказывал гонец, – его приближенные советники относятся к вам с уважением, и только один Го Цзя не хочет примириться...

– Что же он говорит?

Гонец не решался повторить оскорбления. Сунь Цэ настаивал, и Чжан Хуну пришлось выложить все без утайки.

– Да как он смеет так говорить обо мне! Клянусь, я возьму Сюйчан!

И, не дожидаясь выздоровления, Сунь Цэ начал готовиться к походу.

– Лекарь приказал вам сто дней лежать, – уговаривал его Чжан Чжао. – Можно ли из-за минутной вспышки гнева рисковать своим бесценным здоровьем?

Сунь Цэ и слушать его не хотел. Тут еще прибыл посол от Юань Шао, по имени Чэнь Чжэнь, который предлагал союз с Восточным У против Цао Цао.

Сунь Цэ возликовал. В тот же день на городской башне он устроил пир в честь Чэнь Чжэня.

Во время пира Сунь Цэ вдруг заметил, что его военачальники, пошептавшись о чем-то, один за другим спускаются с башни.

– В чем там дело? – спросил он приближенных.

– Они пошли поклониться праведнику Юй Цзи – он проходит сейчас мимо башни, – ответили ему.

Сунь Цэ перегнулся через перила башни и увидел даоса¹²⁵ в одежде из пуха аиста. Он стоял на дороге, опершись на посох, а народ, воскуривая благовония, кланялся ему, падая ниц на дорогу.

– Что там за волшебник такой? Ведите его ко мне! – в гневе закричал Сунь Цэ.

– Монах Юй Цзи посетил столицу округа У, – объясняли ему. – Он раздает наговорную воду и исцеляет людей от всех болезней – это может подтвердить каждый. В мире его зовут «Бессмертным духом». Не оскорбляйте его!

Сунь Цэ еще больше разъярился и приказал привести даоса на башню, угрожая обезглавить послушников. Приближенные не смели возражать.

– Безумный! – кричал Сунь Цэ на даоса. – Кто дал тебе право будоражить сердца народа?

¹²⁴ Юй Жан – см. комментарий к с. 282.

¹²⁵ Даос – последователь даосизма, учения Лао-цзы и его преемников, имевшего широкое распространение в Древнем Китае.

– Я бедный даос – служитель дворца в Ланье, – отвечал Юй Цзи. – Еще во времена императора Шунь-ди я ушел в горы собирать целебные травы и там, у Цюйянского источника, нашел священную книгу, называющуюся «Путь к великому спокойствию и вечной молодости». В книге более ста свитков, и все они учат искусству врачевания людских недугов. Бедный даос изучил ее, и теперь его единственное занятие – от имени неба распространять это учение и спасать род человеческий. Никогда я не брал у людей даже ничтожной мелочи, как же могу я подстрекать их на дурные дела?

– Так ты говоришь, что ничего не берешь? – воскликнул Сунь Цэ. – А откуда у тебя одежда и пища? Ты, наверно, приспешник Чжан Цзяо. Если тебя не убить, будет беда!

– Не убивайте его! – предостерег Чжан Чжао. – Даос Юй Цзи десятки лет живет в Цзяндуне и ни одного злодеяния не совершил.

Никакие уговоры не действовали. Даже Чэнь Чжэню не удалось ничего добиться.

– Убить такого волшебника – все равно что убить свинью или собаку! – твердил Сунь Цэ. Гнев его не стихал. Он приказал бросить даоса в темницу. Гости разошлись. Сунь Цэ вернулся во дворец.

Там уже все было известно. Мать Сунь Цэ вызвала его к себе.

– Я слышала, что ты надел оковы на праведника Юй Цзи? – молвила она. – Смотри не причиняй ему вреда! Люди его любят – он многих излечивает от недугов!

– Матушка! – перебил ее Сунь Цэ. – Этого волшебника уничтожить необходимо, иначе он своим искусством может возмутить народ.

По его приказу даоса привели на допрос. Смотритель темницы, почитавший Юй Цзи, держал его без оков, но к Сунь Цэ доставил его в оковах. Сунь Цэ прознал об этом и жестоко наказал смотрителя, а даоса бросил обратно в темницу. Чжан Чжао и еще несколько человек умоляли Сунь Цэ пощадить Бессмертного, но он их упрекнул:

– Неужто вы, ученые люди, не можете понять меня? Помните, цы-ши Чжан Цзинь из Цзяочжоу верил в подобные ложные учения, бил в барабаны, воскуривал благовония, надевал себе на голову красную повязку, уверяя, что этим можно помочь армии, выступающей в поход. И что же? Он погиб в бою с врагом. Нет, в таких учениях пользы никакой нет, вы просто не хотите этого сознавать. Я твердо намерен предать Юй Цзи смерти, дабы воспрепятствовать распространению ложного и вредного учения.

– Мне известно, что даос Юй Цзи может вызвать ветер и дождь, – заметил Юй Фань. – А у нас сейчас засуха. Велите ему вызвать дождь, чтобы он этим искупил свою вину.

– Что ж, посмотрим, что это за волшебник, – сказал Сунь Цэ.

Он распорядился снять с Юй Цзи оковы и приказал ему подняться на помост и вызвать дождь. Юй Цзи совершил омовение, сменил одежду, обвязался веревкой и лег на солнцепеке. Толпы людей загрохотали улицы.

– Я буду молиться о трех чи благотворного дождя, чтобы спасти народ, – сказал он, – но смерти я не избегну.

– Если молитвы ваши вознаградятся, наш господин отнесется к вам с почтением, – уверяли его люди.

– Нет, участь моя уже решена!

К помосту подошел Сунь Цэ.

– Помни! – сказал он даосу. – Если к полудню дождя не будет, я тебя сожгу!

По его приказанию люди начали собирать хворост. Около полудня поднялся сильнейший ветер, небо нахмурилось. Стали собираться черные тучи.

– Вот так волшебник! – издевался Сунь Цэ. – Время подходит, а дождя все нет!

Он велел положить Юй Цзи на кучу хвороста и поджечь ее с четырех сторон. Ветер раздувал пламя, столб черного дыма поднялся к небу. И вдруг загредел гром, засверкали мол-

нии, дождь хлынул как из ведра. В одно мгновение улицы превратились в реки, горные потоки вздулись. Поистине три чи живительного дождя!

Юй Цзи, возлежа на куче хвороста, восклицал:

– О тучи, прекратите дождь! Солнце, засияй снова!

Люди помогли ему подняться, освободили от пут и благодарили его, почтительно кланяясь. Стоявший в воде Сунь Цэ в ярости заревел:

– Сияние солнца и дождь – законы неба! Волшебник этим воспользовался! Чему вы удивляетесь?

Угрожая мечом, Сунь Цэ велел без промедления обезглавить даоса. Приближенные вновь было попытались отговаривать его, но Сунь Цэ раздраженно спросил:

– Вы что, захотели стать сообщниками этого мятежника?

Больше никто не осмеливался поднять голос. Сунь Цэ кликнул палача. Стража схватила Юй Цзи – один взмах меча, и отрубленная голова скатилась на землю. Клубы густого дыма вырвались из нее и унеслись к северо-востоку. Сунь Цэ велел убрать тело даоса и в указе объявить, в чем его преступления.

Всю ночь бушевал ветер, лил дождь, а наутро ни головы, ни тела Юй Цзи не нашли. Стража, охранявшая его, доложила об этом Сунь Цэ. В припадке гнева он хотел расправиться со стражей, но вдруг заметил человека, медленно входившего в зал. Это был Юй Цзи.

Сунь Цэ попытался вытащить меч и зарубить его, но ему стало дурно, и он упал на пол. Приближенные унесли его в опочивальню. Через некоторое время сознание вернулось к нему. Госпожа У пришла навестить сына.

– Сын мой, – сказала она, – ты поступил несправедливо! Убийством праведника ты накликнул на себя беду!

– Матушка, – отвечал он, – я с малых лет следовал за отцом во всех походах и рубил врагов, как коноплю! Была от этого какая-нибудь беда? Нет! Что же может случиться теперь, когда я убил волшебника?

– Это все происходит от твоего неверия! – сокрушалась мать. – Надо совершить какое-либо доброе дело, чтобы отвести беду.

– Зачем мне молиться об отвращении зла? Судьбой моей распоряжается небо, но никак не этот колдун!

Ночью, когда Сунь Цэ лежал во внутреннем покое, пронесся порыв холодного ветра. Светильники погасли, затем вспыхнули снова. При их слабом свете Сунь Цэ увидел Юй Цзи, стоявшего возле ложа.

– Я поклялся убивать колдунов, дабы очистить Поднебесную от зла! – вскричал Сунь Цэ. – Если ты темный демон, как смеешь ты приближаться ко мне?

Сунь Цэ метнул в призрак свой меч. Тот исчез.

Беспокойство госпожи У усилилось, когда она узнала о происшедшем; сын, хоть и был тяжело болен, все же старался успокоить материнское сердце. Но она отвечала ему:

– По словам мудреца: «Когда духи и демоны проявляют свои добродетели – добродетели эти наивысшие», а «молиться высшим и низшим духам – значит служить им». Словам мудреца не верить нельзя! – твердила госпожа У. – Ты убил Юй Цзи несправедливо. Разве за это тебе не грозит расплата? Я уже распорядилась устроить жертвоприношение в кумирне Прозрачной яшмы. Пойди помолись, может быть, воцарится спокойствие!

Сунь Цэ ослушаться не посмел и, собравшись с силами, в паланкине отправился в кумирню. Даосы встретили его и проводили внутрь. По их просьбе Сунь Цэ воскурил благовония, но возносить моления не стал. К его удивлению, дым, поднимавшийся из курильницы, превратился в цветистый зонт, а на верхушке его сидел Юй Цзи. Сунь Цэ выругался и бегом бросился из кумирни, но опять увидел волшебника: он стоял у ворот и гневными глазами глядел на него.

– Видите вы этого демона? – обратился он к приближенным.

– Нет! – отвечали ему хором.

Сунь Цэ выхватил висевший у пояса меч и бросил его в Юй Цзи. Тот упал. Тогда все на него посмотрели – это оказался воин, накануне отрубивший голову даоса. Удар пришелся ему по голове, и он вскоре умер.

Сунь Цэ велел его похоронить и направился к выходу. Здесь перед его взором опять предстал Юй Цзи.

– Эта кумирня – прибежище волшебников! Разрушить ее!

Воины принялись снимать черепицу, и Сунь Цэ снова увидел Юй Цзи – он стоял на крыше и тоже сбрасывал черепицу.

Сунь Цэ велел разогнать даосов и сжечь кумирню, но в языках пламени ему снова почудился Юй Цзи. В страшном гневе Сунь Цэ вернулся во дворец, Юй Цзи стоял у ворот.

Сунь Цэ, не заходя во дворец, с тремя отрядами воинов выехал из города и разбил лагерь. Там он собрал своих военачальников и держал с ними совет, как оказать помощь Юань Шао в войне против Цао Цао.

– Не начинайте сейчас, подождите, пока выздоровеете, – советовали военачальники. – Ваше драгоценное здоровье требует покоя. Войско не поздно будет двинуть и потом!

Сунь Цэ ночевал в лагере. Ночью ему все время чудился Юй Цзи с распущенными волосами. Сунь Цэ кричал и метался в шатре.

Наутро мать вызвала его к себе.

– Сын мой, как ты похудел! – со слезами воскликнула она, заметив изнуренный вид сына.

Сунь Цэ взглянул в зеркало, но вместо себя увидел Юй Цзи. Испустив пронзительный вопль, Сунь Цэ разбил зеркало. Сознание его помутилось, раны раскрылись, и он упал. Госпожа У велела отнести его в спальню.

– Не жить мне больше! – с горестным вздохом произнес Сунь Цэ, когда спустя некоторое время сознание вернулось к нему.

Он вызвал Чжан Чжао, своего брата Сунь Цюаня и других приближенных к своему ложу и сюазал им так:

– В Поднебесной царит смута. Укрепившись в Саныцзяне, с помощью населения земель У и Юэ можно многого добиться. Вы, Чжан Чжао, да и все другие должны хорошенько помогать моему брату! – Он вручил Сунь Цюаню печать с поясом и продолжал: – Ты как раз подходишь для того, чтобы, возглавив народ Цзяндуна, встать между двумя враждующими армиями и завладеть Поднебесной. В этом ты равен мне! А что касается возвышения мудрых и ученых людей на пользу и процветание Цзяндуна, тут я тебе уступаю! Помни, какими трудами досталось твоему отцу и брату все то, чем мы владеем сейчас, и не забывай об этом никогда!

Сунь Цюань со слезами на глазах поклонился и принял печать. Сунь Цэ обратился к госпоже У:

– Матушка, годы, предначертанные мне небом, истекли, и больше мне не придется служить вам. Ныне я передаю печать своему брату и надеюсь, что вы неустанно будете наставлять его, дабы он был достойным преемником своего отца и старшего брата!

– Боюсь, что брат твой по молодости лет не справится со столь великим делом. Как тогда быть? – всхлипывала мать.

– Он в десять раз более способен и талантлив, чем я! Этого вполне достаточно, чтобы исполнить великий долг. Но все же пусть он в случае затруднений в делах внутренних обращается к Чжан Чжао, а в делах внешних советуется с Чжоу Юйем. Жаль, что нет его здесь и нельзя дать ему указания!

Затем он снова обратился к братьям:

– После моей смерти всеми силами помогайте Сунь Цюаню! Беспощадно уничтожайте всех, кто станет вносить разлад в наш род, и пусть их прах не покоится на кладбище наших предков.

Братья со слезами на глазах приняли его волю. После этого он призвал свою жену, госпожу Цяо, и обратился к ней с такими словами:

– К несчастью, мы расстаемся с тобой на середине жизненного пути! Почитай свою свекровь, заботься о ней! Скоро к тебе придет сестра, попроси ее сказать Чжоу Юйю, чтобы он от всей души помогал Сунь Цюаню и не сворачивал с пути, по которому я всегда учил его идти.

Сунь Цэ умолк. Глаза его закрылись, и он умер. Было ему только двадцать шесть лет.

Потомки воспели его в стихах:

Он в страхе держал один все юго-восточные земли,
И «Маленьким богатырем» его называл народ.
Он все рассчитал, как тигр, готовый прыгнуть на жертву,
Он планы обдумал свои, как ястреб, готовый в полет.
В Трехречье, подвластном ему, царили мир и согласие.
Великая слава его доньше гремит под луной.
Он перед кончиной своей огромное дело оставил,
Чжоу Юйю доверив его, достойному править страной.

Сунь Цюань с рыданием упал возле ложа своего усопшего брата.

– Не время плакать для воина! – сказал ему Чжан Чжао. – Вам надо распорядиться похоронами и вступить в управление делами армии и княжества.

Сунь Цюань тотчас же сдержал слезы. По распоряжению Чжан Чжао похоронами занялся Сунь Цзин, а Сунь Цюань вышел в зал к военным и гражданским чиновникам.

Сунь Цюаня природа наделила квадратным подбородком и большим ртом, голубыми глазами и темно-рыжей бородой. Еще ханьский посол Лю Юань, посетивший княжество У, отзывался о братьях Сунь так:

– Мне удалось внимательно разглядеть братьев Сунь. Все они талантливы и умны, но никому из них не повезет в жизни – смерть постигнет их в раннем возрасте. Лишь один Сунь Цюань отличается от всех. Необычный склад его тела – признак великого благородства. Ему предначертано долголетие.

И вот когда Сунь Цюань принял последнюю волю брата и вступил во владение Цзяндунном, из Бацю с войсками прибыл Чжоу Юй.

– Ну, теперь я спокоен! – с облегчением воскликнул Сунь Цюань, увидев Чжоу Юйя.

Оказалось, что Чжоу Юй, узнав о ранении Сунь Цэ, решил его навестить. Но пока он добирался до округа У, Сунь Цэ умер.

Чжоу Юй плакал, склонившись над гробом друга, когда вошла госпожа У и передала ему завещание сына; Чжоу Юй пал ниц и воскликнул:

– До самой своей смерти я буду служить верно, как собака и конь!

Явился Сунь Цюань. После приветственных церемоний он произнес:

– Верю, что вы не забудете волю моего покойного брата.

– Я готов на все, чтобы отблагодарить за милости, – сказал Чжоу Юй и опустил голову.

– Тогда дайте совет, как мне лучше всего сохранить дело отца и брата?

– Так уж ведется исстари: процветает тот, кто привлекает людей, и гибнет тот, кто их теряет! Найдите себе мудрых и проницательных советников, и Цзяндун будет неуязвим!

– Покойный брат завещал мне во внутренних делах полагаться на Чжан Чжао, а во внешних – на вас.

– Да, Чжан Чжао вполне достоин этого, а вот я со своими скудными способностями, пожалуй, не справлюсь со столь тяжелой ответственностью!.. Я хотел бы посоветовать вам одного человека...

– Кого же?

– Лу Су из Линьхуая, – ответил Чжоу Юй. – Человек этот полон военных хитростей и искусных планов! Он богат и великодушен, щедро помогает нуждающимся. Его любимые занятия: биться на мечах, ездить верхом и стрелять из лука. Друг его Лю Цзы-ян советует ему ехать в Чаоху к Чэн Бао. Лу Су пока колеблется. Сейчас самое время его пригласить.

Получив согласие Сунь Цюаня, Чжоу Юй отправился к Лу Су и изложил ему цели, к которым стремится Сунь Цюань.

– Видите ли, – сказал Лу Су, – я обещал Лю Цзы-яну поехать с ним в Чаоху...

Чжоу Юй перебил его:

– В старину Ма Юань как-то сказал императору Гуан-у: «В наше время не только государь выбирает себе сановников, но и сановники выбирают себе государя». Сунь Цюань привлекает к себе мудрых и внимателен к воинам. Ему оказывают услуги удивительные и необычайные люди. Это случается крайне редко! Поезжайте со мной в Восточный У – вы не ошибетесь!

Лу Су дал согласие поехать к Сунь Цюаню. Тот принял его с почтением и целый день без устали обсуждал с ним дела.

Однажды, когда разошлись чиновники, Лу Су остался отобедать у Сунь Цюаня. Вечерело. Они улеглись рядом и заснули.

Проснувшись в полночь, Сунь Цюань сказал Лу Су:

– Мне хотелось бы кое о чем посоветоваться с вами... Ханьский дом сейчас клонится к упадку, в стране беспорядки и смута, и я, приняв в наследство великое дело отца и старшего брата, хочу поступить так же, как в свое время поступали Хуань-гун и Вэнь-ван. Что вы скажете на это?

– В старину ханьский Гао-цзу хотел служить императору И-ди¹²⁶, но злодеяние Сян Юйя помешало этому, – заметил Лу Су. – Как же вы можете стать таким, как Хуань-гун и Вэнь-ван, если Цао Цао в нынешнее время можно сравнить с Сян Юйем? Я считаю, что Ханьский императорский дом не спасти, а Цао Цао сразу не уничтожить. По-моему, самое правильное для вас – удерживать Цзяндун и смотреть, как раскалывается Поднебесная... Воспользуйтесь беспорядками на севере и сначала уничтожьте Хуан Цзу, а потом идите войной на Лю Бяо. Вы завладеете великой рекой Янцзы и тогда можете назвать себя императором или ваном, как вам угодно, и подумать о всей Поднебесной. Точно так поступил Гао-цзу.

Сунь Цюань был доволен советом. Он щедро одарил Лу Су и отправил подарки его матери.

Лу Су расхваливал Сунь Цюаню Чжугэ Цзиня из Наньяна, человека широкой учености и многих талантов. Сунь Цюань пригласил его и обращался с ним как с почетным гостем. Чжугэ Цзинь уговаривал его не вступать ни в какие отношения с Юань Шао и временно покориться Цао Цао, отложив замыслы против него до более удобного случая.

Следуя его совету, Сунь Цюань отправил Чэнь Чжэня обратно и в письме сообщил Юань Шао, что не желает иметь с ним дела.

Между тем Цао Цао, узнав о смерти Сунь Цэ, решил послать войска на Цзяннань, но ший-ши Чжан Хун отговорил его:

– В высшей мере несправедливо нападать на людей, воспользовавшись их трауром. Вы можете потерпеть поражение, и Сунь Цюань превратится в вашего заклятого врага. Гораздо лучше обращаться с ним миролюбиво.

¹²⁶ И-ди – чуский князь Хуай-ван. Сян Юй провозгласил его императором под именем И-ди, но вскоре же убил его.

Цао Цао согласился с его доводами и представил императору доклад о назначении Сунь Цюаня на должность тай-шоу округа Хуэйцзи. Чжан Хун также получил должность; ему вручили печать для Сунь Цюаня, и он уехал в Цзяндун.

Сунь Цюань обрадовался своему назначению и возвращению Чжан Хуна, которого он просил обсуждать дела вместе с Чжан Чжао.

Чжан Хун посоветовал Сунь Цюаню приблизить к себе Гу Юна, бывшего ученика Цай Юна. Скупой на слова, строгий и сдержанный в обращении, Гу Юн совершенно не пил вина. Сунь Цюань назначил его своим помощником и поручил ему все свои дела.

Слава о Сунь Цюане распространилась по всему Цзяндуну. Народ полюбил его.

Тем временем Чэнь Чжэнь, возвратившись к Хэбэй, сообщил Юань Шао о смерти Сунь Цэ и о союзе Сунь Цюаня с Цао Цао. В великом гневе Юань Шао поднял войска округов Цзи-чжоу, Цинчжоу, Ючжоу и Бинчжоу, численностью около семисот тысяч человек, и двинулся на Сюйчан.

Поистине:

Едва лишь в Цзяннане затих грохот военной грозы,
Как тысячи копий уже поднялись на севере Цзи.

О том, кто победил и кто потерпел поражение, вы узнаете из следующей главы.

Глава тридцатая, в которой рассказывается о том, как Юань Шао потерпел поражение у Гуаньду, и о том, как Цао Цао сжег житницы в Учао

Когда войско Юань Шао подступило к переправе Гуаньду, Сяхоу Дунь уведомил Цао Цао о своем тяжелом положении, и тот двинул в поход семидесятитысячную армию, оставив Сюнь Юйя охранять Суйчан.

Тянь Фын, томившийся в темнице, прислал Юань Шао такой совет:

– Обороняйтесь и выжидайте – не начинайте безрассудно такое великое дело, иначе вас может постигнуть неудача.

Но нашелся клеветник, который стал нашептывать Юань Шао:

– Вы двинули войска во имя гуманности и справедливости, а Тянь Фын, только подумайте, делает такие зловещие предсказания!

Юань Шао в гневе хотел казнить Тянь Фына, но сановники отговорили его.

– Пусть будет так! Но я еще поговорю с ним, когда разобью Цао Цао! – угрожающе произнес он и отдал приказ выступить.

Флаги и знамена покрыли поля, клинки и мечи поднялись, как лес. Войско подошло к Янью и стало лагерем.

– Наша армия уступает вражеской в храбрости, но зато у них с провиантом хуже, – сказал Цзюй Шоу. – При таком положении противник может добиться успеха лишь в коротком бою. У нас достаточные запасы провианта, и мы должны обороняться. Если мы продержимся дни и месяцы, враг потерпит поражение без боя.

– Как, ты дерзаешь идти по стопам Тянь Фына? – не владея собой, закричал Юань Шао. – Вот погоди, вернусь с победой, разделаюсь с вами обоими!..

Приближенные схватили Цзюй Шоу и заковали его в цепи.

О подходе войска Юань Шао разведчики донесли Цао Цао. Его армия была охвачена страхом. Цао Цао стал держать совет с военачальниками.

– Армия Юань Шао не опасна для нас, несмотря на свою многочисленность, – сказал Сюнь Ю. – У нас воины отборные, каждый из них стоит десяти! Успех зависит от быстроты действий: будем тянуть – не хватит провианта, и мы попадем в затруднительное положение.

– Я вполне согласен с вашим мнением, – сказал Цао Цао и приказал с барабанным боем идти в наступление.

Обе армии расположились в боевом порядке.

Шэнь Пэй выделил десять тысяч стрелков из лука и, разделив их поровну, укрыл в засаде по сторонам. Три тысячи лучников засели в центре. Хлопушки – сигнал одновременного выступления; три удара в барабан – отзыв назад.

Юань Шао, в золотом шлеме и латах, в парчовом халате, подпоясанном яшмовым поясом, верхом на коне стоял перед строем. Справа и слева рядами расположились его военачальники. Знамена, значки, бунчуки и секиры были расставлены в строгом порядке.

Раздвинулись знамена над строем армии Цао Цао, и сам он выехал вперед, окруженный своими приближенными. Указывая плетью на Юань Шао, он воскликнул:

– Я ходатайствовал, чтобы тебе дали чин великого полководца, а ты вздумал бунтовать?

– Ты присвоил себе титул ханьского чэн-сяна, а на самом деле ты разбойник! – грубо отвечал Юань Шао. – Твои преступления и злодеяния выше, чем само небо! Ты клеветешь на людей и сеешь смуту! Да ты хуже Ван Мана и Дун Чжо!

– Я получил повеление наказать тебя!

– А мне указом, который был зашит в пояс, повелевается покарать тебя, злодея!

По приказу Цао Цао Чжан Ляо выехал на поединок с Чжан Го. До пятидесяти раз сходились воины, но ни один из них не добился победы. Тогда вступили в единоборство Сюй Чу и Гао Лань. Четыре воина, двое на двое, бились в жестокой схватке. Цао Цао приказал Сяхоу Дуню и Цао Хуну начать большой бой.

В этот момент Шэнь Пэй дал сигнал хлопущками. С двух сторон и в центре одновременно открыли стрельбу лучники. Воины Цао Цао дрогнули и отступили. Юань Шао бросил войска в завершающий бой. Армия Цао Цао была разбита и бежала до самого Гуаньду. Юань Шао, преследуя ее, подступил к Гуаньду и раскинул там свои лагеря.

– А теперь надо насыпать земляные холмы, чтобы с высоты следить за тем, что делается в лагере врага, и метать туда стрелы, – посоветовал Шэнь Пэй. – Если Цао Цао отсюда уйдет, мы захватим вход в ущелье, а оттуда легко разгромить Сюйчан.

Лучшие воины из всех лагерей Юань Шао железными заступами рыли землю и насыпали холмы вблизи лагеря Цао Цао. Всякая попытка помешать этому пресекалась лучниками Шэнь Пэя. За десять дней было насыпано более пятидесяти холмов. На них соорудили высокие дозорные башни, где укрылись лучники. Оттуда непрерывно летели стрелы. Воины Цао Цао вынуждены были все время прикрываться щитами; стрелки Юань Шао покатывались со смеху. Встревоженный Цао Цао вновь созвал советников.

– Надо изготовить метательные машины, – предложил Лю Е.

Цао Цао немедленно велел представить ему модели; вскоре было сделано несколько сот камнеметных машин. Их расположили вдоль внутренней стены лагеря, как раз напротив лестниц, по которым поднимались на холмы.

Машины были приведены в действие совершенно неожиданно для врага, когда все лучники находились в башнях. В воздух полетели камни, причиняя огромные разрушения. Людям нигде было укрыться, и они гибли сотнями. В войсках Цао Цао эти машины прозвали «громовыми колесницами». Стрельба с башен совершенно прекратилась.

Тогда Шэнь Пэй предложил новый план: прокопать подземный ход в лагерь врага.

Но и эта хитрость стала известна Цао Цао, и он снова обратился за советом к Лю Е.

– Это значит, что враг боится нападать открыто, – сказал тот.

– А что же предпринять нам?

– Вырыть вокруг лагеря ров.

Ров был выкопан в ту же ночь. Воины Юань Шао, докопавшись до края рва, остались ни с чем, напрасно потратив силы.

Так оборонялся Цао Цао в Гуаньду с начала восьмого месяца до конца девятого. Воины утомились, запасы провианта иссякли. Цао Цао хотел покинуть Гуаньду, но колебался и решил посоветоваться с Сюнь Юйем. Он послал письмо в Сюйчан, и Сюнь Юй ответил ему следующее:

Получил ваше повеление разрешить вопрос, как вам действовать дальше: продолжать войну или отступить. Кажется мне, что раз Юань Шао стянул к Гуаньду всю свою армию, значит он желает свести счеты с вами и решить, кто останется победителем. Вы ослабли, он силен. Если вы его не обуздаете, он воспользуется случаем, чтобы завладеть Поднебесной. Войско у Юань Шао велико, но использовать его он не умеет. Почему вы, обладая проникающей силой и военным талантом, не уверены в успехе?

Конечно, ваша армия немногочисленна, но все же она лучше, чем была у Хань и Чу в сражении при Жунъяне и Чэнгао. Размежевывая землю и обороняясь, вы держите врага за горло, и

даже если у вас не будет возможности двигаться, все равно положение должно вскоре измениться. И тут вы должны предпринять что-то неожиданное. Подумайте об этом.

Цао Цао воспрянул духом и приказал усилить оборону. Армия Юань Шао отступила на тридцать с лишним ли. Цао Цао послал военачальников в разведку. Одному из них, Ли Хуаню, подчиненному Сюй Хуана, удалось захватить шпиона. Его доставили к Сюй Хуану. На допросе пойманный признался, что послан указать дорогу Хань Мыну, который везет для армии провиант.

– Хань Мын безрассудно храбр, и только, – сказал Сюнь Ю, когда ему сообщили об этом, и дал совет Цао Цао: – Пошлите кого-либо из военачальников с несколькими тысячами легковооруженных всадников ударить на него в пути. Если отрезать провиант, воины Юань Шао взбунтуются.

– Кого же послать? – спросил Цао Цао.

– Да хоть того же Сюй Хуана, – предложил Сюнь Ю.

Цао Цао послал Сюй Хуана с Ли Хуанем вперед, а в помощь им – Чжан Ляо и Сюй Чу.

Тысячи повозок, охраняемых Хань Мыном, направлялись к лагерю Юань Шао. Ночью в горах Сюй Хуан и Ли Хуань преградили им путь. Хань Мын вступил в бой с Сюй Хуаном, а тем временем Ли Хуань перебил людей и поджег обоз. Хань Мын бежал.

Зарево от горящих повозок видно было в лагере Юань Шао. Войско охватила тревога. Вскоре явились уцелевшие от разгрома воины. Они принесли Юань Шао печальную весть о гибели обоза.

Юань Шао поспешно отдал приказ Чжан Го и Гао Ланю отрезать главную дорогу. Тут они столкнулись с возвращавшимся Сюй Хуаном. Не успел завязаться бой, как подошли с войском Сюй Чу и Чжан Ляо. Войска Чжан Го и Гао Ланя были частично истреблены, частично рассеяны.

Победители, соединив силы, возвратились в лагерь, и Цао Цао щедро их наградил.

Тем временем остатки разбитого отряда Хань Мына добрались до лагеря. В припадке гнева Юань Шао хотел казнить Хань Мына, но его отговорили.

– В походе для армии самое важное – провиант, – говорил Шэнь Пэй. – Нельзя так беспечно относиться к его охране. Следовало бы усилить охрану складов на озере Учао.

– Хорошо. Вы отправитесь в Еду наблюдать за снабжением, – сказал Юань Шао. – Сделайте так, чтобы мы ни в чем не терпели недостатка.

Юань Шао послал охранять Учао своего полководца Шуньюй Цюна с помощниками Му Юань-цзинем, Хань Цзюй-цзы, Люй Вэй-хуаном и Чжао Жуюем и с ними двадцать тысяч воинов.

Воины боялись Шуньюй Цюна как огня за его жестокость. По прибытии на озеро Учао он только и занимался тем, что по целым дням пьянствовал со своими военачальниками.

Тем временем в армии Цао Цао весь провиант вышел. Цао Цао отправил повеление Сюнь Юю в Сюйчан немедленно прислать запас провианта. Но гонца по дороге схватили разведчики Юань Шао и привели его к советнику Сюй Ю.

Сюй Ю когда-то был другом Цао Цао, но теперь служил у Юань Шао. Отобрав у гонца письмо, Сюй Ю поспешил к Юань Шао и сказал:

– Мы уже долго держим здесь Цао Цао, и в Сюйчане, конечно, не осталось войск. Если предпринять внезапное наступление – город падет. Тогда можно взять в плен и самого Цао Цао! Воспользуйтесь тем, что ему еще не подвезли провианта, и нападайте с двух сторон!

– Цао Цао хитер и коварен, – возразил Юань Шао. – Все здесь написано только для того, чтобы обмануть нас!

– Нет! Если вы не воспользуетесь этой возможностью, то понесете большие потери в дальнейшем!

В это время прискакал гонец из Еду с письмом, в котором Шэнь Пэй сообщал о сборе провианта и между прочим о том, что Сюй Ю в период пребывания в Цзичжоу самовольно отнимал у жителей имущество и позволял своему сыну и племяннику взимать продовольственные и денежные поборы в размерах больше положенных.

– Взятчик! Вор! – закричал Юань Шао на Сюй Ю, прочитав письмо. – Как у тебя хватило наглости давать мне советы! Вы с Цао Цао старые друзья, я вас знаю! Ты, наверно, получил от него взятку и сидишь у меня как лазутчик! Следовало бы тебя казнить, но пока я оставлю твою голову на плечах! Убирайся и не попадайся мне на глаза!

– Правдивые слова режут слух! – со вздохом произнес Сюй Ю, выходя от Юань Шао. – Глупцы недостойны советов! Но ведь сын мой и племянник опозорены Шэнь Пэем! Как мне теперь смотреть в глаза людям в Цзичжоу?

Он выхватил меч и хотел заколоть себя, но приближенные удержали его и стали утешать:

– Раз Юань Шао отвергает искренние советы, Цао Цао рано или поздно поймает его. Ведь вы давно знакомы с Цао Цао. Почему бы вам не покинуть тьму и не перейти к свету?

Эти слова привели Сюй Ю в себя; решение было принято. Он тайком выбрался из лагеря и направился к Цао Цао. Скрывавшиеся в засаде воины схватили его.

– Доложите чэн-сяну, что пришел его старый друг – Сюй Ю из Наньяна, – сказал он.

Цао Цао в то время отдыхал, сняв с себя одежду, но, когда ему доложили о приходе Сюй Ю, он босой поспешил ему навстречу. Введя гостя в шатер, Цао Цао поклонился ему до земли.

– Что вы, что вы! Зачем вы так кланяетесь? – воскликнул изумленный Сюй Ю. – Вы – ханьский чэн-сян, а я – простолюдин!

– Прежде всего вы мой друг! Какие могут быть различия в чинах и титулах у друзей?

– У меня к вам есть просьба: я хочу просить вас принять меня на службу. Для этого, собственно, я и пришел, – начал Сюй Ю. – Когда-то я подчинился Юань Шао: у меня тогда не было возможности выбрать себе господина... Но он оказался глух к моим советам... Мне пришлось от него уйти...

– Ну, теперь мои дела в порядке, раз вы пришли! – перебил его Цао Цао. – Посоветуйте-ка мне лучше, как разбить Юань Шао.

– Я советовал Юань Шао послать легковооруженных всадников на Сюйчан – ударить, так сказать, по голове и хвосту...

– Что вы наделали? – в тревоге вскричал Цао Цао. – Если Юань Шао воспользуется вашим советом, я погиб!

– А сколько у вас провианта? – невозмутимо продолжал Сюй Ю.

– Примерно на год...

– Пожалуй, на год не хватит!...

– Ну хорошо, на полгода...

Сюй Ю, недовольно встряхнув рукавами халата, поднялся и стремительно направился к выходу.

– Я шел к вам с искренними намерениями, а вы ложь выдаете за правду! На это ли я надеялся?

– Не сердитесь на меня, – удержал его Цао Цао. – Я скажу правду: провианта хватит на три месяца.

– В Поднебесной говорят, что Цао Цао – коварный тиран. Оказывается, так оно и есть!

– А разве вам не известно, что воин не должен пренебрегать обманом? – спросил Цао Цао и на ухо Сюй Ю шепнул: – Провианта в армии осталось всего лишь на месяц...

– Не морочьте мне голову – провианта у вас нет!

– А вы откуда знаете? – удивился Цао Цао.

Сюй Ю показал Цао Цао его письмо, адресованное Сюнь Юйю.

– Кто писал это письмо? – спросил он.

– А как оно попало к вам? – невольно вырвалось у Цао Цао.

Сюй Ю рассказал о поимке гонца.

– Все же дайте мне совет, раз уж вы пришли, вспомнив о нашей старой дружбе! – просил Цао Цао, взяв Сюй Ю за руку.

– С малым войском сопротивляться многочисленному врагу длительное время – это гибельный путь. Но у меня есть план, как заставить огромную армию Юань Шао за три дня развалиться без боя. Вы согласны меня выслушать?

– Слушаю вас! Говорите.

– У Юань Шао все запасы провианта собраны на озере Учао, – заговорил Сюй Ю. – Охраняет их Шуньюй Цюн, пьяница и бездельник. Отберите лучших воинов, пусть они выдадут себя за людей Цзян Цзи, одного из военачальников Юань Шао, и скажут, что посланы охранять провиант. А там, выбрав подходящий момент, они сожгут житницы... Можете не сомневаться в том, что не пройдет и двух дней, как войска Юань Шао взбунтуются!

Поблагодарив Сюй Ю, Цао Цао оставил его в своем лагере и на следующий день сам отобрал пять тысяч конных и пеших воинов для предстоящего дела.

– Не может быть, чтобы такое важное место не было хорошо защищено! – усомнился Чжан Ляо. – Боюсь, что Сюй Ю обманывает!

– Приход Сюй Ю к нам – небесная кара для Юань Шао, – возразил Цао Цао. – При недостатке провианта нам долго не продержаться. И отказаться от его плана – значит губить самих себя. Если бы здесь был подвох, то Сюй Ю не остался бы в моем лагере! Я и сам думал захватить Учао. У меня нет сомнений, что мы осуществим этот план.

– Во всяком случае, необходимо принять строгие меры, чтобы Юань Шао не воспользовался нашей беззащитностью, – настаивал Чжан Ляо.

– Об этом я уже подумал, – успокоил его Цао Цао.

Для отряда, отправляющегося к озеру Учао, были изготовлены знамена, такие же, как в войсках Юань Шао. У каждого воина за спиной было по связке сена и хвороста. Морды коней были завязаны, люди держали в зубах палочки. С наступлением сумерек отряд, возглавляемый самим Цао Цао, тронулся в путь.

Цзюй Шоу, которого все еще держали под стражей при войске, обратил внимание, что звезды горят необыкновенно ярко, и с разрешения стражи вышел во двор понаблюдать небесные знамения. Его немало изумило, что звезда Тайбо внезапно передвинулась и вторглась в пределы Тельца и Ковша.

– Приближается беда! Ведите меня скорее к Юань Шао! – приказал он охранявшим его воинам.

Юань Шао, совершенно пьяный, спал, но, услышав, что у Цзюй Шоу важное дело, велел его впустить.

– Я наблюдал небесные знамения и заметил, как Тайбо, двигаясь в промежутке между Ивой и Демоном, вдруг вспыхнула и влетела в пределы Тельца и Ковша. Думаю, что на нас будет неожиданное нападение, – заключил Цзюй Шоу. – Надо быть начеку. Усильте охрану Учао и наблюдайте за дорогами в горах. Не давайте Цао Цао привести в исполнение свой план!

– Преступник! – заорал Юань Шао. – Как ты смеешь беспокоить меня своими глупостями!

Стражу, охранявшую Цзюй Шоу, он велел казнить и назначил новую.

– Погибнет наше войско! – вздохнул Цзюй Шоу, смахивая слезы рукой. – Где будут покоиться мои останки?

Отряд Цао Цао продвигался ночью. У одного из лагерей Юань Шао их заметили и окликнули.

– Цзян Цзи идет к озеру Учао охранять житницы! – ответили они, как велел Цао Цао. Люди Юань Шао увидели свои знамена и ничего не заподозрили.

Так шел отряд, называя себя войском Цзян Цзи, и никто не чинил ему препятствий. К исходу четвертой стражи они подошли к Учао. Цао Цао приказал обложить житницы связками сена и хвороста, поджечь их со всех сторон и под бой барабанов ворваться в укрепление.

Шуньюй Цюнь после изрядной попойки со своими военачальниками, мертвецки пьяный, спал в шатре. Его разбудил гром барабанов. Он еще не успел понять, что происходит, как крючьями был вытаскен из шатра.

Му Юань-цзинь и Чжао Жуй, возвращавшиеся из поездки за провиантом, заметили огонь над житницами и поспешили туда.

– Враг позади! – донесли Цао Цао его воины. – Просим отрядить войско, отбить нападение.

– Только вперед! Всеми силами вперед! – крикнул в ответ Цао Цао. – Когда враг сядет нам на спину, тогда повернем и будем драться!

Воины устремились вперед. В это мгновение яркое пламя взметнулось к небу.

Му Юань-цзинь и Чжао Жуй были совсем близко. Цао Цао повернул войско против них. Му Юань-цзинь и Чжао Жуй пытались держаться, но вскоре пали от рук воинов Цао Цао.

Все житницы сгорели.

Шуньюй Цюня схватили живым и доставили к Цао Цао. Он приказал отрезать ему уши, нос и пальцы на руках, посадить на коня и с позором гнать в лагерь Юань Шао.

Когда Юань Шао доложили, что на севере пылает зарево пожара, он все понял и спешно созвал советников.

– Мы с Гао Ланем пойдем спасать Учао! – предложил Чжан Го.

– Не надо, – возразил Го Ту. – Если Цао Цао действительно решил уничтожить наш провиант, то он сам пошел туда и лагерь его пуст. Нападайте на лагерь, Цао Цао поспешит вернуться, и все будет так, как некогда было у Сунь Биня, который окружил Вэй, чтобы спасти Хань!

– Нет, это не годится! – возразил Чжан Го. – Цао Цао хитер; если он ушел, то предусмотрел все. А напасть на лагерь и не добиться успеха – значит оказаться в плену у Цао Цао, как Шуньюй Цюнь и все прочие.

– Цао Цао помышляет только о захвате провианта, – не сдавался Го Ту. – Зачем ему было оставлять войско в лагере?

Уговоры подействовали, и Юань Шао решил послать Чжан Го и Гао Ланя с пятидесятым отрядом захватить лагерь в Ганьду, а Цзян Цзи с десятью тысячами воинов отправил спасать житницы.

Тем временем Цао Цао, перебив и рассеяв воинов Шуньюй Цюня, отобрал у них одежду, оружие и знамена. Переодев своих людей, он создал видимость, будто разбитый отряд Шуньюй Цюня возвращается в лагерь Юань Шао. На глухой дороге переодетые воины столкнулись с отрядом Цзян Цзи. Тот ничего не заподозрил и поскакал дальше. Неожиданно на него напали Сюй Чу и Чжан Ляо. Цзян Цзи не успел опомниться, как был сбит с коня. Воины его все до единого были перебиты, а к Юань Шао был послан гонец с вестью, что Цзян Цзи якобы разбил врага на озере Учао. Юань Шао отменил посылку подкреплений туда и отправил войска лишь в Гуаньду.

Тем временем Чжан Го и Гао Лань напали на лагерь Цао Цао. На них ударили одновременно – слева Сяхоу Дунь, справа Цао Жэнь и в центре Цао Хун. Армия Юань Шао потерпела поражение. Когда подошло подкрепление, в бой вступил отряд самого Цао Цао. Враг был окружен и перебит. Чжан Го и Гао Лань вырвались на дорогу и бежали.

Остатки разбитого на озере Учао войска вернулись в лагерь. Вид Шуньюй Цюна ужаснул Юань Шао. Он стал расспрашивать воинов, как они потеряли Учао. Узнав, что Шуньюй Цюн в то время был пьян, Юань Шао в гневе предал его смерти. А Го Ту, опасаясь, что Чжан Го и Гао Лань, вернувшись в лагерь, докажут, кто прав и кто виноват, принялся наговаривать на них:

– Чжан Го и Гао Лань, наверно, радуются нашему поражению!

– Что это еще за выдумки? – удивился Юань Шао.

– Они уже давно хотят покориться Цао Цао – вот они и довели войско до поражения!

Юань Шао в ярости велел вызвать их в лагерь, собираясь беспощадно покарать. Однако Го Ту раньше успел послать человека предупредить их, что Юань Шао готовит им казнь.

Вскоре к озеру Учао прибыл гонец от Юань Шао.

– Зачем господин вызывает нас? – спросил его Гао Лань.

– Не знаю.

Гао Лань выхватил меч и зарубил гонца. Чжан Го испугался.

– Юань Шао поверил клевете, что мы покорились Цао Цао, – объяснил ему Гао Лань. – Чего нам ждать смерти? Лучше действительно покориться!

– Я давно об этом думаю, – откликнулся Чжан Го.

И они со своими отрядами отправились в лагерь Цао Цао.

– Чжан Го и Гао Лань пришли покориться вам. Не знаю, искренне это или притворно? – спросил Сяхоу Дунь.

Цао Цао ответил:

– Все равно. Я встречу их милостями. Если даже сейчас они неискренни, я сумею привлечь их к себе.

Он открыл ворота лагеря и пригласил Чжан Го и Гао Ланя войти. Те сложили копья и пали ниц.

– Стоило Юань Шао послушаться ваших советов, и он не понес бы поражения, – сказал им Цао Цао. – Вы же перешли ко мне подобно тому, как Вэй-цзы ушел от Инь и как Хань Синь перешел к Хань! – сказал Цао Цао.

Он пожаловал им чины и титулы, и они остались довольны.

А Юань Шао, оставшись без провианта и оттолкнув от себя Сюй Ю, Чжан Го и Гао Ланя, совершенно упал духом.

Сюй Ю уговорил Цао Цао предпринять стремительное нападение на лагерь врага; Чжан Го и Гао Лань вызвались повести войска.

Ночью они вступили в бой, который длился до самого рассвета. Армия Юань Шао понесла огромные потери.

Затем Сюй Ю предложил Цао Цао новый план:

– Распространите слух, что вы посылаете один отряд захватить Суаньцао и Ецзюнь, а другой – на Лиян, якобы с целью отрезать Юань Шао путь к отступлению. Он испугается и пошлет туда подкрепление. А мы, пока войско Юань Шао будет на марше, разгромим его лагерь. Враг будет разбит, вне всякого сомнения!

Когда Юань Шао со всех сторон стали доносить о готовящемся двойном нападении, он послал Юань Шана с большим войском на помощь в Ецзюнь, а Синь Мина в Лиян.

Как только эти войска ушли, Цао Цао атаковал лагерь Юань Шао, воины которого потеряли всякую охоту сражаться и обратились в повальное бегство. Сам Юань Шао не успел даже облачиться в латы. Он вскочил на коня в простой одежде, с повязкой на голове. Сын его Юань Тань не отставал от него.

За ними погнались Чжан Ляо, Сюй Чу, Сюй Хуан и Юй Цзинь. Юань Шао переправился через реку так поспешно, что забыл о своих книгах, бумагах, повозках, золоте, тканях. С ним бежали только восемьсот всадников. Воинам Цао Цао догнать его не удалось. Они захватили все брошенные вещи и убили более восьми тысяч человек. Кровь лилась ручьями, утонувших в

реке было великое множество. Цао Цао одержал большую победу. Захваченные драгоценности он раздал своим воинам и военачальникам.

Цао Цао извлек из бумаг пачку писем. Это была секретная переписка между Юань Шао и его тайными единомышленниками в Суйчане.

– Запишите все имена и накажите изменников! – советовали Цао Цао приближенные.

– Не нужно, – возразил Цао Цао. – Когда Юань Шао был могуществен, я сам не знал, как от него защититься. Чего же требовать от других!

Бумаги он велел сжечь и больше об этом не упоминать.

Между тем, когда армия Юань Шао обратилась в бегство, Цзюй Шоу, находившийся в темнице, не мог скрыться. Его захватили и привели к Цао Цао. Тот давно его знал.

– Я не покорюсь! – еще издали закричал Цзюй Шоу.

– Юань Шао по глупости своей не пользовался вашими советами, – сказал ему Цао Цао. – Почему вы так упорствуете в своем заблуждении? Если бы я мог привлечь вас на свою сторону раньше, мне не пришлось бы беспокоиться о Поднебесной!

Цао Цао милостиво обошелся с пленником и оставил его в своем лагере. Но Цзюй Шоу похитил коня и хотел бежать к Юань Шао. Тогда Цао Цао в гневе велел его казнить.

До последнего вздоха Цзюй Шоу сохранял присутствие духа.

– Увы! Я сгоряча убил честного человека! – горевал Цао Цао и приказал с почестями похоронить Цзюй Шоу.

«Здесь похоронен благородный и непоколебимый Цзюй Шоу» – так гласила надгробная надпись на могиле.

Потомки воспели Цзюй Шоу в стихах:

В Хэбэе знали все давно Цзюй Шоу
Как человека мудрости отменной.
Легко читал он знамения небес
И тайны вражды постигал мгновенно.
С железным сердцем прожил он свой век,
В опасных битвах воспарял, как птица.
И Цао Цао, честь ему воздав,
Его в отдельной схоронил гробнице.

Вслед за тем Цао Цао отдал приказ о нападении на Цзичжоу.

Поистине:

Один был хитер и врагов сразил небольшою силой,
Другой был силен, но глуп, и глупость его погубила.

На чьей стороне оказалась победа, вы узнаете из следующей главы.

Глава тридцать первая, в которой повествуется о том, как Цао Цао разбил Юань Шао в Цантине, и о том, как Лю Бэй нашел убежище у Лю Бяо в Цзинчжоу

Воспользовавшись поражением Юань Шао, Цао Цао привел в порядок свои войска и бросился в погоню за врагом.

Юань Шао, в одной рубахе и головной повязке, бежал на северный берег реки в Лиян. У него теперь оставалось всего восемьдесят всадников.

Из лагеря навстречу ему выехал да-цзян Цзян И-цзюй, которому Юань Шао поведал обо всем происшедшем. Воины Юань Шао, узнав о том, что их полководец жив, снова стали собираться к нему, как муравьи.

Юань Шао решил возвратиться в Цзинчжоу. В пути ему пришлось остановиться на ночлег в пустынных горах. Поздней ночью до слуха Юань Шао, находившегося в шатре, донесся плач. Юань Шао вышел из шатра. Плакали воины, потерпевшие поражение, рассказывая друг другу о горечи похорон и гибели братьев, о расставании с товарищами и потере родных. Они ударяли себя в грудь и, рыдая, восклицали:

– О, если бы он послушался Тянь Фына, разве мы испытали бы столько горя!

– Да, я не слушался Тянь Фына, – с раскаянием прошептал Юань Шао, – и вот теперь армия моя разбита, военачальники погибли. Как мне смотреть людям в глаза?

На следующий день их встретил Фын Цзи со своим отрядом.

– Что мне делать? – были первые слова, с которыми обратился к нему Юань Шао. – Я не послушался Тянь Фына и потерпел поражение! Мне стыдно встретиться с этим человеком!

– А вы знаете, когда Тянь Фын в темнице узнал о вашем поражении, он от радости захлопал в ладоши и воскликнул: «Разве вышло не так, как я предсказывал?»

– Болван! – вспыхнул Юань Шао. – Он еще смеет насмехаться надо мной! Убить его!

Юань Шао вручил гонцу меч и велел ему мчаться в Цзинчжоу и убить Тянь Фына.

Между тем один из стражей сказал Тянь Фыну, все еще томившемуся в заключении:

– Позвольте мне первому поздравить вас с радостным событием!

– С чем вы можете меня поздравить? – поинтересовался узник.

– Юань Шао разбит! Теперь он будет относиться к вам с должным уважением и слушаться ваших советов!

– Теперь мне конец! – усмехнулся Тянь Фын.

– Все радуются за вас! Почему вам вдруг вздумалось говорить о смерти? – изумился тюремщик.

– Юань Шао внешне великодушен, а в душе мелочен, – произнес Тянь Фын. – Вот если бы я обрадовался его победе, он, может быть, и простил бы меня, но так как он разбит и стыдится своего поражения – мне больше не жить!

Тюремный страж не хотел верить до тех пор, пока прискакавший гонец не сообщил ему, что Юань Шао требует голову Тянь Фына. Тюремщик был потрясен и залился слезами.

– Я был твердо уверен, что умру, – сказал ему Тянь Фын. – Глуп тот муж, который служит господину, совершенно не зная его! Сегодня я умру, и нечего обо мне жалеть!

В тот же день он покончил с жизнью. Потомки сложили об этом такие стихи:

Вчера на рассвете казнили Цзюй Шоу,
Сегодня в темнице скончался Тянь Фын.

Хэбэй без опоры! И кто же не скажет,
Что вотчину губит свою господин?

Так умер Тянь Фын. Все знавшие его сокрушенно вздыхали.

Когда Юань Шао возвратился в Цзичжоу, в голове у него все смешалось, и он забросил дела управления. Его жена, госпожа Лю, уговаривала его назначить наследника.

У Юань Шао было три сына. Старший, Юань Тань, в это время охранял Цинчжоу, а второй, Юань Си, находился в Ючжоу. Третий сын, Юань Шан, родившийся от второй жены Юань Шао, госпожи Лю, был красив и благороден; Юань Шао очень любил его и никуда не отпускал от себя. После поражения под Гуаньду госпожа Лю уговаривала мужа назначить Юань Шана своим преемником.

Юань Шао спрашивал совета у своих приближенных. Шэнь Пэй и Фын Цзи стояли за Юань Шана, а Синь Пин и Го Ту поддерживали Юань Таня. Тогда Юань Шао сказал им так:

– Пока враг угрожает нашим границам, необходимо поскорей решить все внутренние дела, и я пришел к выводу, что надо немедленно назначить преемника. Мой старший сын Юань Тань крут характером и жесток, Юань Си – слабосилен и робок: правителя из него не выйдет. А вот младший, Юань Шан, – и стать у него геройская, и умеет учтиво обращаться с людьми мудрыми и поощрять преданных. Я хочу назначить его своим преемником. Каково ваше мнение?

Первым сказал Го Ту:

– Из ваших сыновей Юань Тань – самый старший. Его сейчас здесь нет, и вы, отвергнув старшего и назначив преемником младшего, тем самым посеете семена смуты. Слава нашей армии упала, вражеские войска нажимают на наши границы... Скажите, можно ли в такое время вызывать междоусобицу в семье? Я полагаю, что вам раньше следовало бы подумать о том, как отразить врага, а вопрос о назначении преемника не потребует длительного обсуждения.

Юань Шао колебался. Тут пришли вести, что на помощь ему из Ючжоу с большим войском идет Юань Си, из Цинчжоу – Юань Тань, а из Бинчжоу во главе пятидесяти тысяч воинов вышел племянник его – Гао Гань.

Юань Шао облегченно вздохнул и начал готовиться к войне против Цао Цао.

Тем временем Цао Цао со своими победоносными войсками расположился вдоль берега реки Хуанхэ. Местные жители встретили его подношениями. Среди них было несколько убежденных седидами старцев. Цао Цао пригласил их в свой шатер и спросил:

– Сколько вам лет, почтенные мужи?

– Всем по сто лет, – ответили те.

– Я очень тревожился, не побеспокоили ли ваши родные места мои воины...

– Нет, нет! – перебили его старцы. – Мы довольны вашими воинами. Еще во времена императора Хуань-ди на небе в стороне княжеств Чу и Сун видна была желтая звезда, и некто Инь Куй, родом из Ляодуна, человек весьма сведущий в небесных знамениях, остановившись как-то у нас на ночлег, объяснил, что появление желтой звезды в этом месте означает, что через пятьдесят лет здесь, между княжествами Лян и Пэй, объявится справедливый человек. Если сосчитать годы, то получится как раз пятьдесят лет. Вы, господин чэн-сян, жалеете народ, который ненавистный Юань Шао облагал тяжкими поборами! Вы подняли войска, чтобы искоренить крамолу во имя человеколюбия и справедливости. В битве при Гуаньду вы разгромили несметные полчища Юань Шао. Все это соответствует словам Инь Куя: «Поднебесная может надеяться на великое спокойствие».

– Что вы, что вы! – улыбнулся Цао Цао. – Разве я могу быть таким, как вы говорите?

Он одарил стариков вином, яствами, шелками и отправил по домам. Воинам был отдан приказ, который гласил: «Тот, кто осмелится убивать кур и собак, обижая этим жителей деревень, будет наказан, как за убийство людей».

Воины в страхе повиновались, и Цао Цао в душе этому радовался.

Когда ему донесли, что Юань Шао собрал из четырех округов войска численностью до трехсот тысяч и стал лагерем возле Цантина, Цао Цао двинулся туда и также расположился лагерем.

Обе армии заняли боевые порядки. Цао Цао выехал из строя во главе своих военачальников. С противной стороны выехал Юань Шао, сопровождаемый тремя сыновьями, племянником, чиновниками и военачальниками.

– Юань Шао! – обратился к нему Цао Цао. – Твои планы жалки, армия истощена! Почему ты не сдаешься? Иль ты ждешь, пока над твоей головой не будет занесен меч? Тогда раскаиваться будет поздно!

– Кто сразится с ним? – обратившись к своим военачальникам, крикнул разгневанный Юань Шао.

Юань Шан, желая похвастаться перед отцом своей отвагой, вылетел на коне из строя и, размахивая обоюдоострым мечом, устремился вперед.

– Кто это такой? – указывая на Юань Шана, спросил Цао Цао.

– Юань Шан – третий сын Юань Шао, – поспешил ответить кто-то.

Ши Хуань, один из подчиненных Сюй Хуану военачальников, выехал навстречу Юань Шану. Всадники схватились. Вдруг после третьей схватки Юань Шан повернул коня и обратился в бегство. Ши Хуань помчался за ним. Юань Шан выстрелил из лука и попал противнику в левый глаз. Тот замертво упал с коня.

Юань Шао, видя победу своего сына, плетью подал знак, и огромная армия ринулась в битву. После первой схватки обе стороны гонгами и барабанами созвали воинов и вернулись в свои лагерь.

Цао Цао держал совет, как разбить Юань Шао. Советник Чэн Юй предложил ему отвести войско на берег Хуанхэ, спрятать там десять отрядов, а затем завлечь Юань Шао к берегу. Воины, которым некуда будет отступать, будут биться насмерть и одолеют врага.

План этот получил название «десяти засад». Цао Цао отдал приказ расположить войска в соответствии с ним.

На следующий день все приготовления были сделаны. В полночь Цао Цао велел Сюй Чу с отрядом подойти к вражескому лагерю, якобы с целью ворваться туда. Но когда все войско Юань Шао поднялось на ноги, Сюй Чу с отрядом отступил. Враг с криком и гиканьем бросился за ними в погоню, и на рассвете они достигли берега реки Хуанхэ.

Цао Цао крикнул своим воинам:

– У вас нет пути для отступления! Сражайтесь насмерть!

И те с яростью обрушились на врага. Сюй Чу скакал на коне впереди всех и разил мечом направо и налево. Войска Юань Шао пришли в великое смятение и начали отступать. Армия Цао Цао преследовала их по пятам. Вдруг раздался гром барабанов: слева выступил Сяхоу Юань, справа – Гао Лань.

В жестокой схватке Юань Шао, три его сына и племянник проложили себе кровавую дорогу и бежали. За ними последовали их воины. Но вскоре на них напали Ио Цзинь слева и Юй Цзинь справа. Трупы убитых воинов Юань Шао устлали поле, кровь лилась ручьями, но Юань Шао опять удалось ускользнуть.

Через несколько ли ему преградили путь Ли Дянь и Сюй Хуан. Юань Шао и его сыновья укрылись в старом лагере. Воинам был отдан приказ готовить пищу. Но не успели они приняться за еду, как Чжан Ляо и Чжан Го напали на лагерь. Юань Шао вскочил на коня и

бросился к Цантину. Люди и кони падали от усталости. Огромная армия Цао Цао настигала их. Юань Шао помышлял только о спасении.

Но не тут-то было! Еще одна преграда встала на его пути: отряды Цао Хуна и Сяхоу Дуня. – Если мы не будем драться насмерть, нас схватят! – закричал Юань Шао.

Они бросились вперед и прорвали кольцо окружения. Юань Си и Гао Гань были ранены, почти все воины погибли или разбрелись в пути. Обняв своих сыновей, Юань Шао горько заплакал и лишился чувств. Люди подхватили его, изо рта у него лилась кровь. Придя в себя, Юань Шао со вздохом произнес:

– Никогда не думал я, что дойду до столь жалкого состояния! Это небо карает меня! Сыновья мои, возвращайтесь по своим округам и поклянитесь мне до конца бороться со злодеем Цао Цао!

Он приказал Синь Пину и Го Ту с быстротою пламени мчаться вместе с Юань Танем в Цинчжоу и приготовиться к обороне, так как боялся, что Цао Цао вторгнется в его владения. Юань Си и Гао Гань уехали – один в Ючжоу, другой в Бинчжоу, собирать войско и готовиться к отражению врага.

Сам Юань Шао вместе с Юань Шаном возвратился в Цзичжоу лечиться, временно поручив сыну вместе с советниками Шэнь Пэем и Фын Цзи управлять военными делами.

Цао Цао, одержав победу у Цантина, щедро наградил своих воинов. Разведчики донесли ему о положении дел в Цзичжоу, и советники стали уговаривать Цао Цао немедленно предпринять новое нападение.

– Нет, это невозможно, – возражал им Цао Цао. – В Цзичжоу изобилие провианта, и город защищает такой искусный стратег, как Шэнь Пэй. К тому же хлеба еще стоят на полях, и я боюсь причинить ущерб народу. Во всяком случае, спешить незачем, подождем до осени, пока соберут урожай.

Как раз в это время прибыло письмо от Сюнь Юйя, который сообщал, что в Жунане Лю Бэй привлек на свою сторону толпы разбойников Лю Би и Гун Ду численностью в несколько десятков тысяч и выступил в поход на Сюйчан, как только узнал, что там нет чэн-сяна. «Хорошо было бы, – заканчивалось письмо, – если бы господин чэн-сян вернулся с войском, чтобы защищать город».

Встревоженный Цао Цао поручил Цао Хуну расположиться с войсками на реке, чтобы создать видимость силы, а сам с большой армией двинулся в Жунань навстречу Лю Бэю.

Тем временем Лю Бэй двигался на Сюйчан. Встреча его с армией Цао Цао произошла возле Жаншаня. Лю Бэй разбил лагерь, расположив свои войска треугольником: Гуйнь Юй – на юго-востоке, Чжан Фэй – на юго-западе, а сам он вместе с Чжао Юнем – на юге.

Цао Цао привел свою армию в боевой порядок и вызвал Лю Бэя на переговоры. Лю Бэй выехал на коне и стал у знамени. Указывая на него плетью, Цао Цао кричал:

– Я обращался с тобой как с высоким гостем, а ты изменил долгу и забыл о милостях!

– Сам ты изменник! – бранью отвечал Лю Бэй. – Ты именуешь себя ханьским чэн-сяном, а на самом деле ты разбойник! Я, потомок Ханьского дома, получил повеление Сына неба покарать тебя, злодея!

Лю Бэй громко прочел указ императора. Это был тот самый указ, который хранился в поясе, некогда подаренном Сыном неба своему дяде Дун Чэну. Цао Цао разгневался и приказал Сюй Чу выйти в бой. Из-за спины Лю Бэя навстречу врагу с копьем наперевес выехал Чжао Юнь. Воины обменялись тридцатью ударами, но победа не давалась ни тому ни другому. Вдруг с юго-восточной стороны с криками бросились в бой воины Гуань Юйя, а с юго-запада – Чжан Фэй. Воины Цао Цао, утомленные долгим походом, устоять не могли и обратились в бегство. Лю Бэй, одержав победу, возвратился в свой лагерь.

На другой день Лю Бэй послал Чжао Юня вызвать врага на бой, но воины Цао Цао не показывались. Лю Бэй обеспокоился. Тут пришло известие, что Гун Ду, который вез провиант, окружен войсками Цао Цао. Чжан Фэй отправился ему на выручку. Вслед за тем донесли, что Сяхоу Дунь со своим отрядом пробрался в тыл и двинулся на Жунань.

– Уходить нам некуда! – воскликнул встревоженный Лю Бэй. – Враг у нас впереди и позади!

Он немедленно отправил Гуань Юйя в Жунань. Но вскоре оттуда прибыл гонец с вестью, что Сяхоу Дунь захватил город, Лю Би бежал, а Гуань Юй попал в окружение. Лю Бэй пришел в смятение. В это время ему сообщили, что Чжан Фэй тоже окружен.

После долгих колебаний Лю Бэй решил уходить. Перед рассветом он приказал досыта накормить воинов и выступить в путь. Пешие шли впереди, всадники следовали за ними. В лагере остались только люди, чтобы отмечать время, отбивая стражи.

Когда отряд Лю Бэя проходил через холмы, вокруг неожиданно вспыхнули факелы, и с вершины холма кто-то закричал:

– Не упустите Лю Бэя! Чэн-сян давно поджидает его!

Лю Бэй совсем растерялся и стал искать путь к спасению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.